

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Д. С. БАБКИН

ПРОЦЕСС
А. Н. РАДИШЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Д. С. БАБКИН
ПРОЦЕСС
А. Н.
РАДИШЕВА

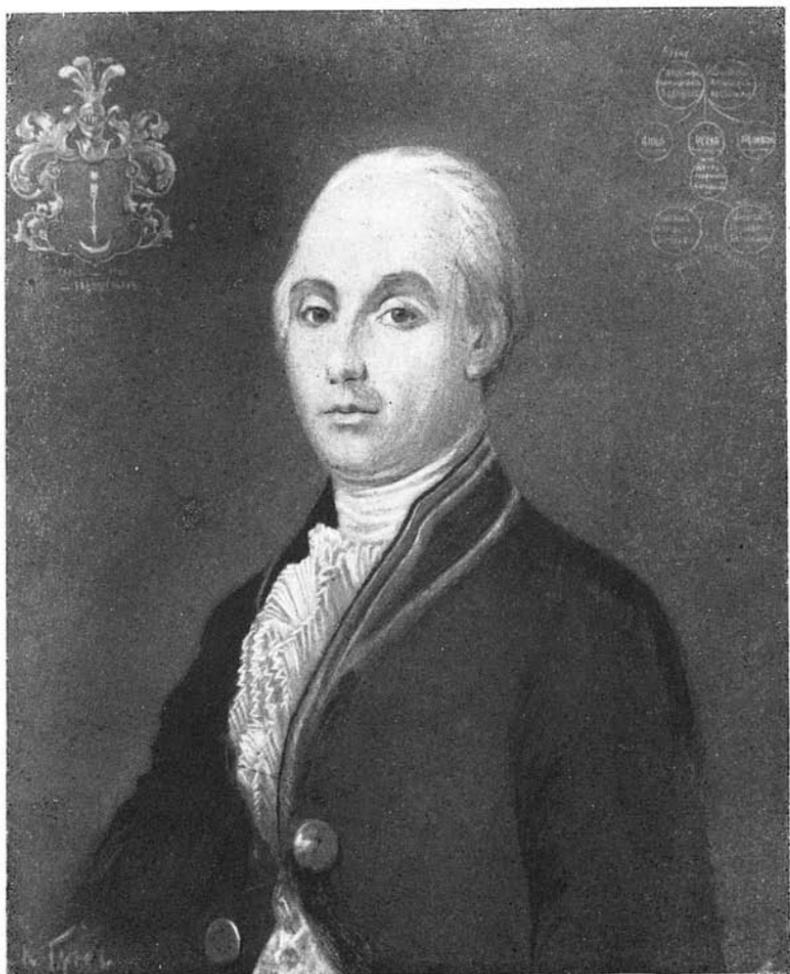
И.И. АНДРЕЙ ПУШКИНСКИЙ ДОМ

Пушкин .. всеи нам всегда учитель. М.Ворький

Библиотеке института
русской литературы (Пушкин-
ский дом) АН СССР
от автора

18.XII.52

А. Н. Радищев. Портрет маслом работы К. Гуна.
Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

Д.С. БАБКИН

П Р О Ц Е С С
А.Н. РАДИЩЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1952

Ответственный редактор

Н. Ф. Бельчиков

ВВЕДЕНИЕ

Великий сын великого русского народа Александр Николаевич Радищев всю свою жизнь, свей благородный ум и большой литературный талант целиком отдал делу борьбы против самодержавия и крепостничества. В жестокий век суровой реакции он смело разделил тяжелую судьбу своего народа и прошел жизненный путь, полный мучительных испытаний. Поистине вдвойне героичен подвиг Радищева как родоначальника освободительной революционной мысли в России и основоположника русской революционной литературы. Он „нам вольность первый прорицал“, он впервые поставил в России вопрос о революционном свержении монархии крепостников-помещиков. Он же первым из русских писателей прошел через все мытарства свирепого царского суда, через смертный приговор, тюрьму и ссылку. Прошел, не склонив головы, до последнего часа оставаясь непримиримым и грозным врагом угнетателей народа. В этой смелой и трудной борьбе Радищев поднялся на такую высоту революционной мысли, равной которой не достигал никто из его современников в России и на Западе.

Высокую оценку выдающихся заслуг Радищева перед нашим народом дали основатели Советского государства В. И. Ленин и И. В. Сталин. В. И. Ленин имя Радищева рассматривал как предмет русской национальной гордости; он ставит Радищева в начале линии тех трех поколений, трех классов, которые действовали в русской революции: дворян и помещиков — декабристов и Герцена, революционеров-разночинцев и пролетарских борцов — нового класса, единственно способного привести народ к победе революции.

В. И. Ленин в 1914 г., в статье „О национальной гордости великороссов“, отмечая мужественную борьбу русского народа против гнета и издевательства, которым подвергали нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты,

писал: „Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свержать попа и помещика“.¹

И. В. Сталин также поставил имя Радищева одним из первых в ряду замечательных представителей революционной России. В письме к Д. Бедному от 12 декабря 1930 г. он писал: „Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала ещё Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуринных и Алексеевых. Всё это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса“.²

„Правда“ в передовой статье от 31 августа 1949 г. в связи с двухсотлетием со дня рождения Радищева писала о нем: „Это один из тех сынов русского народа, имена которых всегда будут с величайшей признательностью и уважением произносить наши современники и потомки. Мы чтим память Радищева потому, что в нем выразилось величие духа нашего народа, выдвигавшего из своей среды борцов за правду, за свободу даже в самые мрачные времена полицейско-помещичьего деспотизма, когда бич помещика являлся олицетворением законности, когда миллионам крепостных крестьян было отказано в элементарных человеческих правах“.

Радищев является многосторонним писателем. Подобно Ломоносову, он был энциклопедистом, работавшим с большим знанием во многих областях культуры. Он писал прозой и стихами, создал ряд высокохудожественных произведений, юридических, экономических и философских трудов, делал переводы, участвовал в журнальной жизни. Многосторонность его занятий вытекала не из каких-либо случайных внешних требований или нажима, а из глубокой внутренней потребности. Только такой разносторонний и выдающийся ум мог глубоко понять российскую действительность и указать вы-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, изд. 4-е, стр. 85.

² И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 25

ход из ее противоречий. Все, о чем писал или размышлял Радищев, было направлено к одной цели — свержению ненавистного царского самодержавия и освобождению народа от крепостного рабства.

В его произведениях отразилась бурная жизнь России конца XVIII в. В них изображены представители различных тогдашних классов и сословий: угнетенные и угнетатели, крестьяне и помещики, интеллигенты, купцы, чиновники и придворные, наместники губерний и самодержавный царь. В каждом из них он подметил ярко и остро наиболее типическое, характерное. Его произведения привлекают правдивостью изображений и глубокой искренностью. Жизнь в них показана со всеми ее внутренними противоречиями, острыми конфликтами. Особенно ярко он вскрыл и показал основное зло тогдашней жизни — крепостное право, тормозившее прогрессивное историческое развитие России.

Это было время, когда резко усилилось закабаление крестьян, сопровождавшееся самым диким произволом дворян-крепостников. В стране процветала торговля людьми. Промотавшиеся помещики платили долги и давали взятки людям, проигрывали крестьян в карты. Не было конца надругательствам над личностью крестьянина. В дворянских усадьбах, наряду с сельскохозяйственным инвентарем, содержались разнообразные орудия пыток: розги, кнуты, колодки и пр. Этот произвол крепостников вскрыл и гневно осудил Радищев в своем творчестве.

Радищев создал ряд замечательных образов людей из народа. В теплых, лирических тонах он рисует образ ямщика, поющего задумчивую песню; образ порывистого, отважного бурлака, идущего в кабак, повесив голову; крестьянина на пашне, с удивительной легкостью поворачивающего тяжелую соху; крестьянского парня, мужественно защищающего от помещичьих сынков честь своей невесты, и др. Широко известен любовно созданный им образ крестьянской девушки Аняты. Им создан впервые в русской литературе образ крепостного интеллигента. Галерея этих образов завершается титанической фигурой гениального русского ученого Ломоносова, которому Радищев посвятил отдельную главу в „Путешествии“.

В целом, Радищев раскрыл в этих образах лучшие черты национального характера великого русского народа, его глубокий ум, мужество, трудолюбие, духовную красоту. Он показал проявление национального характера во всех делах и поступках русских людей, даже в манере их петь песни.

„Извозчик мой затянул песню,—пишет он в „Путешествии“, — по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таких песен суть тону мягкого.—На сем музыкальном расположении народного уха умеи учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа“.

Радищев отмечает, что этот незлобивый характер русского человека способен изменяться при известных обстоятельствах, из мирного становится воинственным, из мягкого суровым, беспощадно карающим всякую несправедливость.

Людей труда, отличающихся высокими моральными и физическими качествами, Радищев противопоставил паразитирующему дворянско-помещицкому классу. Он нарисовал в своих произведениях целую галерею типичнейших представителей правящего класса, людей жестоких и надменных, пустых и невежественных, охваченных безумной страстью к наживе, проводящих свои дни в обжорстве, волокитстве и пьянстве.

Радищев показал, что Россией управляли тогда подлые корыстолюбцы, которые обворовывали казну и нисколько не заботились о благе своей страны; он показал, что дворяне, владевшие миллионами крепостных крестьян, были неизмеримо ниже и духовно беднее своих рабов; он показал, что у дворян, кичащихся своей родовитостью и сановностью, нет никаких оснований, — ни моральных, ни эстетических, ни умственных — для того, чтобы издавать законы и управлять столь обширным государством.

„О! если бы рабы, — восклицает он в „Путешествии“, — тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашею обогрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. — Не мечта сие, но взор пронизает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие“.

Своей книгой „Путешествие из Петербурга в Москву“ Радищев по-новому решил вопрос о революционном отпоре крепостной реакции. Отпор помещикам-крепостникам русский народ давал и раньше, но то были стихийные крестьянские восстания без ясной цели, которые потрясали, но не сокрушали феодально-крепостнический строй. И. В. Сталин, харак-

теризуя основные особенности наиболее выдающихся руководителей крестьянских восстаний, отметил: „Кроме того, говоря о Разине и Пугачёве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг“.¹

Радищев призвал народ к революционному уничтожению самодержавия и крепостничества и выдвинул идею демократической республики. История подтвердила огромное значение этого революционного призыва, хотя самому Радищеву она не дала видеть осуществления его смелых идей. Сам он объяснил это недостатком сил в массах. В стихотворении „Оснадцатое столетие“, характеризую достижения и недостатки своего века, он писал:

Ты побудило упряму природу к рождению чад новых;
Даже летучи пары ты заключило в ярем;
Молнию небесну сманило во узы железны на землю
И на воздушных крылах смертных на небо взнесло.
Мужественно сокрушило железны ты двери призраков,
Идолов свергло к земле, что мир на земле почитал.
Узы прервало, что дух наш тягчили, да к истинам новым
Молнией крылатой парит, глубже и глубже стремясь.
Мощно, велико ты было, столетье! Дух веков прежних
Пал пред твоим олтарем ниц и безмолвен, дивясь,
Но твоих сил не достало к изгнанию всех духов ада,
Брызжущих пламенный яд чрез многотысячный век,
Их не достало на бешенство, ярость, железной ногою
Что подавляют цветы счастья и мудрости в нас.

Но революционная проповедь, с которой Радищев обратился к народу, не пропала даром. В. И. Ленин, в связи с характеристикой Герцена, так определил значение революционной проповеди в народе: „Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории;—учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...“.²

Радищев глубоко верил в торжество народной правды, когда светом своих идей на многие годы освещал пути революционной борьбы против самодержавно-крепостнического строя. С этой верою он предстал и перед екатерининскими палачами.

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 113.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, изд. 4-е, стр. 15.

В 1790 г. правительство Екатерины II судило Радищева за издание книги „Путешествие из Петербурга в Москву“, приговорило его к смертной казни, которая затем была заменена ему ссылкой в Сибирь, в далекий Илимский острог. Суд царизма над Радищевым происходил через шестнадцать лет после казни вождя крестьянского восстания Емельяна Пугачева. Следственное дело о Радищеве вел тот же самый палач, обер-секретарь Тайной экспедиции Шешковский, который допрашивал в Москве осенью 1774 г. Пугачева. И это не было случайным совпадением. В памяти помещиков и правительства еще не потускнела грозная картина крестьянского восстания, возглавляемого Пугачевым. Это стихийное движение угнетенных масс сильно напугало и насторожило русское самодержавие. „Уф тяжело, горько было да позабычливо!“ — призналась Екатерина II после того, когда узнала, что Пугачев был пойман и восстание подавлено.¹

Выход в свет „Путешествия“, в котором Радищев пламенно призывал угнетенный народ к революционному восстанию, еще сильнее разжег страх и ярость царского правительства. Прочитав эту книгу, Екатерина II „с жаром и чувствительностью“, как рассказывает ее секретарь, заявила о Радищеве: „Он бунтовщик, хуже Пугачева“.

Кровавое подавление восстания Пугачева не могло преодолеть противоречий самодержавно-крепостнического строя, а лишь усилило их развитие. В связи с расширением внутреннего рынка и внешней торговли происходило все большее и большее разложение крепостного хозяйства. Растущий спрос на продукцию крепостного хозяйства удовлетворялся не преобразованием производственных отношений, не изменением форм труда и не повышением его производительности, а усилением эксплуатации, разорением крестьян в прежних рамках крепостного хозяйства. Все это резко обостряло классовую борьбу. В таких условиях сформировалась непосредственная среда, в которой рос и действовал первый русский революционер и где он находил своих последователей и единомышленников.

Во второй половине XVIII в. в России появилась целая плеяда молодых энергичных людей, вышедших частично из дворянства, частично из разночинцев, которая вступила в борьбу со всякого рода насилием, политическими и рели-

¹ Письмо московскому главнокомандующему князю М. Н. Волконскому от 2 августа 1774 г. Сб. „Осмнадцатый век“, М., 1869, кн. 1, стр. 141.

гиозными предрассудками. Эти люди вошли в историю под наименованием „просветителей“. Они действовали в различных областях культуры: в науке, журналистике, литературе, педагогике и пр. Всюду они выступали за новые общественно-экономические отношения, за свободное развитие сельского хозяйства и промышленности, которым мешало наличие в стране крепостного подневольного труда.

Благодаря деятельности русских просветителей: Ломоносова, его учеников, Новикова и других, расширился общий кругозор и выросло политическое сознание передовых представителей русского народа. В рассадник тогдашнего просветителя — Московский университет, основанный по плану Ломоносова, — проникали дети разночинцев и крестьян. Некоторые крестьянские дети получали образование наравне с детьми господ. В большинстве случаев у них была более сильная жажда знаний, чем у избалованных дворянчиков, и они быстрее усваивали прочитанное. Иногда сами помещики способствовали их образованию с той целью, чтобы потом сделать их у себя в имениях приказчиками, домоуправителями или конторщиками. Из таких воспитанников вырастал постепенно отряд так называемой крепостной интеллигенции. Получив образование, многие из них сильнее начинали ощущать тяготы своего рабского состояния.

Одного из таких крепостных интеллигентов Радищев изобразил в своем „Путешествии“ (глава „Городня“). Интеллигент этот, будучи не в состоянии переносить гнет и издевательства своих господ, уходит в солдаты. „Трудна солдатская жизнь, — говорит он путешественнику, — но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертью, под батошьем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу, жаждущу при всегдашнем поругании; государь мой, хотя холопей щитаєте вы своим именем, нередко хуже скотов, но к нещастию их горчайшему, они чувствительности не лишены. Вам удивительно, вижу я, слышать таковые слова в устах крестьянина; но, слышав их, для чего не удивляетесь жестокосердию своей собратии, дворян?“¹

Изображенный Радищевым крепостной интеллигент — это не вымышленный тип. Радищев отразил в своей книге реальную, живую действительность своего века. И выбрал он из этой действительности самое типичное и социально значи-

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, 1938, стр. 364.

мое. Крепостная интеллигенция была в то время хотя и не так многочисленна, но она становилась уже заметным новым историческим явлением.

Жизнь этих народных интеллигентов была трагична. Правительство с ними жестоко расправлялось за их протест и свободолюбие. Примером тому может служить подлинная автобиография крепостного юноши Николая Смирнова.

Николай Смирнов, не перенеся рабского состояния, сделал в 1785 г. попытку бежать за границу. Его поймали и судили, сначала в Петербургском нижнем и верхнем надворном судах, а затем в Петербургской Палате уголовного суда. Автобиографию он написал при допросе его в доме генерал-прокурора, и она сохранилась среди документов Тайной экспедиции.

Отец его был крепостным князя А. М. Голицына и находился при управлении вотчинами и имением своих господ. „Воспитан я в доме отца моего,— пишет Николай Смирнов,— и его собственным иждевением обучен разным наукам, как то, в первых, обучен я был российской грамматике и правописанию, потом принятым в доме учителем обучен начальным основаниям французского и италианского языков, кои порядочным учением кончил уже после в Московском университете, куда ходил я приватно по дозволению господина директора, ибо формально записан быть не мог, не имея от господ своих увольнения. В оном верьх вышеописанных двух языков оканчивал российскую грамматику и начал обучаться российскому красноречию, английскому языку, истории, географии, мифологии, иконологии и начальным основаниям физики и химии; а между тем в праздные дни и часы обучался у разных учителей рисовальному искусству, живописи, архитектуре, геодезии и начаткам математики“.¹

Окончить Московский университет Смирнову не удалось. Голицыны определили его в свою вотчинную контору и заставили его заниматься сочинением и переписыванием разных приказов, ведомостей и расчетных книг, к которым он не имел ни малейшего интереса. „Всегдашние сии неудовольствия и беспрестанные в желаниях моих препоны,— рассказывает он,— учинили тогдашнюю мою жизнь совершенно мне постылою, и унижающее имя холопа представляло мне рабство тяжелою цепью, меня угнетающею. Сие принудило меня просить наусильнейше отца моего о исходатайствовании мне от господ опекунов вольности, что он и исполнил, не

¹ Исторический архив, т. V, 1950, стр. 289—290.

взирая на то, что еще и прежде того просьбу свою о том приносил, но удовольствия не получил нимало; равно и на тот раз в том ему было отказано, и я остался без всякой надежды пользоваться когда-либо драгоценнее всего мне казавшеюся свободою. Сия неудача и встречавшиеся мне весьма часто досады и огорчения усугубили омерзение мое к рабству“.¹

Смирнов еще раз пытался просить у господ отпустить его на волю, но ему также было отказано. Наконец, подобно радищевскому крепостному интеллигенту, он просил отдать его в солдаты, но и это прошение, как он выражается, „было презренно“. Это переполнило чашу его терпения. „Я презрел глас благоразумия, — пишет он, — и поклялся во внутренности души моей или погибнуть, или предуспеть вобретении вольности“.²

Палата уголовного суда за попытку бегства за границу приговорила Смирнова сначала к повешению, затем, основываясь на указе 30 сентября 1754 г. об отмене смертной казни, решила дать ему 10 ударов кнутом, вырезать ноздри, заклеить и отправить в кандалах на каторжные работы. После пересмотра дела в Тайной экспедиции Смирнов был осужден на сдачу в солдаты.³

Горячая решимость добыть себе свободу, о которой говорит Николай Смирнов, являлась выражением настроений крепостного крестьянства и особенно наиболее сознательной его части. Смирнов и ему подобные, коим опостылела жизнь в рабстве, еще не были революционерами, но они, приобщившиеся к широкой культуре, представляли собою уже хорошую почву для посева революционных идей. Мы ниже покажем, каким большим успехом в этой среде пользовалось радищевское „Путешествие из Петербурга в Москву“.

Эта среда, однако, не являлась единственной, которая воспринимала идеи Радищева. „Путешествие“ его не могло бы появиться в 1790 г., если бы он уже тогда не видел вокруг себя передовых людей из дворян, одинаково мыслящих с ним о положении своего народа и дальнейших судьбах страны. Несколько таких людей он изобразил в „Путешествии“ (председатель уголовной палаты Крестьянкин, приятель Ч., крестецкий дворянин и др.). Крестьянкин отказался судить крестьян, убивших своего жестокого помещика ассессора. „Рассматривая сие дело, — рассказывает он, — я не

¹ Там же, стр. 291.

² Там же, стр. 292.

³ Там же, стр. 288—289.

находил достаточной и убедительной причины к обвинению преступников. Крестьяне, убившие господина своего, были смертоубийцы. Но смертоубийство сие не было ли принужденно? Не причиною ли оногo сам убитый ассессор? Если в арифметике из двух данных чисел третье следует непрекословно, то и в сем происшествии следствие было необходимо. Невинность убийц, для меня по крайней мере, была математическая ясность. Если идуще мне, нападет на меня злодей и, вознесши над головою моею кинжал, восхочет меня им пронзить, убийцею ли я почтуса, если я предупрежду его в его злодеянии, и бездыханного его к ногам моим повергну“.

Крестьянкин, таким образом, оправдал самые решительные действия крестьян, направленные против их мучителей.

Среди дворянства был ряд замечательных писателей, ставших на сторону угнетенного крестьянства. Особенно значительная прослойка единомышленников Радищева, как покажем мы ниже, имелась среди тогдашних офицеров русской армии.

Военная обстановка в то время была чрезвычайно напряженная. Россия вела одновременно две войны: на юге с Турцией, на севере со Швецией. Эти войны во много раз усиливали бедствия крепостного крестьянства, поставлявшего солдат в армию. В деревнях с крепостного крестьянства помещики драли три шкуры, а на фронтах войны крестьянские сыны гибли в огне сражений. И там и здесь народ проклинал царя и помещиков. В подпольной рукописной литературе распространились следующие солдатские стихи:

Коль царям бывает война полезна,
А военным она толь нелюбезна.
Царство войною цари украшают,
А военны жители жизнь проклинают.
Потому нелюбезна им бывает,
Что вечно мужей от жен разлучает,
Отцы и матеря толь горько плачут,
А цари все веселятся и скачут.¹

Правительство достаточно хорошо было информировано о народном гневе. Граф Яков Сиверс, бывший новгородский губернатор, еще в начале войны со Швецией предупреждал Екатерину II: „Крестьяне, притесняемые своими

¹ Рукописный сборник 1789 г., составленный Василием Буниным. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, 1.114.404

господами и военною администрацией, так и ждут удобной минуты, чтобы начать смуты. Ваше величество сами видели, при беспорядках по случаю сбора подушной подати, как не трудно подговорить наших крестьян к возмущению. Одному злодею вздумалось объявить, что уплатою подушной подати можно получить свободу, и все пришло в смущение. Если бы к несчастию неприятелю пришло в голову в своем манифесте объявить, что он дает крестьянам свободу, то каждый владелец крестьян, не успевший спастись бегством, был бы подвергнут страшным опасностям. Немногие уцелели бы..."¹

Книга Радищева выросла не на книжных иностранных источниках, как пытались утверждать буржуазные историки, а на русской почве, накаленной народным гневом. Она воспитывала руководителей грядущих революционных восстаний и была чрезвычайно опасна для царского самодержавия.

Настоящая работа посвящена истории судебного процесса над Радищевым в связи с изданием его книги „Путешествие из Петербурга в Москву“. В этой работе сделана попытка, с одной стороны, собрать воедино все разрозненные, как ранее опубликованные, так и не изданные еще документы судебного дела о Радищеве, а с другой, — подвергнуть их критической проверке, определить степень достоверности тех данных, которые в них сообщаются. Судебное дело о Радищеве в таком полном составе еще ни разу не подвергалось изучению.

Частичная публикация документов судебного дела о Радищеве началась с 60-х годов XIX в. В 80-е годы прошлого столетия были посвящены истории этого суда специальные статьи В. Е. Якушкина² и М. И. Сухомлинова.³ В статьях были напечатаны ценные материалы, которыми до сих пор пользовались исследователи, но самое освещение ими судебного процесса было сделано неверно, с позиций чуждого революционности буржуазного либерализма.

Они рассматривали „Путешествие“ Радищева в отрыве от российской действительности, его идеи оценивали как простое отражение идей французских просветителей XVIII в. в русской литературе, а не как самостоятельное развитие революционной мысли на основе классовой борьбы в России.

¹ А. Брикнер. Война России с Швецией в 1788—1790 годах. СПб., 1869, стр. 127.

² В. Е. Якушкин. Суд над русским писателем в XVIII веке. Русская старина, т. XXXV, 1882, стр. 457—532.

³ М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889, стр. 541—671.

Эти авторы доходили до того, что сближали мировоззрение Радищева с идеями Екатерины II и ее „Наказа“, чем порочили Радищева, а насквозь лживую и коварную игру Екатерины II в либерализм превозносили в полном противоречии с исторической действительностью.

„За что на Радищева обрушились преследования? — спрашивает В. Е. Якушкин. — Что нового увидела в «Путешествии» Екатерина, написавшая «Наказ», сожженный во Франции, — она, ученица французских философов, последовательница Монтескье, корреспондент Вольтера, покровительница Дидро?“.

По мнению Якушкина, преследование Радищева было обусловлено исключительно резкой переменой в личном характере Екатерины, происшедшей в связи с ее старостью. „Поворот в ее деятельности начался еще до французской революции, — пишет он. — Она старилась и вместе с тем менялись ее взгляды“.¹

Концепция Якушкина и Сухомлинова является явно не научной и просто фальшивой. Отмечая жестокость наказания, вынесенного Радищеву, они в то же время стараются оправдать действия против него Екатерины II. Они рассматривали этот процесс в отрыве от революционно-освободительной борьбы угнетенных масс конца XVIII в. При изучении его они обошли полным молчанием ряд таких важных вопросов, выяснение которых показало бы тесную связь писателя-революционера с чаяниями и надеждами крепостного крестьянства и настроениями передовой дворянской и разночинной интеллигенции, сочувствовавшей борьбе масс за свободу. В частности, ими был обойден молчанием вопрос о единомышленниках и прямых помощниках Радищева в деле издания „Путешествия“, несмотря на то что некоторые материалы об этом в деле имеются. Обойден был также молчанием вопрос о жесточайших условиях содержания Радищева в Петропавловской крепости, которыми он был доведен до крайнего физического изнеможения и без учета которых невозможно рассматривать написанные им в крепости показания.

Наряду с неверной оценкой судебного процесса в буржуазном литературоведении имела место явная тенденция опорочить поведение Радищева на суде, показать его примирившимся со своими врагами. Неправильное освещение су-

¹ В. Е. Якушкин. Суд над русским писателем в XVIII веке. Русская старина, т. XXXV, 1882, стр. 468.

дебного процесса, поведения Радищева на суде и замалчивание ряда фактов, все это вместе взятое было направлено к тому, чтобы принизить великое историческое значение Радищева в освободительной борьбе народа с его поработителями.

В советскую эпоху Радищеву посвящено немало ценных статей и исследований, восстанавливающих подлинный облик выдающегося писателя-революционера, но специальных исследований материалов судебного процесса над Радищевым еще не появлялось в печати.

В документах, собранных во второй части настоящей работы, имеется много весьма ценных биографических сведений о Радищеве, мимо которых не может пройти ни один исследователь его литературной деятельности. Эти документы раскрывают восприятие книги Радищева правительственными и дворянскими кругами того времени. Те полицейские жестокие меры расправы над писателем Радищевым, к которым прибегло правительство помещиков, свидетельствуют не только о его страхе, но и о неспособности ревнителей самодержавно-крепостнического строя бороться открыто идейным оружием с революционными идеями, появившимися в русской литературе.

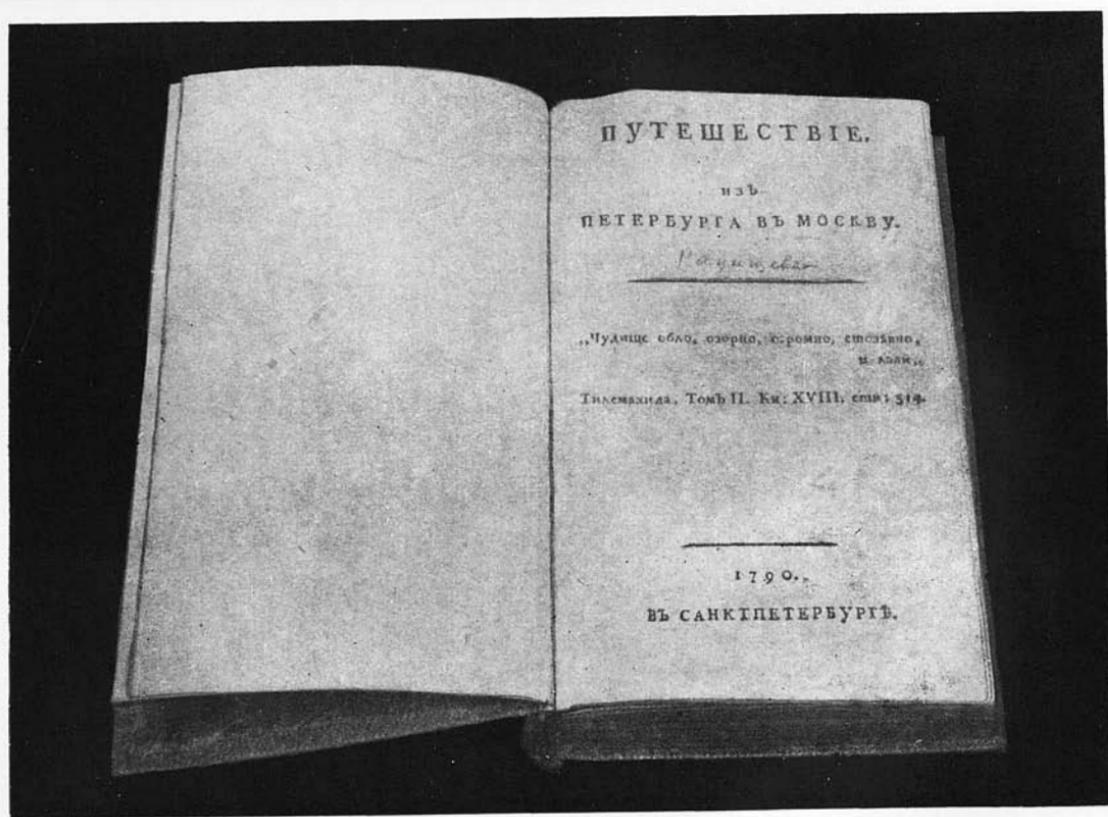
В этих документах содержится признание за книгой Радищева огромной революционной силы. Сквозь десятки листов официальной междуведомственной переписки о Радищеве, замечаний на его книгу Екатерины II, доклада Сената, протоколов дознаний и прочих бумаг перед нами вырисовывается образ замечательного борца, заслужившего столь почетную ненависть поработителей народа и внушившего крепостникам такой страх неминуемой расплаты за их преступления перед народом.

Кроме документов судебного процесса, мы помещаем в настоящей книге ряд произведений первых последователей Радищева в русской литературе конца XVIII в., распространенных тайно в рукописных списках, которые до сих пор не были опубликованы. Мы не считаем, что нам удалось полностью выявить подобного рода произведения. Разыскания в этом направлении, безусловно, будут продолжены. Надо учесть, что царизм жестоко расправлялся с последователями Радищева, бросал их в тюрьмы и ссылки, и потому многое, ими написанное, было или уничтожено в Тайной экспедиции или затерялось. Но и то, что нами выявлено, позволяет опровергнуть существовавшую до сих пор среди некоторых исследователей версию об идейном одиночестве Радищева.

Руководящим для нас является указание В. И. Ленина о том, что в каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической культуры, которые противостоят господствующей культуре эксплуататорских классов.¹ Так было и в России конца XVIII в. Не велик еще был круг революционных писателей в России конца XVIII в., круг прямых единомышленников и последователей Радищева, но тем важнее учесть молодые побегы, которые дала глубокая революционная мысль Радищева, элементы той новой идеологии, которая зарождалась тогда как необоримая сила прогрессивного развития России.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, изд. 4-е, стр. 8.

Первое издание книги „Путешествие из Петербурга в Москву“, напечатанной в собственной типографии А. Н. Радищева. Экземпляр, принадлежавший А. С. Пушкину. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР.

ИСТОЧНИКИ СУДЕБНОГО ДЕЛА

На Радищева обрушились огромные силы бюрократического аппарата самодержавия, созданного Екатериной II для ограждения власти крепостников-помещиков. Целая армия полицейских сыщиков, чиновников различных департаментов и сенаторов, во главе с императрицей, выступила для борьбы с ним. Шесть правительственных учреждений: Управа благочиния и Тайная экспедиция, Петербургское губернское правление и Палата уголовного суда, Правительствующий Сенат и Государственный Совет участвовали в суде над ним.

Дело о Радищеве прошло через все эти учреждения и в каждом из них оставило свои следы. Для того чтобы иметь о нем полное представление, необходимо было бы прежде всего собрать все документы, отложившиеся на всех ступенях его прохождения. Однако до последнего времени эти документы не были выявлены. До сих пор привлекалось к изучению главным образом лишь одно известное „Дело о Радищеве и книгопродавце Зотове“, составленное в Тайной экспедиции, да и оно не было полностью опубликовано. Из дел Управы благочиния, Петербургского губернского правления, Палаты уголовного суда, Сената и Государственного Совета были опубликованы лишь небольшие выписки, и потому эти дела остались совсем не изученными. Наконец ни разу никто не обращался к ценнейшим документам канцелярии коменданта Петропавловской крепости, в которых были указаны условия тюремного содержания Радищева.

В настоящее время нам удалось выявить в архивных фондах полностью дела Петербургской палаты уголовного суда, Сената и Государственного Совета, которые считались утерянными, а также отдельные документы канцелярии коменданта Петропавловской крепости. Тем самым значительно расширился круг источников для изучения судебного процесса Радищева.

1. Следственное дело Тайной экспедиции находится в Москве в Центральном Государственном архиве древних актов (Фонд Государственного Архива, разр. VII, 1790—1797 гг., оп. № 4, д. № 2760). Описание этого дела, сделанное Я. Л. Барсковым, напечатано в книге „Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева“ (т. II, М.—Л., 1935, стр. 517—531). Дело это состоит из двух частей. В первой части, состоящей из 167 листов, содержатся 106 документов. Здесь имеются подлинники показаний Радищева и писарские копии с них, показания книгопродавца Зотова, Осипова, Вальца, Михайлова, объяснения типографа Шнора, записка Екатерины II „По городу слух...“, копия замечаний ее на „Путешествие“, письма гр. Я. А. Брюса и гр. А. А. Безбородко, петербургского губернатора П. П. Ковновницына, письма Радищева к Шешковскому и к своим детям, рукопись повести о Филарете, начатой Радищевым в Петропавловской крепости, печатный экземпляр небольшой книжечки Радищева „Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске“, и др. Листы в деле пронумерованы не в том порядке, в каком они появлялись во время следствия и суда. В середине дела оказалась пачка документов уже позднего происхождения, относящихся к периоду царствования Павла I. Документы эти касаются перевода Радищева из Илимска в село Немцово Калужской губернии и тайного полицейского наблюдения за поведением и перепискою Радищева. Среди них имеются копии перехваченных на почте писем Радищева к своему брату Моисею Николаевичу, сыновьям Василию и Николаю, московскому книгопродавцу Рису, прошение Радищева императору Павлу о разрешении свидания с родителями, копии писем к Радищеву Бравина, Риса, Ушакова, М. Н. Радищева, Кашталинского.

Вторая часть этого дела состоит из рукописи „Путешествия“, которая была отобрана у Радищева в день его ареста. В рукописи 206 листов архивной пагинации (описание рукописи, сделанное Я. Л. Барсковым, см. в книге: *Материалы к изучению „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева*, т. II, 1935, стр. 239—246).

Публикация документов из этого дела началась еще в XIX в. Впервые несколько документов из него были напечатаны О. М. Бодянским в журнале „Чтения в Обществе истории и древностей российских“, 1865, кн. III, отд. V, стр. 67—106. Они были напечатаны в следующем порядке:

1) „Замечания на сочинение его государыни императрицы Екатерины II“.

2) „Вопросные пункты коллежскому советнику и кавалеру Радищеву“.

3) „Ответы на вопросные пункты Радищеву“.

4) „Завещание Радищева“.

5) „В дополнение к моему завещанию“.

6) „Еще вопрос Радищеву, и его ответ“.

7) „Письмо Радищева и его размышления“.

Здесь же было опубликовано письмо Ушакова к Радищеву.

В примечании ко всей публикации было сказано: „Напечатано во всем согласно с подлинным, кроме некоторых знаков препинания. О. Б.“

В действительности публикация Бодянского была далеко неточной. Многие документы были напечатаны по писарским копиям и слитно один с другим. Так, например, под рубрикой „Завещание Радищева“ было помещено в качестве единого документа пять различных показаний Радищева и одно письмо его к детям.

Второй раз перечисленные документы с небольшими добавлениями были напечатаны в 1872 г. в приложении к I тому сочинений Радищева под редакцией П. А. Ефремова. Издание это до широкого круга читателей не дошло, так как весь тираж его по отпечатании был арестован цензурой и уничтожен. Случайно сохранилось от этого издания всего лишь несколько экземпляров.

Часть документов из этого дела, находившихся в личном распоряжении Екатерины II, — копия ее замечаний на „Путешествие“, ответы Радищева на „вопросные пункты“ Шешковского и др. — была напечатана в 1872 г. в „Архиве князя Воронцова“, кн. V.

Дело Тайной экспедиции довольно широко использовали В. Е. Якушкин и М. И. Сухомлинов. Следует отметить, что Якушкин, кроме этого дела, использовал в виде небольших выписок некоторые документы из дела Петербургской палаты уголовного суда.

В начале XX в. значительный свод документов из этого дела был напечатан во II томе „Полного собрания сочинений“ А. Н. Радищева под редакцией А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева. Редакторы этого издания писали: „Мы помещаем все известные в литературе материалы по делу Радищева“. Однако тексты напечатанных ими материалов не все были выверены по подлинникам, на что они сами указывают. „Мы воспроизводим, — пишут они, — примечания Екатерины, ответы Радищева на вопросы Шешковского и его

завещание по подлинному архивному делу, соблюдая орфографию подлинника. Другие же документы этого дела — показания прикосновенных — как менее важные, печатаются нами без соблюдения орфографии по тексту, приведенному П. А. Ефремовым в уничтоженных цензурой Сочинениях А. Н. Радищева. СПб. 1872. Том I. (Уцелело от сочинения несколько, 8—10, экземпляров). Производство Палаты уголовного суда в настоящее время, повидимому, не существует, но его в 1882 году использовал В. Е. Якушкин. Из его статьи извлечены нами все тексты. Протоколы Сената приведены им же, а протоколы Совета напечатаны в официальном издании. — При остальных документах в примечаниях указываются источники, из которых они заимствованы¹.

Справедливую оценку перечисленных изданий документов из дела Тайной экспедиции дал Я. Л. Барсков. „Изучая Путешествие, — пишет он, — необходимо обращаться к документам дела о Радищеве и Зотове, хранящимся в Центральном историческом архиве в Москве (ГАФКЭ, б. Государственный архив, разр. VII, № 2760), а между тем дело это не только не опубликовано полностью, но даже не описано. Правда, многие документы напечатаны, и не один раз, но, во-первых, не все и, во-вторых, по неисправным копиям. Судя по предисловию и замечаниям редакторов позднейшего издания (Акинфиева, СПб., 1907, т. II, стр. 297 и сл.), документы, здесь напечатанные, сличены с рукописными подлинниками; в действительности этого нет“².

Я. Л. Барсков в приложении к своему описанию дела Тайной экспедиции опубликовал в 1935 г. по подлинникам ряд новых документов: справку пристава Бухарева о Зотове, объяснение типографа Шнора, подписку Зотова о сохранении в тайне допроса его по делу Радищева, объяснения Радищева по поводу показаний Зотова и др.

В 1949 г. часть материалов дела напечатал Г. П. Макогоненко в книге „А. Н. Радищев. Избранные сочинения“.

В настоящем издании дело Тайной экспедиции печатается полностью по тексту подлинника. При сличении ранее напечатанных документов этого дела с подлинниками мы нашли серьезные пропуски и ошибки в воспроизведении текста. Так, в показании Радищева от 7 июля, опубликованном в жур-

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, изд. М. И. Акинфиева, стр. 297—298.

² Опись „Дела о Радищеве и Зотове“: Я. Л. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева, т. II, М.—Л., 1935, стр. 517.

нале „Чтения в Обществе истории и древностей российских“ и перепечатанном в „Полном собрании сочинений“ Радищева издания Акинфиева, печаталось вместо „Я погрузил вас в бездну печали, слез и стенаний“ — „Я погрузил вас в бездну печали, обет истинный“; в последнем абзаце этого показания в издании Акинфиева были пропущены следующие слова Радищева, обращенные им к своему семейству: „Ты чувствуешь несомненно терзание мое“. В показании Радищева от 15 июля во фразе „между другими коммерческими, купил я историю о Индиях Реналя“ было пропущено слово „книгами“; там же вместо „возобновил паки чтение общей истории“ напечатано „возобновил паки чтение по всей истории“; вместо „своего уroda“ напечатано „сего уroda“; перепутаны тексты показаний Радищева: показание от 7 июля произвольно разделено на два, показания от 1 и 6 июля напечатаны слитно, показание от 15 июля напечатано слитно с двумя письмами Радищева к Шешковскому. Аналогичные ошибки в издании Акинфиева были допущены в воспроизведении текста показаний Зотова. Так, в конце показания его от 28 июня был пропущен целый абзац, в котором указано, кто покупал у Зотова экземпляры „Путешествия“; в показании его от 29 июня пропущены две строки в начале и подпись Зотова в конце; пропущены также подписи Зотова в показаниях от 6, 13 июля и 21 августа. С большим числом ошибок, не поддающихся перечислению, было напечатано показание откупщика А. Михайлова.

В прежних изданиях документы этого дела группировались без всякой научно обоснованной системы. Так, например, в издании Акинфиева в одном ряду с официальными документами следствия были напечатаны частные материалы: выписка из дневника А. В. Храповицкого, частное письмо А. А. Безбородко к В. С. Попову, выдержка из письма Г. П. Каменева к С. А. Москотильникову и др.

В нашем издании документы систематизированы в соответствии с теми стадиями, которые проходило дело о Радищеве. Документы, предшествовавшие началу дела Тайной экспедиции, выделены в раздел „Материалы предварительного следствия“. Во второй раздел включено дело Тайной экспедиции. Сюда же включены документы канцелярии коменданта Петропавловской крепости, поскольку Радищев, сидя в крепости, всецело находился в ведении Тайной экспедиции, в частности Шешковского. Официальные документы о переводе в 1797 г. Радищева из Илимска в сельцо Немцово Калужской губернии, присоединенные к делу Тайной экспе-

диции, а также отклики современников на судебный процесс Радищева печатаются нами отдельно. Раздел „Отклики современников“ по сравнению с прежними изданиями значительно расширен. В него включены, кроме вышеупомянутых выписок из дневника Храповицкого и письма Безбородки к Попову, переписка А. Р. Воронцова о Радищеве с разными лицами.

В данное издание не включены те произведения, находящиеся при следственном деле, которые вошли в академическое издание „Полного собрания сочинений“ Радищева: начало повести о Филарете и „Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске“.

Не включена также рукопись „Путешествия“, поскольку все разночтения, содержащиеся в ней, были уже напечатаны в разделе „Варианты“ в I томе „Полного собрания сочинений“ Радищева.

2. Дело Петербургской палаты уголовного суда находится ныне в двух местах: в Государственном Историческом архиве Ленинградской области и в Центральном Государственном архиве древних актов.

В Государственном Историческом архиве Ленинградской области имеются следующие документы в подлинниках за подписями членов Палаты.

1) Протокол от 15 июля 1790 г. О порядке допросов Радищева и прочтения в Палате уголовного суда „Путешествия из Петербурга в Москву“. (Фонд 1724, дело № 77, связка № 35, опись 1, 1790 г. Протоколы Петербургской палаты уголовного суда, л. 33).

2) Протокол от 17 июля 1790 г. Постановление о священническом увещании Радищева, допросе дворового человека Радищева Давыда Фролова, об отобрании у разных лиц экземпляров „Путешествия“ и затребовании копии послужного списка Радищева. (Там же, л. 37).

3) Протокол от 23 июля 1790 г. Постановление о вызове на допрос Александра Царевского по поводу найденного у него корректурного экземпляра „Путешествия“. (Там же, л. 52).

4) Экземпляр смертного приговора Радищеву, вынесенного 24 июля 1790 г. (Там же, лл. 60—66).

5) Протокол от 9 сентября 1790 г. Постановление об отсылке в Петербургское губернское правление экземпляров „Путешествия“ для истребления. (Там же, лл. 162—164).

6) Сообщение Петербургского губернского правления от 8 сентября 1790 г. об исполнении указа от 4 сентября

1790 г. о ссылке Радищева в Сибирь. (Ф. 1724, д. № 78, св. 35, 1790 г. Сообщения Петербургского губернского правления, л. 77).

В Центральном Государственном архиве древних актов это дело находится в фонде Петербургской палаты уголовного суда (1790 г., д. № 22, лл. 1—53). Оно сохранилось здесь в полном составе от первого и до последнего листа, о чем свидетельствует приложенная к бумагам „Опись делу, производимому в Палате уголовного суда о коллежском советнике Александре Радищеве“. На обложке написано: „Дело о коллежском советнике и кавалере Александр Радищеве“. На верху обложки приписано: „№ 12. Началось июля 15-го 1790 года“. На задней стороне обложки обозначено число листов в деле: „Писанных 53. Неписанных 29“. Писанные все сохранились, неписанные некоторые вырваны.

Этим делом в XIX в. пользовался В. Е. Якушкин для своей статьи „Суд над русским писателем в XVIII веке“ (Русская старина, 1882, т. XXXV, стр. 457—532). Им были напечатаны из этого дела следующие документы: 1) Предложение главнокомандующего Петербургской губернией гр. А. А. Брюса Палате уголовного суда от 15 июля 1790 г. 2) Выписка из протокола Палаты уголовного суда от 15 июля 1790 г. 3) Ответы Радищева на вопросные пункты Палаты уголовного суда. 4) Выписка из протокола Палаты от 17 июля 1790 г. 5) Священническое увещание Радищеву. 6) Показание Радищева о корректуре своей книги. 7) Заключительная часть смертного приговора Радищеву. 8) Опись дела.

После Якушкина никто из исследователей этим делом не пользовался. Оно считалось утерянным. Редакторы „Полного собрания сочинений“ Радищева издания Акинфьева, как уже указывалось, писали в 1907 г. по этому поводу: „Производство Палаты уголовного суда в настоящее время, повидимому, не существует, но его в 1882 году использовал В. Е. Якушкин. Из его статьи извлечены нами все тексты“.¹

Дело Палаты уголовного суда в том объеме, который указан в приложенной к делу описи, было передано Я. А. Брюсу 25 июля 1790 г. для представления в Сенат. При возвращении его из Сената в Палату к нему были подшиты следующие бумаги: 1) Копия с отношения Палаты к Брюсу при отсылке к нему дела для представления в Сенат.

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, изд. М. И. Акинфьева, стр. 298.

2) Уведомление Брюса о внесении им дела в Сенат. 3) Копия протокола Палаты об уведомлении от Брюса. 4) Копия сообщения Петербургского губернского правления от 8 сентября 1790 г. об объявлении Радищеву приговора и об отправлении его в ссылку. 5) Копия протокола Палаты о предыдущем сообщении губернского правления и о решении — отобрать и сжечь уцелевшие экземпляры „Путешествия“. 6) Сообщение губернского правления об отсылке отобранных экземпляров „Путешествия“ к Шешковскому. 7) Копия протокола Палаты о предыдущей бумаге.

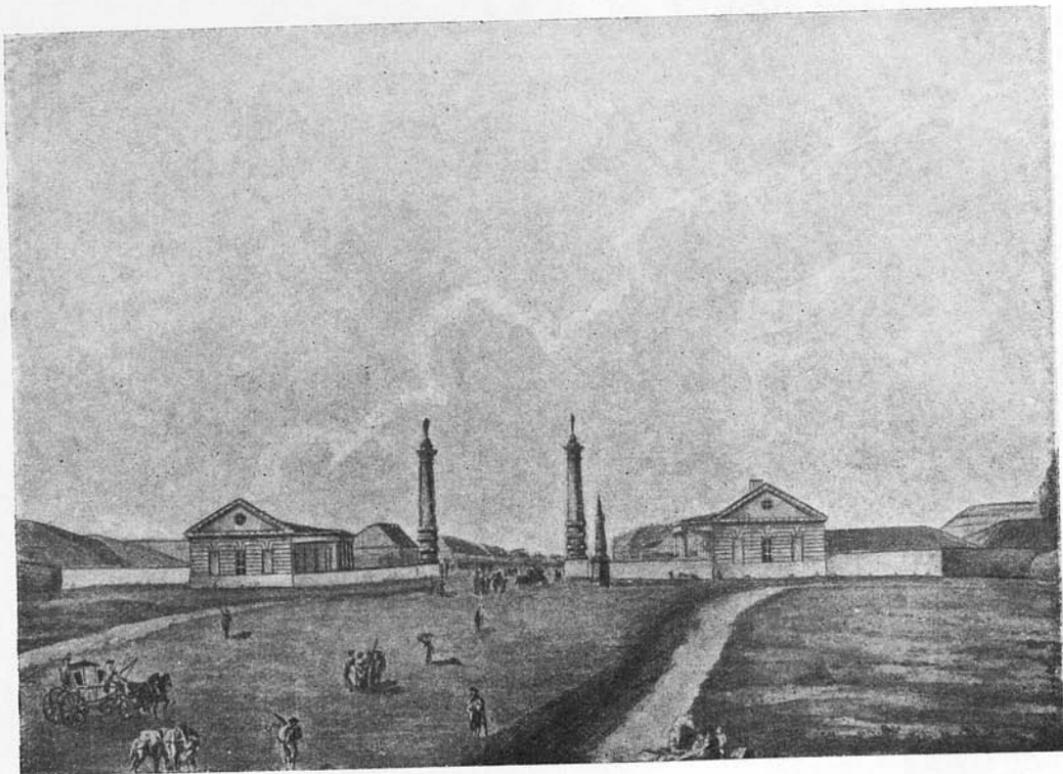
В настоящем издании дело Петербургской палаты уголовного суда печатается полностью по тому экземпляру, который был представлен Палатою в Сенат. Кроме того, тексты ряда документов сверены с теми записями, которые имеются в журнале Палаты, хранящемся ныне в Государственном Историческом архиве Ленинградской области. Порядок расположения документов сохраняется тот же, который имеется в самом деле.

3. Дело Сената находится в Центральном Государственном архиве древних актов. (Фонд Сената, д. № 5189, лл. 115а—155). На обложке написано: „Дело о коллежском советнике Александре Радищеве, признавшемся в издании и сочинении своей книги под названием «Путешествие из Петербурга в Москву»“. Затем сделаны на обложке пометы о начале и окончании дела. Вверху: „О советнике Радищеве. Началось 15 июля 1790 года“. Внизу: „Решено по имянному указу 5-го сентября 1790 года“.

Всего в деле содержится 40 писанных листов архивной пагинации. Из этих документов была напечатана В. Е. Якушкиным всего лишь одна выписка в один лист из протокола Сената от 8 августа 1790 г. по копии, как указано самим Якушкиным, 2-го департамента, хранящейся в Главном архиве Министерства юстиции в Москве (Русская старина, 1882, т. XXXV, стр. 530—532). Следовательно, данное дело Сената в подлиннике оставалось до сих пор совсем неопубликованным.

В настоящем издании дело Сената печатается полностью. Некоторые имеющиеся в нем документы неизбежно дублируют текст дела Палаты уголовного суда, но, во избежание нарушения цельности дела, мы не считали целесообразным исключать их отсюда.

Дело Сената в первоначальном виде должно было заканчиваться протоколом от 8 августа, на основе которого был составлен и отослан доклад императрице. После этого про-

Москва. Вид Московской заставы. Акварель Ф. Кампореци, 1789 г.
Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР.

Москва. Вид Кремля. Акварель Ф. Кампорези, 1789 г.
Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР.

токола в деле следуют документы, образовавшиеся в результате переписки по делу Радищева уже после того, когда Сенат вынес свое решение. К ним относятся: 1) Справка о выполнении определения Сената по делу Радищева. 2) Рапорт Петербургского губернского правления Сенату об изъятии „Путешествия“. 3) Сообщение петербургского губернатора П. Коновницына высочайшего повеления о передаче изъятых книг „Путешествия“ Шешковскому. 4) Копия указа о ссылке Радищева в Илимск. 5) Извещение Сената об исполнении предыдущего указа. 6) Распоряжение Сената Брюсу о высылке Радищева, согласно указу, в Илимск. 7) Рапорт Брюса Сенату об исполнении предыдущего распоряжения. 8) Запись в журнале Сената об отправке Радищева в Сибирь. 9) Рапорт Петербургского губернского правления Сенату о передаче детей А. Н. Радищева под опеку их деда — Н. А. Радищева.

Расположение документов в подлинном деле Сената не всегда выдержано в строгом хронологическом порядке. Порядок этот, очевидно, был нарушен случайно при подшивке листов архивариусом. В настоящем издании соблюден хронологический порядок.

4. Решение Государственного (Непременного) Совета находится в Государственном Центральном историческом архиве в Ленинграде. (1 протоколы Непременного Совета, ч. II, 1790 г., № 1146, оп. 1, ед. хр. 11, лл. 67—69).

Дело это, как явствует из его содержания, должно состоять из трех документов: записки А. А. Безбородко, при которой был приложен на рассмотрение Совета доклад Сената, и решения Совета по заслушанному докладу Сената. Однако подлинный экземпляр доклада Сената был возвращен Екатерине II и ныне находится в Центральном Государственном архиве древних актов. (Фонд Государственного Архива, разр. XVI, 1722—1796 гг., д. № 168, ч. 32, лл. 149—162).

Решение Совета впервые было напечатано в „Архиве Государственного Совета“, т. I, ч. 2, С116., 1869, стр. 737. Однако в этом издании не были напечатаны фамилии членов Совета, подписавшихся под решением. Записка Безбородко была напечатана только в виде цитаты в тексте решения.

В настоящем издании тексты этих документов воспроизводятся полностью по подлинникам. Доклад Сената, ни разу еще нигде не печатавшийся, публикуется здесь впервые и также по подлиннику. Включение доклада Сената в дело Государственного Совета нами сделано потому, что нигде этот доклад, кроме Совета, больше не рассматривался.

и потому, что Совет свое решение по делу Радищева формально основывает на докладе Сената.

5. Документы канцелярии коменданта Петропавловской крепости находятся в Государственном Центральном историческом архиве в Ленинграде. (Ф. 1280, оп. 2, ед. хр. 43, лл. 116 и 106). В этом фонде имеется ордер Я. А. Брюса на заключение Радищева в Петропавловскую крепость и ордер на доставку Радищева из крепости на допросы в Палату уголовного суда. Оба документа публикуются здесь впервые.

Перечисленные дела представляют собою основные источники для изучения судебного процесса Радищева. Теперь для окончательной полноты документов недостает лишь двух источников: 1) следственного дела Петербургской управы благочиния, давшей сначала разрешение на печатание „Путешествия“, а затем первой приступившей к дознанию об авторе книги, и 2) дела Петербургского губернского правления, где Радищев впервые был допрошен.

Тщательные поиски этих дел не увенчались успехом. Фонд Управы благочиния за 1790-е годы полностью отсутствует в наших государственных архивах. Имеются сведения о том, что он якобы был сожжен чиновниками полиции в 1917 г. Фонд Петербургского губернского правления за 1790 г., хранящийся ныне в Государственном Историческом архиве Ленинградской области, является неполным. В нем отсутствуют бумаги как раз за те месяцы (июнь—сентябрь), в которые дело Радищева проходило. Очевидно, эти бумаги случайно откололись от общего фонда. Будем надеяться, что они со временем где-нибудь обнаружатся.

В имеющихся в наличии делах содержится около ста документов. В данном издании они все объединены.

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ „ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ“ И АРЕСТА А. Н. РАДИЩЕВА

Над „Путешествием из Петербурга в Москву“ Радищев работал в течение ряда лет. На следствии 15 июля 1790 г. он показал, что начало этой книге он положил в 1780—1781 гг. В 1785 г., рассказывает он, „начал повесть о проданных с публичного торгога“ (главу „Медное“). На рукописи главы „Слово о Ломоносове“ имеется помета рукой Радищева: „[начато] в 1780-м году. Окончено в 1788 году“.

Полностью рукопись „Путешествия“, как он сам сообщает в том же показании от 15 июля, была готова в исходе 1788 г. Весной 1789 г. он представил ее на цензурный просмотр в Петербургскую управу благочиния.

В экземпляре, хранящемся в деле Тайной экспедиции, на листе 187 имеется подпись председателя Управы, петербургского обер-полицеймейстера: „Печатать дозволено. 22 июля 1789 года. Никита Рылеев“. В сентябре того же года он представил в Управу рукопись „Слова похвального Ломоносову“, которое сначала, повидимому, предполагалось издать отдельной книжечкой, и только уже потом оно было включено в состав „Путешествия“. На рукописи „Слова“ имеется подпись обер-полицеймейстера: „Печатать позволено 25 сентября 1789 года. Никита Рылеев“.

С момента подготовки рукописи „Путешествия“ до выхода книги в свет прошло полтора года. В деле издания книги Радищеву пришлось столкнуться с большими трудностями. Никита Рылеев, как выяснилось потом, подписал рукопись к печати, не читая ее. Труднее было найти типографа, который решился бы напечатать столь революционное произведение. Имеются сведения о том, что Радищев сначала предлагал издать рукопись московскому типографу Селивановскому, но тот отказался: „Пробскажав оригинал и поняв всю важность его содержания, — рассказывает сын Селиванов-

ского в своих записках, — батюшка оставил книгу. Является автор. Ему отвечают, что книги печатать не станут¹.

Обращался ли в действительности Радищев в типографию Селивановского, мы не знаем, так как, кроме приведенного рассказа сына Селивановского, никаких других свидетельств об этом не сохранилось. Вероятней всего, что Радищев обращался не к одному Селивановскому, но и к другим московским типографам. Некоторые данные об этом содержатся в „Путешествии“, в главе „Тверь“. Поэт в беседе с путешественником об оде „Вольность“ рассказывает: „В Москве не хотели ее напечатать по двум причинам: первая, что смысл в стихах не ясен, и много стихов топорной работы; другая, что предмет стихов не свойственен нашей земле. Я еду теперь в Петербург, просить об издании ее в свет, ласкаясь яко нежной отцу своего дитяти, что ради последней причины, для коей ее в Москве печатать не хотели, снисходительно взореть на первую“.

Радищев решил завести свою типографию. В показании от 1 июля 1790 г. он рассказывает: „Прошлым летом получил я стан типографский от Шнора с литерами, за которой еще ему всех денег не отдал, но не мог начать печати прежде прошлой зимы. Первую книжку в один лист на оном я напечатал под заглавием: Письмо к другу в Тобольске, вторую Путешествие. Та и другая за ценсурою“ (II, 4, 2).²

Иван Шнор имел в Петербурге довольно крупную типографию и книжный магазин. В своих показаниях на допросе 23 июня 1790 г. Шнор подтвердил, что Радищев является его должником, но умолчал о том, когда он продал ему печатный станок и какое количество литер. Купленный Радищевым станок был маленький и количество литер, надо полагать, также было не велико. Все было устроено с таким расчетом, чтобы вся типография могла поместиться в небольшой жилой комнате.

Наглядное представление о типе печатного станка, распространенном в XVIII в. в России, может дать прилагаемый здесь рисунок. По сравнению с современными нам механизированными плоскопечатными и ротационными машинами, дающими в час тысячи печатных листов-оттисков, печатный станок XVIII в., которым пользовался Радищев, представлял собою довольно примитивное устройство. Четыре широкие

¹ Библиографические записки, I, 1858, № 17, стб. 518.

² В конце цитат, взятых из печатающихся документов судебного дела в „Приложениях“ данной книги, в скобках приводятся номер раздела (римская цифра) и номер документа (арабская цифра).

деревянные бруса составляли раму станку; на нижних поперечных брусках ходила под прессом так называемая талерная тележка с печатной формой. Небольшой размер талера позволял поставить на него не более восьми страниц набора текста в 4-ку. Таким образом, каждый бумажный лист, состоящий из 16 страниц, проходил под прессом станка дважды. Отпечатки набора, полученные сначала на одной стороне листа, подсушивались, а затем эти же листы снова шли один за другим под пресс для печатания на обратной стороне. Все процессы печатания: накат краски на печатную форму, накладка листов на форму, движение талерной тележки под пресс и обратный поворот рычага пресса, — все это производилось вручную и требовало не только большого умения и сноровки печатников, но и большой затраты физических сил и времени. С каждого листа книги, до того, как отпечатать их набело, делалось по несколько пробных оттисков для чтения корректуры, устранения в них всякого рода ошибок и опечаток. Не удивительно после этого, что книга Радищева, объемом в 456 страниц, печаталась почти полгода. Печатанием книги, как мы расскажем ниже, был занят спаянный дружбой целый коллектив горячо преданных Радищеву людей из состава его сослуживцев по Петербургской таможене и аблязовских крепостных его отца.

Как теперь выясняется из публикуемых здесь показаний наборщика Богомолова, типография у Радищева была устроена „в верхних покоях“, то есть в верхнем этаже его дома на Грязной (ныне Марата) улице. Это предохраняло от доступа в нее посторонних лиц и обеспечивало, таким образом, полную тайну печатания книги.

Ефим Богомолов с 1785 г. служил под начальством Радищева в Петербургской таможене досмотрщиком пакгауза № 10. „И в сию его бытность, — рассказывает Богомолов, — в декабре месяце последних числа прошлого 1789 года приказано ему, Богомолову, чрез приказного таможни служителя итти к господину советнику Радищеву в дом, состоящей у Владимирской [церкви]. Почему он к нему явился и на вопрос его, Радищева, сказал, что он знание имеет набирать слова; и потому велел он ему итти в верхние покои, куда он придя, видел уже как [литеры] там, равно станок для печатания все в готовности. И после сего хаживал по приказанию его, Радищева, в тот покой, в которой присылал он, Радищев, чрез своих людей тетради, писанные в поллиста (но кем точно писаны не знаю). И по набирании им, Богомоловым, слов, а по отпечатании другим его товарищем досмотрщиком

Путным, те тетради чрез них же возвращались Радищеву. В таком набирании он упражнялся месяцев шесть, именно до июня месяца сего года“ (III, 19).

Из показаний наборщика Богомолова мы впервые узнаем также и ряд других подробностей. Он называет фамилию печатника Путного, который печатал „Путешествие“. Путный, как и сам Богомолов, служил под начальством Радищева в Петербургской таможене и, следовательно, был для Радищева также вполне надежным человеком.

Ценной подробностью является сообщение Богомолова о рукописи, с которой „Путешествие“ набиралось. Он рассказывает, что это были „тетради, писанные в поллиста“. Рукопись, хранящаяся ныне в деле Тайной экспедиции, написана на бумаге в полный лист, следовательно не с нее производился набор книги. Этот экземпляр рукописи был приготовлен специально для цензуры Управы благочиния, поэтому в нем нет многих вставок, которые имеются в печатном экземпляре.

Весьма ценным также является сообщение Богомолова относительно срока окончания печатания книги. До сего времени этот вопрос не был уточнен. Книготорговец Зотов на предварительном допросе 29 июня 1790 г. дал об этом не совсем точное показание. Он заявил: „Сии книги вступили к нему в мае месяце“ (I, 4, 2). Зотов не уточняет, в какие это было числа: в начале, середине или в конце мая.

Такое же не совсем определенное показание по этому вопросу сделал Иван Вальц, получивший от Радищева экземпляр „Путешествия“ для отправки в Берлин к А. М. Кутузову. „Когда оные пакеты я получил, — пишет он, — точно упомнить не могу, а думаю, что в мае месяце“ (II, 12).

Богомолов показывает, что в набирании книги „он упражнялся месяцев шесть, именно до июня месяца сего года“ (III, 19).

Из сопоставления этих трех показаний можно заключить, что книга была отпечатана самое раннее в последних числах мая 1790 г. Первые экземпляры „Путешествия“ поэтому могли поступить в книжную лавку к Зотову числа 30—31 мая.

Книга была отпечатана сравнительно небольшим тиражом. „Напечатано было ее не более как шестьсот сорок или пятьдесят экземпляров“, — сообщает Радищев в ответах на „вопросные пункты“ Шешковского (II, 4, 5). То же самое показал он и в Палате уголовного суда. „Напечатано ее было оной книги около 650 экземпляров, — указывает он здесь, — не

много более или меньше, того утвердительно сказать не упомяну“ (III, 4).

Следствие чрезвычайно настойчиво допрашивало Радищева, какое число экземпляров книги им было выпущено в свет, насколько широко эта „дерзкая“ книга успела проникнуть в массы. „Старатся надлежит узнать, — писала Екатерина II в своих замечаниях на книгу Радищева, — много ли выпущены экземпляры и куды девались“ (I, 7).

Если относительно общего тиража книги показания Радищева не расходятся, то в отношении числа экземпляров, отданных им в продажу и подаренных разным лицам, существуют разные сведения.

В своем показании от 1 июля Радищев сообщил: „Когда моя книга тиснением поспела, тогда я помышлял ее продать, а купец Зотов, которому я один давал экземпляр, торговал всю оптом; но как он мне давал мало денег и то на вексель, то я на то не согласился. После того дал я ему 20 экземпляров на пробу, как будут покупать, а погода несколько дней еще пять“ (II, 4, 2). Из этого показания видно, что Радищев дал Зотову всего 26 экземпляров книги.

В других своих показаниях Радищев сообщал, что он отдал в продажу купцу Зотову всего лишь 25 экземпляров.

Показания Зотова на этот счет значительно расходятся с показаниями Радищева. На предварительном допросе 29 июня он показал, что получил от московского купца Сидельникова 50 экземпляров этой книги. На вторичном допросе 6 июля в Петропавловской крепости на поставленный ему вопрос: „Сам ли он лично получил от Радищева книги или через других и сколько?“ Зотов ответил: „Что лично от Радищева получил он на мену книг только 25-ть экземпляров, да от называющегося московским купцом Петра Михайлова и от других людей, ему незнакомых, которые приносили ему по 2 и 3 экземпляра, до 50-ти“ (II, 9, 1).

Таким образом, согласно этим показаниям Зотова, к нему всего поступило в лавку до 75 экземпляров книги. По сравнению с показанием Радищева получается разница в 50 экземпляров. 13 июля на допросе Зотову было сделано замечание об этой разнице. Он продолжал утверждать, „что я показал прежде, то есть самая истина, и ничего не утаил“ (II, 9, 3). Для уточнения этого вопроса в тот же день был вызван на очную ставку с ним Радищев. Радищев категорически отверг версию о продаже экземпляров „Путешествия“ каким-то московским купцом. После этого Зотов заявил: „Виноват. Это было дело так, и первые мои допросы оба

несправедливы в том, что я более тех 25-ти экземпляров, которые получил от г-на Радищева, ни от кого не получал“ (II, 9, 3).

Так до сих пор и остается невыясненным до конца, кто же из них был прав. Зотов в данном случае вполне мог уступить Радищеву, полагая, что у последнего имеются какие-либо соображения не показывать более 25 экземпляров, отданных в продажу. Радищев же мог и не знать того, что его дворовые люди скрытно относили в книжную лавку к Зотову по 2—3 экземпляра его книги.

На вопрос Шешковского к Зотову: „Какую-ж ты имел причину лгать в прежних своих допросах, что получил от такого-то купца, а не прямо от Радищева?“ Зотов отвечал: „Я для того говорил таким образом, что г-н Радищев, отдавая мне оную книгу для продажи, просил меня, чтоб я не сказывал, от кого оную получил, и притом-де меня обнадеживал, что тебе ничего за сие не будет, да я и сам думал, что как скажу на неизвестного человека, то тем и его просьбу исполню и себя оправдаю“ (II, 9, 3).

По поводу этого заявления Зотова Радищев также был допрошен 13 июля и показал, „что он при даче с самого начала книги наказывал ему, Зотову, чтоб он до времени, чья эта книга, никому не сказывал для того, чтоб сперва услышать, как примет оную публика, т. е. ежели одобрит, то он сам себя объявит, а ежели публике не понравится, то он и в продажу ея более не пустит“ (II, 9, 4).

Таким образом, все предыдущие показания Зотова нельзя не учитывать, поскольку поведение его на допросах во многом определялось словесным наказом Радищева.

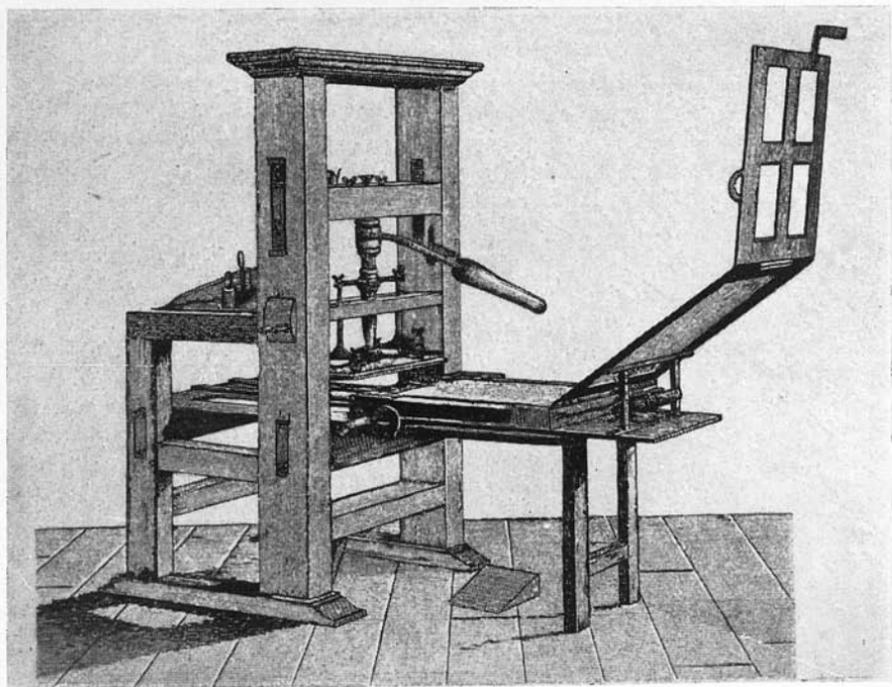
Несколько экземпляров, сверх тех 75, которые поступили тем или иным способом в лавку к Зотову, Радищев подарил своим знакомым. В Палате уголовного суда он показал: „Роздано мною: два экземпляра г. Козодавлеву для ево и для Державина, один прапорщику Дарагану, один ротмистру Олсуфьеву, один иностранцу Вицману, один хотел дать надзирателю Царевскому, но дал ли или нет того не помню; один назначал в отсылку в Берлин к г. Кутузову, которой запечатанной отдан мною г. Вальцу, но не отослан“¹ (III, 4).

¹ Характеристика названных Радищевым лиц дана П. Н. Берковым в его статье: Кому подарил Радищев экземпляры „Путешествия“. Сб. „А. Н. Радищев“, изд. Лен. Гос. университета им. А. А. Жданова, 1950, стр. 217—228.

Дом А. Н. Радищева в Петербурге (ныне на улице Марата, № 14).

Третий и четвертый этажи дома были надстроены в XIX веке после смерти Радищева. В 1949 г., в день 200-летия со дня рождения А. Н. Радищева, на этом доме по постановлению Советского правительства была пригита мемориальная доска со следующей надписью «В этом доме с 1775 г. по 1790 г. жил выдающийся русский писатель-революционер Александр Николаевич Радищев. Здесь он напечатал в собственной типографии книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». (Фотография 1952 г.).

Распространенный тип печатного станка в России в XVIII в.

Из приведенных показаний самого Радищева следует, что число экземпляров „Путешествия“, выпущенных в свет, было не более 32—33. Если принять во внимание показание Зотова, то их было пущено по рукам свыше 80. В том и другом случае книга в ее печатном виде не успела широко разойтись. Однако несмотря на это она быстро стала известна в публике. Спустя недели три после ее отпечатания о ней уже громко говорили в Петербурге. Книгу с увлечением начали читать, а имевшиеся немногие экземпляры ее передавать из рук в руки.

Вот какова была, например, судьба одного экземпляра книги, подаренного Радищевым прапорщику Козьме Дарагану: Дараган по прочтении книги, как он сообщает в своем показании, отдал ее на третий день таможенному надзирателю Александру Царевскому; Царевский передал ее серпуховскому мещанину Петру Кузовлеву „для прочтения на короткое время“; Кузовлев отдал книгу купцу Матвею Овчинникову. Дальнейшая судьба этого экземпляра осталась неизвестной, он затерялся в руках других многочисленных читателей. Когда Палата уголовного суда начала собирать разошедшиеся экземпляры книги для сожжения их, то данный экземпляр ей уже не удалось разыскать. Аналогичная история происходила и с десятками других экземпляров.

В передовых кругах разночинцев, дворянской интеллигенции и купечества книга была встречена с глубоким сочувствием. „Книга сия начала входить в моду у многих шали,— сообщал гр. А. А. Безбородко в письме начальнику штаба Потемкина В. С. Попову от 16 июля 1790 г., — но, по счастью, скоро ее узнали“ (VII, 2).

В правительственных кругах книгу „узнали“ в двадцатых числах июня. 20 июня частный пристав Иван Бухарев, как свидетельствует его донесение, наводил по поручению петербургского обер-полицеймейстера Рылеева справки о Зотове, в магазине которого „Путешествие“ продавалось. В это же время узнал и Радищев о том, что правительство начало вести о нем следствие.

Радищева предупредили об этом, надо полагать, сначала петербургские гостинодворские купцы, у которых полиция заводила справки о книгопродавце Зотове. Пристав Бухарев, наводивший эти справки, получил у купцов о Зотове успокоительные сведения. „Знающие его купцы объявили, — писал он в своем рапорте от 20 июня, — что он всегда был поведения хорошего и ни в каких подозрительных поступках никем не замечен“ (I, 2).

26 июня Зотов был арестован и в течение нескольких дней допрашивался обер-полицеймейстером. 29 июня его выпустили и взяли с него подписку, в которой он предупредался: „О чем он обер-полицеймейстером и кавалером Рылеевым был спрашиван и что показал, о том бы во всю свою жизнь никому ни под каким видом не сказывал, а ежели он о сем будет кому разглашать и в том изобличен будет, то с ним поступлено будет по всей строгости законов“ (I, 4, 3).

Но, несмотря на это строгое предупреждение, Зотов, как вскоре выяснилось, полностью информировал обо всем Радищева. Когда его на вторичном допросе 13 июля спросили, почему он это сделал, он ответил: „В сем я виноват. Помилуйте. Я и сам не рад, что так сделал“ (II, 9, 3).

Впрочем не один Радищев, а многие уже знали в Петербурге о том, что правительство крайне встревожено появившейся книгой и начало готовить против ее автора большое дело. Зотов, как это записано в его вторичном показании от 6 июля, „объявил, что после того как он в доме обер-полицеймейстера был спрашиван, приходили к нему в лавку многие незнакомые люди и спрашивали его: «Был ли ты у духовника?». Он, Зотов, спрашивал: «У какого?». Они ответствовали: «У Шешковского». Но я-де им говорил, что никогда не бывал, и его не знаю, а они ему на сие говорили: «Врюш ты, дурак. Мы знаем, что был»“ (II, 9, 1).

Из рассказов Зотова, побывавшего на допросах, Радищев мог судить о том, в каком направлении велось предварительное следствие. Зотова допрашивали по существу только по двум вопросам: 1) много ли экземпляров книги он продал и кому? и 2) кто является сочинителем и издателем книги?

Зотов ответил, что он получил экземпляры от московского купца Сидельникова, „из коих отдано было им в переплет двадцать шесть, а остальные проданы были без переплета разным людям“ (I, 4, 1).

Из покупателей он назвал только пять человек: 1) Матвея Федоровича Кашталинского, хорошо знакомого Радищеву, 2) бывшего компанейщика Лукина, 3) камер-пажа Балашова, 4) купца Варенкова и 5) Никиту Демидова. Фамилии других покупателей он называл позднее, уже в июле, при повторных допросах.

На второй вопрос Зотов не дал ясного ответа. В первом показании 28 июня он категорически заявил: „Кто же сей книги издатель и где в типографии печатана, того он не знает“ (I, 4, 1). На следующий день 29 июня он заявил:

„Как же он, Зотов, хаживал почасту к Радищеву в дом, то видел сам в доме его типографию, а наборщики у него — таможенные досмотрщики и его люди“ (I, 4, 2).

Таким образом, Радищев уже знал, что следствию известно, что книга печаталась в его доме. Между прочим, правительство узнало еще до показаний Зотова, что автором книги является Радищев. В записке Екатерины II без даты, но написанной несомненно в двадцатых числах июня, сказано: „По городу слух, будто Радищев и Щелищев писали и печатали в домово́й типографии ту книгу, исследовав лутче узнаем“ (I, 1).

За три дня до ареста Радищева Екатерина II затребовала от него через гр. А. Р. Воронцова объяснение. Гр. А. А. Безбородко, выполнявший ее поручение, писал 27 июня Воронцову:

„Ея императорское величество, сведав о вышедшей недавно книге под заглавием Путешествие из Петербурга в Москву, оную читать изволила и, нашед ея наполненно разными дерзостными изречениями, влекущими за собой разврат, неповиновение власти и многия в обществе расстройства, указала исследовать о сочинителе сей книги. Между тем достиг к ея величеству слух, что оная сочинена г. коллежским советником Радищевым; почему, прежде формального о том следствия, повелела мне сообщить вашему сиятельству, чтоб вы призвали пред себя помянутого г. Радищева, и, сказав ему о дошедшем к ея величеству слухе насчет его, спросили его: он ли сочинитель или участник в составлении сея книги, кто ему в том способствовал, где он ее печатал, есть ли у него домовая типография, была ли та книга представлена на цензуру Управы благочиния или же напечатанное в конце книги „с дозволения Управы благочиния“ есть несправедливо; причем бы ему внушили, что чистосердечное его признание есть единое средство к облегчению жребия его, которого конечно нельзя ожидать, естли при упорном несправедливо отрицании дело следствием откроется. Ея величество будет ожидать, что он покажет“ (I, 6, 1).

Радищеву не пришлось давать ответ на этот запрос императрицы, потому что в тот же день Безбородко прислал Воронцову вторую записку, в которой извещал, что императрица отменяет ранее данное ею поручение. „Спешу предупредить ваше сиятельство, — писал Безбородко, — что ея величеству угодно, чтоб вы уже господина Радищева ни о чем не спрашивали для того, что дело пошло уже формальным следствием“ (I, 6, 3).

А. Р. Воронцов, как это видно будет из других данных, не только поставил Радищева в известность о начавшемся следствии, но и помог ему заранее подготовиться на случай возможного ареста и суда над ним. Через Безбородко Воронцову было хорошо известно, какой опасный оборот принимает дело. „Дело сие весьма в дурном положении, — сообщал ему Безбородко в частной приписке к приведенному письму от 27 июня. — Хотя ея величество, узнав имя первого (т. е. Радищева, — Д. Б.), кажется, более расположено умягчить свое негодование; но все впрочем не лучший конец оно иметь может. Сие пишу единственно для Вас“ (I, 6, 2).

Таким образом, начиная с 20 июня, дней за десять до своего ареста, Радищев получал из различных источников более или менее полную информацию о том, что правительство, в частности сама Екатерина II, сильно напугано его книгой, расценило ее как дерзкий, революционный призыв к открытому неповиновению власти и свержению самодержавия. Это позволило Радищеву, в свою очередь, принять ряд таких мер, которые не дали бы правительству никаких лишних материалов для его обвинения.

За эти десять дней Радищев уничтожил остававшийся у него в доме тираж книги. Он знал, что в один из дней к нему явится в дом с обыском полиция и заберет эти книги. Переправить их из дому на сохранение куда-либо он не имел уже возможности, так как знал или предполагал, что полиция ведет за его домом тайное наблюдение. Когда типограф Иван Шнор попросил у него в эти дни в счет числящегося за ним долга 50—100 книг, то Радищев отказал ему, послав следующую короткую записку: „С великим удовольствием хотел бы я дать, г-н Шнор, экземпляров сих книг, но теперь невозможно, ибо для публики вышедшие украденны“ (I, 4).

Такая предусмотрительность Радищева вскоре оправдалась. Если бы он отпустил Шнору указанное число книг, они неизбежно оказались бы в руках полиции, так как за Шнором уже велось наблюдение.

Через день или два Шнор был вызван на допрос к Рылееву. На допросе, состоявшемся 23 июня, он показал: „Я нижеподписавшийся, сям объясняюсь, что я к господину Радищеву в число состоящего на нем моего долга о присылке книги, печатаемой им под названием «Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву», от пятидесяти и до ста экземпляров просил, но он на немецком диалекте прислал ко мне записку,

которую у сего прилагаю, что он охотно бы их дал, но теперь сие невозможно, поелику те, которые в публику назначены, украдены“ (I, 3).

Версия о покраже книг была лишь формой отказа. В действительности весь тираж книги оставался лежать в доме до самого последнего дня ареста Радищева. Книги были сожжены по указанию Радищева его дворовым человеком Давыдом Фроловым частью 29, частью 30 июня, то есть уже почти совсем за несколько часов до взятия Радищева в Петропавловскую крепость. Давыд Фролов на допросе, učinенном ему 19 июля, показал: „Назад тому около трех недель, подлинно не упомнит, господин ево, приехав с дачи, и приказал ему, Фролову, имевшиеся в покое у него, Фролова, печатные не в переплете и не разодранные книги, а какие оные были и сколько их числом, за неумением ево грамоте, того не знает, но только их было не малое количество, зажеч; из которых книг, в небытность в то время никого других, он, Фролов, некоторое число их сжег в кухне, а остальное количество сжег таким же образом на другой день, то есть в самой тот незадолго пред взятием господина ево“ (III, 10).

В эти же дни Радищев уничтожил все черновые наброски и рукопись „Путешествия“, оставив лишь ту рукопись, которая была представлена в свое время в цензуру. Когда полиция пришла его арестовать, то, кроме этой рукописи, она не нашла у него никаких других произведений. Бумаги его были частично сожжены, а наиболее ценные рукописи были переданы им на хранение в надежные руки. Так, например, часть своих рукописей Радищев передал на сохранение А. Р. Воронцову, в архиве которого они пролежали неизвестными до нашего времени и были открыты и опубликованы лишь советскими учеными. К числу таких рукописей относятся незавершенный трактат „Опыт о законодательстве“, статья „О добродетелях и награждениях“, экономический труд о налогах и податях, описание Петербургской губернии, наброски и выписки „К российской истории“ и др. Над этими произведениями Радищев работал одновременно с написанием „Путешествия“. Все они проникнуты, так же как и „Путешествие“, революционным духом и, в случае обнаружения их, представляли бы для автора новые улики. Принятие Воронцовым на сохранение перечисленных рукописей лишний раз подтверждает то, что он не только известил Радищева о начавшемся против него деле, но и помог ему заранее подготовиться к возможному аресту.

Июнь 1790 г. начался для Радищева успешным завершением печатания книги и кончился сгущением над ним тяжелых грозных туч. В начале июня он жил большими надеждами. В конце июня Радищев увидел, что его революционный призыв дошел не только до читателей, но и до „всеслышащих ушей“ настороженного царского правительства. Начались жестокие преследования в отношении Радищева и его книги. 30 июня в девять часов вечера к нему в дом явилась полиция, произвела обыск и увезла его в Петропавловскую крепость.

А. Н. РАДИЩЕВ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ. СЛЕДСТВИЕ И СУД

До сих пор за недостатком документальных данных исследователям не удавалось полностью раскрыть условия, в которых содержался Радищев в крепости. „Мне не известен тот режим,— пишет историк царской тюрьмы, М. Н. Гернет,— которому подвергался Радищев в Петропавловской крепости, но его увезли отсюда в ссылку закованным в кандалы“.¹

Тяжелый стон Радищева, раздававшийся в его письмах из крепости к следователю С. И. Шешковскому, буржуазно-либеральный историк М. И. Сухомлинов объяснял исключительно заботой узника о своей семье. „Во время заключения своего в крепости,— писал он,— Радищев томился неизвестностью об участи, ожидающей его семейство. Радищева преследовала мысль о том, что станет с его несчастными детьми. Вопрос о долге родителей в отношении к детям, затронутый в «Путешествии», восставал перед умом и чувством узника, вызывая мучительное сознание виновности отца, погубившего своих детей“.²

Радищев действительно сильно тревожился о судьбе своих детей, оставшихся сиротами и без всяких средств на попечении их тетки Е. В. Рубановской. Но дело было не только в этом. Основной источник его страданий составлял сам факт преследования его революционных идей и те жестокие условия, в которые он был брошен. Об этом позволяют нам судить печатаемые здесь материалы.

Тюремный режим Радищева складывался из многих элементов, как то: помещения, питания, системы допросов, лишения переписки и связи с внешним миром и др. Каждый из них был тщательно продуман Шешковским и администрацией

¹ М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. I. М., 1941, стр. 107.

² М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889, стр. 597.

крепости, каждый из них был рассчитан на физическое, психическое и моральное подавление узника.

Петропавловская крепость, заложенная Петром I на берегу Невы, должна была служить по первоначальному замыслу оплотом против внешних врагов России. Однако она вскоре превратилась в место заточения важнейших политических узников, стала гнуснейшим оплотом государства помещиков и торговцев. История этой крепости еще не написана. Причиной тому являлся секретный характер этой тюрьмы и скудость дошедших до нас документов о содержавшихся в ней узниках. Историки, стремившиеся проникнуть в тайны этого каменного застенка, неизменно указывали на встречавшиеся им трудности. „Петропавловская и Шлиссельбургская крепость,— писал П. Е. Щеголев,— самые секретные, самые таинственные тюрьмы для важнейших государственных преступников. Наши сведения о крепостных порядках, о заключенных крайне обрывочны и неполны. Мы не знаем всех, бывших здесь в заключении, не знаем относительно многих, что привело их сюда“¹.

При самодержавии через Петропавловскую крепость прошло несколько поколений революционеров. Здесь побывали лучшие представители революционной России. В XIX в. здесь томились декабристы, вождь революционных демократов Н. Г. Чернышевский, пылкий и смелый революционер Д. В. Каракозов, брат В. И. Ленина А. И. Ульянов и многие другие. В 1905 г., в связи с делом 9 января, здесь сидел М. Горький. Но если в отношении узников XIX—XX вв. вопрос более или менее освещен в печати, то в отношении XVIII в., и в частности Радищева, материалов в печати еще крайне мало.

В XVIII в., за 65 лет до Радищева, в Петропавловской крепости содержался и умер видный прогрессивный публицист, автор известной „Книги о скудости и богатстве“ И. Т. Посошков. Очевидно, режим в крепости уже и тогда был чрезвычайно тяжелым, так как Посошков зачах в ней очень быстро, всего лишь в течение пяти месяцев.

Радищев пробыл в Петропавловской крепости два месяца и восемь дней. Он был заключен в нее на основании ордера петербургского главнокомандующего, генерал-губернатора гр. Я. А. Брюса 30 июня 1790 г. Подполковник Горемыкин, производивший арест Радищева, в своем рапорте советнику Тайной экспедиции С. И. Шешковскому сообщил, что „минув-

¹ П. Е. Щеголев. Алексеевский рavelин. М., 1929, стр. 5.

шего июня 30, пополудни в девять часов¹ доставил Радищева к обер-коменданту крепости А. Г. Чернышеву (II, 2).

В каком месте крепости был заключен Радищев, установить пока не удастся. Но известно, что в XVIII в. содержали здесь узников только в двух равелинах: Иоанновском и Алексеевском, названных так в царствование Анны Иоанновны в честь ее отца и деда.

В Иоанновском равелине сидела в 1775² г. известная княжна Тараканова; здесь же сидел за одиннадцать лет до ареста Радищева, в 1779 г., офицер Г. С. Винский. Из записок Винского, являющихся единственным в своем роде документальным материалом того времени, можно установить ряд подробностей не только об Иоанновском равелине, но и о крепости в целом. Винский рассказывает, что его в крепость доставили утром на рассвете по Неве на шлюпке.

„Вошедши в крепость, — пишет он, — прошли комендантский дом, миновали гауптвахту, оставили в правой руке церковь. И так подвели нас к западным деревянным воротам, вводящим в равелин св. Иоанна. Запертые ворота наскоро отворили и впустили нас в пространый, сколько можно было видеть, треугольник, посредине которого находилось продолговатое деревянное строение. Тут опять нас остановили“¹.

В деревянном доме Винского зарегистрировали и дали ему провожатого, чтобы отвести в каземат. Провожатый солдат повел его между двух каменных высоких стен. „Идучи от дому, я глядел и ничего не видел, кроме каменных крепостных стен, с редкими в них дверцами и малыми окошечками, — пишет Винский. — Подаваясь все вперед, приближались ко въезду на стену. Я не знал, что о сем помыслить, как красноголовый мой повернул влево, в самом углу отпер небольшую дверь, вошел в нее сам и меня ввел. Вступая в сие место, я увидел огромный со сводами во всю ширину стены погреб или сарай, освещаемый одним маленьким окошечком“.

В этом „погребе“ Винского тщательно обыскали, разули и раздели, отняли верхнюю рубаху, шейный платок и все вещи и деньги, имевшиеся при нем. Затем „повели меня, — пишет он, — в самую глубь каземата, где, отворивши маленькую дверь, сунули меня за нее, бросили ко мне шинель и обувь, потом дверь захлопнули и потом цепочку наложили“².

Камера, в которую втолкнули Винского, представляла собою темный и сырой каменный мешок, без окон. „Видя

¹ Записки Винского. Русский архив, кн. 1, М., 1877, стр. 122.

² Там же, стр. 122—123.

себя в совершенной темноте, — рассказывает он, — я сделал шага два вперед, но лбом коснулся свода. Из осторожности простерши руки вправо, я ощупал прямую мокрую стену; повернувшись влево, наткнулся на мокрую скамью...“.

Винский сообщает, что у него рассудок „рассыпался“ от столь ужасной обстановки. „...и, на сей севши, — пишет он, — старался собрать рассыпавшийся мой рассудок, дабы открыть, чем я заслужил такое неслыханно-жестокое заключение. Ум, что называется, заходил за разум, и я ничего другого не видел, кроме ужасной бездны зол, поглотившей меня живого“.¹

Об Алексеевском рavelине сохранились более поздние воспоминания и документы, из которых видно, что он мало чем отличался от Иоанновского рavelина. В инструкции смотрителю Алексеевского рavelина, составленной в 1808 г. и фактически узаконивавшей те порядки, которые прежде существовали в этом рavelине, в п. 8 сказано: „Вообще иметь строгое бдение за содержащимися, дабы не могли иметь никакого, ни друг с другом ни с кем посторонним, ни словесного, ни письменного сношения. О каждом же вновь заключенном арестанте получите всякий раз от с.-петербургского военного губернатора особенное словесное приказание, как с ним поступать“.

В п. 9 этой инструкции перечисляются те самые меры предосторожности, которые нам уже известны из рассказа Винского. „Иметь крайнюю предосторожность, — говорится здесь, — и бдение за содержащимся к упреждению и самому недопущению покушения на побег, или собственное повреждение или погубление жизни, а для того, при введении арестанта в рavelинный дом, чинить ему обыск и отбирать у него все смертоносные вещи и деньги, делать оным записки и докладывать военному губернатору для отдачи к сбережению, куда приказано будет. В сем случае никакого к арестанту снисхождение места иметь не должно, разве будет какое-либо особенное по сему обстоятельству приказание от военного губернатора“.²

Чтобы лучше характеризовать, что в обоих рavelинах долгие годы существовал один и тот же распорядок, сопоставим рассказ Винского о запрещении солдатам крепостной охраны разговаривать с узниками с одним из пунктов по этому же вопросу, записанном в 1812 г. в инструкции офицеру

¹ Записки Винского, стр. 150.

² П. Е. Щеголев. Алексеевский рavelин, стр. 379.

при команде Алексеевского рavelина. Узника всегда должна была окружать гробовая тишина, у себя в каземате он не должен был слышать звуков человеческой речи. Каземат его сравнивался с монастырской кельей. У солдат крепости существовала поговорка: „Здесь келья — гроб, дверью хлоп“. „По прошествии, может быть, четверти часа, — пишет Винский, — слышно стало, что подходят крадучись к моему чулану, отпирают дверь, и я увидел лысого солдата, который со свечью в руках начал чего-то искать по полу. Скажи, мой друг, за что меня заперли? Молчит. — Кто здесь судьей? Ни слова. — Разве ты не русский? Нет ответа. Не имевши еще времени быть усмирленным, схватываю его за ухо больно, небрежно: — Ты видно немой? И он сердечушко благим голосом завопил: — Шалишь, хозяин! На сей вопль прибежали еще двое солдат и унтер, который сказал грозно: — Не забиячь, барин; здесь келья — гроб, дверью хлоп. — Да что же он мне не отвечает? Я офицер. — Здесь не ты хозяин, и коли станешь забиячить, то уймут; а баять здесь не велят. Сказавши это, дверь захлопнули и цепь наложили“.¹

То, что рассказывает Винский, находит подтверждение в упомянутой инструкции 1812 г. В п. 3 этой инструкции сказано: „Сим караульным между прочим особенно внушать должно, чтобы они не пересказывали содержащимся никаких вестей и вообще не разговаривали с ними ни о чем, кроме касающейся до них потребности“.²

Условия содержания в крепости Радищева специально были указаны в ордере петербургского генерал-губернатора Я. А. Брюса, выданном 30 июня 1790 г. обер-коменданту Петропавловской крепости А. Г. Чернышеву: „Посылается при сем, — говорится в ордере, — с находящимся при мне дежур-подполковником и кавалером Горемыкиным коллежской советник и кавалер Радищев для содержания под стражею Санкт-Петербургской крепости в обыкновенном месте“.³ (II, 1).

Что означало приведенное в ордере выражение „в обыкновенном месте“? Заключало ли оно в себе некоторый намек на облегченный режим для Радищева как дворянина и кавалера ордена Владимира или, наоборот, указывало на тот общий режим, которому подвергались в крепости все другие заключенные?

¹ Записки Винского, стр. 150.

² П. Е. Щеголев. Алексеевский рavelин, стр. 380.

³ Разрядка здесь и далее наша, — Д. Б.

В тюремной практике XVIII в. существовал классовый подход к заключенным. Дворяне-помещики, если их преступления, за которые они попадали в заключение, не были направлены на подрыв крепостнического строя, пользовались рядом привилегий, которые им давала „Грамота на права вольности и преимущества благородного российского дворянства“ 21 апреля 1785 г. Они отделялись от узников из народа, им отводились отдельные, более сухие и светлые помещения. Они получали на содержание увеличенные суммы денег; им разрешали выход на прогулки во двор и т. п.¹

Приведенное указание Я. А. Брюса о содержании Радищева „в обыкновенном месте“ следует понимать так, что Радищеву не предоставлялось здесь никаких привилегий и порядок для его содержания несколько не должен был отличаться от того, который существовал в крепости для узников из народа.

Строгость наблюдения за Радищевым достаточно ясно подчеркивалась в дальнейшей части ордера. „... которого, — говорится в нем далее, — ваше превосходительство изволите от того подполковника принять и во время содержания отнюдь никого к нему не допускать“ (II, 1).

Аналогичные указания в отношении Радищева содержатся и в других документах. В предложении Петербургской палате уголовного суда о порядке допроса Радищева Я. А. Брюс писал: „... а как он находится в крепости, то всякий раз, когда в нем будет надобность, посылать экзекутора губернского правления в крепость для истребования его от коменданта, и потом из присутствия отсылать его паки в крепость с тем же экзекутором, и как при принятии, так и при отправлении его обратно иметь всякую предосторожность, которую должно иметь с столь важным арестантом“ (III, 1).

Для перевозки Радищева из крепости на допросы в Палату уголовного суда был выдан 15 июля ордер от Брюса оберкоменданту Чернышеву. В этом ордере еще раз указывалось, как надо содержать Радищева в крепости. „И как оной обратно оным же экзекутором в крепость привозим будет, — говорится в нем, — то от него его паки принимать и содержать точно тем же образом и на том же основании, как о нем даны приказы от господина действительного статского советника Шешковского“ (II, 7).

В Петропавловской крепости Радищев находился на поло-

¹ М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. I, стр. 24.

жении секретного арестанта. Книга его „Путешествие“ в указанном ордере Брюса совсем не упоминалась. И вообще никакого предлога для его ареста не было указано. Таким образом, ни комендант крепости Чернышев, ни арестовывавший Радищева подполковник Горемыкин, и тем более стража крепости не могли знать причины ареста Радищева. Они могли иметь об этом смутное представление лишь по слухам, носившимся по Петербургу о его столь смелой книге. И в дальнейшем во всех правительственных инстанциях дело Радищева велось в строжайшем секрете. В те дни, когда эзекютор Бухсет доставлял Радищева из крепости в Палату уголовного суда, из помещения Палаты удаляли всех канцелярских служителей. Допросы Радищева и чтение его книги производились заседателями Палаты при закрытых дверях.

Вся власть над Радищевым в Петропавловской крепости принадлежала только одному человеку — доверенному лицу Екатерины II — С. И. Шешковскому. Об этом официально было сказано в упомянутом ордере Брюса от 30 июня к оберкоменданту крепости Чернышеву. „Что ж касается собственно до него (Радищева, — Д. Б.), — писал Брюс, — то извольте во всем поступать по наставлениям господина действительного статского советника и кавалера Шешковского“ (II, 1).

Указание в этом ордере Брюса о том, что во время содержания Радищева в крепости „никого к нему не допускать“, свидетельствует о полной изоляции Радищева от внешнего мира. Этим указанием одновременно определялся и режим питания ему. Никаких передач, никакой помощи извне продуктами или деньгами Радищеву не разрешалось. Сенатор А. Р. Воронцов, бывший начальник Радищева по службе в Коммерц-коллегии, сделал было попытку передать ему 300 рублей для покупки пищи и необходимых вещей для предстоящей дороги в Сибирь, но эти деньги вручены были Радищеву лишь в самый последний момент при отправке его из крепости.¹ Радищев, таким образом, должен был существовать на так называемые „кормовые деньги“, которые отпускались на питание заключенных. Этих „кормовых денег“ отпускалось в крепости очень мало. Винский рассказывает, что ему „государыня пожаловала на корм“ всего лишь „пятикопеешник“. Екатерина II была беспощадна к своим противникам, никакие жалобы их на голод или болезни, быстро развивающиеся из-за недостатка пищи, не могли вызвать в ней ни малейшего сострадания. Об этом свидетельствует

¹ Архив кн. Воронцова, кн. V, М., 1872, стр. 398.

беспредельно жестокое обращение ее с другим тогдашним писателем — Н. И. Новиковым, заключенным спустя два года после суда над Радищевым в такую же секретную тюрьму Шлиссельбургской крепости.

Тюремный режим в Шлиссельбургской крепости был установлен для Н. И. Новикова тем же самым Шешковским, который вел дело Радищева, и по существу нисколько не отличался от режима Петропавловской крепости. Вместе с Новиковым были заключены в крепость его дворовый человек, а также врач М. И. Багрянский. Всем им вместе было определено Шешковским кормовых денег по рублю в сутки. При высокой цене на продукты в 1790-х годах этих денег было крайне недостаточно. „В рассуждении дороговизны на все съестные припасы, из получаемого рубля имеем самое нужное и бедственное пропитание“, — жаловался Новиков.¹

Никто не в силах был отменить порядок, установленный Шешковским в отношении содержания заключенных. За несколько лет сидения в крепости Новиков из здорового, энергичного человека, каковым он был до ареста, превратился в расслабленного старика. Ужасная участь Новикова, раскрывающаяся в сохранившихся документах о пребывании его в крепости, проливает свет и на положение Радищева в Петропавловской крепости. Однако следует отметить, что Радищев находился в крепости в более тяжелых условиях, чем Новиков. Радищев, как исключительно опасный и „важный арестант“, был закован в цепи, которых не знал Новиков.

По вопросу о том, когда был закован в цепи Радищев, существуют разноречивые показания.

Сын его Павел в своих воспоминаниях рассказывает, что Радищев был закован в первый же день привоза его в Петропавловскую крепость. „Его ведут в крепость, — пишет он, — налагают на него оковы и отдают в распоряжение Шешковского“.²

А. Р. Воронцов в своем письме к тверскому губернатору Г. М. Осипову от 12 сентября 1790 г. сообщает, что Радищев был закован в Петербургском губернском правлении при отправке его в Сибирь. „Сколь скоро до сведения ея величества дошло, — пишет он, — что С.-Петербургское губернское правление неведомо почему при отправлении его велело сковать и, как сказывают, гнусную нагольную шубу на него надели, взяв оную тут же у сторожа или солдата, о чем мы все

¹ Л. Светлов. Новые документы о Н. И. Новикове. Сб. „Звенья“, М., 1950, № VIII, стр. 763.

² Русский вестник, 1858, декабрь, кв. 2, стр. 407.

сведали только на другой день его отправления, то всемилоостивейшая государыня приказать изволила графу Якову Александровичу Брюсу отправить вслед за ним курьера с повелением его оковы снять и для пути нужное доставить¹.

Однако оба эти показания не являются в полной мере правильными. Более точные данные дают по этому вопросу судебные документы.

Первое указание о наложении на Радищева цепей было дано в определении Сената по делу Радищева от 7 августа 1790 г. После рассмотрения приговора Палаты уголовного суда Сенат вынес решение, состоящее из трех пунктов. В первом из них было сказано: „лишить его чинов, дворянского достоинства, исключить из кавалеров ордена святого Владимира и казнить смертью, а именно: по силе военного устава 20-го артикула отсечь голову“ (IV, 6).

Ввиду того что исполнение в этой части приговора должно было совершиться лишь по изданию высочайшего указа, то в следующем, втором, пункте решения были перечислены меры, которые необходимо было принять до издания высочайшего указа о смертной казни. Об этих мерах в определении Сената было записано следующее: „По точной силе указа 1754-го года сентября 30-го дня до воспоследования о сей смертной казни указа надлежало бы учинить ему жестокое наказание кнутом и, с постановлением повеленных сим указом знаков, заклепав в кандалы, сослать в тяжкую работу. Но как всемилоостивейше пожалованной дворянству грамоты в 15-м пункте изображено: телесное наказание да не коснется до благородного, то следствие сего и полагает, не чиня ему оного, а по лишении его чинов и дворянского достоинства, по исключении из кавалеров и по отобрании знаков ордена, до вышепомянутого о произведении ему смертной казни указа, заклепав в кандалы, сослать в каторжную работу, но не в Кронштадт, куда по имянному вашего императорского величества указу 1785-го года августа 20-го дня из Санкт-Петербургской губернии преступников отсылать повелено, а в Нерчинск, для того, дабы таковым его удалением отнять у него способ к подобным сему предприятиям“ (IV, 6).

В третьем пункте решения Сената говорилось о розданных и проданных Радищевым экземплярах „Путешествия“, которые надлежало, по определению Сената, собрать и немедленно сжечь.

¹ Архив кн. Воронцова, кн. V, 1872, стр. 399.

Указанные три пункта полностью были включены в доклад Сената по делу Радищева, поданный императрице 8 августа 1790 г. В этот же день, надо полагать, в соответствии со вторым пунктом решения Сената, Радищев был закован в кандалы на период до вынесения ему высочайшего указа о смертной казни. Таким образом, инициатива в этом деле исходила не от Петербургского губернского правления, как указывает А. Р. Воронцов, а от Сената.

Указ о Радищеве, последовавший 4 сентября 1790 г., ничего не говорил о снятии оков с Радищева. Они были сняты с него уже в Новгороде, на пути в Сибирь, по ходатайству А. Р. Воронцова перед императрицей.

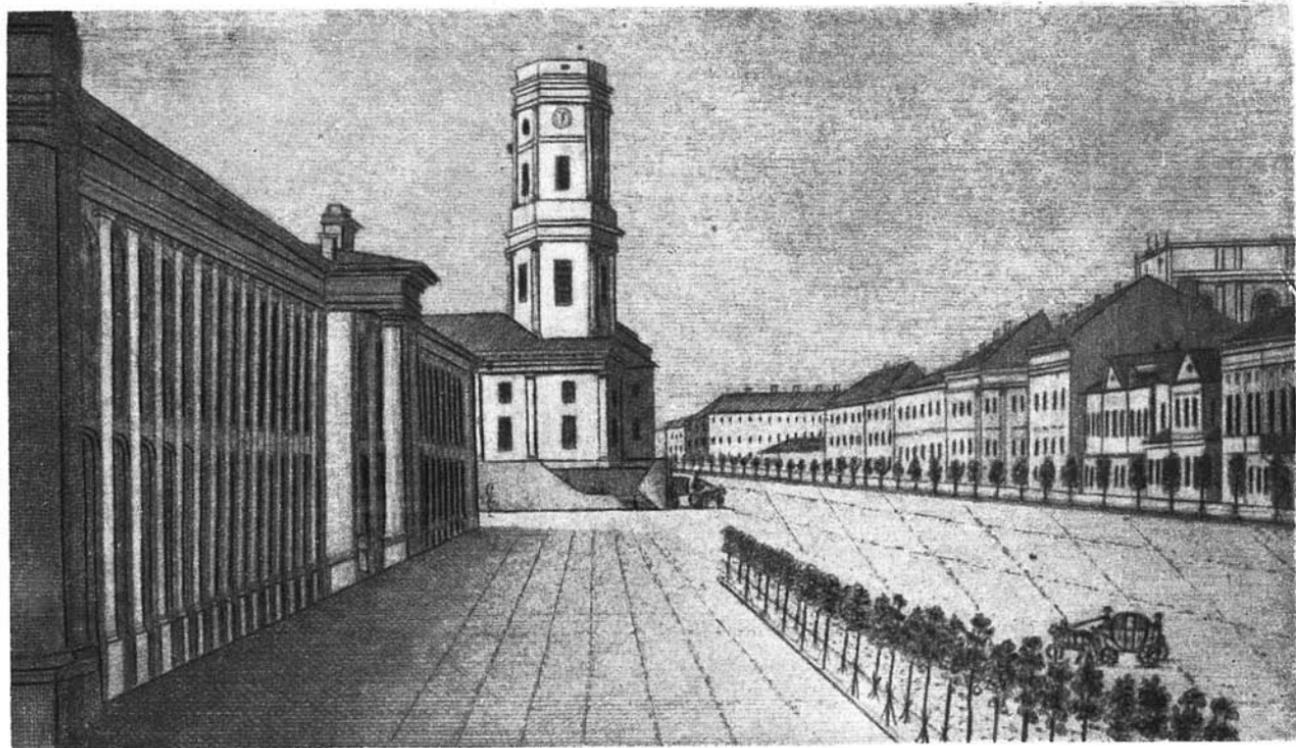
Каждый день пребывания Радищева в крепости проходил в остром нервном напряжении. В течение июля его мучали почти ежедневно допросами. 30 июня его допрашивал Брюс.

С первого июля к нему был приставлен Шешковский, тот самый жестокий чиновник Тайной экспедиции, который допрашивал вождя крестьянского движения Емельяна Пугачева. Он применил к Радищеву те же самые методы, которыми вытягивал признания у Пугачева. Пытка голодом и всевозможные угрозы сменялись лицемерными обещаниями полного прощения, если узник чистосердечно признается в своих замыслах и выдаст всех своих сообщников. Жестокость его к Пугачеву общеизвестна.

Имя Шешковского ассоциировалось у современников со страшными событиями. Поэтому вполне правдоподобным является рассказ сына Радищева, Павла Александровича, о том, что когда его отец узнал, что дело его поручено Шешковскому, он упал в обморок.

После первого допроса Шешковский заставил Радищева написать повинную. Затем шесть дней подряд, с 6 по 11 июля, не выходя из крепости, он задавал Радищеву бесконечные вопросы. 13, 15, 17 июля он снова уточнял некоторые детали о напечатании и распространении „Путешествия“. Этот „кнутобоец“, как называли его тогда, не щадил Радищева. Он производил свои допросы и днем и ночью, стремясь как можно быстрее закончить следствие.

В своих требованиях к Радищеву Шешковский был необычайно жесток. Уходя спать, он принуждал Радищева сидеть до утра и под наблюдением дежурного офицера писать свои показания. „Сего утра в шестом часу, — не без хвастовства сообщает он Безбородке 16 июля, — прислал ко мне Радищев написанную сею ночью при офицере на оставленном

Вид Гостиного двора 90-х годов XVIII в. в Петербурге. Суконная линия, идущая вдоль Невского проспекта на которой в книжной лавке под №№ 15 и 16 продавалась книга Радищева „Путешествие из Петербурга в Москву“.

Гравюра конца XVIII в.

листу бумагу, с коея списав копию, имею честь при сем приложить к вашему сиятельству“ (II, 8).

Система допросов Радищева была чрезвычайно усложнена. Она состояла из нескольких кругов. Первый круг вопросов был представлен в замечаниях Екатерины II на его книгу, копию которых она послала в крепость Шешковскому. Второй круг вопросов был составлен Шешковским на основе замечаний императрицы и показаний свидетелей. Палата уголовного суда применила новый порядок допроса. Здесь все вопросы были сведены в основном к четырем пунктам:

1. Он ли сочинитель книги?
2. В каком намерении сочинил ее?
3. Кто его сообщники?
4. Чувствует ли он важность своего преступления? (II, 6).

Прежние показания Радищева не были переданы в Палату. Они остались в Тайной экспедиции. Безбородко в записке Брюсу по этому поводу писал: „По сему кажется, что ни допросов, ему по Тайной экспедиции учиненных, ни его раскаяний туда посылать не следует, ибо допросы келейные ему учинены быть должныствовали из предосторожности, какие у него скрывались умыслы и не далеко ли они произведены“ (II, 6).

Радищева четыре раза вывозили в закрытой карете из крепости для допросов в Палату уголовного суда. Палата не верила его показаниям. Чтобы заставить его говорить более откровенно, решено было обратиться за помощью к церкви. Церковь своим авторитетом должна была воздействовать на него.

19 июля Радищеву было устроено так называемое священническое увещание. Беседу с ним проводил священник церкви Вознесения Матвей Иванов. Содержание этой беседы осталось неизвестным, однако результат ее, зафиксированный в небольшой записке, свидетельствует о полной неудаче Иванова.

Ужасная по своей методичной жестокости система допросов, отчаянная борьба за жизнь, ибо Радищев понимал куда ведут дело власти, окончательно истощила его физические силы. Каждый из перечисленных допросов представлял для него своеобразный бой. Его со всех сторон осыпали вопросами, наступали, а он, находясь в тягчайших условиях, в полной изоляции от внешнего мира, должен был обороняться, отбивать одну атаку за другой.

Буржуазные историки при изучении следственного дела Радищева не учитывали этого обстоятельства. В их работах

имела место явная тенденция фальсифицировать поведение Радищева на суде, показать его, употребляя выражение Екатерины II, „суще утуропленным“, то есть слабым и безвольным отступником от тех революционных идей, которые он пропагандировал в своей книге. М. И. Сухомлинов, например, писал: „В приливе отчаяния он беспощадно осуждал свой поступок и клеймил позором свою книгу, наделавшую ему столько бед“.¹

В действительности нельзя рассматривать показания Радищева вне той конкретной обстановки, в которой он находился в это время. Не имея возможности вести открытую борьбу, он избрал такую тактику обороны, которая позволила бы ему скрыть политические цели издания „Путешествия“ и своих единомышленников. Потом он сам дал оценку этим своим показаниям, заявив, что он никогда больше не повторит этого унижения перед дворянской толпой. В письме своем из Илимска к А. Р. Воронцову от 6 февраля 1792 г., в ответ на предложение Воронцова принести искреннее раскаяние, так как прежним его показаниям не верили, Радищев писал: „Нужны ли еще новые унижения? Ах, эти кандалы, если они во мне не убили мою живую душу, не иссушили сердца, неужели их было недостаточно для толпы?“.²

Для допросов Радищева, как это видно из следственного дела, была установлена определенная система. Сначала он давал показания устно, затем ему давали „вопросные пункты“, и он писал на них черновой ответ. Черновых ответов его до нас не дошло. Имеющиеся в деле собственноручно написанные им ответы все являются беловыми. По существовавшим правилам заключенному не разрешалось вносить позднейших исправлений в черновые ответы. Однако Радищев нарушал эти правила и при переписке черновики „очищал“ их. Так, например, он подверг значительной переработке свои ответы на „вопросные пункты“ Шешковского, за что получил от последнего замечание. По этому поводу ему пришлось давать специальное объяснение, которое писарь записал в самом конце ответов на вопросные пункты. „Наконец заключил сими словами, — говорится в этой записи: — что очищал я вышеописанные пункты, то признаюсь чистосердечно, что я исполнял только волю все милостивейшей государыни“ (II, 4).

¹ М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, стр. 597.

² А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, М. — Л., 1952, письмо № 60. — Здесь и далее цитируется академическое издание „Полного собрания сочинений“ А. Н. Радищева: т. I, 1938; т. II, 1941; т. III, 1952.

Ввиду того, что черновая рукопись его ответов не сохранилась, невозможно установить в какой мере он ее переработал. Можно только предполагать, что переработка эта состояла не в простом очищении стиля изложения, — за это ему не стали бы делать замечание, а касалась каких-то существенных изменений в самом содержании ответов.

Радищев оправдывается тем, что очищая „пункты“, он исполнял только волю императрицы, то есть приносил ей якобы чистосердечное признание, которого она от него требовала.

В действительности Радищев очень тонко и последовательно уклонялся от признания, особенно от прямых ответов на главные вопросы. Екатерина II настойчиво требовала, чтобы он рассказал о подлинном намерении, с каким писал свою „дерзкую“ книгу, и назвал своих сообщников. Радищев не делает ни того, ни другого. Его показания выражаются в признании правильности таких фактов, которые невозможно было отрицать, как например, что книга его действительно „дерзкая“, что ода „Вольность“ „есть наидерзновеннейшая“ и т. п. В ряде случаев он сбивает следствие, на многие пункты дает уклончивые, туманные ответы, сознательно уклоняясь от самого главного в сторону.

Наше особое внимание должны привлечь его ответы на „вопросные пункты“, которые он очищал в черновой рукописи и потому еще, что они являются самым главным его показанием. Здесь ему было предложено 29 пунктов. При проверке нами устанавливается, что на главные из них он дал уклончивые ответы.

В п. 3 показано, что „после цензуры переменял он некоторые только речения, а в других местах и листы, в которых однако ж важности не заключалось“. Показание это стремится скрыть тот факт, что печатный текст „Путешествия“ существенно расходится с рукописью, представленной в Управу благочиния. После цензуры Радищев включил в книгу весьма значительные вставки и в ряде мест сделал важные исправления. Впрочем, на основании рукописи, отобранной у Радищева при обыске, Шешковский установил тенденциозность его показания по этому пункту. Вследствие этого Радищеву пришлось написать „Дополнение к 3-му пункту вопросных пунктов о цензуре“, в котором он, согласно взятому им правилу не сообщать ничего лишнего, признал опять только то, что никак невозможно было отрицать. В указе Сенату от 4 сентября 1790 г., определившем окончательно судьбу Радищева, Екатерина II припомнила ему

этот случай и записала: „...учинив сверх того лживой поступок прибавкою после цензуры многих листов в ту книгу, в собственной его типографии напечатанную, в чем и признался добровольно“ (IV, 10).

В п. 4 весьма характерно показание Радищева относительно числа экземпляров книги, отданных в продажу. Он пишет, что „отдано в продажу купцу Зотову сперва 20, а потом 5; более ж никому не продавал“.

Показания Зотова все же свидетельствуют о том, что в продажу поступило книги не менее 75 экземпляров, не считая тех, которые Радищев сам роздал ряду лиц. В этом пункте Радищев совсем не упоминает Александра Царевского, который сам имел экземпляр книги и давал экземпляры для прочтения своим знакомым. Об экземплярах, розданных этим лицам, он сообщил уже позднее в Палате уголовного суда, когда ему показали корректурный экземпляр книги, отобранный у Царевского, то есть опять после того, когда уже невозможно было отрицать данного факта.

В п. 25 Радищеву был поставлен вопрос, что он разумел, когда писал в „Путешествии“: „и свободы не от их советов ожидать должно (отчинников), но от самой тяжести порабощения“.

По поводу этого места Екатерина II в своих замечаниях на книгу написала: „то есть надежду полагает на бунт от мужиков“. Она правильно поняла это выражение Радищева, но вот как он ответил по поводу его: „Писав сие, я то разумел: естли б случилось, что дворяне будут своих крестьян отягощать чрезмерно, и тогда высшая императорская власть их от онаго отягощения избавит“ (II, 4, 5).

Несомненно Радищев так никогда не думал. Мысль о том, что народ может получить свободу от самой тяжести порабощения, то есть от революционного восстания, он высказал не только в „Путешествии“, но и в „Опыте о законодательстве“, которое тогда еще не было опубликовано. В „Опыте о законодательстве“, говоря об английской буржуазной революции, он пишет: „К блаженству ее возник в сердцах ее сограждан дух вольности от стеснения, меры превосходящего“.¹

Приведенный ответ его носит явно иронический характер. Ирония эта легко вскрывается, если обратиться к тексту „Путешествия“. Криминальная с точки зрения Екатерины фраза содержится в главе „Медное“, где Радищев нарисовал

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 8.

ужасную картину продажи с публичного торга крестьянской семьи. Этой фразе предшествует разговор двух приятелей, глубоко возмущенных варварским торгом. Один из них, вспоминая широковещательные слова из екатерининского „Наказа“, говорит:

„— Не могу сему я верить, — сказал мне мой друг: — невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновение. — Не дивись, — сказал я ему: — установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу, нежели овцу во христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободно поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения“.¹

Радищев ссылкой на екатерининский „Наказ“ лишний раз подчеркнул, что народ не должен верить царским обещаниям, потому что царь никогда не согласится обидеть право собственности дворян.

Не получило следствие нужного ему ответа и на п. 28. На вопрос: „Не имели ли вы кого сообщников к проведению намерений, в сей книге изображенных?“ Радищев ответил категорическим отрицанием. „Как сам не имел никакого намерения сделать возмущение, — ответил он, — то и сообщников не имел“.

Вопрос о единомышленниках чрезвычайно сложный, он до сих пор, не получил надлежащего освещения ввиду того, что Радищев никого из них не назвал. Однако на основании ряда фактов, которые мы приведем ниже, они у него имелись.

Радищев стремился создать о себе неправдоподобное представление у судей. На вопрос, поставленный в п. 5, с каким намерением писал он книгу, он ответил: „Главное ево намерение в сочинении сей книги состояло в том, чтоб прослыть писателем и заслужить в публике гораздо лучшую репутацию, нежели как об нем думали до того“.

Эту же мысль он повторяет в п. 26 в отношении своей оды „Вольность“: „Намерения при составлении оды не имел иною, как прослыть смелым сочинителем“.

Решение представить себя судьям в виде легкомысленного писателя, гонящегося только за славой, им было принято

¹ Там же, т. I, стр. 351—352.

в первый же день ареста и составляло одну из особенностей его общей тактики обороны. Так, в первом же своем показании, известном в литературе под названием „повинной“, написанном 1 июля в крепости, Радищев заявил: „Дерзновенные выражения и неприличной смелости почерпнул я, читая разных писателей, и ни с каким другим намерением, как чтобы прослыть хорошим писателем. Да и самое издание книги ни к чему другому стремилось, как быть известным между авторами и из продажи книги приобрести себе прибыль“ (II, 4, 2).

Достаточно сопоставить это показание с самой книгой Радищева, чтобы убедиться в том, что оно не соответствует действительности. В посвящении „Путешествия“ А. М. Кутузову Радищевым достаточно ясно сформулировано его истинное намерение. „Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала“, — пишет он в начале этого посвящения, а в конце заключает: „Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и — веселие неизреченное! — Я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетельстве себе подобных. — Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит, кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли, кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей, кто в шествии моем меня подкрепит, — не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда?“¹

„Раскаianie“ Радищева было кажущееся и внешнее, делал он его вынужденно, скупо и, как это видно из переписки с Воронцовым, по настойчивому совету последнего, данному еще за несколько дней до взятия Радищева в крепость. Воронцов обещал ему добиться смягчения наказания. Свое обещание он подтвердил в письме к брату писателя М. Н. Радищеву от 30 августа, в котором писал: „Скажу вам, что как скоро откроется удобный случай, не оставляю я об нем приложить ходатайства о облегчении им заслуженного наказания. Я об нем по его несчастию сожалею не менее, как и его родственники“.² Радищев несомненно верил его обещанию, как верили ему и его родственники.

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 227.

² Собрание Воронцова, № 862, л. 13. Ленингр. отдел. Института истории Академии наук СССР.

Но, несмотря на отмеченные нами особенности показаний, Радищев нисколько не поступился в самом главном вопросе — в своем взгляде на крепостное право. В своих показаниях он вновь нарисовал картину бедственного состояния крепостного крестьянства и подтвердил свое сочувствие ему. В его ответах проявился не только умный и стойкий политик, но и замечательный писатель-гуманист, человек чистой совести, до последнего дыхания преданный своему народу. Книгу свою он называет „пагубной“ только в отношении себя, поскольку он понес за нее тяжелое наказание, но не в отношении народа, для которого он ее написал.

В своих ответах он настойчиво проводит мысль о том, что книга его правдиво отражает то, что он сам наблюдал в жизни или о чем „наслышался в народной молве“. „На мысль мне пришли многия случаи, — заявил он в своем показании от 1 июля, — о которых я слыхивал, и, дабы не много рыться, я вознамерился их поместить в книгу сию. Я думал, в заблуждении моем, что могут принести иногда пользу. Описывая состояние помещичьих крестьян, думал, что устыжу тем тех, которые с ними поступают жестокосердо. Шуточные поместил для того, чтобы не скучно было длинное, серьезное сочинение“ (II, 4, 2).

В этом же показании, давая объяснение отдельным главам своей книги, он пишет:

„Происшествие, в «Чудове» описанное, было в самом деле, и спящего систербецкого начальника сравнил с Субабом, дабы он устыдился“.

„Происшествием, описанным в «Зайцеве», я не убивство тщился и намерен был одобрить, но отвлечи жестокосердых от постыдных дел“.

Даже когда Радищев говорит о том, что он „неприличной смелости подчерпнул“ у других писателей, он заставляет вспомнить о благополучной судьбе подобных писателей в других странах. Горькой иронией полны в показаниях Радищева мнимые восхваления Екатерины II и ее „премудрых законов“. Они прямо напоминают о былом показном либерализме царицы, теперь сбросившей маску „просвещенной монархини“ и требующей смерти замечательного русского писателя.

Бесспорно, что правительство Екатерины II, заковавшее Радищева в цепи, сумело сломить его физическое здоровье, довести его в крепости до крайней степени изнеможения. Но ему не удалось разоружить его идейно, сломить его ненависть к насилию и заставить примириться с рабством.

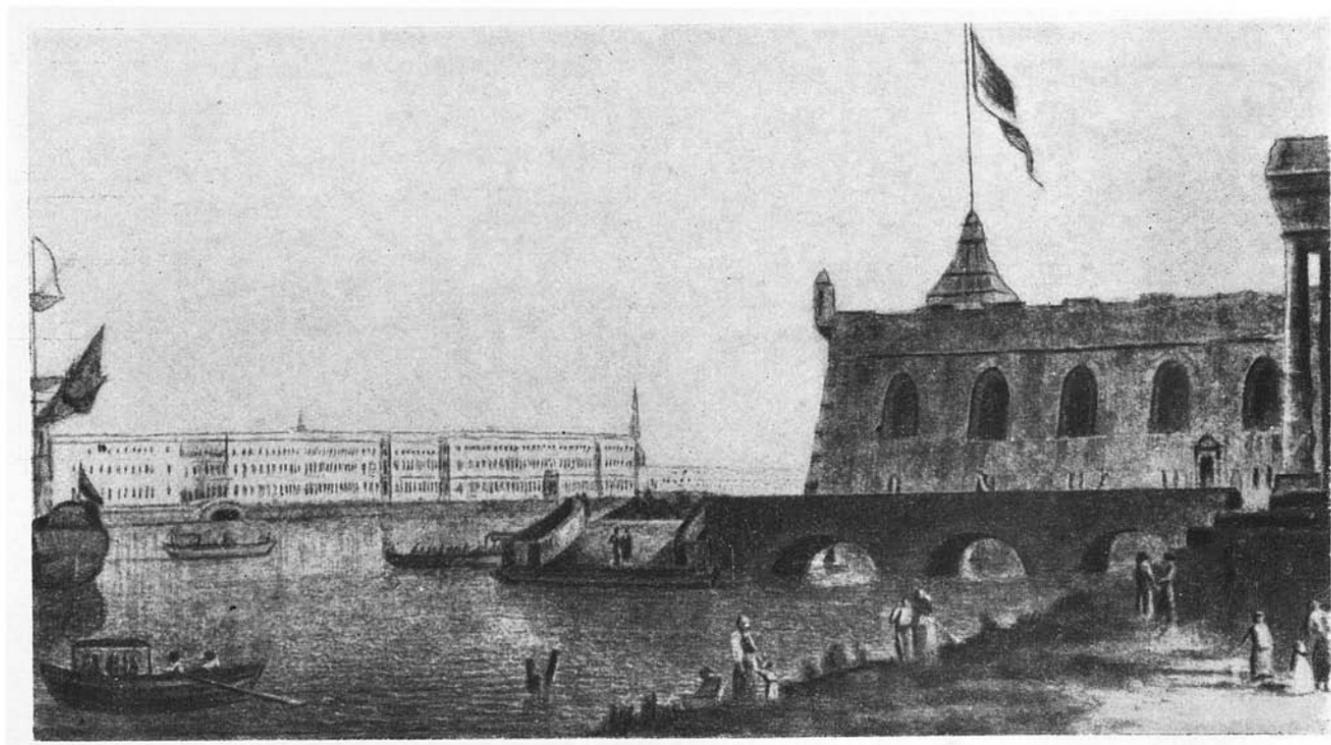
24 июля Радищев в присутствии Палаты уголовного суда дал свое последнее показание. В этот день от него брали образцы почерка, чтобы установить чьею рукою были сделаны поправки в экземпляре книги, отобранной у Александра Царевского. Радищев признал, что все поправки в этом экземпляре были сделаны его рукой. В этот же день вечером в Палате слушалось дело Радищева под председательством Михаила Пушкина, членов суда: Ивана Лефевра, Афанасия Иванова, Ильи Котельникова, секретаря Петра Попова.

Суд проходил при закрытых дверях, в отсутствии канцелярских служителей, согласно с тем порядком, который был указан Брюсом в его предложении Палате от 15 июля. Пять ничтожных чиновников, возглавлявших царское правосудие, в полутемном зале решали судьбу Радищева. Их решение уже заранее было предопределено указом Екатерины II от 13 июля, в котором о книге Радищева было сказано, что она наполнена „самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства и наконец оскорбительными и неистовыми изращениями противу сана и власти царской“ (III, 2).

Задача этих чиновников состояла в том, чтобы искусно подобрать соответствующие статьи закона и подвести под них поступок Радищева. Из приложенной к делу выписки из законов видно, в каком направлении шла их работа. Палата подняла из архивной пыли самые разнообразные постановления более чем за сто лет, начиная с Уложения царя Алексея Михайловича и кончая уставом 1782 г. Управы благочиния.

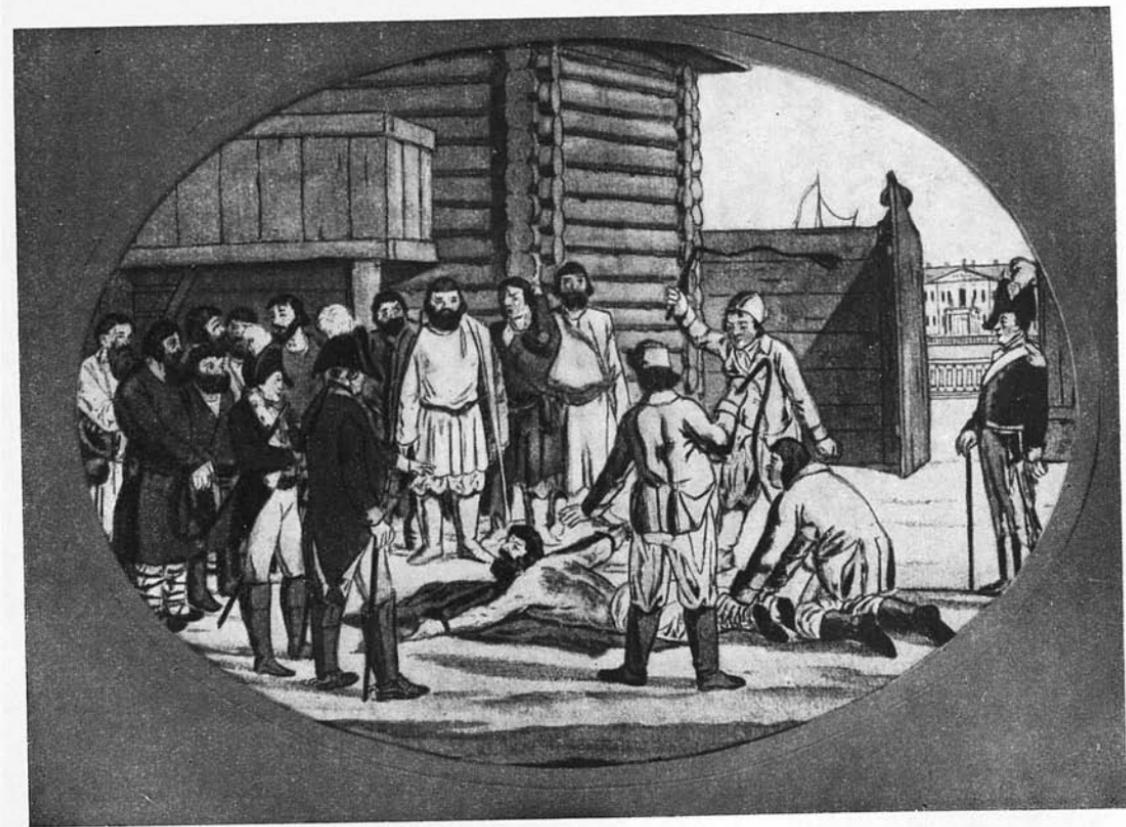
Палата вынесла Радищеву смертный приговор. Приговор был написан на пятнадцати листах. В конце его было сказано о Радищеве: „За сие ево преступление Палата мнением и полагает, лиша чинов и дворянства, отобрав у него знак ордена святого Владимира 4-й степени, по силе Уложения 22 главы 13 пункта, воинских 20, 127, 133, 137, 149 артикулов и 101 толкования, а также Морского устава 5 книги 14 главы, 103 артикула и на оной толкования казнить смертию, а показанные сочинения ево книги, сколько оных отобрано будет, истребить“ (III, 23).

26 июля приговор Палаты уголовного суда, согласно указанию императрицы, был передан через Брюса на утверждение Сената. О передаче этого дела Брюс доносил 26 июля

Вид Петербурга с Петропавловской крепостью, в которой был заключен А. Н. Радищев. Картина маслом
худ. Ф. Алексева, 1790.

Государственный Русский музей. Ленинград.

Пытка заключенного плетью в Тайной экспедиции. С акварели Гейслера.

Безбородке: „Я счел за нужное ваше сиятельство уведомить, что вчера вечером я получил из Уголовной палаты дело о господине Радищеве, который приговорен, как на основании Уложения, так и по многим артикулам военного процесса и морского устава, к смертной казни. Я то дело рассмотря и находя той палаты решение правильным, сего же утра представил Правительствующему Сенату, о чем покорнейше прошу ваше сиятельство ея величеству донести“ (II, 15).

8 августа Сенат утвердил приговор Палаты уголовного суда. Выказывая свое бюрократическое усердие перед Екатериной II, Сенат проявил исключительную жестокость в отношении Радищева: приказал заковать его в кандалы, сослать в каторжную работу в далекий Нерчинск и там его казнить — „отсечь голову“.

Доклад Сената по делу Радищева Екатерина передала 12 августа на рассмотрение Государственного (Непременного) Совета. Совет 19 августа, утверждая решение Сената, в своем протоколе записал: „Сочинитель сей книги, поступя в противность своей присяги и должности, заслуживает наказание, законами предписанное“ (V, 3).

После решения Совета Радищев более двух недель ждал смертной казни. Мучительно тянулись его дни в каземате Петропавловской крепости. „Сон, о сон, единственное в бедствии успокоение, блаженство плачевное в нещасти, приди на услаждение страждущего сердца...“, — писал он в дополнении к своему завещанию детям.

В крепости Радищев написал ряд бумаг. Кроме своих показаний, он написал несколько писем Шешковскому, своим детям и положил начало повести о Филарете. Подавленный физически и психически, он все же не прекращал здесь своей интеллектуальной деятельности. У него была слабая надежда на то, что когда-нибудь написанное им в крепости дойдет до его потомков. В письме к Шешковскому, приложенном к рукописи о Филарете, он писал: „Занимаясь писанием, разум более занят, нежели чтением, и забывшись хотя на малейшее мгновение, кажется, что я не в заключении“.

4 сентября, по случаю мира с Швецией, Екатерина II, надо полагать по настойчивому ходатайству А. Р. Воронцова, подписала указ о замене Радищеву смертной казни ссылкой на десять лет в Сибирь, в Илимский острог.

8 сентября, как об этом сообщается в рапорте Петербургского губернского правления Сенату, Радищев был взят из Петропавловской крепости экзекутором и в цепях, под большой стражей доставлен в губернное правление, где ему

и был объявлен этот указ. В этот же день у него дома были отобраны знак ордена Владимира с грамотою и патенты на его чины. Вечером, так же в цепях и „за крепчайшею стражею“ он был отправлен из Петербурга в Новгородское наместническое правление для дальнейшего следования в Сибирь.

Французский писатель Массон в своих мемуарах о России в царствование Екатерины II описывает следующий эпизод, разыгравшийся при отправке Радищева из крепости: „Он попросил разрешить ему обнять последний раз жену и детей; когда его вывели из тюрьмы, чтобы отправить, ему разрешили остановиться на берегу Невы, чтобы подождать их, но была ночь; подняли мост, чтобы пропустить суда, и в этот момент его несчастная супруга прибыла на другой берег. Радищев умоляет задержать его отправление, пока не пройдет судно или пока жена не найдет лодки. Напрасно, безжалостный конвой заставляет его сесть и запирает его в возок, на глазах его растерявшейся жены, простирающей с воплями к нему руки через реку“.¹

Описанный Массоном эпизод вполне мог иметь место; в нем следует уточнить всего лишь один факт, которого Массон мог и не знать, относительно жены Радищева. Жена его А. В. Рубановская умерла в 1783 г., а провожать его могла заботившаяся о нем и его детях, а потом поехавшая сопровождать его в Илимск сестра его жены Е. В. Рубановская.

Радищева увезли из крепости тяжело больного. Об этом свидетельствуют современники, видевшие его в пути следования в Сибирь. Тверской губернатор Г. М. Осипов в своем письме А. Р. Воронцову от 2 октября 1790 г. сообщает: „Посланной от меня в Москву возвратился, а господина Радищева довел в Московское губернское правление весьма в слабом здравье, так что уповаю, до выздоровления, пути он продолжать не может“.²

В. И. Лопухин в письме своем А. М. Кутузову от 31 октября 1790 г., передавая носившиеся в Москве слухи о том, что Радищев в дороге умер, писал: „Другое также могло случиться, особливо потому, что он на дороге между Петербургом и Москею был болен и здесь, сказывают, слаб же был“.³

¹ П. Е. Щеголев. Исторические этюды. СПб., 1913, стр. 7—8.

² Архив кн. Воронцова, кн. V, М., 1872, стр. 400.

³ Я. Л. Барсков. Переписка московских массонов XVIII в. Пгр., 1915, стр. 19.

Е. В. Рубановская, догнавшая Радищева в Тобольске, в письме своем А. Р. Воронцову от 8 мая 1791 г. из Тобольска писала: „Ваше письмо от 5-го апреля, только что полученное мною, окончательно заставило нас, как вы это советуете, решиться на отъезд. Я откладывала его лишь затем, чтобы дать моему другу время поправиться. Я решилась здесь задержаться не без некоторого раздумья. Если бы к моему приезду его состояние позволило ему продолжать путь, я не осталась бы здесь более ни на один день“.¹

Немного оправившись от ужасного потрясения в крепости, Радищев написал по дороге в Сибирь известный ответ любопытному:

Ты хочешь знать: кто я? Что я? Куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!

¹ Архив кн. Воронцова, кн. V, стр. 375.

О ДРУЗЬЯХ И ЕДИНОМЫШЛЕННИКАХ А. Н. РАДИЩЕВА, ПОДОЗРЕВАВШИХСЯ В ПОМОЩИ ИЗДАНИЮ „ПУТЕШЕСТВИЯ“

Материалы судебного процесса позволяют внести некоторые существенные уточнения в чрезвычайно важный вопрос о друзьях и единомышленниках Радищева, помогавших ему издавать „Путешествие“. Вопрос этот стоял в центре внимания следствия.

Вначале подозрение царских властей падало на одного из близких товарищей Радищева — Петра Ивановича Челищева. „По городу слух, — писала Екатерина II — будто Радищев и Щелищев писали и печатали в домовой типографии ту книгу, исследовав лутче узнаем“ (I, 1).

В начале следствия по делу Радищева Екатерина трижды упоминает Челищева. В приведенной записке она дает указание, вероятно графу А. А. Безбородке, собрать о Челищеве и Радищеве более точные сведения. Об этом ее подозрении Безбородко сообщает в письме к А. Р. Воронцову от 27 июня 1790 г. следующее: „По следствию, порученному обер-полицеймейстеру, а более думаю по слухам, сказано государыне, что авторы известной развратной книги господи Радищев и Челищев и что ее печатали в домовой типографии того или другого из них“ (I, 6, 2).

В своих замечаниях на книгу Радищева Екатерина снова упоминает о Челищеве. На этот раз она сближает Челищева с Радищевым по характеру их образования, подчеркивая их большую осведомленность в разных областях знаний. „Кажется сие знание, — пишет она, — в Лейпцихе получено, и доводит до подозрение на господ Радищева и Щелищева паче же буде у них заведено типография в доме, как сказывают“ (I, 7).

В замечании на „Письмо к другу жительствовавшему в Тобольске“ Екатерина почти прямо заявляет о том, что Челищев является после Радищева явным „подвизателем“ на

революционном поприще в России. „Сие сочинение такожде господина Радищева, — пишет она, — и видно из подчеркнутых мест что давно мысль ево готовилась ко взятому пути, а французская революция ево решила себя определить в России первым подвизателем. Я думаю Щелищев едва ли не второй...“ (I, 7).

Радищев, не выдавший ни одного из своих единомышленников, постарался рассеять носившиеся подозрения и слухи о Челищеве. „Что Челищев ему знаком, — отвечал он на вопросные пункты Шешковского, — сего он не отрицает, потому что он с ним был товарищем в Лейпциге в университете; что ж касается до связи и советов, как по сему сочинению, так и о других делах, то он никакого с ним сообщения не имел, и к нему и в дом уже более двух годов не приезжал“ (II, 4, 5).

До сих пор оставалось не выясненным: подвергался ли каким-либо репрессиям П. И. Челищев по делу Радищева или нет. По общераспространенному в литературе мнению он, якобы, не подвергся никакому преследованию. „Вскоре дело объяснилось, — пишет М. И. Сухомлинов, — и подозрение на счет Челищева рассеялось само собою“.¹

Аналогичное мнение высказал Л. Н. Майков в своем предисловии к дневнику П. И. Челищева. „Когда, в июле [1790] года, поднялась тревога по поводу изданного Радищевым «Путешествия из Петербурга в Москву», — пишет он, — императрица возымела подозрение, что Челищев принимал участие в сочинении и печатании этой книги. Очевидно, что Челищев был на дурном счету при дворе. Впрочем, подозрение это оказалось несправедливым, и Челищев не подвергся никакому преследованию“.²

Н. А. Челищев в своем описании рода Челищевых столь же категорически заявляет: „Участие П. И. Челищева [в деле Радищева], впрочем, нельзя было доказать, как желали его ненавистники, почему он и остался не привлеченным к ответственности“.³

Однако все эти высказывания нуждаются в существенном уточнении. Нами найдены два неизвестных до сих пор стихотворения П. И. Челищева, которые свидетельствуют о том,

¹ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии. СПб., 1885, стр. 400.

² Путешествие по Северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева. Издан под наблюдением Л. Н. Майкова. СПб., 1886, стр. VII.

³ Сборник материалов для истории рода Челищевых. Посмертный труд Николая Андреевича Челищева. СПб., стр. 243.

что он был арестован. Одно из них является посланием из тюрьмы к Екатерине II под названием „Стон нещастного дворянина“.

Стихотворение „Стон нещастного дворянина“ найдено нами в копии, написанной на бумаге, имеющей водяной знак 1790 г. Оно содержится в рукописном сборнике „Разные сочинения“, хранящемся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Заглавие к этому стихотворению, а также фамилия автора написаны позднее другой рукой, нежели его текст. По содержанию стихотворения, в котором имеется ряд автобиографических черт, видно, что оно принадлежит П. И. Челищеву, но владелец сборника по ошибке написал: „Н. Челищев“. В этом же сборнике, на стр. 146, имеется второе стихотворение П. И. Челищева, написанное в форме акrostиха, под названием „Благотворный мой избавитель“. Под ним автором указан „Петр Челищев“. Стихотворение это посвящено быстро двигавшемуся тогда по лестнице государственных должностей Д. П. Трощинскому. Первоначально оно было отпечатано Челищевым типографским способом на большом листе бумаги, украшенном гравированными заставкой и концовкой. Концовка изображает курящийся жертвенник с лирой, возле нее фамилия автора обозначена двумя буквами „П. Ч.“. Печатный экземпляр этого стихотворения имеется в бумагах Г. Р. Державина, хранящихся также в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Наверху листа имеется следующая собственноручная надпись Державина: „Челищев Трощинскому“. Эта надпись лишний раз подтверждает бесспорную принадлежность указанного стихотворения П. И. Челищеву.

Оба названных нами стихотворения совпадают по своей теме. Челищев называет Трощинского избавителем за то, что он изъял его из тюрьмы или, как он выражается, „из хляби алчна вещества“. В начале стихотворения он пишет ему:

Душою сострадая,
Мою зря горьку часть
И в черную напасть
Терзающу вникая,
Реченье истины направил
И кротку божеству представил
Изъять меня из хляби алчна вещества.

В этом стихотворении Челищев не указывает прямо места своего заключения, он аллегорично называет это место „фа-

тальным ковом, обрытом рвами“. Можно предполагать, что таким „фатальным ковом“ являлась для него, так же как и для Радищева и многих других последующих поколений революционеров, Петропавловская крепость. Вряд ли эпитет „фатальный“ можно было применить к какой-либо другой тюрьме. К тому же, как известно, Петропавловская крепость, граничащая с одной стороны с Невой, с других сторон окружена рвом, наполненным водою.

Челищев, не называя прямо всемогущей Тайной экспедиции, во власти которой он очутился, говорит Трощинскому о том, что из этого „фатального кова“ его никто не в состоянии был освободить, кроме Фелицы, т. е. Екатерины II. Он пишет:

Когда торжествовал мой враг,
Остря свой взор, скрипя клыками,
Фатальный ков обрывши рвами,
Из их когтей чтоб исхитить
Единой было лъзя орлице,
Великой той душе, Фелице,
Извлечь и жребий тяжкий облегчить,
Чертог тогда не ты ль отверз мне божества?

Тюремный режим был создан для Челищева, очевидно, такой же тяжелый, как и для Радищева. Никакие вопли и мольбы не могли смягчить этого режима. Он рассказывает Трощинскому о своем глубоком отчаянии:

Стенящий вопль тебя мой огорчил,
Когда в отчаяньи я рвался и ругался.
Изящный муж! Одним ты мною занимался
И благостью кощунство ты казнил.

Об этих же невыносимо тяжелых условиях он пишет и в послании к Екатерине:

О, нужда! Мать изобретенья,
Когда выводил из терпенья,
Сверх сил заставишь предпринять!
Питом быть ты мне внушила,
Пусть скажут, что ума лишила. . .
К чему мне ум употреблять?

Челищев делает оговорку в начале своего послания, что он не из числа „роптивных“ и что только крайняя необходимость заставляет его обратиться к императрице.

Царяца стран тобой счастливых!
Ты жалобный мой стон внимай,
Не чти его в числе роптивных,
И бога молят на земли!

В этом послании Екатерине большой интерес представляет рассказ Челищева о постоянных гонениях, которым он подвергался за свой прямой, честный характер, не терпящий гнусной лести и раболепия. Гонения и всякого рода доносы на него начались еще тогда, когда он учился вместе с Радищевым в Лейпцигском университете.

П. И. Челищев происходил из военной семьи. Отец его, Иван Сергеевич Челищев, происходивший из дворян Смоленской губернии, почти всю жизнь прослужил в армии в сравнительно небольшом офицерском чине; в последнее время своей жизни он служил секунд-майором в Воронежском гарнизоне. П. И. Челищев с января 1762 по 1766 г. обучался вместе с Радищевым в Пажеском корпусе. В начале 1766 г. он в числе двенадцати юношей был отправлен в Лейпцигский университет для изучения юридических наук. Обстановка и умственные интересы русских студентов в Лейпциге довольно ярко описаны Радищевым в повести „Житие Федора Васильевича Ушакова“. Юноши не взлюбили за жестокое обращение с ними своего надзирателя майора Бокума. В результате этого у них произошло с ним довольно резкое столкновение. Бокум подал на них в Петербург жалобу. В мае 1770 г., на основании вторичной жалобы Бокума, Екатерина II приказала отозвать из Лейпцига Федора Ушакова, Челищева и князя Трубецкого. В июне 1770 г. Федор Ушаков умер в Лейпциге, а осенью этого же года Челищев и Трубецкой прибыли Балтийским морем с большой опасностью для жизни, ввиду сильных штормов на море, в Петербург. Бокум в своем доносе обвинял их в праздности, в пренебрежении к учению и склонности к „развратным“, то есть революционным мыслям. По приезду в Петербург они разоблачили его во многих злоупотреблениях и бесчестности, но несмотря на это, клевета Бокума в какой-то степени повисла над ними.

Челищев, вспоминая свое возвращение из Лейпцигского университета в Петербург, пишет:

Воспитан был я во Гельветах
И правду там спознал от них,
Полезен мог я быть в советах
Или в воинствах твоих.
Судьба моя то воспретила,
Свои все силы устремила,
Мою чтоб твердость испытать!
Из стран иных как возвратился,
Льстецом я быть не научился,
Развратным стали почитать.

Полата гавсмацшата оубъ шину находить, что она понади
дасть Саксемъ томъ Провишлое, а потому его радише
да Дасе ево престолникіе Палата мкеніемъ ипо
маласть Миша кнзъ и зворакша которавъ б
келю Знавъ Олена Святало Владимира 4. Степеніи
Мокель. 22. маѣ. 13. Покшта, Волкенкав. 20. 127.
135. 137. 149. артимелъ и 101 полноканія, сптавъ
моренало Устага 5. кнзи 14. маѣ. 103. артимла
кмаокоу полноканія, Надкитъ Смертѣ. атонадакнл
Солкеникѣ ево кнзи, Сполбно оубъ спговано бдѣ, идрѣ
битѣ. копанъ состоимелася. 785. Гада апреля 21. кнл
Оторакнело Положенія въ 15. Статѣе Спандано, что
убло бялогоднело впадало въ златноу престолн
ніе итѣзанока достойнело Мишенія зворакнело до
Стоикнша или вѣсти или фидни дансвернитса
беднесенія всенать иконфирмаціи икнператор
скало Великнства, идиа того секпалатѣи привде
остави въ палатѣи Панатойзе, идило свилкшеви
въ полатѣи Солкениа того радише Пшклов, При
смакнѣ улисообшени и зворакнело пражениа. 25. числа
сео Мла - инсептиронтъ окоу кнзи Сприкснакн
иприравнани, послиа Гада. 1784. Гада майа 29. дня
диа представениа въ правителствѣи мѣи Снестѣ
бдкнствѣ къ влзноконандующему ево Снствлесту
господиу генералъ аншефъ сенаторъ и радише ор
денкзъ Коталелу Графъ Янау Александровиу Брюс

Александровичу Брюсу
Секретарю
Генералъ Аншефъ
Сенаторъ
и радише орденкзъ

№ 177. Подписано 25 июля

Морш

Мнѣніе Палатѣи ополмершанъ Соботкинѣ радишеоу

Кнзъ *Грассманн*

Смертный приговор А. Н. Радищеву, вынесенный Петербургской Палатой уголовного суда 25 июля 1790 г. за издание книги „Путешествие из Петербурга в Москву“.

Последняя страница подлинника. Государственный Исторический архив Ленинградской области

Слово „развратный“ в данном случае имеет не бытовое, а исключительно политическое значение, то есть распространяющийся в народе непозволенные мысли против правительства и существующего строя. В этом смысле это слово Екатерина II применила для характеристики „Путешествия“ Радищева. В записке к Безбородке она говорит: „Напиши еще к нему, что кроме раскола и разврату ничего не усматриваю из сего сочинения“.

Под „Гельветами“ Челищев подразумевает идеи французского публициста Гельвеция, которыми они увлекались в Лейпциге. Об этом довольно подробно рассказывает Радищев в повести „Житие Ф. В. Ушакова“. Книгу Гельвеция „Об уме“ рекомендовал им один из русских офицеров, проезжавший в конце 1768 г. в связи с русско-турецкой войной через Лейпциг в Молдавию, где находилась часть русских войск. „Признаться надлежит, — пишет Радищев, — что Ф... присутствием своим в Лейпциге и обхождением с нами возбудил как в Федоре Васильевиче [Ушакове], так и во всех нас великое желание к чтению, дав нам случай узнать книгу Гельвециеву о Разуме. Ф... толикое пристрастие имел к сему сочинению, что почитал его выше всех других, да других может быть и не знал. По его совету Федор Васильевич и мы за ним читали сию книгу, читали со вниманием и в оной мыслить научались. Лестна всякому сочинителю похвала иногда и невежды, но Гельвеций конечно равнодушно не принял, узнав, что целое общество юношей в его сочинении мыслить училися“.¹

Челищев рассказывает о том, как избавились от него в Петербурге, послали в черноморские степи или, как он выражается, в Сарматы, на турецкий фронт. На фронте он показал себя храбрым офицером. Командование дважды посылало его с реляцией о победе к Екатерине II.

В Сарматы ровно в наказанье
Хоть сослан был, не унывал;
Привел там в действие ратно знанье,
Врата я града разломал.
С той вестию, что град мы взяли,
К твоим стопам меня послали,
Из уст твоих возвышен был!
Чрез то я целью стал завистных
И тучи стрел их ненавистных
Текли, но ветр их уносил.

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 177.

Но, несмотря на все его воинские заслуги, на его горячий патриотизм и желание жертвовать собою в любую минуту ради блага своего отечества, его все же уволили из армии по доносу какого-то саксонца. Он говорит, что зависть ему „погибель соплела“:

Саксонца там уговорила
И им меча меня лишила,
Потом до ссылки довела.

Из армии он был уволен, очевидно, в 1780 г., так как далее он говорит о том, что десять лет после этого терпел различные беды. В 1790 г. он значился отставным секунд-майором и жил в Петербурге на квартире у придворного подкондитера Григория Иванова. Свою жизнь он называет несносной и с завистью указывает на своих сверстников, которые имеют возможность трудиться для пользы отечества. Прося у Екатерины казни или помилования, он пишет:

Сверх срока десять лет терпимы
Различные беды мои.
С преданности мной носимы
Того достойны, чтоб твои
Спустились на меня днесь взоры —
Хотя бы умер без укоры
И то блаженством бы почел! —
Так бытие мое поносно,
И духу моему несносно,
Что я в отчаянье пришел!
Казни, великая царица!
Умышленно коль винен я,
Но прежде, чтоб моя зеница
Спод. билась узреть тебя!
Прими мое ты оправданье
И естли младости незнанье
Ты мне виною не сочтешь,
Попрешь мсей судьбины злобу,
Простишь меня и, дав свободу,
Еще пред лик свой призовешь.

Из приведенных нами стихотворений Челищева не видно, когда он был лишен свободы. В бумагах Тайной экспедиции нам не удалось разыскать о нем каких-либо документов.

На основании вышеприведенных высказываний Екатерины II относительно предполагаемого сообщничества Челищева с Радищевым в издании „Путешествия“ можно сделать вывод, что в конце июня 1790 г. Челищев находился еще на свободе. Радищев, давая ответ в Петропавловской крепости Шешковскому о своих связях с Челищевым, также еще ни-

чего не знал об его аресте. Ни о каком аресте Челищева до возникновения дела в 1790 г. о Радищеве не упоминает и Шешковский, от которого такой факт, конечно, не мог бы укрыться. Из его вопроса к Радищеву видно, что деятельность Челищева мыслилась им до этого времени вполне свободной. „Не имел ли, или не имеет ли какой связи с господином Челищевым, как в сем сочинении, так и в другом деле?“ — спрашивает он. Надо полагать, что Челищев был арестован уже после заключения Радищева в крепость, то есть в июле 1790 г. Сколько времени он сидел в заключении, определить точно так же не удастся. Известно из его дневника, что в мае 1791 г. он был уже на свободе.

То, что Челищев сидел в тюрьме в 1790 г., а не позднее, подтверждается еще одним фактом. В 1792 г. он перевел с немецкого, по поручению приезжавшего в Петербург эрфуртского композитора И. В. Геслера, кантату Фохта „Фелица мать народов“ и издал ее в декабре того же года отдельной книжечкой. В объяснении к кантате, приложенном в конце книжки, он упоминает о тяжелом перенесенном им случае, из которого он едва выбрался живым и которое охладило его чувства. Говорит он об этом намеками, полагая, что современникам случай этот хорошо был известен.

„Влача обременительную мою ненадобность, — пишет он, — не думал я уже иметь щастие петь хвалу всеобщей повелительнице племен российских; и еще менее надеялся предать когда-нибудь тиснению плоды охладевших чувств моих“.¹

Смысл приведенных слов Челищева может быть правильно раскрыт только при сопоставлении их с приведенным выше посланием из тюрьмы к Екатерине II и благодарственным стихотворением за избавление Д. П. Троицкому. При этом следует отметить одну деталь, которая повторяется в обоих названных нами изданиях Челищева. В печатном экземпляре стихотворения Троицкому „Благодарный мой избавитель“ имеется гравированная концовка, на которой изображен курящийся жертвенник с лирой. Эта же самая концовка была использована затем Челищевым и в книжке „Фелица мать народов“ (стр. 21). Все это вместе взятое подтверждает, что Челищев мог находиться в заключении только во второй половине 1790 года.

П. И. Челищев был близко знаком с Радищевым около тридцати лет. Со студенческих лет у них были общие товарищи: Ф. В. Ушаков и А. М. Кутузов. Дружба их продол-

¹ Фелица мать народов. Драматическая кантата. СПб., 1793, стр. 22.

жалась и в Петербурге. Они бывали, как об этом показал сам Радищев, друг у друга в домах. Несомненно, при этих встречах в домашней обстановке Радищев делился со своим другом мыслями и возможно читал ему главы „Путешествия“ еще до момента его издания. В дальнейшем мы подтвердим это фактами, показывающими несомненную идейную близость Челищева к Радищеву.

Мы не знаем пока точно, какими материалами располагала о Челищеве Екатерине II. Но на основании некоторых документов, дошедших до нас, можно вполне заключить, что П. И. Челищев отличался большим свободолобием и во многом разделял политические взгляды Радищева. Арест и тяжелый тюремный режим, которому он подвергся, несколько, как мы покажем ниже, не изменили его убеждений. Послание его из тюрьмы к Екатерине II, в котором он обещает ей верно служить, было написано с целью обычной самозащиты.

Не на одного Челищева падали подозрения правительства. Так, например, в своих замечаниях на книгу Радищева Екатерина II написала:

„Вероподобие оказывается, что он себя определил быть начальником, книгою ли или инако изторгнуть скиптра из рук царей, но как сие исполнить един не мог, показывается уже следы, что несколько сообщиков имел“ (I, 7).

Среди современников было распространено мнение о том, что к изданию радищевского „Путешествия“ имел какое-то отношение А. Р. Воронцов, находившийся в известной оппозиции к Екатерине II. Секретарь саксонского посольства в Петербурге Гельбиг в своих мемуарах пишет: „На покровителей Радищева, графа Воронцова и княгиню Дашкову (сестру А. Р. Воронцова, — Д. Б.), эта история имела также влияние. Их связи с этим человеком были известны. Их обвинили в участии в составлении книги, и они должны были оправдываться перед Тайной канцеляриею. Наказаны они не были, но потеряли свое значение у государыни, и должны были наконец мало-помалу удалиться от двора и государственных дел“.¹

А. С. Пушкин в своей статье „Александр Радищев“ также отмечает: „Сохранилась его [Радищева] переписка с одним из тогдашних вельмож [А. Р. Воронцовым], который может быть, не вовсе был чужд изданию «Путешествия»“.²

¹ Библиографические записки, т. I, 1858, № 23, стр. 729—735.

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в десяти томах, т. VII, М. — Л., 1949, стр. 356.

В 1792 г. А. Р. Воронцов, под предлогом годичного отпуска, устранился совсем от службы Екатерине II. Она писала по этому поводу, повидимому, А. А. Безбородке: „Заготовьте указ о отставке Воронцова. Не спору, что он вам дорог и что таланты имеет, всегда знала, а теперь навяще ведаю, что его таланты не суть для службы моей и что он мне не слуга. Сердце принудить нельзя, права не имею принудить быть усердным ко мне, кто не есть. Разведены и развязаны будем на век, ч[орт] е[го] п[обери]“.¹

Уйдя в отставку, А. Р. Воронцов написал критические „Примечания на некоторые статьи, касающиеся до России“, которые он представил в 1801 г. Александру I как труд, исполненный „свободою мысли“. „Примечания“ его высоко оценил Н. А. Добролюбов и использовал их в своей статье „Русская сатира в век Екатерины“ как исторический документ для характеристики эпохи. В своих „Примечаниях“ Воронцов довольно откровенно выразил недовольство политикой Екатерины II. В них содержится весьма важное указание на то, что в конце царствования Екатерины народ желал „скорой перемены“, иначе говоря, насильственного свержения императрицы. Говоря о величайших неурядицах внутри России, Воронцов пишет: „Непомерная роскошь, послабление всем злоупотреблениям, жадность к обогащению и награждения участвующих во всех сих злоупотреблениях, довели до того, что и самое Учреждение о губерниях считалось почти в тягость, да и люди едва ль уже не желали в 1796-м году скорой перемены, которая по естественной кончине сей государыни, и воследовала“.²

Характеризуя далее состояние воинских учреждений, находившихся во власти аморального человека — князя Г. А. Потемкина, Воронцов отмечает: „Страшные злоупотребления и расточения, вкравшиеся по сей части (и кои начало свое взяли и далее простирались от 1775 года, отнюдь не от самых учреждений произошли, а от необузданности временщиков), которые, так сказать, сделались общими и которые не по одной военной, а по всем частям государства распространились. Прямою эпохою водворения сих злоупотреблений почитать должно самовластие и властолюбие покойного князя Потемкина, а на него глядя и видя, что не только нет взыскания и отчета на обогащение людей, но и к почестям

¹ Архив кн. Воронцова, кн. XII, стр. 103, прим.

² А. Р. Воронцов. Примечания на некоторые статьи, касающиеся до России. Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 1, М., 1859, Отд. „Смесь“, стр. 96.

и к награждениям лучшею было дорогою, редкой по части, ему вверенной, не находил для себя выгодным по тем же следам итти, ибо не всякий имеет в себе столько твердости души, чтоб худым примерам не последовать, особливо, когда они многие приятности в жизни доставляют“.¹

Несомненно политические взгляды Воронцова значительно отличались от взглядов Радищева. Радищев как последовательный революционер отрицал основы самодержавно-крепостнического строя, а Воронцов негодовал лишь против системы частных злоупотреблений, особенно сильно водворившихся в эпоху Екатерины II.

Вопрос о взаимоотношениях Воронцова и Радищева довольно сложный. Дружба их продолжалась в общем более двадцати лет, и мы не будем здесь на ней останавливаться. Отметим лишь тот факт, что Воронцов отрицательно относился к суду над Радищевым и как сенатор и как член Государственного (Непременного) Совета не принимал никакого участия в нем. Дело о Радищеве рассматривалось в Государственном Совете 19 августа в отсутствие Воронцова, хотя он как член Совета должен был на этом заседании присутствовать. Подписи его под решением Совета, окончательно утвердившим смертный приговор Радищеву, также не стоит. Решение подписал гр. Брюс, гр. Соймонов, гр. Остерман, гр. Мусин-Пушкин, гр. Безбородко, Стрекалов и гр. Завадовский.

Более того, в тот момент, когда на Радищева обрушились все судьбы, сенаторы и члены Государственного Совета, Воронцов не побоялся поднять свой голос в его защиту. Из вышеприведенного письма его к М. Н. Радищеву от 30 августа 1790 г. видно, что он намерен был при первом удобном случае говорить лично о Радищеве с Екатериной II и, надо полагать, что только по его ходатайству Екатерина заменила смертную казнь Радищеву ссылкой в Сибирь. По ходатайству же Воронцова были сняты в дороге с Радищева кандалы. Кроме того, как известно, Воронцов принял на себя все расходы по содержанию Радищева в ссылке.

Все эти обстоятельства несомненно дали основание современникам заподозрить А. Р. Воронцова в сообщничестве с Радищевым. Однако у нас нет пока никаких данных о том, чтобы предполагать действительное участие Воронцова в той или иной форме в издании „Путешествия“.

Подозрения падали, очевидно, не только на Челищева и Воронцова. Из замечаний Екатерины II на книгу Радищева видно, что она в этом деле обнаруживала следы не одного и не двух, а несколько сообщников.

Из вопросов, заданных на этот счет Радищеву следователем, видно, что подразумеваемые сообщники делились на две категории: лиц, непосредственно участвовавших и помогавших Радищеву в издании „Путешествия“, и лиц, готовящихся, по выражению Екатерины, „изторгнуть скипетр из рук царей“. Шешковский в „вопросных пунктах“ спрашивал: „Не имели ли вы кого сообщников к произведению намерений, в сей книге изображенных?“ (II, 4, 5). „В каком намерении сочинили вы оную книгу? Кто имянно были вам в том сообщники?“ — допытывалась Палата уголовного суда (III, 4).

В печати неоднократно ставился вопрос о друзьях и единомышленниках Радищева. Однако до сих пор, за недостатком фактических данных, он решался в большинстве случаев умозрительно. Широко известно на этот счет высказывание А. С. Пушкина: „Радищев один, — писал он. — У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае неуспеха — а какого успеха может он ожидать? — он один отвечает за все, он один представляется жертвой закону“.¹

Пушкин писал эти строки тогда, когда многих материалов о Радищеве еще не было известно. Поэтому вполне естественно, что выступление Радищева в печати против самодержавно-крепостнического строя казалось ему чрезмерно „дерзким“ одиночным актом.

Сознательное искажение исторических фактов в отношении к Радищеву допустили буржуазные историки. Вытравляя из творчества Радищева его революционную сущность, они старались изобразить Радищева идейно одиноким писателем, изолированным мыслителем, лишенным каких бы то ни было общественных связей. Так, В. А. Мякотин писал: „На суде, происходившем в 1790 г., Радищев совершенно правильно показывал, что он при составлении своей книги «общников не имел». Не имел он сообщников и в течение всей последующей своей деятельности, оставаясь в ней совершенно одиноким“.²

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в десяти томах, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 354—355.

² В. А. Мякотин. На заре русской общественности. М. 1918, стр. 76.

Подобный мотив буржуазных историков был подхвачен и некоторыми советскими исследователями.

Такая точка зрения на деятельность Радищева является неправильной. Как показывают даже материалы судебного процесса, около Радищева имелась целая группа лиц, которая не только разделяла его убеждения, но и практически помогала ему издавать „Путешествие“. К числу таких лиц в первую очередь следует отнести Александра Алексеевича Царевского.

О Царевском сам Радищев упоминает дважды. Отвечая на вопрос Шешковского, кем сочинена книга „Путешествие из Петербурга в Москву“, Радищев пишет: „Сия книга сочинена им, Радищевым, самим, и черной манускрипт весь писан был его рукою; по написании ж оной переписывал ее на бело таможенный надзиратель Царевский“ (II, 4, 5).

Второй раз Радищев упоминает о Царевском в показаниях, данных им в Палате уголовного суда. Перечисляя экземпляры „Путешествия“, которые он подарил своим знакомым, Радищев сообщает: „Один хотел дать надзирателю Царевскому, но дал ли или нет того не помню“ (III, 4). И далее, в приложении к этому показанию, он добавляет: „Александр Царевской надзиратель при таможне у разъезда на судах“.

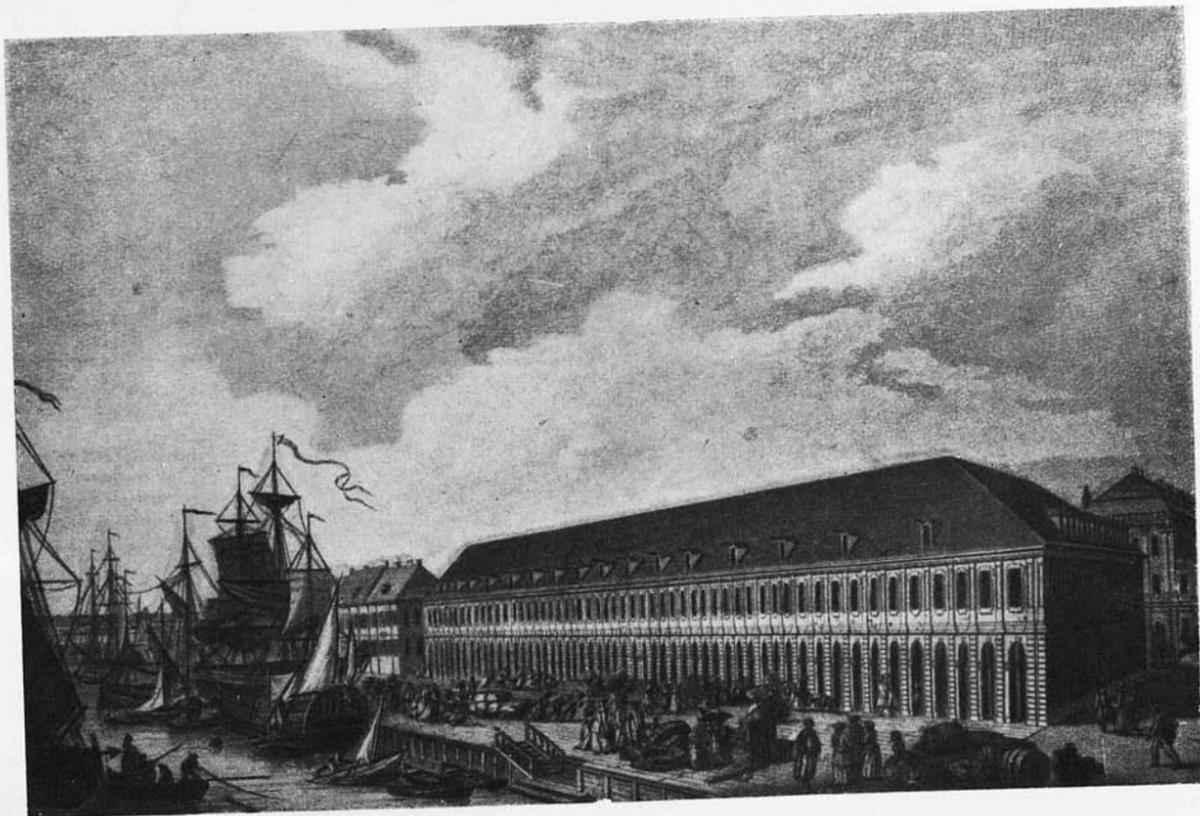
Кто такой был Александр Царевский? Почему Радищев доверил ему переписывать на бело столь политически ответственную рукопись своей книги?

Из приведенных показаний нельзя вывести каких-либо определенных данных об этом человеке и его взаимоотношениях с Радищевым. До сих пор не было также никаких данных о Царевском и в печати.

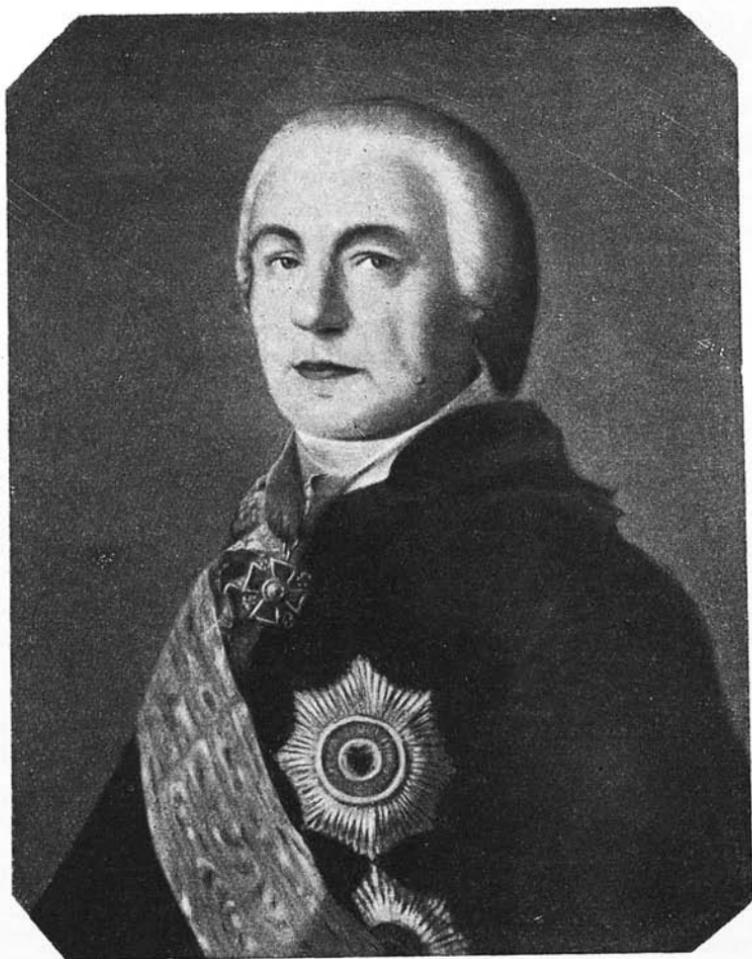
Ряд весьма ценных данных о Царевском впервые предстает пред нами здесь из неопубликованной части бумаг Петербургской Палаты уголовного суда. Среди документов этой Палаты, относящихся к делу Радищева, сохранились два показания Царевского, написанных его рукой. Здесь сохранилась его автобиография, в которой он рассказывает о своих многолетних связях с Радищевым.

Царевский был, видимо, незаурядным человеком. Сын провинциального священника, он попал в Петербург из провинции благодаря своим большим способностям. Он являлся одним из типичных разночинцев XVIII в., человеком без связей, получившим образование благодаря лишь своим способностям и трудолюбию.

Царевский был привлечен к допросу по делу Радищева. На допросе в Палате уголовного суда 23 июля 1790 г. он

Петербург конца XVIII в. Вид старого Гостиного двора и таможни.
Гравюра конца XVIII в.

А. В. Воронцов. Портрет маслом неизвестного художника
конца XVIII в.

показал о себе: „Отроду ему двадцать шесть лет, отец его священник Казанской епархии Алексей Ильин, мать его Парасковья Ивановна; рожден от них в городе Царевкокашайске; обучался в Казанской семинарии грамматике, риторике, философии; потом по требованию комиссии о народных училищах взят в Петербург в 783 году в гимназию учительскую, в которой обучался преподаваемым наукам, потом определен учителем. В сей должности находился по 786-й год или 787-й год, а точно не упомнит. После сего определен в Таможню в 1787-м году к познанию таможенных дел по прошению его и по увольнению приказа Общественного призрения и определен надзирателем при страже“ (III, 17).

Из дальнейшей части автобиографии Царевского выясняется, что он знал Радищева еще задолго до своего поступления на службу в Петербургскую таможню. „За два же года прежде определения его в таможню, — пишет Царевский, — обучал он детей у господина коллежского советника Александра Николаевича Радищева истории, географии, чистописанию, арифметике, алгебре и грамматике, с получением от него платы“ (III, 17).

Из приведенного рассказа видно, что Радищев знал Царевского довольно близко не менее пяти лет до издания „Путешествия“. В течение такого длительного срока он сумел воспитать этого молодого человека в своем духе настолько, чтобы не бояться доверить ему переписывание рукописи своей книги.

Палата уголовного суда вызывала Царевского с целью проверить: давал ли ему Радищев в действительности экземпляр „Путешествия“ или нет. Что касается показания Радищева Шешковскому о том, что Царевский переписывал ему рукопись, то это показание Палате осталось неизвестным.

У Царевского оказался корректурный экземпляр книги с многочисленными приписками и поправками Радищева. Это обстоятельство заставило Палату насторожиться. Перед допросом Царевскому было сделано строгое предупреждение, чтобы он говорил только „сущую правду“. Однако несмотря на это, Царевский не выдал правду судьям Екатерины II. В его показании фигурируют такие туманные и неопределенные выражения, как то: „не знаю, а помнится“ или „подлинно не знаю“ и т. п. Он ничего не сказал о своей работе по переписыванию рукописи Радищева для набора. Более того, он заявил, что всей книги Радищева он еще и не чи-

тал. Относительно имевшегося у него экземпляра книги он заявил следующее: „Что касается до принесенной им корректурной книги, то он получил ее из дому господина Радищева, когда отпечаталась она, назад тому месяца полтора, а подлинно не знаю. Приписок и поправок в оной никаких он не делал и кто оные делал, того не знает. Взял же ее для чтения в доме Радищева лежащую на столе в том самом покое, где учились дети, при детях того Радищева, но знал ли о сем Радищев, того не знаю и он о том ему не сказывал. И еще оную книгу всю не прочитал“ (Ш, 17).

Имя Александра Царевского невольно всплыло в показаниях двух свидетелей — Дарагана и Кузовлева, вызванных в Палату уголовного суда по делу Радищева. Показания этих лиц до сих пор также не были опубликованы и на них поэтому следует остановиться.

Прапорщик Козьма Дараган, также как и Царевский, находился под непосредственным начальством Радищева на службе в Петербургской портовой таможне. Он был большой любитель литературы и сам пробовал сочинять стихи. В 1788 г. он издал отдельной книжечкой несколько своих стихотворений под названием „Станцы на смерть... графини Марьи Андреевны Румянцевой. Сочиненные Козьмою Дараганом“ (СПб., 1788). Один экземпляр этой книжечки он подарил Г. Р. Державину. Знаменитый поэт сделал на нем следующую надпись:

Престань писать стихи любезной Дараган,
А бей ты лучше в барабан.¹

Какие были взаимоотношения у Дарагана с Радищевым — выяснить пока не удастся. Надо полагать, они не были близкими. Возможно, Радищев пытался оказать на него влияние. С этой целью он подарил ему свою книгу. Дараган на допросе показал, „что полученная им от господина коллежского советника Радищева книга под названием «Путешествие из Петербурга в Москву» отдана им таможенному надзирателю Александру Царевскому по получении на третий день, которая у него, Царевского, и осталась“ (Ш, 13).

Из показания Дарагана явствует, что Царевский являлся передаточным звеном между Дараганом и Радищевым. Далее

¹ Отчет Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895, стр. 96.

выясняется, что Царевский раздавал экземпляры „Путешествия“ для прочтения ряду других лиц. В своей приписке к показанию Дарзгана он пишет: „Я же, Царевский, от показанного прапорщика Дарзгана объявленную книгу под названием «Путешествия из Петербурга в Москву» получил, которую отдал Петру Дмитриеву Кузовлеву, серпуховскому мещанину для прочтения на короткое время и более у меня такой книги нет“ (III, 13).

Из показания П. Д. Кузовлева выясняется, что он получил от Царевского не один экземпляр, как утверждает Царевский, а две книги. „17^ю года июля 23 дня, — пишет Кузовлев, — я, нижеименованный, дал сию расписку надзирателю здешней таможни Александру Царевскому в том, что из взятых мною у него двух книг под названием «Путешествие из Петербурга в Москву», одна отдана мною квартальному офицеру Ивану Иванову Богдановичу, другая Матвею Овчинникову, в чем и подписуюсь“ (III, 14).

Приведенные материалы хотя и не раскрывают до конца всех нитей, которыми Царевский был связан с Радищевым и его единомышленниками, но они бесспорно показывают, что Царевский являлся одним из ближайших помощников Радищева не только в процессе подготовки рукописи к печати, но и в распространении книги среди читателей.

Царевский, находившийся в течение ряда лет с Радищевым и его детьми в дружественных отношениях, остался преданным Радищеву и после ссылки последнего в Сибирь. Узнав о том, что у Радищева остались большие денежные долги, он поехал к его отцу Н. А. Радищеву в Саратовскую губернию просить о погашении этих долгов. О его участии в семейных делах Радищева сообщает М. Ф. Кашталинский, которому Радищев оставался должен 3000 рублей. Кашталинский в письме своем к А. Н. Радищеву от 5 ноября 1797 г., рассказывая, что Николай Афанасьевич Радищев отказался погасить долги сына, между прочим пишет: „...но когда я напоследок, с некоторым для меня убытком, послал к нему Царевского, то получил в ответ: кто брал деньги, тот и заплатит. Между тем по его же письму и на его вексель дал я госпоже Ксиландеровой к ее свадьбе 1000 рублей, вместо которых чрез Царевского ж получил в ответ, что он Ксиландеровой не должен“...“¹

¹ Я. Л. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева, т. II, стр. 548.

Из приведенного письма Кашталинского видно, что через Александра Царевского отец Радищева осуществлял переписку по делам своего сына. Все вместе взятое свидетельствует о том, что Царевский знал довольно близко не только семью Радищева, но и тот круг людей, с которым Радищев находился до своего ареста в тех или иных отношениях.

Вторым ближайшим помощником Радищева являлся Герасим Козьмич Зотов, молодой, энергичный человек, также разночинец по своему социальному положению. В год издания „Путешествия“ ему было 25 лет. В бумагах следственного дела он именуется купцом, книгопродавцем. Он дважды был арестован по делу Радищева. Первый раз его взяли на пять дней ранее ареста самого Радищева, 26 июня, и продержали в полиции четыре дня. Вторично он был взят 6 июля и содержался полтора месяца в тяжелых условиях Петропавловской крепости.

Зотов является интересной фигурой, до сих пор не раскрытой. Биографические сведения о нем, имеющиеся в деле, весьма скудны и противоречивы.

В справке пристава Бухарева от 20 июня 1790 г. сказано, что Зотов „в прошлом 1789 году записался из московских купцов в санктпетербургские иногородние гости с капиталом по 3-й гильдии тысячи пяти рублей“ (I, 2).

В следственном деле Тайной экспедиции, на л. 84, имеется еще одна справка, котсрая до сих пор не была опубликована. В ней сказано: „Известной книгопродавец Зотов родом из города Козельска. Стец был у него купец; от отца остался малолетним, так что ево и не помнит, а от матери по 6-му году; а наконец на 12 году взял его к себе дядя его родной, бывший санктпетербургский купец, а ныне мещанин Иван Павлов сын Баженов; а в 1784-м году записался он в здешнее купечество в третью гильдию, а от дяди отстал и начал собою торговать в нынешнем году с святой недели“ (II, 14).

Эта справка никем не подписана, даты на ней не поставлено, но из дела видно, что она была составлена в Петропавловской крепости для Шешковского и имеющиеся в ней сведения очевидно записаны со слов самого Зотова, так как вряд ли, кроме него, мог кто-нибудь знать, в каком он возрасте остался от отца и от матери. Указание о сборе дополнительных сведений о Зотове было дано Екатериной II в середине июля. 16 июля Безбородко писал по этому поводу Шешковскому: „О купце Зотове государыня находит нужным справиться образом повального обыска, какого он поведения и нет ли за ним еще каких худых дел; а тогда и можно

будет его выслать из столицы в какой-либо город, где меньше худых книг читают“ (II, 11).

Приведенные справки явно не сходятся одна с другой. В первой Зотов именуется приезжим московским купцом, а из второй следует, что он никогда московским купцом не был, что с двенадцати лет он по своему сиротству воспитывался у дяди И. П. Баженова в Петербурге. Не совпадает также и время записи в купцы: в первой справке указан 1789 год, а во второй 1784.

Весьма сдержанны были показания Зотова о его связях с Радищевым. В первом своем показании от 28 июня он совсем скрыл имя Радищева, заявив, что ему не известно, кто является издателем „Путешествия“. На следующий день, 29 июня, под сильным нажимом и действием неопровержимых данных, предъявленных ему следствием, он сознался, что часто бывал в доме Радищева, видел там типографию и знает кто набирал „Путешествие“. „Как же он, Зотов, хаживал почасту к Радищеву в дом, то видел сам в доме его типографию, а наборщики у него — таможенные досмотрщики и ево люди“ (I, 4, 2).

Выше мы отмечали, что типография у Радищева была неплохо ограждена от излишне любопытных взоров, находилась в верхнем этаже дома и доступ в нее для посторонних лиц был невозможен. Если Зотов часто посещал ее и даже знал лично тех, кто набирал и печатал книгу, мог ли он быть в таком случае посторонним для Радищева человеком? Мог ли Радищев при его сугубой осторожности допустить Зотова к себе в дом, если бы он не знал его достаточно близко и не относился к нему с известным доверием?

Возникает также вполне законный вопрос: откуда, из каких источников мог взять Зотов, именуемый в вышеприведенной справке козельским сиротой, оставшимся от родителей в малолетстве и воспитывавшимся у обедневшего бывшего купца — мещанина Баженова, столь значительный капитал, чтобы открыть в центре столицы, в Гостином дворе, большую книжную торговлю?

Следствие не занималось выяснением всех этих вопросов, оно привлекало Зотова лишь для того, чтобы узнать фамилию автора „Путешествия“ и сколько экземпляров этой книги было продано и кому. Екатерина II в своих замечаниях на книгу Радищева писала: „Старатся надлежит узнать, много ли выпущены экземпляры и куды девались“ (I, 7).

Произведенный нами анализ имеющихся в следственном деле показаний Зотова и сопоставление их с другими мате-

риалами позволяют уточнить ряд вопросов о деятельности Зотова и о его отношениях с Радищевым. В показании Зотова, сделанном 29 июня, имеется чрезвычайно важное сообщение, на которое следствие не обратило должного внимания. Зотов на этом допросе показал:

„Сочинителя книги он подлинно не знает, а только многие гостинодворцы и писари Радищева (имеются в виду писари таможи, — Д. Б.) ему говорили, что-де эта книга печатана в типографии Радищева, но точно ли у него она печатана, сего он утвердить не может. Но, по помянутому слуху, думает он, что, может быть, та книга подослана и от Радищева, а о сем думает он потому, что Радищев мог подослать и с сердцов за то, что он (Зотов, — Д. Б.) по доносу его о неявленных товарах получил от таможи тысяч до семи, а Радищеву, по простоте своей, ничем не поклонился“ (I, 4, 2).

Из приведенного показания видно, что Радищев уже давно знал Зотова и что последний имел деловые связи с таможей.

О каких же „неявленных товарах“ говорит здесь Зотов, за донос о которых он получил от Радищева из таможи столь большую сумму денег? И когда это было?

По тогдашней терминологии неявленными товарами назывались привозимые тайно из-за границы товары, на которых не было таможенного клейма, то есть то, что теперь принято называть контрабандой. Купцы и иностранные матросы всячески старались как можно больше провезти таких товаров и тем самым избежать уплаты за них установленной государством пошлины. С этой целью они часто подкупали таможенных служащих, а иногда обращались за покровительством к влиятельным вельможам, вплоть до могущественного фаворита Екатерины II князя Потемкина. Сын Радищева Павел рассказывает в своих воспоминаниях о том, как однажды попался русский купец с контрабандой и, не найдя покровителей в таможе, обратился за протекцией к кн. Потемкину и „выхлопотал, чтобы ему велели возвратить товар“.¹

Радищев систематически вел борьбу с контрабандным провозом заграничных товаров. Об ухищрениях купцов и матросов в укрытии таких товаров он постоянно рассказывает в своих письмах к А. Р. Воронцову.

„Из многих опытов и примеров можно видеть, — пишет

¹ В. П. Семенников. Радищев. 1923, стр. 230.

он Воронцову в письме от 17 июня 1785 г., — что купцы, почитающиеся здесь лучшими в рассуждении платежа пошлин, не токмо не всегда поступают по правилам добродетели, но если где то возможно, то не соблюдают оной и наружности. Сие, кажется, есть следствие существа самых вещи. Состояния, благоденствие свое на прибылике воздвигающее, и мысленно и деятельно стремится к достижению своего предмета. Кто скажет, что способы его положены на камени честности, тот скажет невозможность в исполнении: ибо черту, отделяющую прибыток от ненарушения (в собственном понятии) благосостояния или имущества ближнего должны назначить положительные законы и правила“.¹

Для выявления скрытых товаров имелся в таможене специальный штат надзирателей и досмотрщиков. Такими у Радищева были надзиратель Царевский, досмотрщик Мейснер и др. Кроме того, при таможене имелась группа учеников, которых Радищев сам подбираал и воспитывал в духе непримиримой борьбы со всякого рода хищничеством как со стороны купцов, так и со стороны таможенных служащих. Обосновывая необходимость иметь таких учеников, Радищев в письме к А. Р. Воронцову от 31 июля 1784 г. писал:

„Отъема постепенно способы у хищности таможенной к пополнению кармана, положены были повремянно различные ей преграды; между прочими, определение учеников для присмотра за разными должностями почитаю я наилучшим. Переменяясь часто, не могут в большее с купцами вступать знакомство, тем паче, что исправление точное должностей им не вверено, и купец мало имел бы пользы их подкупать. Другое, находясь в своем месте только времянно, стараются хорошим своим поведением и верностью себя отличить, дабы получить место с намерениями иного, или с честолюбием того, а другого и с хищностию сходящее. Истина, деяниям человеческим современная: — «Злые намерения бывают побуждением к добрым делам»; и с Гельвецием согласиться должно, в делах полезных обществу не на намерение смотреть должно, но на сделанную пользу“.²

В 1789 г. по поручению Комиссии о коммерции Радищев написал проект указа о запрещении привоза в Россию через пограничные таможи иностранных товаров с целью остановить катастрофический упадок курса на российские деньги, обусловленный состоянием войны с Турцией и Швецией. Проект этот был утвержден и опубликован 26 июня 1789 г.

¹ Там же, письмо № 4.

² А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, письмо № 6.

в виде указа. На основании его с октября по декабрь 1789 г. во всех городах страны производилась тщательная ревизия всех торговых лавок и гостиных дворов на предмет выявления у купцов контрабандных товаров. В Петербурге и Москве это выявление производилось опытными служащими Петербургской таможни, которых назначал Радищев. В Москву им были командированы для этой цели четыре человека. Эти лица показали себя на работе усердными исполнителями. А. Р. Воронцов, направляя их обратно в таможню, рекомендовал Радищеву наградить их.

В деле награждения лиц, участвовавших в выявлении контрабандных товаров, Радищеву были предоставлены широкие полномочия. Он имел право награждать за такое выявление не только своих таможенных служащих, но и посторонних.

В свете изложенных нами фактов становится понятным, за что и когда Зотов получил из таможни от Радищева те семь тысяч рублей, о которых он показал на допросе 29 июня в доме обер-полицеймейстера Никиты Рылеева. В этом показании Зотов именуется себя доносителем, то есть лицом как бы посторонним для таможни. Служил ли он в действительности в штате таможни или работал для нее со стороны, — об этом в следственном деле нет никаких данных. Но для нас эта формальная сторона является не столь существенной, поскольку и без этого вполне ясно устанавливается его связь с Радищевым.

Очевидно что Зотов был близок к Радищеву по работе в таможне. Близок он был к нему и по изданию книги „Путешествие“, где Зотов играл далеко не последнюю роль, а по выходе издания в свет должен был многое сделать для распространения книги.

Большую помощь Зотов оказал ему, очевидно, в налаживании типографского хозяйства, в приобретении для печатания книги бумаги, краски и пр. В частности участие его в покупке бумаги для издания „Путешествия“ косвенным образом подтверждается разговором его в книжной лавке с сыном купца Хлебникова. На допросе 8 июля Зотов показал: „Прежде, нежели взят он был к обер-полицеймейстеру, приходили к нему двое в лавку, и, сторговав книжку, просили в долг, так как-де с ними мелких денег не случилось, а как я им сказал, что вас не знаю, то один из них сказал: «Как ты не знаешь, ведь вы у нас бумагу покупаете из лавки, я — Хлебников». Почему я им и поверил“ (II, 9, 2).

А. Н. Радищев перед отправкой в ссылку в Сибирь.
Скульптура М. А. Владимирской. 1951 г.

Хлебников, говоря „вы у нас бумагу покупаете“, несомненно имел в виду не одного Зотова, поскольку речь шла о книге Радищева. Самому Зотову не требовалось для нужд книжной лавки большое количество бумаги, так как он еще совсем недавно начал торговать в ней.

Весной 1790 г. Зотов открыл на полученные им из таможни деньги книжную лавку в Гостином дворе по Суконной линии, идущей со стороны Невского проспекта, под № 16. В „С.-Петербургских ведомостях“ за 10 мая 1790 г. впервые появилось его объявление следующего содержания:

„В Гостином дворе в Суконной линии в книжной лавке под № 16 у книгопродавца Герасима Зотова продаются вновь вышедшие книги: 1-я. Магазин натуральной истории, физики и химии, часть 5, 6, 7 и 8-я, 6 р. 20 к., а все 8 частей 12 р. 40 к. 2-я. Полезное упражнение юношества, 1 р. 80 к. в переп. 3-я. Рука богословия, 2 р. 20 к. в переп. 4-я. Гуак или непреодолимая верность, рыцарская повесть в двух частях, 1 р. 50 к. 5-я. Наставление о воспитании животных, 65 к. 6-я. Достопамятности французских и испанских королей, в переп. 80 к. 7-я. Приключения Милинтеса и Аргайны, в 4 частях 3 р. в переп. 8-я. Письма цареградския, 2 р. в переп., а без переплета 1 р. 70 к. 9-я. Приятныя повести в двух частях, 1 р. 45 к. в переп. 10-я. Таблица российских государей, 1 р. в переп. 11-я. Опыт военного искусства, в 2-х частях, 5 р. в переп. 12-я. Письмо его величеству королю шведскому от принца Нассау Зиген, в бум. пер. 35 к. 13-я. Послание от умирающей Земиры к ея дочери, перевод с турецкого, подлинник напечатан в Константинополе, в бум. переп. 20 к. 14-я. Отгадай не скажу, в бум. переп. 25 к. 15-я. Економический магазин, части 37, 38, 39 и 40, 6 р. 20 к., а все 40 частей 61 р. 60 к. в переплете“.

История этой книжной лавки чрезвычайно интересна, так как она тесно переплетается с судьбой „Путешествия из Петербурга в Москву“. Это было единственное место, где в течение нескольких дней совершенно свободно продавалась эта книга. Лавка была открыта явно по инициативе Радищева, и открытие ее было приурочено к выходу в свет „Путешествия“. До этого момента лавка принадлежала известному книгопродавцу купцу Тимофею Полежаеву. Во всех объявлениях, напечатанных в „С.-Петербургских ведомостях“ за 1789 г. и по начало мая 1790 г. о продаже книг, хозяином этой лавки называется Тимофей Полежаев. С 10 мая по 16 июля 1790 г. в „С.-Петербургских ведомостях“ вла-

дельцем этой лавки именуется Герасим Зотов. При этом выясняется одна весьма существенная деталь. Оказывается, что Полежаев не продавал свою лавку Зотову, а принял его лишь как пайщика. Очевидно, не желая брать на себя ответственности за распространение столь политически острой и опасной книги Радищева, он лишь на время самоустранился из своей лавки и возложил весь риск на Зотова. И действительно, когда началось судебное дело о Радищеве, то он остался в стороне и никто его ни в чем не заподозрил. Однако, как только опасность миновала, он снова объявил себя хозяином этой лавки. 26 июля в „С.-Петербургских ведомостях“ было напечатано объявление, в котором сказано, что „В Гостином дворе в Суконной линии в книжной лавке под № 16 у купца Тимофея Полежаева продаются... книги“.

Таким образом за два с половиной месяца эта книжная лавка дважды меняла свою вывеску. И это было не случайным явлением. Радищеву нужен был для распространения его книги вполне надежный человек, который, в случае неудачи, сохранил бы в тайне имя ее автора и не побоялся принять на себя известную долю ответственности. В деле распродажи книги перед Радищевым, несомненно, стояла та же трудность, которая была в деле ее печатания. Как тогда никто из типографов не брался издавать его рукопись, так и теперь нелегко было найти такого книгопродавца, который отважился бы рисковать ради нее своим благополучием. Поведение купца Полежаева является в этом отношении весьма показательным примером. Самое большое, на что он согласился, это принять Зотова к себе в компаньоны и на некоторое время самому уйти в тень.

Зотов принял от Полежаева книжную лавку на полном ходу. Лавка была расположена в двух помещениях, состоящих под №№ 16 и 15 по Суконной линии Гостиного двора. Число книг в ней было по тогдашнему времени довольно значительное. Зотов на допросе 29 июня показал, что их было до 5000 экземпляров.

Менее чем за два месяца книжной торговли Зотов сумел приобрести широкую популярность. В документах следственного дела он именуется „известным книгопродавцем“. С первых же дней своего вступления в эту лавку он начал широко рекламировать ее в печати. Начиная с 10 мая по 16 июля 1790 г. в каждом номере „С.-Петербургских ведомостей“ печатались его объявления. Никто из петербургских книгопродавцев того времени не рекламировал так широко свои

книги, как он. В некоторых номерах „С.-Петербургских ведомостей“ он помещал одновременно по два и по три объявления. За этот период только в одном номере „Ведомостей“, за 28 июня, не было помещено его объявление, так как в это время он сидел под арестом в полиции. В июле, когда он был вторично арестован и сидел в крепости, его объявления продолжали еще печататься в „Ведомостях“. Очевидно, текст их давал без него в редакцию его компаньон Полежаев.

Зотов обладал незаурядными организаторскими способностями. Вступив в лавку, он быстро установил деловые связи с петербургскими и московскими издателями, которые начали снабжать его книгами. В частности, он установил деловой контакт с крупнейшей типографией того времени — типографией Московского университета, которую до этого в течение ряда лет арендовал Н. И. Новиков. В 1790 г. университетскую типографию арендовал Василий Огороков. От Огорокова Зотов получал для продажи не только уже изданные книги, но и проводил в своей лавке подписку на те книги, которые еще только печатались. Так, например, он принимал с 31 мая подписку на печатавшуюся у Огорокова книгу под названием „Новейшая и полная поваренная книга“ в двух частях. Книга эта вышла из печати в июле, когда Зотов уже сидел в Петропавловской крепости. Однако деньги подписчиков, внесенные Зотову, не пропали. 26 июля Тимофей Полежаев напечатал в „С.-Петербургских ведомостях“ объявление, в котором извещал подписчиков, что они могут получить у него указанную книгу. Это, между прочим, лишний раз подтверждает, насколько тесно они были связаны между собой в торговле книгами.

21 августа Зотова выпустили из крепости со следующим грозным напутствием: „Ея императорское величество из матернего своего милосердия, вменя тебе содержание под стражею в наказание, а потом и в рассуждении заключения с королем шведским мира, всемилостивейше указать соизволила из под стражи тебя освободить, с таковым, однакож, высочайшим ея императорского величества подтверждением, чтоб ты впредь при суде отнюдь лгать не отваживался, под опасением неминуемого уже с тобою по законам поступления. При чем напоминает тебе, чтоб ты о том, где содержался, и о чем был здесь спрашиван, никому ни под каким видом не сказывал, под опасением в противном случае тож сторожайшего по законам наказания“ (II, 17).

Дальнейшая судьба Герасима Зотова представляется в таком виде. По выходе из крепости, он продолжал ряд лет вести совместно с Тимофеем Полежаевым книжную торговлю, однако уже не в таком широком масштабе, как вначале. Без помощи Радищева у него не доставало денег для широкого торгового оборота. Ослабли и его деловые связи с петербургскими и московскими издателями, которые он установил вначале.

Фамилия Зотова упоминается в книжных росписях за 1791, 1792 и 1793 гг., напечатанных под следующими заглавиями: 1) „Роспись российским книгам, которые продаются у книгопродавца Тимофея Полежаева и Герасима Зотова“, 1791; 2) „Роспись книжных лавок Г. Зотова и Т. Полежаева“, 1792; 3) „Роспись книжных лавок Т. Полежаева и Г. Зотова“, 1793.

По данным этих росписей можно видеть, что количество книг в лавке Зотова и Полежаева значительно уменьшилось. Если в 1790 г. у них было до 5000 книг, то в росписи 1792 г. значится только 971 книга.¹

В 1793 г. Зотову и Полежаеву, за недостатком капитала, пришлось свернуть свою книжную торговлю на Суконной линии и перебраться из бойкого, всегда многолюдного места в другое, более скромное помещение, находящееся против Гостиного двора на Зеркальной линии. Свою лавку на Суконной линии они передали известному библиографу — книготорговцу В. С. Сопикову. Об этом свидетельствуют книжные росписи, изданные Василием Сопиковым в 1793, 1794 и 1795 гг.

В 1799 г. Зотов и Полежаев напечатали еще одну роспись под названием: „Роспись российским книгам, продающимся в СПб. против Гостиного двора, Зеркальной линии под № 18 и 22 в книжных лавках у книгопродавцев Тимофея Полежаева и Герасима Зотова. А в Москве у Законоспасского монастыря под № 4 у Полежаева“.²

В этом же, 1799, году в „С.-Петербургских ведомостях“ от 6 мая было напечатано Зотовым объявление о продаже в его лавке журнала „Новости“, издаваемого юнкером Медицинской коллегии П. И. Голубковым. Дальнейшая судьба Зотова нам остается неизвестной. В 1800 г. в бывшей его лавке на Суконной линии, где он продавал знаменитую

¹ А. И. Маленин. Книжные росписи XVIII века. Труды Института книги, документа, письма, т. V, М.—Л., 1936, стр. 31.

² Д. В. Ульяновский. Среди книг и их друзей, ч. I, М., 1905, стр. 122—126.

книгу Радищева, Василий Сопиков устроил библиотеку для чтения.¹

К числу лиц, также активно помогавших Радищеву издавать „Путешествие“, следует отнести еще трех служащих Петербургской таможни: досмотрщиков Мейснера, Богомолова и Путного.

Мейснер одно время имел в Петербурге книжную лавку и принимал в ней подписку на издаваемый „Обществом друзей словесных наук“ журнал „Беседующий гражданин“, в котором участвовал Радищев. В объявлении, напечатанном в „С.-Петербургских ведомостях“ от 31 октября 1788 г., было указано, что подписка на этот журнал принимается у книгопродавца Мейснера. 2 марта 1789 г., ввиду задержки выпуска журнала, Мейснер поместил в „С.-Петербургских ведомостях“ следующее объявление: „Господам, подписавшимся на ежемесячное сочинение «Беседующий гражданин» в книжной лавке под № 283 у Мейснера, сим объявляется, чтоб они для получения экземпляров относились сами к г. майору Озерову, издателю сего сочинения, и что он, Мейснер, за неимением времени, не обязывается более ходить для приема от него за его подписанием и печатью ежемесячных тетрадей“.

В ответ на это объявление появилось в следующем номере „С.-Петербургских ведомостей“ от 6 марта 1789 г. возражение Озерова, из которого видно, что книжная лавка, в которой торговал Мейснер, принадлежала не ему, а типографу Ивану Шнору, у которого Радищев купил печатный станок. В этом возражении сказано, что „Мейснер к Озерову никогда не хаживал и тетрадей никаких не получал, а получал он [Озеров], издания сего первый месяц переплетенный в обыкновенную бумажку, второго же дано ему не было, для того, что в помянутом месте лавка несколько уже недель заперта и отворяется ли когда, не известно, но известно только, что она, как принадлежащая г. Шнору, от Мейснера взята и перемещена против Зеркальной линии под № 22“.

Очевидно, около этого же времени, то есть в марте 1789 г., Мейснер, освободившийся от службы в лавке у типографа Шнора, перешел на службу в таможню к Радищеву. Весной 1789 г. Радищев, желая сохранить свое авторство в тайне, поручил Мейснеру отнести рукопись своей книги в цензуру. „Когда моя книга была уже готова, —

¹ Труды Института книги, документа, письма, т. V, стр. 33.

объяснял он в своем показании 1 июля, — то я послал ее для цензуры с бывшим прежде книгопродавцем [Мейснером], а в то время находящимся при таможене. Долго времени спустя, в конце прошлого лета, книгу мою Мейснер возвратил за подписанием обер-полицеймейстера Рылеева. Неизвестно мне, сказывал ли Мейснер о сочинителе книги; но мне он сказывал, что о имени моем не объявил. Я хотя мало тому верил, но признаюсь, был тому рад; потому что, не зная, как в публике оно будет принято, я хотел ждать для объявления о себе того времени, как его одобрят“ (II, 4, 2).

Перед Мейснером стояла весьма трудная задача получить разрешение на книгу, целиком направленную против существовавшего строя. Екатерина II сначала не поверила тому, что Управа благочиния дала на нее дозволение. „Сие вероятно ложь, либо оплошность“, — писала она по этому поводу в своих замечаниях на книгу Радищева. Каким образом, при помощи каких личных связей или больших подарков Мейснер справился со своей задачей, остается неизвестным. Надо полагать, что он не впервые имел дело с цензурою и потому действовал так смело.

За несколько дней до ареста Радищева Мейснера вызывали для допроса в полицию, чтобы узнать у него фамилию автора „Путешествия“. Показания его не сохранились, однако известно, что он не выдал Радищева. Более того, вернувшись из полиции, он рассказал ему обо всем, о чем его там допрашивали. Радищев в своем показании от 1 июля рассказывает об этом следующее: „Когда купец Зотов был посажен под стражу, и Мейснер был спрашиван, кто сочинитель книги, и хотя и тот и другой того не сказали, но ожидая, что и я о том же вопрошен буду, и желая иметь какое-либо оправдание, собрал разметанные листы цензурированной тетради и пребывал в ожидании, что меня спросят“ (II, 4, 2).

Богомоллов и Путный служили досмотрщиками в таможене. Первый из них, являвшийся по профессии наборщиком, набирал у Радищева в течение полугода „Путешествие“, а второй печатал эту книгу. Сведений о них сохранилось чрезвычайно мало. Радищев в своих показаниях о Богомоллове пишет кратко: „При печатании оной, — сообщает он в ответах на вопросные пункты Шешковского, — наборщиком был находящийся в то время при таможене надсмотрщик Богомоллов“ (II, 4, 5). Фамилию печатника Путного он даже совсем не упоминает. Радищев не хотел, чтобы этих рабочих, честно и преданно служивших ему, привлекали из-за него к ответственности. Хорошо знавший их Александр Царев-

ский, также дал о них весьма лаконичное объяснение. Он сказал о них в своих показаниях всего лишь одну следующую фразу: „Наборщиком был досмотрщик здешней таможни Богомоллов, а имени ево, также и кто с ним другой был, не знаю“ (III, 17).

Фамилия печатника Путного всего лишь один раз упомянута была в показании Богомоллова. Поэтому мы не знаем даже краткой биографии его. Богомоллов сообщил о себе следующие данные:

„1790 года июля 24 дня в присутствии Палаты уголовного суда был допрашиван представленной таможенным экспедитором той же таможни досмотрщик из пакгауза № 10-го Ефим Богомоллов о имеющей в палате книге под названием «Путешествия из Петербурга в Москву» и показал, что он прежде сего находился в Академии Наук наборным учеником и в 1785-м году по прошению ево с данным аттестатом уволен, с которым также по прошению ево в том 785 году определен в здешнюю портовую таможню досмотрщиком, где и по ныне находится“ (III, 19).

Выше мы уже приводили рассказ Богомоллова о том, где и каким образом набиралась и печаталась книга Радищева. Здесь следует лишь отметить, что он, безусловно зная, кто является автором „Путешествия“, не назвал его. „Кто же именно сочинил показанную книгу, я не известен“, — заявил он довольно категорически Палате (III, 19).

Таким образом, Палата, привлекавшая Богомоллова к допросу, чтоб узнать, кто сочинял книгу, ничего от него не добилась. В тот же день он был отпущен и велено ему было, как сказано в протоколе Палаты от 24 июля, „явиться к его должности“.

Мы назвали пять человек, участие которых в издании „Путешествия“ подтверждается документальными данными. Это — бывший учитель Александр Царевский, книготорговцы Герасим Зотов и Мейснер, бывший типографский ученик Академии Наук Ефим Богомоллов и печатник Путный. Кроме этих лиц, помогали Радищеву в издании книги, как он сам показал на следствии, его дворовые люди. Один из них, Давид Фролов, был вызван на допрос Палатой уголовного суда и показал, что он хранил отпечатанные экземпляры книги у себя „в покое“.

Все они были бесконечно преданы Радищеву и прекрасно понимали, насколько ответственно было то дело, на которое он их поставил. Спаянные дружбой и взаимным доверием с ним, они хранили в течение многих месяцев в глубо-

кой тайне печатание его книги. Когда следствие вызвало их на допросы, они не сказали ничего лишнего, что могло бы повредить Радищеву. Более того, Зотов и Мейснер, допрошенные в полиции еще до ареста Радищева, вопреки полицейскому запрету, рассказали ему о своих показаниях и тем самым предупредили его о грозящей ему опасности.

Дворовые, люди самоотверженно помогавшие издавать „Путешествие“, являлись аблязовскими крепостными отца Радищева. За их заслуги Радищев испросил им у отца вольную. В своем завещании, написанном в Петропавловской крепости после вынесения ему смертного приговора, он пишет: „Батюшку просить также, чтобы всех моих людей отдал в распоряжение Елизаветы Васильевны, чтобы пожаловал отпускные за долговременную их и беспорочную службу при мне. Людям моим Петру Иванову и Давыду Фролову с женами их и отпускные отдал бы в распоряжение Елизаветы Васильевны... Исходатайствовать отпускную Марье Дементьевой за заслуги умершего ее мужа. Елизавету Васильевну прошу девку ея Анну Дорофееву отпустить за муж по ея желанию“ (II, 4, 10).

Когда смертная казнь была заменена Радищеву десятилетней ссылкой в Сибирь, несколько из этих крестьян, получивших вольную, добровольно отправились за ним вместе с Е. В. Рубановской и младшими детьми его в Илимский острог разделить с ним тяготы ссылки. В их числе была и молодая девушка Анна Дорофеева.

Само собою разумеется, что названные лица не исчерпывают состава всех помощников и единомышленников Радищева. Многие из них остаются для нас еще неизвестными. Причиной тому являлось преследование в течение долгих лет царским правительством Радищева, его книги и его последователей. В печати уже отмечался этот факт. Так, в 1908 г. П. Е. Щеголев в статье „Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева“ писал: „Когда Радищев в 1790 году держал ответ в канцелярии Шешковского, он настойчиво отрицался от каких-либо сношений и знакомств и представлял себя «уединенным» литератором. Неслыханная кара, постигшая Радищева, и последовавшее за ней систематическое подавление общественной мысли наложили печать молчания на всех, кто действительно находился в общении с осужденным вольнодумцем, и скрыли от нас радищевские традиции“.¹

¹ П. Е. Щеголев. Исторические этюды, стр. 3.

С. А. Тучков. Портрет работы О. Кипренского.
Гравировал А. Ухтомский.

За пределами очерченного нами круга помощников Радищева по изданию „Путешествия“, состоявшего главным образом из его сослуживцев по таможене и дворовых людей, у Радищева имелся ряд единомышленников среди тогдашних писателей и журналистов.

Давно уже был поставлен вопрос о журнальной деятельности Радищева, в частности в трудах П. Е. Щеголева¹ и В. П. Семенникова² было доказано участие Радищева в журнале „Беседующий гражданин“. П. Е. Щеголев, на основании записок члена Общества друзей словесных наук С. А. Тучкова, перепечатал в 1908 г. из „Беседующего гражданина“ статью Радищева „Беседа о том, что есть сын отечества“. С. А. Тучков в своих записках рассказывает: „Некто г. Радищев, член общества нашего, написал одно небольшое сочинение под названием «Беседа о том, что есть сын отечества или истинный патриот» и хотел поместить в нашем журнале. Члены хотя одобрили оное, но не надеялись, чтобы цензура пропустила сочинение, написанное с такой вольностью духа. Г. Радищев взял на себя отвести все издание того месяца к цензору и успел в том, что сочинение его вместе с другими было позволено для напечатания“.³

Указывая на участие Радищева в „Беседующем гражданине“, исследователи, однако, не выяснили вопрос о его единомышленниках в этом журнале.

„Беседующий гражданин“ издавался Обществом друзей словесных наук в 1789 г. Это было ежемесячное издание, ставящее перед собой задачу, как сказано на его титульном листе, открыть „путь к ясному познанию главнейших обязанностей человека в особенности, а наипаче гражданина“.

Общество друзей словесных наук, издававшее „Беседующий гражданин“ в 1789 г., по своему составу не было однородным. В Обществе имелась значительная прослойка масонов, которая в дальнейшем ничем не проявила себя в борьбе с помещичье-крепостническим строем. Но, как это видно из приведенного рассказа С. А. Тучкова, у Радищева имелись в этом Обществе и прямые единомышлен-

¹ П. Е. Щеголев. Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева. Минувшие годы, 1908, декабрь; перепечатано в сборнике: Исторические этюды, СПб., 1913, стр. 1—30.

² В. П. Семеновиков. Литературно-общественный круг Радищева. Сб. „А. Н. Радищев. Материалы и исследования“, М.—Л., 1936, стр. 211—289.

³ Записки Сергея Алексеевича Тучкова. Под ред. К. А. Воеводского, СПб., 1908, стр. 42.

ники, которые одобрили его столь смелую статью. И это, надо полагать, не укрылось в дальнейшем от внимания правительства. В 1790 г. Общество друзей словесных наук было закрыто, а члены его подверглись в той или иной мере преследованиям. Закрытие общества Тучков ставит в связь с французской революцией и деятельностью Радищева.

В 1790 г. С. А. Тучков находился на галерном гребном флоте и принимал участие в военных операциях против Швеции. Этим самым он избежал указанного преследования. После заключения мира с Швецией, осенью 1790 г., Тучков приехал из армии в Петербург. „После столь трудного похода прибыл в дом отца моего, — рассказывает он, — и, отдохнув несколько дней в моем семействе, вздумал посетить собрание наше любителей словесности. Но приехав в дом, где собирались мои сочлены, нашел оный пуст, и дворник объявил мне, что он не знает, почему, однако, давно уже, как запрещено от полиции этим господам собираться“.¹

Осенью 1790 г. Тучков уже не застал Радищева в Петербурге. Вот что он пишет о нем: „Он был взят и отвезен в тайную канцелярию, которая в царствование Екатерины II самыми жестокими пытками действовала во всей силе. Некто Шешковский, человек, облеченный в генеральское достоинство, самый хладнокровный мучитель, был начальником оной. Радищев, выдержав там многие пристрастные допросы, сослан был, наконец, в Сибирь. Императрица велела подать себе все списки членов, как тайных, так и вольных собраний, в том числе представлен был список и нашего собрания. По разным видам и обстоятельствам большая часть членов лишены были своих должностей, и велено было им выехать из Петербурга. Я не могу умолчать о том, что она, читая список собрания нашего и найдя в нем мое имя, сказала: «На что трогать этого молодого человека, он и так уже на галерах»“.²

Кто такой был сам С. А. Тучков, оставивший нам столь ценные показания о Радищеве, и в какой мере он разделял литературно-общественные взгляды последнего? Этому вопросу историки до сих пор не уделяли должного внимания.

П. Е. Щеголев, впервые обративший внимание на показания Тучкова о Радищеве, о самом Тучкове сказал всего лишь одну следующую фразу: „Тучков тоже был членом Обще-

¹ Записки Сергея Алексеевича Тучкова, стр. 42.

² Там же, стр. 43.

ства друзей словесных наук, но в 1789 году он принимал участие в войне со шведами и жил в Выборге¹.

В. П. Семенников, исследовавший более широко литературно-общественный круг Радищева также ограничился о Тучкове короткой справкой: „С. А. Тучков был плодовитым стихотворцем (сочинения его позднее были изданы отдельно), однако творчество его лишено было индивидуального своеобразия“².

Сергей Алексеевич Тучков (1766—1839) сын инженер-генерала Алексея Васильевича Тучкова, сподвижника Румянцева и Суворова. Вся семья Тучковых принадлежала к военному сословию и отличалась глубоким патриотизмом. Три брата С. А. Тучкова геройски сражались в Отечественную войну, два из них, Николай и Александр, погибли под Бородино, третий, Павел, был в этой битве изранен.

С. А. Тучков принял первое боевое крещение в 23-летнем возрасте в качестве артиллерийского офицера в войне со шведами. Затем он принимал участие в войнах с Польшей, Турцией, Персией, на Кавказе, в Отечественную войну 1812 г. и снова с Турцией в кампанию 1828 г., дослужившись, наконец, до генерал-лейтенанта. В честь его был назван основанный им в Бессарабии, близ Измаила, город Тучков.

Наряду с военной деятельностью С. А. Тучков занимался литературой, в которой показал себя незаурядным писателем и переводчиком. В 1816 г. он издал свои труды в четырех частях под названием „Сочинения и переводы С. Тучкова“. В первой части этого издания им помещены переводы пяти книг од Горация Флакка; во второй трагедия „Агамемнон“ и перевод двух трагедий Расина — „Александр Великий“ и „Митридат“; в третьей переводы трагедий Расина — „Федра“ и „Афолия или Гофолия“ и трагедия Вольтера „Орест“; в четвертой оригинальные стихотворения, „Записки, касающиеся до земель между Черным и Каспийским морями находящимися, и в особенности о Грузии“ и перевод трагедии Ж.-Ж. Руссо об американцах „Открытие нового света“.

В издании 1816 г. Тучков, однако, не поместил по цензурным соображениям многих своих вольнолюбивых стихотворений, написанных им в молодости и частично напечатанных в журнале „Беседующий гражданин“. Записки его,

¹ П. Е. Щеголев. Исторические этюды, стр. 12.

² В. П. Семенников. Литературно-общественный круг Радищева. Сб. „А. Н. Радищев. Материалы и исследования“, 1936, стр. 240.

представляющие интереснейшую бытовую хронику политической и военной жизни и нравов конца XVIII и начала XIX вв., также полностью не были напечатаны. Повествование их обрывается на событиях 1808 г.

Литературное творчество С. А. Тучкова проникнуто свободолобивым, республиканским духом. Подобно Радищеву, он не скрывает своей ненависти к царям, особенно к Павлу I и Александру, называя их злобными извергами и деспотами. По этому поводу издатель его записок, монархист К. А. Военский, пишет в своем предисловии к его запискам: „Корректный, беспристрастный в своих отзывах о современниках — Тучков делается совершенно нетерпимым и желчным, как только речь заходит об императоре Александре, выставляя этого монарха в самом неприглядном свете, оттеняя и подчеркивая одни его недостатки и как бы забывая о высоких его душевных качествах, признанных за ним историей“¹.

Тучкову дороги были идеи Радищева об освобождении крестьян от власти помещиков. Он ненавидел Александра I особенно за то, что тот, обещав в начале своего царствования дать крестьянам свободу, вскоре вероломно нарушил это обещание. „Император Александр I, — пишет он, — в начале своего царствования великое имел попечение о просвещении народном, учредив в России многие академии, университеты и гимназии. Он хотел даже сделать свободными господских крестьян в России. Но в сем его намерении скрылась цель большего еще утверждения деспотизма, в которую дворянство успело тогда же проникнуть. О сем его намерении буду я иметь случай говорить подробнее в дальнейшем рассказе моих записок. Скажу только, что и ревность его в покровительстве просвещению обратилась, наконец, в притеснение оно“².

Свою ненависть к деспотизму и ко всему помещичье-крепостническому строю С. А. Тучков довольно четко выразил еще в молодые годы, в период своего сотрудничества вместе с Радищевым в журнале „Беседующий гражданин“. В 1789 г. в названном журнале он поместил около 30 стихотворений.

В апрельском номере журнала было напечатано его сатирическое письмо к издателям „Беседующего гражданина“

¹ К. Военский. Сергей Алексеевич Тучков. (Биографический очерк). Записки Сергея Алексеевича Тучкова, стр. VIII.

² Там же, стр. 260.

о способе быть счастливым, с приложением к нему двух стихотворений по этому предмету, написанных якобы в разные века. Первое — „Способ быть счастливым. Сочинен в 1673 году“. Второе — „Новейший способ быть счастливым“.

В первом из этих стихотворений он начертал положительный устав для морально-политического поведения гражданина. Он писал:

Коль счастливо свой век ты хочешь здесь прожить,
Так должно сей устав с возможностью хранить:
Быть честну и людей бесчестных убегать,
Любить своих друзей, их в век не забывать,
Не клясться никому в союзе дружбы ложно,
Несчастливым помогать, служить им сколько можно;
Благодеяний в век других не забывать,
Бояр Отечества достойно почитать,
Не ползать перед тем, кто блещет лишь одеждой,
И унижать себя пред знатною невеждой;
Заслугами чины ты оных измеряй,
Иль иначе не чин, заслуги почитай;
Будь скромн, но к друзьям своим чистосердечен,
И помни то, что ты на свет рожден невечен,
Не забывай, что бог по смерти судит нам,
Что должен дать отчет ты всем своим делам:
В богатстве ль, в нищете ль, но честь свою храни,
Коварство с лестию из сердца изжени,
Не прилеплай себя к богатству ты ни мало,
И помни, что серебро всех в свете зол начало;
Будь равнодушен ты, к несчастным милосерд,
Коль счастье есть в любви, пребуди в оной тверд;
Не презирай ни кем и старость почитай,
Чего не хоцещи и ближним не желай.

Приведенный устав, которым гражданину вменяется в обязанность быть честным, презирать богатство и коварство, несчастным помогать и „не ползать перед тем, кто блещет лишь одеждой“, является чрезвычайно сродным тому наставлению, которое дает в радищевском „Путешествии“ крестецкий дворянин своим сыновьям. „Если же наикраснейшими деяниями жизни, — говорит крестецкий дворянин, — прикрывать будете коварство, ложь, вероломство, сребролюбие, гордость, любомщенье, зверство, то хотя ослепите современников ваших блеском ясной наружности, хотя не найдете никого столь любящего вас, да представит вам зеркало истины; не мните, однако же, затмить взоры прозорливости. — Проникнет она светозарную ризу коварства, и добродетель черноту души вашей обнажит“.¹

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 295.

Крестецкий дворянин советует также своим сыновьям никогда не унижать себя перед „знатными господами“. „Не посещай николи передней знатного боярина разве по долгу звания твоего“, — говорит он им.

Относительно помощи несчастным крестецкий дворянин рекомендует сыновьям: „Не гнушайтесь пособить, поднимая погрязшую во рве телегу, и тем облегчить упавшего; вытираете руки, ноги и тело, но просветите сердце. Ходите в хижины унижения; утешайте томящегося нищетою; вкусите его брашна и сердце ваше усладится, дав отраду скорбющему“.¹

Круг вопросов, которые поставил Тучков в приведенном стихотворении и способ их решения чрезвычайно близки радищевской мысли. Сущность их сводилась к одному: каким должен быть гражданин, истинный патриот своего отечества. На страницах журнала „Беседующий гражданин“ они освещались в самых различных аспектах. Одновременно ставился вопрос и о том, каким не должен быть истинный гражданин.

„Человек потребен для ношения имени сына Отечества! — восклицал Радищев в „Беседе о том, что есть сын отечества“. — Но где он? Где сей украшенный достойно сим величественным именем? — Не в объятиях ли неги и любострастия? — Не объятый ли пламенем гордости, любоначалия, насилия? — Не зарытый ли в скверно-прибыточестве, зависти, зловождении, вражде и раздоре со всеми даже и теми, кои одинаково с ним чувствуют, и к одному и тому же устремляются? — Или не погрязший ли в тину лени, обжорства и пьянства?“²

Сопоставление стихотворений Тучкова с высказываниями Радищева на тему, каким должен быть гражданин, истинный патриот своего отечества и каким он не должен быть, позволяет сделать предположение, что юноша Тучков находился в близком общении с Радищевым и испытывал на себе благотворное влияние последнего. Не исключена возможность, что Радищев читал ему некоторые главы из „Путешествия“ и другие свои труды еще до того, как они были напечатаны.

В стихотворении „Новейший способ быть счастливым“ Тучков, подобно Радищеву, обрушивается на тех, кто коварством и бесчестием наживает себе капитал и нимало не

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 290.

² Там же, стр. 216.

заботится о судьбе несчастного народа. В письме к издателям по поводу этого стихотворения он пишет: „Милостивый государь! Любовь моя к ближним и старание о благополучии оных столь далеко простираются, что желал бы я учинить всех чиновными богатыми и каждого начальником над другим. Но как сие превышает понятие человеческое, то старался я хотя одно из сих привести в действо. Я собирал разные нравоучения; но оные все не годились в рассуждении нынешнего века, как и способ быть счастливым, напечатанной в 1673 году; ибо все нравоучения должны согласоваться с нашими нравами, перемениаясь соответственно оным; следовательно, гораздо чаще календарей. Наидолжайший из оных, то есть Брюсовский, сочинен всего на 100 лет то как же сей способ может быть действительным? Почему и вознамерился я сочинить новой для поощрения других издавать разные сим подобные, перемениая по сходству наших нравов“.

Далее следует текст сатирического стихотворения.

НОВЕЙШИЙ СПОСОБ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Коль хочешь счастливо свой в мире век прожить,
Так должно сей устав с возможностью хранить:
Из мыслей выгнать вон тебе надлежит честь,
Не забывать друзей пока в них нужда есть,
Ты должен в дружбе сей своей всех уверять,
Служить богатым всем в надежде что сорвать,
Когда ж кто обеднел, на век его забыть,
А знатных, как богов, всегда старайся чтить.
Что нужды до того умен ли он, иль нет,
Тверди пред ним всегда: ему дивится свет!
Не значат ничего заслуги в свете сем,
Кто знатен и богат, ты ползай перед тем;
Тщись всех обманывать, но в оном скромнень будь,
О будущей судьбе совсем ты позабудь.
Старайся в жизни сей лишь только о себе,
Не думай, что Творец отмстит за то тебе;
В богатстве ль, в бедности ль, но лести не истребляй,
Коварством всякого и ею уловляй;
Прибытки наблюдай свои, во чтоб ни стало,
И помни, что серебро достоинств всех начало! —
Коль счастье есть в любви, ее употреби,
Любовниц премений, иль многих вдруг люби;
Себя став выше всех, и старость презирай;
Чего не хочешь сам, то ближним ты желай.¹

В декабрьском номере „Беседующего гражданина“ рядом со статьей Радищева „Беседа о том, что есть сын отечества“ Тучков напечатал стихотворение под названием „Рондо“.

¹ Беседующий гражданин, ч. I, СПб., 1789, стр. 386—388.

В нем, давая оценку своему веку, он говорит о том, что в стране водворилась неправда и что „на сильного управы сыскать нельзя никак“.

О времена! о нравы!
Златый скончался век!
Лишь собственной забавы
Здесь ищет человек;
Астрей¹ удалилась,
Неправда водворилась,
Всяк чтит ее уставы. —
О времена! о нравы!

и далее:

О времена! о нравы!
Вельможа горделив
Своей лишь жаждет славы,
Отечество забыв;
Хоть общество страдает,
Но он лишь помышляет
Иметь свои забавы. —
О времена! о нравы!

О времена! о нравы!
Невинность гонит всяк,
На сильного ж управы
Сыскать нельзя никак.
Несчастный, ты крутись;
Счастливый веселись,
Счисляй свои забавы. —
О времена! о нравы.²

Тучков внушает читателю революционную мысль о том, что невозможно более терпеть подобный общественный порядок. Он пишет:

О времена! о нравы!
Нет силы зло сносить!

Затем он обращается с боевым кличем к честным гражданам-патриотам:

О времена! о нравы!
Уж нет проев тех,
Для общества что славы
Старались паче всех;
Воскресните! Проснитесь!
Воззрите, ополчитесь!
Сдержите блеск державы!

¹ Астрей — богиня справедливости в греческой мифологии, обитала во время золотого века на земле, но потом от пороков и преступлений людей удалилась на небо. — Д. Б.

² Беседующий гражданин, ч. III, 1789, декабрь, стр. 305—306.

Вид Илимска.
Гравюра XVIII в.

Это стихотворение приобретает еще большую политическую остроту, если сопоставить его с существовавшими тогда в русской литературе многочисленными панегириками Екатерине II и ее царствованию. Так, в „Собеседнике любителей российского слова“, издававшемся при участии самой Екатерины II, анонимный автор называет ее „русской Астреей“, а ее царствование сравнивает с золотым веком. В стихотворении „Новые чудеса“ он пишет:

Почто, о древность, мне искать чудеса в тебе!
 Отечество мое мне кажет их в себе. . .
 На мудрую прости ты взор Екатерину. . .
 Се та великая российская Астрея,
 Которая любовь к нам матерню имея,
 Для блага нашего оставила покой,
 Снося тягчайший труд и жертвую собой,
 Златой в России век для нас устроявая,
 И добродетельми всех смертных побеждая,
 Через двадцатьлетние труды нам то дала,
 Чем ты во множестве веков слава была.¹

Тучков рисует совсем противоположную картину. Он заявляет, что богиня справедливости Астрея удалась, в стране неправда водворилась и никакого золотого века люди не видят. Хотя он выражает эти мысли в общей аллегорической форме, но для тогдашнего читателя вполне понятно было, против кого они направлены. Радищев в „Путешествии“ в главе „Спасская полость“, нарисовав образ преступного злого царя, тоже не назвал при этом имя Екатерины II, однако она сама без особого труда, как в зеркале, увидела в нем свое отражение. В примечаниях на книгу Радищева она всячески открепщается от этого образа и тем самым окончательно выдает самое себя. „Птенцы учат матку, — с нескрываемым раздражением пишет она. — Злость в злом, во мне ее нет“ (I, 7).

В конце стихотворения „Рондо“ Тучков дает обобщенную характеристику состояния России, совершенно противоположную точке зрения Екатерины. Екатерина всегда уверяла, особенно своих иностранных корреспондентов в том, что под ее правлением народы в России живут счастливо. Тучков же раскрывает правду, с горечью называет Россию несчастной страной. Он восклицает:

О времена! о нравы!
 Несчастливая страна!

¹ Собеседник любителей российского слова, ч. IV, СПб., 1783, стр. 3—6.

Честь, Истины уставы
 Суть праздны имена;
 Хоть всем они здесь лестны,
 Но малым, ах! известны,
 Как блеск прямая славы. —
 О времена! о нравы!

С. А. Тучков, как показывают приведенные нами его стихотворения, был идейно весьма близок Радищеву. Его стихотворение „Рондо“ так же, как и предыдущие стихотворения, имеет прямое отношение к радищевской статье „Беседа о том, что есть сын отечества“, оно связано с ней по содержанию и проникнуто тем же самым революционно-патриотическим пафосом. Это лишний раз свидетельствует о том, что в Обществе друзей словесных наук, несмотря на известную пестроту его состава, находились лица, которые не только одобрили названную статью Радищева, но и печатно выразили аналогичные ей идеи и настроения.

В качестве еще одного примера идейной близости к Радищеву можно взять стихотворение „Преступающий и судимый Каин“, напечатанное в февральском номере „Беседующего гражданина“ (ч. I, стр. 144—149). Автор этого стихотворения не указан. Стихотворение носит острый, злободневный политический характер. С очерченным в нем библейским образом злодея, братоубийцы Каина автор сравнивает современных ему кровопийц, угнетателей народа. Нарисовав картину того, как бог наказал Каина за его злодеяние, автор пишет:

Имеяй уши да внимает...
 Не те единые убийцы,
 Что в жизни были кровопийцы;
 Но кто дерзает ближних гнеть,
 Корысти, злобе вслед вступая,
 И плач и стон в ничто вменяя,
 Убийцы ж имя должен несть.

Полное выявление состава идейных единомышленников Радищева, существовавших в Обществе друзей словесных наук, в настоящей книге нам не представляется возможным. Такое выявление возможно будет сделать на более широком материале, выходящем за пределы судебного процесса. Но тот круг людей, который мы очертили здесь, несомненно свидетельствует о том, что Радищев не был изолированным, одиноким мыслителем, каким его пытались изображать буржуазные историки.

Полный состав идейных единомышленников Радищева следствию не удалось раскрыть. Однако суд высказался за то, что такая группа людей существовала вокруг Радищева.

Внимательный просмотр документов судебного дела о Радищеве показывает, что вопрос о друзьях и единомышленниках тесно увязывался судом с вопросом относительно политической цели издания „Путешествия“. Этот вопрос являлся той осью, вокруг которой вертелось все судебное колесо. Правительство подозревало Радищева в намерении подготовить в России революцию. Во всем деле лейтмотивом звучат слова Екатерины II: „Вероподобие оказывается, что он себя определил быть начальником, книгою ли или инако изторгнуть скиптр из рук царей“ (I, 7).

Радищева обвиняли по старому русскому закону XVII в. и по новым законам XVIII столетия за умысел поднять народ к бунту и возмущению. Среди 50 выписок из законов, сделанных в Палате уголовного суда, две трети выписок подводят Радищева под статьи, которые определяют кару за заговор против царя и восстание против существующего строя.

В первой выписке из Уложения царя Алексея Михайловича сказано: „Будет кто каким умышлене и учнет мыслити на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такова про сыску казнити смертию“ (III, 22).

Во второй выписке из этого же Уложения говорится о мере наказания за сбор „рати“ против царя: „Так же будет кто при державе царского величества хотя Московским государством завладеть и государем быть, и для того своего злова умышления начнет рать собирать, или кто царского величества с недруги учнет дружитися и советными грамотами ссылатися, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругам по его ссылке Московским государством завладети или какое дурно учинити, и про то на него кто известит, и потому известу сыщется про тое его измену допряма, и такова изменника потому же казнити смертию“ (III, 22).

Другие выписки из Уложения аналогичного содержания. Далее следуют выписки из Морского устава, Военского устава и отдельных указов.

В третьей выписке из Морского устава сказано: „Никто б ниже словом, или делом, или письмами, сам собою, или через других, к бунту и возмущению, или иное что учинит,

притчины не давал, из чего бы мог бунт, или измена произойти. Ежели кто против сего поступит, оный живота лишится“ (III, 22).

Аналогичное наказание за подготовку народного восстания предусматривает следующая выписка из Воинского устава: „Никто б ниже словом, или делом, или письмами сам собою или чрез других к бунту и возмущению, или иное что учинить причины не дал, из чего бы мог бунт произойти. Ежели кто против сего поступит, оный по розыску дела живота лишится или на теле наказан будет“ (III, 22).

Этими же статьями руководствовался и Сенат. В заключительной части доклада Сената о Радищеве сказано: „Сенат, рассматривая все сие, находит: хотя он, Радищев, в ответе на вопросные в Палате пункты, равно и со увещания священнического, и показал якобы намерения при сочинении сей книги другого не имел, как быть известному в свете между сочинителями, и дабы прослать таковым, то есть сочинителем остроумным, но в таковом его показании вероятия он не заслуживает и за истинну оного принять нельзя, а без всякого сомнения видно, что сочинил и издал столь вредное, неистовое и оскорбительное сочинение с намерением, чтоб оное послужило поводом к произведению зловредного действия, по неизвестным на сие его, Радищева, расположением, и доказательно, что не желание токмо его было прослать в свете сочинителем остроумным потому, что скрыл в том сочинении свое имя, следовательно не мог себе лстить, чтоб в свете его остроумным сочинителем считали“ (V, 2).¹

Аналогичное подозрение на Радищева, как мы покажем ниже, имел Павел I. Ему, как и Екатерине II, казалось, что Радищев состоял в заговоре против самодержавия. Имел ли Радищев в действительности намерение и какие-либо возможности перейти от революционного призыва к прямому революционному действию — для решения этого вопроса у нас нет пока достаточных данных.

¹ Разрядка наша, — Д. Б.

А. Н. РАДИЩЕВ В ССЫЛКЕ. ОСВОБОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ РАДИЩЕВА

Радищев был сослан в Сибирь в Илимский острог, согласно указу Екатерины II от 4 сентября 1790 г., „на десятилетнее безисходное пребывание“, но фактически ссылка его продолжалась значительно дольше. Выбор места для ссылки в екатерининском указе не был раскрыт. Однако об этом имеется разъяснение в докладе Сената по делу Радищева, поданном императрице 8 августа. Из сенатского доклада видно, что правительство боялось держать Радищева в Петербурге или даже в Кронштадте, куда обычно направляли осужденных, проживавших ранее в Петербургской губернии. Сенат первоначально предлагал немедленно сослать Радищева в Нерчинск на каторжную работу, а затем уже там учинить ему смертную казнь.

„... до вышеупомянутого о произведении ему смертной казни указа, — говорится в докладе, — заклепав в кандалы, сослать в каторжную работу, но не в Кронштадт, куда по именинному вашего императорского величества указу 1785-го года августа 20-го дня из Санктпетербургской губернии преступников отсылать повелено, а в Нерчинск, для того, дабы таковым его удалением отъять у него способ к подобным сему предприятиям“ (V, 2).

Радищева увезли из Петропавловской крепости 8 сентября 1790 г., как мы уже отмечали, в крайне слабом состоянии. От истощения и пережитых потрясений он едва держался на ногах. Ему предстояло проехать от Петербурга до Илимска в общей сложности более семи тысяч километров по худым дорогам. Для столь далекого пути у него не было самого необходимого: ни обуви, ни белья, ни теплой одежды. Его увезли из крепости в том легком одеянии, в каком он был арестован 30 июня, несмотря на то, что стояла уже холодная осень. Лишь сторож Петербургского губернского правления из жалости набросил ему на плечи старую нагольную шубу.

Правительство, видимо, рассчитывало на то, что в таком виде он долго не продержится и погибнет где-нибудь в дороге, не доехав до места своего назначения. Несомненно, это так и было бы, если бы его вовремя не поддержал А. Р. Воронцов. Он послал тверскому губернатору денег, прося его снабдить Радищева самыми необходимыми на первых порах вещами. Одновременно он отправил с курьером письмо к родителям Радищева в Саратовскую губернию, извещая об отправке их сына в Сибирь через Москву, Нижний Новгород и Казань. Благодаря этому Николай Афонасьевич Радищев поспешил выехать на свидание с сыном. Я. Л. Барсков пишет о том, что „в Москву приехали родители Радищева проститься с сыном и снабдили его на дорогу всем необходимым“.¹ Однако приведенное сообщение Барскова нуждается в уточнении. Во-первых, на свидание к Радищеву выехал лишь один его отец, во-вторых, встреча их состоялась не в Москве, а в Казани. В Казани, в частности, был решен вопрос о поездке Е. В. Рубановской с младшими детьми Радищева в Илимск. Об этом имеется сообщение в публикуемом ниже письме матери Радищева Феклы Степановны к А. Р. Воронцову от 5 ноября 1790 г., в котором она пишет, что „Николая Афонасьевича уже нет неделю, как уехал в Казань для свидания с Александром“ (VII, 3, 4).

Аналогичное сообщение об этом содержится также в публикуемом ниже письме отца Радищева к Воронцову от 21 ноября 1790 г. Отвечая на вышеупомянутое нами извещение Воронцова, он пишет: „Как Елизавету Васильевну, так и малолетних детей к сыну доставляю, о чем он меня просил в Казани“ (VII, 3, 5).

Вследствие болезни и необходимости подождать Е. В. Рубановскую с детьми, Радищев сделал остановку в Тобольске. В Тобольск он приехал в 20-х числах декабря 1790 г. 2 марта 1791 г. к нему прибыла в Тобольск Е. В. Рубановская с детьми Павлом и Екатериной. До Тобольска ее сопровождал брат Радищева Петр Николаевич. В Тобольске Радищев пробыл со своей семьей до 30 июля 1791 г. П. А. Радищев сообщает в своих воспоминаниях, что тобольский губернатор А. В. Алябьев „получил выговор за то, что позволил Радищеву такое долгое пребывание в Тобольске“.²

Имеются основания предполагать, что не одна болезнь Радищева была причиной задержки его в Тобольске. Оче-

¹ Я. Л. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева, т. II, стр. 160.

² Русский вестник, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 410.

видно, Радищев еще надеялся на некоторое смягчение своего наказания и выжидал некоторое время. Из писем от родных он знал о том, что отец его собирается хлопотать за него перед всемогущим вельможей князем Г. А. Потемкиным. Сам Н. А. Радищев писал об этом намерении Воронцову 9 марта 1791 г. из Москвы следующее:

„Не могу вашему сиятельству не донести, многие советовали мне подать письмо его светлости князь Григорью Александровичу о несчастном моем сыне. Но я без вашего сиятельства оное делать не согласился, не открывая оно никому, а единственно, якобы сам собою, а более полагая мою надежду на милость и обещание вашего сиятельства, и иметь во всем терпение до времени, — как богу оное угодно будет, ведая, что забыть оно никогда не изволите и в несчастии нашем и в такой печали не оставите“ (VII, 3, 6).

Как видно из этого письма, Воронцов вероятно давал какое-то обещание добиться смягчения наказания Радищева. Обращался ли он к Потемкину или к самой императрице с такой просьбой, никаких данных не сохранилось. Однако одно время ходил слух о том, что Радищеву дана свобода. В письме московского масона И. В. Лопухина к другу Радищева А. М. Кутузову от 7 октября 1790 г. говорится: „Скажу тебе только, что сегодня услышал я, хотя неверно, но вероятно, будто Радищев прощен и велено возвратить его из определенного ему дальнего места для житья, а только не въезжать в обе столицы, а чины не возвращены. И это великая милость, ежели правда“.¹

В следующем письме к Кутузову от 14 октября 1790 г. И. В. Лопухин еще раз сообщает о носившихся слухах по этому вопросу. „Перед сим писал я к тебе о слухе, — пишет он, — что его велено воротить из Сибири и жить ему где хочет. Сей слух еще не опровергнут, но и не утвержден“.² Через две недели после этого, 31 октября, Лопухин еще раз сообщал Кутузову: „Ныне одни говорят, что уже не велено его провозить в Сибирь, а к отцу; другие — что он на дороге умер“.³

Аналогичные слухи дошли до брата Радищева Моисея Николаевича, проживавшего в то время в Архангельске. „Господин Ланг сказывал мне, — писал он Воронцову 17 мая 1791 г. из Архангельска, — что с прошедшею почтою имел

¹ Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII в. Пгр., 1915, стр. 15.

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 19.

известие из Петербурга, что несчастному брату моему дана свобода и что послан к нему курьер, дабы он возвратился. Сия монаршая милость исходатайствована князем Григорием Александровичем. Я сие доношу вашему сиятельству для того, что ни от кого достовернее о нашем благополучии известия я получить не могу¹.

Если у Радищева и имелись в Тобольске слабые надежды на освобождение, то они скоро были рассеяны строгим на этот счет разъяснением Воронцова. Воронцов в письме от 5 апреля 1791 г. рекомендовал ему больше не задерживаться в Тобольске и этим самым давал понять, что надеяться на смягчение наказания больше нельзя. Радищев вполне понял скрытый смысл воронцовского письма и ответил на него: „Я вполне уверен в справедливости тех доводов, которые по словам вашего сиятельства имеются, чтобы ускорить мой отъезд и отправиться к месту моего назначения. Я исполню это без колебаний и промедлю лишь столько, сколько потребует, чтобы раздобыть дорожные возки. Убеденный в милостях вашего сиятельства, я уверен, что не буду забыт и в том углу, где мне предстоит поселиться; но принимая во внимание поводы, приведшие к моему осуждению, я знаю очень хорошо, что мое положение не может сразу перемениться“².

Внешне соглашаясь с доводами Воронцова, Радищев все же никак не мог примириться со ссылкой его в столь далекий и безлюдный край. „Признаюсь вам откровенно, — писал он Воронцову 24 июля перед отъездом из Тобольска, — что я не могу не испытывать чувства тоски при мысли о тех безлюдных пространствах, куда мне предстоит удалиться“³. В этом же письме он горько сожалеет о том, что в Илимские годы его пройдут без всякой пользы для общества. „Отнесенный к разряду тех, — пишет он, — кого Стерн называет «путешественниками поневоле», не пользу поставляю я целью моего путешествия и эта мысль подавляет всякое побуждение, какое бы могло любопытство во мне пробудить“⁴.

Путь от Тобольска до Илимска для больного Радищева был особенно тяжелым. До Иркутска он ехал 70 суток по грязным и лесистым дорогам.

В письме от 23 августа он сообщает Воронцову: „После очень утомительной дороги, вследствие беспрестанных дождей, я добрался до Томска в три недели и один день. Большая

¹ Архив кн. Воронцова, кн. V, 1872, стр. 402.

² А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, письмо № 43.

³ Там же, письмо № 48.

⁴ Там же.

часть наших повозок поломалась, и это заставляет нас пробыть здесь несколько дней и запастись колесами; потому что отсюда до Иркутска, как мне говорят, не менее 500 верст дороги ужасной, лишенной всякого описания“.¹

В письме от 14 октября он пишет Воронцову: „Наконец, по многотрудном путешествии, я через два месяца и 8 дней прибыл в Иркутск со всей моей семьей. Дорога наша, по причине худой погоды и нездоровья Елизаветы Васильевны, была скучна и тяжела. Но слава богу мы переезд наш до сего города совершили“.² В этом же письме он указывает, какой еще большой и трудный путь ему предстоит совершить из Иркутска до Илимска. „Единственная дорога отсюда до Илимска есть река Ангара, — пишет он. — Доколе не покрыта льдом, плыть оною должно в низ верст с 500. Потом через горы и леса 110 верст не иначе как верхом. Зимой ездят по льду и через горы в санях“.

Из Иркутска Радищев выехал уже по санному пути. Путь этот был почти в два раза длиннее летнего. „По этой дороге мы должны будем проделать около 900 верст до Илимска“, — писал он Воронцову 14 ноября 1791 г.³

В Илимск Радищев приехал, как сообщает его сын Павел в своих воспоминаниях, 4 января 1792 г.

Илимский острог, куда прибыл Радищев, являлся одно время центром илимского воеводства, существовавшего с 50-х годов XVII в. Он укреплял один из концов удобнейшего и кратчайшего пути, так называемого Ленского волока, идущего от р. Илим через реки Купу и Куту на Лену. Ленский волок был частью великого пути от Урала до Охотского моря, который обеспечивал русским освоение дальневосточного края. „Обосновавшись здесь, — пишет историк Илимского воеводства В. Н. Шерстобоев, — русские быстро унизали все речные пути Ангари-Илимско-Ленского края цепочками деревень, разместив на стыках водных и волоковых дорог опорные остроги и в необычайно короткий срок, примерно за 15—20 лет, создали здесь, за 5000 верст от родины, край с прочным земледелием. Илимское воеводство выполняло при этом как бы роль обширной опытной сельскохозяйственной станции, где шло испытание земледельческих приемов в своеобразном приречном горно-таежном районе“.⁴

¹ Там же, письмо № 49.

² Там же, письмо № 50.

³ Там же, письмо № 54.

⁴ В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. I, Пашня илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949, стр. 4—5.

В первой четверти XVIII в. в Илимске были уже ссыльные. Так, в указе из Москвы от 8 октября 1721 г. упоминается в качестве ссыльного „генерал-маюр Синицкой“. В это же время находилось там некоторое число пленных шведских солдат и офицеров.¹

После издания 7 ноября 1775 г. указа об „Учреждении для управления губерний Российской империи“ Илимское воеводство было ликвидировано, и Илимск вошел в состав Иркутской губернии. С этого времени он утратил свое бывшее административное и экономическое значение, превратился в глухой медвежий угол и остался известным в истории лишь благодаря тому, что в нем имел несчастье жить Радищев.

Радищев в своих письмах к А. Р. Воронцову дал несколько более или менее подробных описаний Илимска и его окрестностей, представляющих ценное дополнение к характеристике его жизни в этом местечке. В письме от 6 февраля 1792 г. он, например, пишет следующее: „Илимск и его окрестности не производят ничего, равным счетом ничего, но в ста верстах отсюда и далее, край обилен, а Илимск расположен между двух водных путей: Ангарой и Леной, и плодородные берега первой питают бесплодные второй. Здесь есть склады и все мелкие поселения выше Илимска приобретают здесь съестные припасы по очень невыгодной для них цене, покупая часто ржаной хлеб по 50—60 коп. пуд“.²

Далее в этом же письме он пишет о ремеслах в Илимске: „Несомненно также, что здесь мало ремесленников. Видно, что они здесь были раньше, когда Илимск был городом, и главным городом этих мест. Здесь нет ни сапожника, ни портного, ни свечных дел мастера, ни слесаря“.³

В письме к Воронцову, написанном в конце 1794 г., он сообщает некоторые подробности о населении Илимска. Из этого сообщения видно, что Илимск по численности населения являлся тогда не больше средней российской деревушки.

„Во всем Илимске 45 домов, — пишет он, — а тот, в котором я живу, 46-ой и вместе с церковью и городской ратушей стоит посредине поселка. Дома расположены на месте старой крепости или острога, от которого осталось только несколько башен, угрожающих падением. Кроме этих 45 домов, есть еще домов 15 пустых и необитаемых, из коих три на противоположном берегу реки, примерно в четверти версты от Илимска, и шесть в старом остроге в версте от нас.

¹ В. Н. Шерстобоев, ук. соч., стр. 118—119.

² А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, письмо № 60.

³ Там же.

Население состоит из мещан, казаков и крестьян и не превышает 250 душ обоего пола¹.

Неприветливо встретил Илимск Радищева. Его поселили в старом, ветхом воеводском доме, стоявшем, как указывает сам Радищев, в центре острога, возле церкви, которая, между прочим, сохранилась до сих пор.

В ноябре 1793 г. Радищев закончил постройку на присланные ему Воронцовым деньги нового дома и жить ему, в смысле помещения, стало легче.

Правительство Екатерины II, запрятав Радищева за тысячи километров от центра России и полностью изолировав его таким образом от общества, все же не переставало вести за ним систематическое наблюдение. Весь путь Радищев ехал под конвоем. Из Тобольска до Иркутска он ехал, как сказано в рапорте иркутского наместнического правления от 15 октября 1791 года, „за присмотром одного унтер-офицера тобольских баталионов“. В Иркутске наблюдение за Радищевым было усилено. Для постоянного надзора за ним в Илимске был выделен унтер-офицер и два рядовых солдата. Иркутское наместническое правление в своем рапорте Сенату от 15 октября по этому вопросу писало: „В наместническом правлении определено: с прописанием справки и сего сообщения здешнему городничему, подписать указом и велеть, вследствие высочайшего соизволения, упомянутого арестанта Александра Радищева, посредством здешнего нижнего земского суда, отправить в Илимский острог, с исправным унтер-офицером и двумя рядовыми солдатами, немедленно на десятилетнее безсходное пребывание в оном остроге, и тому унтер-офицеру приказать явиться для получения, по расчислению верст отсель до Илимска, прогонных денег в Казенной палате; а как тому унтер-офицеру с солдатами быть при нем, Радищеве, и иметь его в смотре, дать ему от наместнического правления особое наставление“ (IV, 17).

Далее в этом же рапорте отмечается, что кроме специально выделенных для надзора унтер-офицера с солдатами, предписано еще иметь наблюдение за Радищевым Нижнему земскому суду. „А здешнему Нижнему земскому суду дать знать указом, — сказано в конце рапорта, — с таковым предписанием, дабы оной за тем Радищевым, сверх приставной стражи, имел и свое надзирание“².

¹ Там же, письмо № 73.

² Русская старина, т. VI, 1872, стр. 436—438. — Разрядка наша, — Д. Б.

П. А. Радищев в своих воспоминаниях сообщает: „Два унтер-офицера, сопровождавшие его в дороге, оставлены были при нем, чтоб воспрепятствовать ему уехать из Илимска“.¹

Со стороны земского суда вели наблюдение за Радищевым члены Киренского уездного суда, в ведении которого Илимский острог находился. „В Илимск приезжали изредка члены Киренского земского суда, — рассказывает П. А. Радищев, — исправник Ковалевский и заседатель Деев“.² Последний особенно притеснял Радищева и вынудил его в конце концов жаловаться иркутскому генерал-губернатору. Они приезжали к Радищеву и требовали от него угощений и денег. „Заседателя Деева угощали как можно больше, — рассказывает П. А. Радищев. — Он однажды, охмелев, сказал Радищеву: «Ну-ка! починай кубышку». Ему хотелось подарка и он полагал, что тот скупится. Все эти господа, меряя людей на свой аршин, воображали, что Радищев сослан за взятки“.³

В 1795 г. исправник Н. А. Ковалевский от запоя умер и место его заступил М. И. Корсаков, человек не менее жесткий, чем Деев. „Полагая, так же как заседатель Деев, что Радищев скупится и не хочет «починать кубышку», — сообщает П. А. Радищев, — он начал грозить, напоминал ему, что он ссыльный, и что от него, исправника, зависит поступить с ним, как ему вздумается. Елизавета Васильевна тотчас отправилась в Иркутск жаловаться губернатору“.⁴

Об этих притеснителях и наглых вымогателях Радищев с возмущением писал Воронцову в письме от 20 ноября 1795 г.: „Меня преследуют и начинают с того, что пытаются унизить меня. Угадаете ли вы причину? Думают, что у меня есть 40 тысяч; будь я один, меня бы это почти никак не тронуло. Мы надеемся, что губернатор, как благородный человек, будет к нам благосклонен“.⁵

Постоянный двойной надзор не позволял Радищеву никуда отлучиться далее близ лежащих окрестностей Илимска. Сообщая Воронцову о своем желании ознакомиться с русско-китайской торговлей в пограничном сибирском городе Кяхте, он пишет: „Я бы почел в положении моем благодением, если бы позволено мне было отлучиться от места моего пребывания. Верьте, что причина тому единственно научение. Если глагол мой заразителен, если дышу язвою и взор мой

¹ Русский вестник, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 412.

² Там же, стр. 415.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 415—416.

⁵ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, письмо № 76.

возмущение рассеивает, скитаясь по пустыням и дебрям, переходя леса, скалы и пропасти, — кто может чувствовать действие толико злодейственна существа? Пускай глас мой не пременился, пускай вымя не стерта и носится гордо; глас ударять будет в камень, отзвонки его изыдет из пещеры и раздастся в дубраве необитаемой. Свидетели моих мыслей будут небо и земля; а тот, кто зрит в сердца и завесу внутренности наша проникает, тот знает, что я, что быть бы мог и что буду“.¹

Относясь с глубоким презрением к чиновникам, „разыгрывающим хозяев“ этого отдаленного края, Радищев одновременно проявил большую заботу о простых людях, живших в Илимске и его окрестностях. В частности, за совершенным отсутствием в этом крае врачей, он лечил местных жителей от многих болезней, сначала лекарствами, привезенными им из Иркутска, а затем разными травами, которые он сам собирал в летнее время. Больные приезжали к нему за десятки километров и содержались, как в больнице, до полного выздоровления в его доме. Здесь же он прививал детям оспу, что вообще являлось тогда необычным новым средством в медицине. Радищев в юношеские годы изучал в Лейпцигском университете естественные науки, и они ему здесь весьмагодились.

„К моим обычным занятиям присоединилось еще одно, — пишет он Воронцову вскоре после своего приезда в Илимск, — зачастую тяжелое, но утешительное в своей основе, занятие если и неприятное, то милое моему сердцу: я заделался дешеным лекарем и костоправом. Хотя я в сущности лишь невежда и знахарь, но моя добрая воля частично восполняет недостаток необходимых знаний, а ваши благодеяния дали мне возможность удовлетворить мои стремления“.²

В следующем письме от 24 марта 1792 г. он просит Воронцова выслать ему книгу для определения лечебных трав. „Я понемножку продолжаю исполнять обязанность эскулапа, и этим летом начну собирать травы. В этом я буду совершенный новичок, и прошу ваше сиятельство придти мне на помощь по сему случаю, прислав мне хорошую книгу по ботанике на любом языке, и равно как и минералогию Брюнинга, немецкое произведение, которое Георги издал и снабдил примечаниями“.³

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, стр. 26.

² Там же, т. III, письмо № 61.

³ Там же, т. III, письмо № 62.

В письме к Воронцову от 24 мая 1792 г. он рассказывает о своих прогулках по лугам и горам с целью изучения местных растений. „Признаюсь вам, — пишет он, — что там я тратил по несколько часов на исследование растений. Это удовольствие для меня совершенно ново; я едва знаю способ распределения растений по классам, но уже чувствую себя почти Линнеем“.¹

Некоторые весьма ценные подробности о лечении Радищевым местного населения сообщает его сын Павел. „Жители Илимска прибегали к Радищеву в случае болезни, — пишет он. — Он лечил иногда удачно... Он сам прививал оспу своим детям, рожденным в Сибири, и детям илимских жителей. Тогда еще доктор Дженнер не изобрел прививания коровьей оспы“.²

Лечение илимских жителей, соби́рание лекарственных трав, изучение местной природы, богатой полезными ископаемыми, занимало некоторое его время и, как казалось ему, делало его жизнь не столь скучной, как это могло быть при полном бездействии. Он устроил у себя в доме небольшую плавильную печь, в которой обжигал глиняную посуду и делал опыты по плавке различных руд. Вернувшись однажды с окрестных гор, после неудачной попытки найти там серебряную руду, он пишет Воронцову в письме от 7 декабря 1793 года: „Я все-таки надеюсь повторить мою попытку, а благодаря своему горну, я сделаю пробу без посторонней помощи, только бы мне раздобыть несколько кусков руды. А пока, в ожидании лучшего, я делаю пробы со слюдой и глиной. Так, занятый постоянным делом, я не боюсь скуки, этого лютого врага счастливой жизни“.³

Но в этом же письме, сквозь мнимое спокойствие, у него прорывается горестная тирада, невольный вопль измученного сердца, которое не может больше переносить одиночества. „Но признаюсь, — пишет он, — что у меня нехватает геркулесовых сил, чтобы относиться так же к моему одиночеству и к тому огорчению, которое причиняет мне вид зобов на шейках моих младенцев“.⁴

От душевного сокрушения, от сознания того, что его дни и годы проходят здесь без всякой пользы для общества, он временами впадал в глубокое уныние.

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, письмо № 65.

² Русский вестник, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 414.

³ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, письмо № 69.

⁴ Там же.

Лишен друзей и чад,
 Скитаться по лесам, в пустынях осужденный,
 Претящей властью отсюда окруженный,
 На что мне жить, когда мой век стал бесполезен? —

писал он.

В такие дни его обычно выручала находившаяся с ним любящая его женщина, преданный ему друг — Елизавета Васильевна Рубановская, на которой он женился в Сибири. „Он был много обязан ей во время своей ссылки, — рассказывает о ней П. А. Радищев. — Она его поддерживала и не давала ему упасть духом; привезла к нему детей, прилежно занималась хозяйством и делала его жизнь по возможности приятною. За то он всегда говорил о ней, что это была женщина с геройским духом“.¹

После того, как состояние душевной подавленности в нем проходило, он бодро восклицал:

Престань стнать! Кто мог всесильною рукою
 И сердце любяще, и душу нежду дать,
 К утехам может тот тебя опять воззвать.
 А если твоего сна совесть не тревожит,
 И память прежних дел печаль твою не множит,
 То верь, что всем бедам уж близок стал конец.²

В Илимске Радищев продолжал заниматься литературой. Писал стихи, которые дошли до нас лишь в небольших отрывках, и много уделял внимания написанию философского, в основе своей материалистического трактата „О человеке, о его смертности и бессмертии“. К работе над этим трактатом он приступил тотчас же по приезде в Илимск. В начале первой книги этого труда им поставлена следующая дата: „Начато 1792 года генваря 15. Илимск“.

В Илимске он написал „Письмо о китайском торге“ и начал, но не окончил, повесть об Ермаке — „Ангел тьмы“ и историческое исследование „Сокращенное повествование о приобретении Сибири“.

В философии, как он сам говорит в письме к Воронцову от 7 декабря 1793 г., Радищев искал себе утешения. Однако его трактат „О человеке“ нисколько не похож на обычную lamentацию философа, несправедливо изгнанного из общества. Он знает, что человеку не к кому апеллировать; ему не плакать, а бороться надо с тиранами. „О смертный! — оставь пустую мечту, что ты есть удел божества!“ — восклицает

¹ Русский вестник, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 417.

² А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 125.

даст он. Обращаясь к тирану, он угрожает: „Или не ведаешь, что может отчаяние человека, лишенного семейства, друзей и всякия утехи? Не скроют тебя от карающих руки ни вертепы, ни леса дремучие, ни пустыни! Мщение тебя преследует, достигнет тебя, веселием упоенного, и, отъемля у тебя даже средства к утехе, радованию и упокоению, изторгнет из сердца твоего более самую жизни. Я мысль даже в тебе претру надежды будущего, и вечность отлетит — но что успею я? О, тигр! ты ее не чаешь!“¹

Приведенная угроза Радищева обращена к тирану вообще, но не трудно понять, что к числу таких тиранов он причисляет и Екатерину II, которая „лишила его семейства и друзей“.

Радищева не покидала надежда на близкий конец „всем бедам“ его. Смерть непосредственного виновника его страданий — Екатерины II — усилила его надежды и радостно взволновала его. Получив первые известия о вступлении на престол Павла I, он пишет Воронцову в начале января 1797 г.: „Мой разум взволнован нахлынувшими мыслями, сердце мое, переполненное различных чувств, разрывается между проблеском надежды и почти полной безнадежностью, и я признаюсь вам, что покой бежит от меня. Ах, если бы рука, подающая мне жизнь, могла, по крайней мере, уготовить мне могилу в местах, где я родился. Сестра моя, верная моя подруга, спутница моего несчастья, исполненная тех же чувств, что и я, свидетельствует свое почтение вашему сиятельству“.²

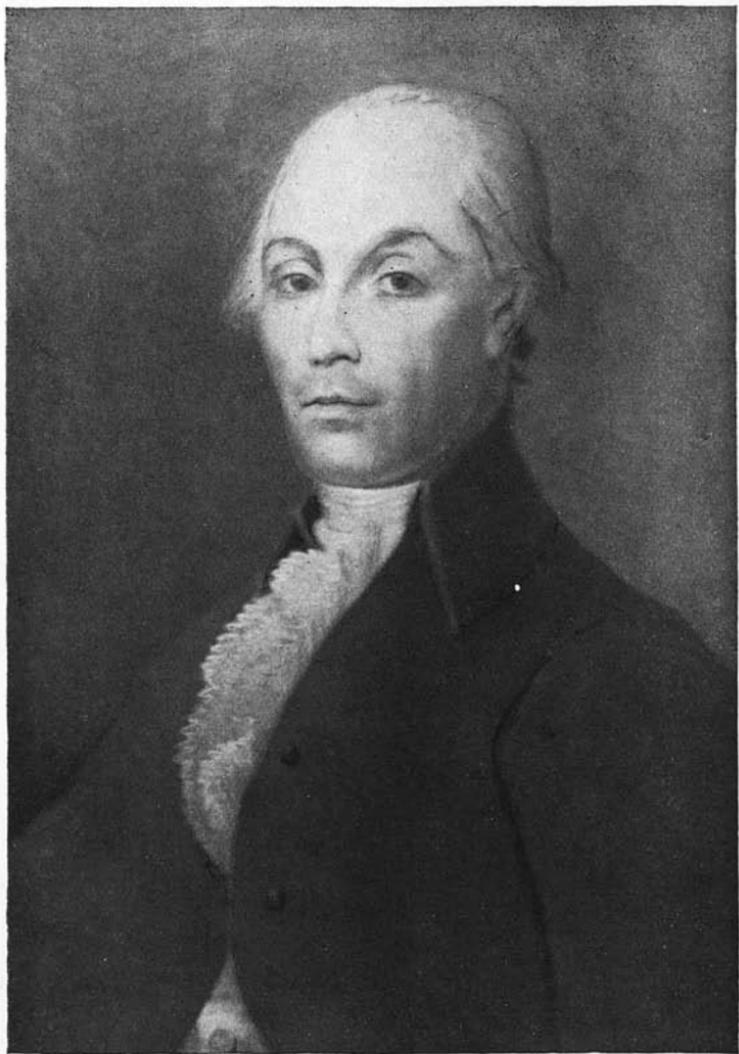
Радищев понимал, что если теперь, при перемене царя и правительства, в его судьбе не произойдет никаких изменений, значит он надолго, а может быть и навсегда останется в глухом Илимске. Он возлагал большие надежды на заступничество Воронцова, но от Воронцова не было ни строчки. К Новому году Воронцов прислал ему 500 рублей на содержание, не приложив к этому даже короткой записки. Радищев не знал как истолковать такое молчание. „Неужели вы переменились ко мне? — спрашивает он его в только что цитированном нами его письме: — Нет, сердце отвергает эту мысль. Она для меня не выносима“.³

Пока Радищев метался в Илимске между надеждой и полным отчаянием, в Петербурге в это время о нем состоялось уже решение.

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, стр. 96.

² Там же, т. III, письмо № 79.

³ Там же.

А. Н. Радищев. По возвращении из Сибири. Портрет маслом, писанный в 1797 г. неизвестным художником по заказу А. Р. Воронцова в с. Андреевском Владимирской губернии.

В 1950 г. хранился в Владимирском областном краеведческом музее.

7 ноября 1796 г. генерал-прокурор Сената А. Н. Самойлов по приказу Павла I сделал следующий запрос к иркутскому генерал-губернатору Л. Т. Нагелю о Радищеве: „Его императорское величество высочайше указать соизволил истребовать от вашего превосходительства сведения о содержащемся в Илимском остроге коллежском советнике Александре Радищеве, какого он поведения“ (VI, 1). Павел I подписал 23 ноября 1796 г. рескрипт, в котором было сказано: „Находящегося в Илимске на житье Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему в своих деревнях“ (VI, 3).

Такое решение Павел принял под нажимом влиятельных в государстве лиц, в частности гр. А. Р. Воронцова, с которым он не мог не считаться. П. А. Радищев в своих воспоминаниях прямо указывает на участие в этом деле А. Р. Воронцова. „О возвращении Радищева ходатайствовал, — пишет он, — по просьбе графа Воронцова, князь Александр Андреевич Безбородко, бывший тогда в большой силе“¹ Павел I, дав распоряжение перевести Радищева из Илимска в одну из деревень, принадлежавших отцу Радищева, однако не согласился дать ему полную свободу. В письме А. Н. Самойлова от 26 ноября к Нагелю, в котором сообщался рескрипт нового императора, было дано указание о выделении надежного конвоя для Радищева.

Распоряжение о переводе Радищева из Илимска было получено в Иркутске 16 января 1797 г. Нагель в этот же день срочно послал в Илимск к Радищеву нарочного. Второго нарочного он направил в Киренский нижний земский суд со следующим предписанием: „Находящийся в Илимске Александр Радищев чрез посланного от меня нарочного совсем вызывается в Иркутск, которому в выезде не делать ни малейшего удержания, а в случае требования показать ему в спокойном сюда приезде вспоможение“.²

Радищев, не зная о всей этой переписке, обсуждал с своей женой Е. В. Рубановской вопрос о ее поездке в Петербург хлопотать за него. Эта героическая женщина, не щадя своего слабого здоровья, не боясь сильных сибирских морозов, метелей и других трудностей, собиралась совершить ради него второй подвиг. „Елизавета Васильевна готова была ехать в Петербург“, — сообщает П. А. Радищев.³

¹ Русский вестник, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 416—417.

² И. Д. Смолянов. Из размысканий о Радищеве. Сб. „Радищев. Статьи и материалы“. Изд. Ленингр. Гос. университета им. А. А. Жданова, 1950, стр. 246—249.

³ Русский вестник, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 416.

Курьер из Иркутска привез им в двадцатых числах января 1797 г. радостную весть в тот момент, когда они уже отчаялись ее ждать. Радость их была беспредельна. Радищев, очевидно, увидел курьера из окна и выбежал ему навстречу. Затем он, как сообщает его сын Павел, „вбегает в восхищении в спальню. — «Ну, маменька, поезжай в Россию!» — воскликнул он“.¹ В восторге Радищев сочиняет экспромтом известное стихотворение:

Час преблаженный!
 День вождеденный!
 Мы оставляем,
 Мы покидаем
 Илимски горы,
 Берлоги, норы.

В Илимске семья Радищева увеличилась. У Е. В. Рубановской родилось здесь трое детей: сын и две дочери. Чтобы пуститься с такой большой семьей в дальний путь, нужны были более или менее удобные сани, которые в Илимске найти было невозможно. Радищев, нисколько не медля, отправляется за санями в Иркутск. Он мчит на перекладных день и ночь, проезжая в среднем за сутки по 200 километров. 25 января он уже в Иркутске. „Здесь я один, — пишет он на следующий день Воронцову; — моя подруга по несчастью осталась в Илимске, куда через несколько дней я вернусь с санями, чтобы сразу тронуться в путь“.²

Поездка в Иркутск за санями и сборы в Илимске заняли в общей сложности целый месяц. Радищев в своем „Дневнике путешествия из Сибири“ под 20 февраля 1797 г. сделал следующую запись: „Распродав или раздав все в Илимске, на что употребил я 10 дней, мы выехали при стечении всех почти илимских жителей в 3 часа пополудни“.³

Для жительства в России Радищев избрал себе маленькую деревушку Немцово Калужской губернии в ста километрах от Москвы, которую ему выделил его отец. В Немцово он прибыл в середине июля 1797 г. В пути из Сибири, занявшем почти пять месяцев, Радищев понес большую утрату. Его верный друг, подруга по несчастью Елизавета Васильевна Рубановская заболела в дороге и скончалась в Тобольске. Эту утрату Радищев называет роковой. Через неделю после

¹ Русский вестник, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 416.

² А. Н. Радищев, Полное собр. соч., т. III, письмо № 80.

³ Там же, стр. 267.

прибытия в Немцово он пишет Воронцову: „Потрясенный, переставший быть, так сказать, самим собою, вследствие роковой утраты, постигшей меня в Тобольске, я продолжаю следовать за моими воспоминаниями, которые ведут меня путями злосчастья и питаться лишь печальными и бедственными предметами. Хорошая погода вызывает в моем воображении более веселые картины, но гроза и дождь, загоняя меня под кровлю и умеряя некоторым образом его полет, наполняют грустью все мое существо“.¹

В Немцово для Радищева начался второй период ссылки, не менее мучительный, чем в Илимске. Здесь, по распоряжению Павла I, за ним был установлен строжайший надзор. В рескрипте Павла о переводе его из Илимска было указано: „А жить ему в своих деревнях, предписав начальнику губернии, где он пребывание иметь будет, чтобы наблюдаемо было за его поведением и перепискою“ (VI, 3).

Екатерина II в 1790 г. старалась выведать о единомышленниках Радищева через палача Шешковского. Коварный Павел избрал другую тактику: он решил обнаружить общественно-политические связи Радищева через почтовых чиновников и мелких полицейских шпионов. Радищев находился еще в Сибири, а вице-канцлер князь А. Б. Куракин уже уведомил калужского губернатора В. П. Митусова о секретном указе императора. „Находившейся в Сибири Александр Радищев, — писал он Митусову 16 марта 1797 г., — ныне по высочайшему его императорского величества указу отсюда освобожден, и дозволено ему жить в деревнях его, начальнику же губернии предписать, чтобы наблюдаемо было за его поведением и перепискою“ (VI, 11).

О том, какие меры были приняты для встречи Радищева в Калужской губернии, рассказывает Митусов в следующем донесении князю Куракину от 24 марта 1797 г.: „Предписание вашего сиятельства от 16-го с изображением высочайшего его императорского величества указа о наблюдении мне за поведением и перепискою пришлощегося из Сибири Александра Радищева для житья в малоярославецких его деревнях, 23 числа текущего месяца получить я честь имел; в повиновение которого ныне же вызываю сюда тамошнего земского исправника для объяснения ему высочайшей воли, дабы он, храня глубокую тайну сию, когда придется упомятой Радищев в его деревни, почасту тайным образом наведывался о поведении его и обращении по общегитию,

¹ Там же, письмо № 82.

строжайше наблюдая и замечая, с кем он по большей части будет иметь обращение, и не замечательно ли [!] будет чего-либо подозрительного, доносил бы ко мне; относительно же наблюдения за его перепискою, то также вызываю управляющего почтовою частию малоярославецкого городского магистрата бургомистра, которому, строжайше подтверждая о соблюдении сего в тайне, прикажу все, какие будут отдаваемы от Радищева для пересылки на почту письма, доставлять ко мне для просмотра их содержания, подобно сему и здешнему губернскому почтмейстеру, на случай иногда прямой от его пересылки писем, подтверждать не оставил; и в случае усмотрения мною какихых либо противных закону и подозрительных переписок, не оставляю доносить вашему сиятельству“ (VI, 13).

Со всех писем Радищева, а также и писем, адресованных к нему, снимали копии на почте и представляли их на просмотр самому царю. Так, только за первые два месяца по прибытии Радищева в Немцово московский почт-директор И. Б. Пестель доставил Павлу I копии с писем к Радищеву и сыну его Павлу из Нижнего Новгорода от М. И. и Н. И. Бравиных. За то же время Митусов перехватил пять писем Радищева, в том числе письма Радищева к своему отцу, брату Моисею, А. Р. Воронцову и др.

Павел I в 1797 г. дважды давал указания относительно того, как надо наблюдать за перепиской Радищева. 28 марта 1797 г. кн. А. Б. Куракин так записал его повеление: „Государь император высочайше повелеть соизволил предписать губернатору Митусову, чтоб он письма Радищева не распечатывал, но собирал их, препровождал в конверте на имя московского почт-директора Пестеля, которому дать знать, чтоб он все те письма открывал и доставлял по подписям. Копии с них присылал ко мне; в случае же что в числе оных найдутся подозрительные, тогда самые оригиналы ко мне доставлял“ (VI, 14).

В сентябре 1797 г. А. Б. Куракин еще раз получил от Павла повеление иметь „наиточнейшее надзирание“ за перепискою Радищева (см. об этом письмо Куракина к гр. Безбородке от 29 сентября 1797 г. (VI, 21)).

Павел I настойчиво искал в письмах автора „Путешествия из Петербурга в Москву“ тайные нити его связей с „соумышленниками“.

Однако это не удалось ему сделать. Радищев знал, что за ним непрестанно следят, и вследствие этого всегда был чрезвычайно осторожен в своей переписке. Живя в Сибири,

он ни разу не пользовался услугами почты. Все свои письма он пересылал через приезжавших в Сибирь курьеров А. Р. Воронцова или курьеров иркутского генерал-губернатора И. А. Пиля, а затем заместившего его должность Л. Т. Нагеля, которым на этот счет были даны соответствующие указания от А. Р. Воронцова. Точно так же он поступил и в Немцове. Как только узнал, что его письма здесь задерживаются и просматриваются, он перестал пользоваться почтой. То же самое сделали и его адресаты, которых он об этом уведомил через своих „верных“ людей. В октябре 1798 г. он писал по этому поводу А. Р. Воронцову: „Я пользуюсь верным случаем, чтобы написать вашему сиятельству. До сих пор такой оказии не представлялось вовсе, а я столько раз испытал неверность почты, что у меня к ней полное отвращение; да и приказания вашего сиятельства на сей счет весьма точны. Да чего же, наконец, ищут, вскрывая мои письма! Никогда в них не заключалось ничего, что могло бы показаться неуместным, никогда такого в них и не будет“.¹

С таким же тупым усердием полицейские чиновники вели наблюдение и за повседневной жизнью Радищева. Полуразрушенный старый домишко, в котором он поселился, находился под их постоянным надзором. Они бесцеремонно заходили в него. Посещение их было столь частым, что Радищев скоро перестал обращать на них внимание. Рассказывая Воронцову в письме от 6 ноября 1797 г. о встрече со своими старшими сыновьями Николаем и Василием, служившими в армии, он пишет: „Однажды вечером, когда мы с детьми сидели у чайного стола, вошли ко мне два человека военного вида. Сперва я подумал, что это гусары, часто оказывающие мне честь своим посещением“.²

Радищеву долго не разрешали съездить в Саратовскую губернию, чтобы навестить своих старых больных родителей. В ответ на его прошение Павел I разрешил ему съездить к родителям один только раз.

Живя в центре России, имея в Москве и соседних губерниях много друзей, родных и знакомых, Радищев в то же время не мог ни с кем из них встречаться. Он дважды посетил тайным образом лишь А. Р. Воронцова, жившего в селе Андреевском Владимирской губернии, и один раз побывал на обратном пути от родителей у своего старого

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, письмо № 90.

² Там же, письмо № 91.

товарища С. Н. Янова, жившего в 150 километрах за Москвой.

В полной изоляции от общества, под непрерывным полицейским надзором проводил он в Немцове свои дни и годы. „Ваше сиятельство желаете знать, что я поделываю и есть ли у меня соседи, — пишет он А. Р. Воронцову 21 сентября 1797 г. — соседей хоть пруд пруди, но я никого не видел“.¹

В Немцове, как он сам рассказывает в этом же письме, все его внимание было поглощено трудовой жизнью крестьян. Глядя на их труд, повседневные заботы, печали и мимолетные радости, он забывал свое личное горе. „Прибыв сюда, — рассказывает он, — я только и делал, что глядел, и этим наслаждался. Я видел, как убирали рожь и яровые, я видел сенокос. Я наблюдал, но я запретил себе размышления“.²

„После окончания летних работ, — пишет он в этом же письме, — я видел целые толпы сельских жителей, которые, подобно стаям диких гусей и уток, проходили передо мной; они покидали свои жилища, чтобы отправиться на поиски пропитания, подобно тому, как птицы покидают север с приближением морозов. Сердце мое сжималось. Значит, есть для них край более богатый, более привольный, может быть, небо там чище и яснее и жизнь счастливее? Нет, простолюдин любит места, где он родился; только необходимость заставляет его покинуть свой дом и все то, что человек покидает с сожалением. Но он вернется сюда нагруженный данью, которую его ремесло приносит ему от людей менее искусных, чем он сам, и радость снова войдет в его дом. Горе тому, кто ее потревожит! Когда я вижу чужую радость, мне самому становится весело...“.³

В приведенных строках, проникнутых теплым состраданием и большой любовью к угнетенному, обездоленному народу, виден весь Радищев, автор „Путешествия из Петербурга в Москву“. Ни суд, ни тюрьма, ни ссылка в Сибирь ничто не охладило его сердца, ничто не сделало его равнодушным к несчастной судьбе своего народа.

Здесь, в Немцове, он продолжал писать и заниматься лечебной практикой. „Возвратившись из Саратовской губернии, — рассказывает его сын Павел, — он занялся опять химиею, медициною, лечил своих крестьян и чужих, помещицу Дурнову, страдавшую какую-то застарелую болезнь,

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, письмо № 90.

² Там же, письмо № 90.

³ Там же.

и написал поэму в 12 песнях, описание своей деревни и другие сочинения“.¹

В Немцове Радищев написал ряд произведений; некоторые из них дошли до нас не в завершенном или не полном виде. Так, не в завершенном виде было напечатано его сыновьями в 1811 г. его экономическое сочинение „Описание моего владения“, в котором он дал изображение хозяйства крепостной деревни и вновь поставил вопрос о ликвидации крепостного права. Говоря в этом сочинении о крепостных крестьянах, обрабатывающих ниву помещика, он восклицает: „Блаженны, блаженны, если бы весь плод трудов ваших был ваш. Но, о горестное напоминовение! ниву селянин возделывал чуждую и сам, сам чужд есть, увы!“.²

Не в полном виде дошла до нас написанная здесь же поэма „Бова“.

К периоду жизни в Немцове предположительно относятся: незаконченный очерк о Третьяковском — „Памятник дактилохоренческому витязю“ и начало поэмы „Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам“.

Незаконченность названных произведений лишний раз свидетельствует о том, что в Немцове, в условиях изоляции и полицейского надзора, Радищеву жилось чрезвычайно трудно. К этим трудностям прибавились у него большие семейные огорчения, связанные с препятствиями по узаконению его детей (Афонасия, Анны и Феклы), родившихся в Илимске от Е. В. Рубановской. Отец его Николай Афонасьевич не захотел их признать и отказался выделить им хоть бы небольшую долю наследства. Сам же Радищев как лишенный дворянства и всех прав не мог принимать участия в разделе имущества своего отца. Таким образом, его дети, рожденные в Сибири, оставались без всяких средств к существованию. Это обстоятельство крайне огорчало Радищева.

В своих письмах к Воронцову Радищев не раз сравнивает свою жизнь в Немцове с пребыванием в Илимске. Иногда у него, помимо его воли, прорываются горестные фразы, свидетельствующие о его полном отчаянии. Так, в письме от 15 декабря 1800 г. он пишет Воронцову: „Можете ли вы поверить, я сожалел, что я не в Илимске! Увы, да, такие горестные минуты случались!“.³

¹ Русский вестник, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 431.

² А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, стр. 171.

³ Там же, т. III, письмо № 104.

В 1800 г. кончился срок наказания Радищева, определенный указом Екатерины II от 4 сентября 1790 г., но правительство продолжало держать его в ссылке.

В декабре 1800 г. Радищев подал на имя Павла I прошение о дозволении ему съездить по крайне нужным семейным делам в Петербург и напомнил при этом о том, что он ждет помилования. Однако такого помилования Павел ему не дал. Не разрешил он ему также и приехать в столицу хоть бы на несколько дней.

Таким образом, вопреки существовавшим законам, ссылка Радищеву была произвольно продлена на неопределенное время. Никакой другой причины для столь бесчеловечного отношения к писателю не могло быть, как прежний страх перед ним, боязнь того, как бы вокруг него не начали группироваться все те, кто был возмущен помещичье-крепостническим строем.

Освобождение Радищев получил только в 1801 г., после вступления на престол Александра I, но и при Александре он продолжал оставаться на подозрении. Благодаря ходатайству А. Р. Воронцова ему вернули дворянство и разрешили жить в Петербурге. По рекомендации того же Воронцова его зачислили в штат Комиссии составления законов. На заседаниях этой Комиссии Радищев начал было высказывать свои революционные взгляды по вопросам изменения российского законодательства, но ему дали понять, что здесь он не найдет сторонников, а за такие взгляды он вновь может поехать в Сибирь.

Сын Радищева Павел передает один такой эпизод с большими подробностями. „В разговорах своих с графом Завадовским он, не стесняясь, обнаруживал свой свободный образ мыслей; граф Воронцов приветствовал его при других словами: «Bonjour, monsieur le démocrate». Такое направление не соответствовало мнениям и взгляду Завадовского. Граф заметил ему, однажды, что этот слишком восторженный образ мыслей уже раз навлек на него несчастье, и дал ему почувствовать, что он в другой раз может подвернуться подобной беде, и даже произнес слово Сибирь. Пораженный ли такою угрозою, или по другой какой причине, он вдруг сделался задумчив, стал беспрестанно тревожиться. Он был всем недоволен. Напрасно старались успокоить его, он твердил беспрестанно, что до него добираются. Однажды, в припадке ипохондрии, он сказал собравшимся своим детям: «Ну, что, детушки, если меня опять сошлют в Сибирь?». Его беспокойство и волнение ежедневно усиливались. Он

призывал полкового лекаря, принимал лекарства, но облегчения не получил. Душевная болезнь развивалась все более и более¹.

Беспокойство и волнение Радищева, о которых рассказывает сын его Павел, несомненно имели политическую основу. Фактически он был затравлен царизмом. Каждый его шаг, каждое его слово, направленные на улучшение жизни народа, вызывали подозрение, язвительное замечание и, наконец, прямую угрозу. Вдохновенному певцу вольности, заявившему вскоре по выходе из Петропавловской крепости о том, что он „не дерево, не раб, но человек“, невыносимо тяжело было дышать в столь душной атмосфере. Это обстоятельство привело его к трагическому исходу. 11 сентября 1802 года в знак протеста против совершавшегося над ним насилия он покончил самоубийством, выпив стакан азотной кислоты.

Умер Радищев непримиренным революционером. До последнего дыхания он ненавидел своих мучителей. „Потомство за меня отомстит“, — были его последние слова.

¹ Русский вестник, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 422.

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ А. Н. РАДИЩЕВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVIII в.

Страх царского правительства перед Радищевым, перед силой его революционных идей имел конкретные основания. Пока Радищев находился в ссылке, „претящей властью отовсюду окруженный“, пока мучился вопросом, не стал ли его век „бесполезным“ популярность его росла. Подвиг, который он совершил, не пропал даром.

На „Путешествие“ Радищева почти тотчас же откликнулся ряд писателей. Произведения их, носящие ярко выраженный революционный характер, не могли при самодержавии попасть в печать и потому распространялись лишь в рукописных списках в подпольной, бесцензурной литературе. Один из авторов таких произведений, так же как и Радищев, понес жестокое наказание, другие остались совсем неизвестными.

Мы приводим в „Приложениях“ несколько таких стихотворений, которые нам удалось отыскать, полагая, что это является лишь небольшой частью того, что тайно распространялось по России в конце XVIII в.

Один из первых, известных нам, своеобразных поэтических откликов на „Путешествие“ появился в армии. В связи с крайне напряженной военной обстановкой на юге России и в Прибалтике, в первую очередь были подхвачены взгляды Радищева на завоевательные войны. В ряде мест „Путешествия“ Радищев резко осуждает завоевательную политику царизма.

В главе „Спасская полость“ Истина говорит царю: „Ибо ведай, что ты первейший в обществе можешь быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общия тишины, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого. Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем; ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называемое“.

В главе „Зайцево“ Радищев, рассказывая повесть о том, как судья Крестьянкин отказался наказать крестьян за убийство помещика-изверга, пишет: „Г. Крестьянкин долго находился в военной службе, и, наскучив жестокостями оной, а особливо во время войны, где великие насилия именем права войны прикрываются, перешел в статскую“.¹

Резкое осуждение завоевательных войн Радищев дает в главе „Хотиллов“, где он славу завоеваний сравнивает со скоро иссякающим воздушным шаром. „Но что обретаем в самой славе завоеваний?“ — спрашивает он. И далее отвечает: „Звук, гремление, надутость и истощение. Я такую славу применю к шарам, в 18-м столетии изобретенным; из шелковой ткани сложенные, наполняются они мгновенно горячим воздухом и возлетают с быстротою звука до выспренных пределов эфира. Но то, что их составляло силу, исстощается из среды тончайшими скважинами непрестанно, тяжесть, горé вращавшаяся, приемлет естественный путь падения долу, и то, что месяцы целые сооружалось со трудом, тщанием и иждевением, едва часов несколько может веселить взоры зрителей“.²

Там же далее Радищев спрашивает: „Но вопросы, чего жаждет завоеватель: чего он ищет, опустошая страны населенные или покоряя пустыни своей державе? Ответ получим мы от яростнейшего из всех, от Александра, Великим названного; но велик поистине не в делах своих, но в силах душевных и раззорениях. О, афиняне! — вещал он, — колико стоит мне быть хвалиму вами. Несмысленный, возри на шествие твое! Крутой вихрь твоего полета, преносся чрез твою область, затаскивает в вертение свое жителей ея, и влача силу государства во своем стремлении, за собою оставляет пустыню и мертвое пространство. Не рассуждаешь ты, о ярый вепрь, что опустошая землю свою победою, в завоеванной ничего не обрящешь тебя улаждающего. Если приобрел пустыню, то она соделается могилою для твоих сограждан, в коей они сокрыватися будут; населяя новую пустыню, превратишь страну обильную в бесплодную. Какая же прибыль, что из пустыне соделал селитьбы, если другие селения тем сделал пустыми? Если же приобрел населенную страну, то исчисли убийства твои и ужаснися. Искоренить долженствуешь ты все сердца, тебя в громоносности

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 269.

² Там же, стр. 317.

твоей возненавидевшие; не мни убо, что любити можно, его же бояться нудятся“.¹

Наконец, Радищев останавливается на тех последствиях от завоевательных войн, которые накладывают свой тяжелый отпечаток на гражданские свободы. „По истреблении мужественных граждан, — пишет он, — останутся и будут подвластны тебе робкие души, рабства иго восприняти готовы; но и в них ненависть к подавляющей твоей победе укоренится глубоко. Плод твоего завоевания будет, не лъсти себя, убийство и ненависть. Мучитель пребудешь на памяти потомков; казниться будешь, ведая, что мерзят тебя новые рабы твои, и от тебя кончины твоя просят“.²

Высказывания Радищева о завоевательной войне как величайшем народном бедствии быстро нашли отклик в русской армии. Об этом свидетельствует стихотворение неизвестного нам автора под названием „Ода на войну“, распространявшееся нелегально в рукописных списках. Оно найдено нами в одном рукописном сборнике 1790-х годов, принадлежавшем, как это видно из надписи на титульном его листе, офицеру русской армии.

Автор „Оды на войну“ так же, как и Радищев, заявляет, что народам война не нужна и что не простые люди начинают ее, а виною всех несчастий являются царь и его вельможи. Обращаясь к воину, автор спрашивает:

Повеждь мне ярости причину
 Столь сильно движущей тобой,
 Каких ты видел бед причину
 От тех, с кем ты вступаешь в бой?
 Вещаешь: „Брани что виною,
 Стижюдь не ведаю того,
 То знает царь, кой правит мною,
 Или вельможа лишь его.

На такой ответ воина автор восклицает:

Так ты орудие слепое
 Чудовищъ злейших, нежелъ сам,
 И человечество святое
 Причем, им следуя, к мечтам.
 Коль хочешь ими быть владеем,
 Задуи душевные огни,
 И почитай того злодеем.
 Кого велят тебе они.

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 318.

² Там же.

Далее автор с гневом обращается к монархам:

О! вы, сидящие на тронах,
Подпора коим страх и смерть!
Вам в тех предписано ль законах,
Не смеет совесть коих стерть,
Чтоб жизнь под вашей сущих властью
Презрев, на жертву приносить
Войне, воздвигаутой лишь страстью,
Страны чужия покорить?

В конце оды автор делает пересказ того места в „Путешествии“ Радищева, где Истина говорит царю: „Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем“. Он пишет:

Иной гласит, отдай мне друга;
О сыне слезы мать лиет;
Рыдая, нежная супруга
За мужню смерть тебя клянет;
Всё гласом отчество гневливым
Гремит, как некий бог с небес:
„Отдай мне чад, что ты бурливым
На жертву склонностям принес“.

Проклятие народа царю и его вельможам автор выражает в таких же гневных тонах:

Да гибнет всяк к войне пристрастный,
Всяк изверг из земных царей!
Чей меч тогда лишь спит ужасный,
Когда не зрит удобных дней;
Чей лавр со кипарисом смешен,
И слава подданных с бедой;
Кому мир самый безутешен,
И полон горести покой!

Да гибнет низкий тот вельможа,
Кой льстя владыке своему
И злые склонности в нем множа,
Не кажет тех вредов ему,
Что вводит брань в его державы!
Да гибнет лютый тот злодей,
Кой для корысти, иль для славы
Блажит войну в душе своей!¹

Каждый стих этой оды и весь ее пафос идут в одном направлении с радищевским „Путешествием“. Это дает нам основание полагать, что автор „Оды на войну“ хорошо знал книгу Радищева. Время написания „Оды на войну“

¹ Рукописный сборник 1792 г. „Когда что попалося“, лл. 30—35. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

совпадает с выходом в свет радищевского „Путешествия“. Первые экземпляры „Путешествия“, как мы уже отмечали выше, были выпущены из типографии в самом конце мая или начале июня 1790 г. „Ода на войну“ была написана не позднее 14 августа 1790 г., до дня объявления мира со Швецией, так как в предпоследней ее строфе обе войны, которые вела тогда Екатерина II, на юге и на севере, называются еще действующими. Таким образом, написание этой оды можно отнести к периоду июня—августа 1790 г., когда „Путешествие“ Радищева все шире распространялось его первыми читателями и „начало входить, — по выражению Безбородки, — в моду у многих шали“, то есть людей, враждебно настроенных к существовавшему строю.

Вскоре в одном направлении с радищевским „Путешествием“ предпринял большой труд давний товарищ Радищева П. И. Челищев.

Через девять месяцев после ссылки Радищева в Сибирь, в конце мая 1791 г., Челищев совершил чрезвычайно важное путешествие в Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую и Новгородскую губернии с целью ознакомиться с жизнью народа. Путешествие его продолжалось около семи месяцев. За это время он проехал в общей сложности более четырех тысяч верст.

Свои наблюдения во время этого путешествия Челищев изложил в дневнике, известном в печати под названием „Путешествие по северу России в 1791 году“. Дневник этот имеет много общих черт с радищевским „Путешествием“. В нем Челищев менее всего занят самим собой, раскрытием собственной душевной жизни, хотя он перед этим, как выше было сказано, и пережил немало. Не встретим мы в его дневнике также и лирических описаний суровой, величественной природы русского Севера. Все его внимание направлено на общественную жизнь народа: на состояние его экономики, просвещения, на притеснения народа царскими чиновниками. Подобно радищевскому путешественнику Челищев разоблачает бюрократизм и бездушие чиновников и их нерадение к общегосударственной, народной пользе. С этими явлениями ему пришлось столкнуться почти тотчас же по выезде из Петербурга. Вот довольно меткая характеристика, которую он дает начальству городка Шлиссельбурга: „У них нет привычки помогать против им данного предписания проезжающим, а еще менее прочитывать инструкцию их должностей, и для того самая достоверная сделана у них привычка отвечать молчанием на справедливые просьбы просящих

проезжающих, а потом при них же пойдти в гости к тем, на которых просят, дабы не только оставить без удовольствия, но даже досадить и обидеть; и за сим-то благорасположением не много им время остается думать о починке и о порядке канала“.¹

С большим возмущением Челищев рассказывает о гнусном корыстолюбии олонецкого генерал-губернатора Тутолмина, присвоившего себе золото у техника Воицкого золотого рудника подпоручика И. Ф. Толстого. „Толстой,— пишет Челищев,— томяся от скуки и голоду, за несколько лет перед сим, не зная что делать в сем пустом, голодном и холодном краю, для провозждения времени собирал кусочки между выброшенных руд целыми горами из штуфы; и когда собрал их нарочитое количество, вздумал их своим старанием переплавить и посредством химического разрешения добыл, бедняжка, с фунт и больше чистейшего золота. Но видно, что хорошие химики не всегда хорошие министры и политики. Он вздумал, ежели весть о изобретении его дойдет только до Петербурга, то непременно будет награжден и осчастливлен. Оставалась ему одна трудность: сыскать лестницу, по которой бы взлечь до монаршего престола! На этот конец показался ему манежный олонецкий генерал-губернатор Тутолмин весьма способным, и для того отправил к нему свое найденное золото и просьбу о награждении его труда. Г. Тутолмин, яко ревностный сын отечества, золото взяв, а просьбу сжег в камине. Он при первой своей поездке в Петербург не забыл взять изящный тот металл с собою и, представя ко двору, умел так расхвастаться своими подвигами и расхвалить свое рачение, что схватил Владимира первой степени и отменное благоволение. Бедный же виновник богатого сего откровения обязан стал быть безотлучным в той пустыне, а может быть, чрез то стал и причиною, что правительство, проснувшись, потерши с глаз дремоту, вздумало опять возобновить рудокопные работы, которые в земных недрах от сонливого правления долго закрытыми лежали, да и не смотря на мнимую бодрость, ныне оказуемую, опять упадет в беспечность...“.²

Эти две характеристики показывают, какое глубокое презрение Челищев питал к представителям государственной власти. Точно в таком же презрении к власти, как известно,

¹ Путешествие по Северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева. 1886, стр. 2.

² Там же, стр. 19—30.

обвиняла Екатерина II Радищева, говоря, что он „ищет всячески и выискивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства“.

Челищев в своих обличениях чиновников идет по стопам автора „Путешествия из Петербурга в Москву“. В частных злоупотреблениях малых и крупных начальников он видит типическое явление, присущее всему строю. Государев наместник Олонейской и Архангельской губерний Тутолмин, бесстыдно обворовавший честного труженика, золотоискателя Толстого, иронически именуется Челищевым „ревностным сыном отечества“. В рассказе о проделке Тутолмина и в ряде других мест дневника видны не только „умаление почтения“ к власти, но и полное ее развенчание. С едким сарказмом Челищев говорит о той социальной лестнице, по которой бедняку Толстому трудно было „взлезть до монаршего престола“.

Смелым критическим отношением к власти исполнены и многие другие страницы дневника Челищева. Он изучает жизнь трудового народа не по книжным источникам, а путем непосредственного общения с людьми в деревнях, на озерных и морских промыслах, в монастырях, в лесных скитах старообрядцев, на рудниках и лесоразработках, судостроительных верфях и торговых конторах.

В литературе уже отмечалось, что в своем горячем стремлении всесторонне изучить жизнь трудового народа Челищев следовал Радищеву. Так, А. Н. Пыпин в своей рецензии на дневник Челищева, отмечая его отличие по форме от „Путешествия“ Радищева, писал: „Но любопытно совпадение в самой теме их произведений. Один описал свое путешествие в беллетристическо-философской форме, с бытовыми картинами и нравственно-политическими рассуждениями; другой дает перечень своего странствования, переполненный множеством фактических подробностей и лишь изредка прерванный рассуждениями о виденном и слышанном, — но оба пишут именно путешествия, цель которых — познакомить с бытом и состоянием народа. Совпадение, вероятно, не случайно, и надо думать, что старая школа оставила след своего влияния в этом желании вникнуть в судьбу народа, в положение тех низших классов, трудом которых держится государство“.¹

А. И. Герцен, отмечая известную широту взгляда Радищева на мир, писал о том, что Радищев „едет по боль-

¹ А. Пыпин. Вновь открытый писатель прошлого века. Вестник Европы, 1886, кн. 10, стр. 764.

шой дороге, он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками, дворовыми, с рекрутами...“¹

Этой демократической особенностью отличается также и дневник Челищева. Челищев беседует с крестьянами, рабочими, матросами, лесопромышленниками, купцами, учителями и духовенством. Он всячески старается сблизиться с народом, проникнуть в его быт, узнать его печали и радости, его чаяния и надежды. В одной из приморских деревень Сорокиной он породнился кумовством с крестьянином Лукьяновым, при крещении его сына. Точно так же он сделался кумом в деревне Монастырихе у крестьянина Сыся Иванова.² Один из его поступков весьма напоминает посредничество радищевского путешественника в выдаче замуж крестьянской девушки Анюты. На пути от Тотьмы в Вологду, в деревне Ивакиной, Челищев поженил понравившихся ему крестьянскому парню и девушку. „У крестьян сей деревни Евдокима Сизикова сын Федор, а у Петра Корнильева дочь Варвара, — пишет он в своем дневнике, — им в рассуждении их равногодства и порядочного поведения определил быть повенчанным“.³

Челищев посещает народные училища и интересуется, как учатся в них дети. Лучших из учеников он поощряет. Так, например, в белозерском народном училище он подарил ученикам за их усердное прилежание к учению знаменитую риторiku Ломоносова.

Челищева интересует экономическая жизнь Севера: материальное положение крестьян и причины их бедности. Плохо устроенная жизнь народа волнует его, возбуждает его мысль, родит смелые проекты создания широкой сети промышленных предприятий, которые способствовали бы процветанию края и благополучию народа. Он категорически отвергает способ некоторых старообрядческих ханжей, богатых тщеславных купцов, которые, с целью „обольщения“ народа, привлекают его к себе ничтожными эпизодическими подавниями. В одном из раскольниковых скитов ему пришлось наблюдать картину подобного „благодаяния“, и он по этому поводу пишет: „Тут мне удалось видеть смелое обольщение богатых раскольников под именем богоугодного подавния. Петербургский богатый купец, торгующий мукою, знатный в расколе, присылает ежегодно кулей по сту муки для раз-

¹ А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. IX, под редакцией М. К. Лемке, 1919, стр. 270—271.

² Путешествие по Северу России, стр. 36 и 185.

³ Там же, стр. 204.

дачи бедным. Сия милостыня не столь полезна нищете принимающих, сколько тщеславию подающих, ибо на квадрате ста верст длины, на 80-ти ширины, где находятся все нищие почти поголовно велика ль милостыня сто кулей, и что она может помочь во всеобщей сей нищете?“. ¹

Челищев, исходя из наличия богатых природных ресурсов северного края, выдвигает проект создания более двухсот различных фабрик и заводов. Вполне сознавая, что его проект многим покажется утопичным, он пишет: „Не дивись, читатель, и не считай за сумасбродство мои положения; они мудрены, новы, но непротивны возможности. Доколе всякая небывалость беспечностью нашею порицаться станет небывающею?“. ²

Старый феодальный порядок с его бюрократической властью, сковывавший частную инициативу людей, по мнению Челищева, мешает процветанию страны. Челищева увлекают новые перспективы, новые взаимоотношения людей, построенные не на принуждении, а на свободно развивающейся промышленности. Его горячая мечта — строить новую свободную жизнь. „Начнем строить! — восклицает он. — Хозяйство, вспомоществование частных людей и сии маленькие сборы, что в раздроблении так малыми кажутся, дадут нам довольно великую сумму на сие великолепное, полезное и восхитительное здание сердцу, воспаленному общественным добром“. ³

Всех, кто не заботится об общественном благе, кто ведет паразитический образ жизни и заботится лишь о ничтожном своем благополучии, Челищев подвергает суровому и беспощадному осуждению. В этом плане он обрушивается не только на корыстолюбивых государственных чиновников, но и на раскольников-старообрядцев, во множестве скрывавшихся в олонецких и архангельских лесах. „В сих местах, — пишет он, — по рассказам тамошних жителей держатся по лесам множество раскольниковых ханжей, или пустынных отшельцев, закрывающих праздность свою и кормящихся лжеверием простосердечных тамошних обывателей; сии святоши, быв подогадливей других, облегчают трудную себе стезю на небо и ограждаются от скуки, запасшись избыточным подающим от жителей и по здоровой пустыньнице в кельи, которые им помогают считать их поклоны“. ⁴

¹ Путешествие по Северу России, стр. 20.

² Там же, стр. 95.

³ Там же, стр. 96.

⁴ Там же, стр. 32.

В другом месте своего дневника Челищев дает политическую характеристику старообрядцам.

„Расколы по моему примечанию в рассуждении закона не суть важны, — пишет он, — но заслуживают важнейшего внимания политических голов, ибо к чему годится такая секта, которая общественную пользу считает чужою, чуждается, убегает, ненавидит и прячется от общественных прав и узаконений, наблюдая оные только из корыстолюбия и из страху наказаний... сограждан своих не называют соотчичами, но погаными и врагами, гнушаясь с ними есть, пить, зняться, обходиться и иметь дело. К чему годится, говорю я, многочисленная сия сволочь, управляемая десятью обманывающими над тысячами обманутых, рассылающая ежегодно по всей России своих жлепроповедников для обращения простолоудинов и ленивцев в коварные их сети?“¹

С наибольшей силой с позиций общественной морали Челищев обрушивается на губернаторов, городничих и судей, которым поручено управлять народом. Он называет их „беззаконными самовольцами“, „беспечными тунеядцами“ и надменными кабинетными „ушельцами“, управляющими народом лишь силою воинских команд, угроз и указов.

„Обращаюсь к вам, беззаконные самовольцы, врученной власти вам вашими монархами, — пишет он в связи с предстоящей казнью крестьян за воровство и разбой. — Скажите мне, раскормленные питомцы роскошью и праздностью, как можете вы пышными знаками почестей украшаться монархов ваших, их обременять неумолкающими и усильными требованиями то чинов, то знаков, то денег, то вотчин, когда под игом вашего нерачения загнанная истина молчит, невинность стонет, все степени страждут, никто не находит своего права, а вы, величаясь, напрасно просыпаете ненадобный век в вредном вашем для всех изобилии. Понимаете ли вы, беспечные тунеядцы, на что вам сказано, что губернаторы не суть судьи, что для того, чтоб вы в одном губернском городе не принуждены были быть безотлучны, а оставив бы правосудия печение на судей, присматривая строго за ними по ведомостям, ездили бы беспрестанно по ведомствам своей губернии, исправляли бы пороки, стремление к злу отвращая, направляли бы склонности к общественной пользе и, находя сокровенные дары щедрые природы, приводя их в просвещение, изливали бы трудолюбие, изобилие и блаженство народам, вам врученным. Вы же, вместо вспоможения удручен-

¹ Там же, стр. 131.

ным, насылаете только указ за указом ко взысканию, не справясь каковы обстоятельства, каковы годы и каков их жребий“.¹

Тяжелые обстоятельства жизни, по мнению Челищева, толкают некоторых людей на воровство, на разбои. Несчастье, иго власти неизбежно порождают злобу. „Если б не было несчастных, — пишет Челищев, — верно б не было и злых. Доколе вы, викарные владыки народов, нерачением, незнанием и корыстолюбием своим ввергать станете род смертных в несчастья и напасти? Доколь священные законы благоустройства государственного проричать станут единственно своевольства владычествующих, бедство подчиненных и казни страждущих под игом вашим? Почто не доискиваетесь вы до источника разнообразных пороков, бедствий и злодейств? Отрите мрак очей ваших, войдите подробно в хижины поселян всех степеней: вы найдете их источник, болезнь, лекарство, блаженство их и ваше. Смотрите: повсюду бедность, праздность, скука; повсюду малая прибыль, а величайший труд“.²

Челищев неоднократно отмечает в своем дневнике высокие моральные качества, трудолюбие и честность русских крестьян. „При всей же таковой их бедности, — рассказывает он о дворцовых и экономических крестьянах живущих по берегам Свири, — они столь честны, что я в некоторых местах забывал, останавливаясь, свои вещи, но они возвращали их мне, догонявши на дороге...“.³

В другом месте он пишет: „Твердый, пронизательный и соиздательный разум россиян требует только ободрения, чтоб затмить в науках, художествах и в рукоделиях все народы европейские. О, если бы в помянутой сей пустыне были у вас заведены фабрики и заводы разных родов, например, мельницы пильные и хлебные, кожевенные, стеклянные и глиняные заводы, то были б, может быть, сии вородержатели и разбойники самые благочестивые, полезные и талантами удивительные люди! Ах, если мое суемудрие когда-нибудь дойдет до слухов ваших, то не браните моего дерзости! Чувствительность моя не терпит сих упущений, и кровь сих несчастных преступников брызнула даже до моего сердца“.⁴

¹ Путешествие по Северу России, стр. 271.

² Там же, стр. 272—273.

³ Там же, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 274.

Большое внимание Челищев уделяет историческим памятникам русского Севера, посещает древние монастыри, внимательно осматривает их библиотеки, печатные и редкие рукописные книги. С трепетным благоговением и любовью он посетил родину великого русского ученого М. В. Ломоносова и поставил ему в его деревне Денисовке деревянный памятник, украсив его различными символическими рисунками. Гениальный Ломоносов, вышедший из низов народа, наглядно подтверждал его вышеприведенное мнение о пронизательном и созидательном разуме россиян. Челищев написал на одной из сторон сооруженного им памятника Ломоносову стихотворение, в котором говорит:

Сей сельский Холмогор лишь стер свой мрак с очей,
Напрягся, поднялся, взлетел, объял природу,
Возже в веках свещу гисторией своей
И книгу древних Росс разверз земному роду.
С Невтоном исчислял в морях — алгебры, груз,
В хаосе вихров был Картезию соперник,
Схватил рукою цепь планет и звезд союз,
Держал что Птоломей, и Тихобрах, Коперник.
Он тайны недр земных измерив и открыв,
Наскучил опытом ползущим в изысканьях,
Вдруг к созиданью свой дух гордый устремив,
Скупую химию настяг в своих ристаньях
И мощною рукой от персей исхитил
Прекрасну дщерь ея, младую мозаику...¹

Дневник Челищева содержит в себе много ценнейших сведений, относящихся к истории, этнографии, промышленности и торговле Севера, к распространению на Севере отхожих и кустарных промыслов и т. п. Л. Н. Майков, впервые опубликовавший дневник Челищева, пишет: „Самые разнообразные предметы привлекали внимание его во время странствования, начиная от памятников благочестия и древности до мелких подробностей народного быта и состава чиновников в посещенных им городах; но в особенности занимало его все, что касается народного благосостояния. Челищев с живым сочувствием относится к бодрому и трудолюбивому населению русского севера, обстоятельно описывает разнообразные его промыслы и нередко высказывает горькое сожаление о том небрежении к народным нуждам, которое обнаруживают правительственные лица и представители духовного сословия, обязанные пещись о развитии нравственных и материальных сил народа. Злоупотребления иностранцев в торговле и при-

¹ Там же, стр. 124.

теснения с их стороны русских промышленников вызывают горячее его негодование. Весьма замечательны обильные статические данные, сообщаемые Челищевым; по всей вероятности, они получены им от местных чиновников. Довольно много встречается у него и сведений исторических; автор почерпал их как из устных рассказов, так и из письменных источников, которые не упускал случаев разыскивать и просматривать в разных местах".¹

Однако следует отметить, что обилие собранных Челищевым фактов не заслоняет основной идеи его книги — показа жизни народа и обличения его угнетателей. Эта замечательная идея служения народу, заложенная в дневнике Челищева, сближает его с радищевским бессмертным произведением. Смелым, патриотическим и вольнолюбивым духом автора „Путешествия“ овеяны страницы его дневника. И образ самого Радищева не покидал Челищева во время его путешествия по Северу.

Во время пребывания в Архангельске Челищев встречался с братом Радищева Моисеем Николаевичем, который служил советником архангельской таможенной экспедиции. В это время А. Н. Радищев находился в пути между Тобольском и Илимском. Старшие сыновья его Василий и Николай жили в Архангельске на попечении Моисея Николаевича. С детьми и братом Александр Николаевич вел из Сибири через А. Р. Воронцова переписку. Таким образом, Моисей Николаевич был осведомлен о положении и состоянии здоровья своего брата в Сибири. Кроме того, он вел о нем переписку с А. Р. Воронцовым, справляясь, нет ли какой-нибудь надежды на смягчение наказания его брату. Через него же проходила переписка А. Н. Радищева с его близкими друзьями, в частности с А. М. Кутузовым, жившим в это время в Берлине. А. Н. Радищев в письме к Кутузову от 6 декабря 1791 г. сам рекомендовал сноситься с ним через Моисея Николаевича. „Если хочешь ко мне писать, — сообщал он Кутузову, — то адресуй письмо брату моему Моисею, живущему в Архангельске“.²

А. М. Кутузов, посылая ответ своему другу, писал Моисею Николаевичу: „Дружество, соединяющее меня едва ли не с самого младенчества с несчастным вашим братом, подает мне несомненную надежду, что вы не отречетесь

¹ Путешествие по Северу России, стр. VIII.

² А. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. Пгр., 1915, стр. 168.

доставить ему вложенного письма, чем вы чувствительно меня обяжете“.¹

Челищев через Моисея Николаевича несомненно хорошо был осведомлен о положении своего друга в Сибири. По отъезде из Архангельска он продолжал поддерживать связь с Моисеем Николаевичем путем переписки. В дневнике своем он отмечает, что 9 ноября 1791 г. он отправил с матросом Трифионовым в Архангельск письма к ряду лиц, в том числе и М. Н. Радищеву. В дневнике его имеется весьма интересная запись сна, в которой он вспоминает своих близких друзей. „Будучи в Белозерске в доме помянутого диакона Ивана Алексея, с 17 на 28 число ноября, видел сон, — рассказывает он, — будто я, Федор Васильевич Ушаков, Кутузов и двое Радищевых были в одном доме, из которого Радищев и Кутузов бежали, и якобы их опять поймали, и Радищева я видел, а Кутузова не видел“.²

До нас не дошло произведений Челищева, в которых он сформулировал бы, подобно Радищеву, идею революционного свержения того строя, который он подверг столь беспощадной критике, но в личном характере, в моральном облике его была одна замечательная черта, которая сближает его с Радищевым. Так же, как и Радищев, он был чувствителен к страданиям народа и не мог терпеть насилий и издевательств над ним; кровь несчастных, невинно страдающих людей, как он сам выразился, „брызнула“ до его сердца.

Дневник свой Челищев, очевидно, готовил к печати. Это видно из того, что ряд рисунков — портрет Ломоносова, вид памятника Ломоносову и карта окрестностей его родины, вид катера, на котором путешествовал Челищев по северным рекам, были уже награвированы и приложены к рукописи в виде печатных оттисков. Но отпечатать столь смелое произведение ему не удалось. Рукопись дневника была издана лишь спустя около 100 лет, в 1886 г.

Из других литературных произведений Челищева, кроме одной записки о народном языке, до нас ничего не дошло. Записка эта впервые была опубликована М. И. Сухомлиновым в 1885 г.,³ а затем напечатана в приложении к дневнику Челищева.

¹ Там же, стр. 194.

² Путешествие по Северу России, стр. 244.

³ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. VII, СПб., 1885, стр. 399—415, 636—637.

Записку о народном языке Челищев подал в мае 1793 г. в Российскую Академию. Она была составлена на основе наблюдений, сделанных им во время путешествия по Северу.

В начале своей записки Челищев разъясняет значение таких специфически северных слов, как губа, оток, наволок, прогалок, просушь, салма. Основное внимание в записке уделено объяснению слова „годство“ (существительное „готовность“, наречие „готово“, прилагательное „годный“). Челищев предлагает обозначать словом „годство“ способности человека к общественному благу. Он сравнивает это слово с латинским *virtus* и немецким *Tugend* и находит, что оно является наиболее подходящим для выражения столь высокого понятия.

„*Virtus, vertu, Tugend*, по дефиниции их, — пишет он, — значат силу, или свойство, или действие, склонность, навык, способность или годность качеств душевных, влекущих мысли и дела наши на общую пользу. Следовательно, не изобрывает ли слово годство все пространство сего понятия“.¹

Толкование Челищевым слова „годство“ носит характер не столько лингвистический, сколько публицистический. Цель его заключается в том, чтобы как можно шире пропагандировать те же самые основы общественной морали, которые он изложил в своем дневнике. Цель эта достаточно четко выражена им в ряде мест данной записки. Защищая честь русского народа от клеветников-иностранцев, Челищев пишет: „С досадою всегда слышал я, как неблагодарные наши нахлебники чужестранцы порицали дражайшее наше отечество, будто мы добродетели, то есть *vertu* ясно понимать и в делах обнаруживать неспособны. Сия язвительная укоризна тем была чувствительнее, что они подпирали оную, хотя неосновательным, однако же доказательством: ибо говорят они, и в языке вашем даже не имеется слова, сие превосходное свойство душ выражающего. Я бесился и рвался на сию унизительную клевету, зная, сколь сильно дела моих соотчичей сведение оного опытами доказывали, и никогда не мог верить, чтоб богатейший, прекраснейший и величественный наш идиом, или язык, ограблен был такого преимущества, которым даже пользуются и побочные язычки латинского наречия“.²

Челищев настаивает, чтобы слово „годство“, в том значении, которое он ему придает, было помещено в словарь

¹ Путешествие по Северу России, стр. 280.

° ² Там же.

русского языка, составляемый Российской Академией. „И для того, не страшась нареkania, — заканчивает он свою записку, — буду годство мое употреблять при всяком пристойном случае, желая алчно, чтоб годственное академическое собрание, пекущееся об обогащении языка нашего, нашло оное годным к помещению в словаре их; дражайшие ж мои соотчичи не только бы хотели доблественными быть, но даже годными и годственными в делании добра“.¹

Свой взгляд на обязанности гражданина, истинного сына отчества, Челищев пытался, как показывает его записка в Российскую Академию, довести до сведения через словарь русского языка до широкого круга читателей. До конца своей жизни он оставался верным последователем тех идей, которые он высказал в дневнике и записке о народном языке. Последние годы своей жизни Челищев провел в большой бедности, горе и гонениях. В своем прошении на имя Александра I о возвращении отнятого у него родового имения, поданном в 1805 г., он пишет: „Шестидесятилетний Челищев, лишенный здоровья, сил, зрения и способов оные поправить, по причине отнятого и разграбленного знатного его родового и самим собою собранного имущества, и неотступно просит сжалиться на ево состояние и следующею помощию просит ево оградить от отчаяния“.²

Мысль о служении народу не покидала его до конца жизни. Он имел широкий замысел организовать в России на научной основе пчеловодство и ряд образцовых, полезных народу институтов. Об этом замысле, во многом напоминавшем собою прежний его проект организации на Севере широкой сети фабрик и заводов, Челищев сообщает в упомянутом прошении Александру I. „Кольми же паче заслуживает просьба сия уважения тем, что Челищев капитал сей не на прожиток и не на прихоти употребить обещает, — пишет он, — а на заведение полезнейших и образцовых институтов к пользе и славе отечества, по части государственного пчеловодства и на издание многих книг, относящихся к познанию важной сей экономической отрасли, толико во всех просвещенных державах уважаемой“.³

П. И. Челищев умер 25 сентября 1811 г. Библиотека его

¹ Там же, стр. 285.

² Н. А. Челищев. Сборник материалов для истории рода Челищевых. СПб., 1893, стр. 244.

³ Там же, стр. 245—246.

и часть сохранившихся пчелиных ульев поступили, по его завещанию, в Вольное экономическое общество.¹

Революционные идеи Радищева проникали в различные слои русского общества. Так, в 1794 г. был арестован в Яссах по обвинению в общении с подозрительными людьми майор Василий Васильевич Пассек (Пасков), 22-летний юноша, служивший во время войны с Турцией в штабе главнокомандующего князя Г. А. Потемкина, участвовавший под предводительством Суворова в декабре 1790 г. в знаменитом штурме турецкой крепости Измаил. При аресте Пассека нашли в его бумагах два списка радищевского „Путешествия“ и несколько революционных стихотворений, написанных под прямым влиянием идей Радищева. Среди них имелись два стихотворения под одноименным названием „Вольность“ и одно стихотворение, направленное лично против Екатерины II. Екатеринославский губернатор Каховский нашел эти стихотворения „вредными“ и переправил их вместе с другими рукописями Пассека в Петербург царице. Екатерина II прочитала в них о себе следующие строфы, в которых она называется жалким червем и ничтожной сумасбродкой:

Ересь всюду распростерла
 Будто бог ее послал,
 Чтоб тому главу сотерла,
 Кто против ея восстал.
 Люди, слепо чтя уставы,
 Ложь приняли за закон
 И, опившись сей отравы,
 Червь им кажется дракон.

Разум, воля и свобода
 Стонут в узах, вопия:
 Дольго ль чтить нам сумасброда,
 Кровь сосуща, как змия?

Стихотворение это написано в форме акростиха, в начале каждой строфы его выделена соответствующая буква, сложение которых по вертикали дает имя: „Екатерина II“.

Чтоб читатель ясно понял, против кого это стихотворение направлено, автор в заключительной строфе пишет:

А рушителя покоя,
 Изверга природных прав
 Правда, став в лице героя,
 Свергла, власть его поправ.

¹ См. об этом книгу: А. И. Ходнев. История имп. Вольного экономического общества с 1765 по 1865 года. СПб., 1865, стр. 229—230, 470.

Кто же он был? Чтоб было гласно
Имя варвара сего,
Первы буквы сложив ясно
Будешь видеть ты его.

Данное стихотворение состоит из 9 строф по 8 стихов в каждой. Впервые небольшой отрывок (12 стихов) из него был напечатан в 1941 г. М. Н. Гернетом,¹ а затем две строфы напечатал в 1949 г. Л. Б. Светлов.² Здесь, в „Приложениях“, мы приводим полный текст этого стихотворения.

В следующих двух стихотворениях Пассека излагается тема вольности. Одно из них написано также в форме акростиха. Сложение начальных букв каждой строфы его по вертикали дает имя „Варвара“. В этом стихотворении автор подчеркивает, что о вольности говорят многие, но не все еще ясно представляют, в чем она конкретно должна проявляться. Он пишет:

Вольность, вольность дорогая,
Многие про то твердят.
В чем же честь ее благая
Глаз на то не обратят.

Основное ее значение автор видит в том, что она способствует народу разрушить ненавистную ему власть и просвещает его умы.

Рушит власти все пределы,
Дать природе вольной ход,
Тотчас станут умы зрелы,
Плаваая, не пойдут в брод.
Всплав на берег, пойдут смело
Злобы цепи разорвать,
Кои душу их и тело
Тщились в рабстве содержать.

В понимании мобилизующей и организующей силы стремления к вольности Пассек следует Радищеву. Радищев в первой строфе оды „Вольность“ пишет:

Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Тель еще проснутся,
Седяй во власти да смятутся
От гласа твоего цари.

¹ М. Н. Гернет. История царской тюрьмы. М., 1941, стр. 113.

² Л. Б. Светлов. А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII в. Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии, т. VI, М., 1949, № 5, стр. 476.

Василий Пассек перелагает приведенные мысли Радищева следующим образом, придавая им новые оттенки. Он пишет:

Ада власти потрясутся,
Видя правду в торжестве,
Полубоги все смятутся,
Зря себя в ничтожестве.¹

Второе стихотворение, посвященное теме вольности, имеется в бумагах Пассека в нескольких черновых набросках. Мы воспроизводим его в конце книги в двух более или менее оформившихся редакциях. В этом стихотворении автор также пересказывает основные идеи оды Радищева „Больность“, имея в виду радищевские стихи:

Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя,

Пассек пишет:

Ликуй, о! вольность дщерь природы!
Народ, разрушив власть царя,
Воздвиг нетленной храм свободы
На месте злобы алтаря.

Подобно тому, как в оде Радищева народ судит преступного царя, Пассек влагает в уста народа следующие слова:

Спешите, дети, мной избранны,
Казнить мучителей своих,
Достойны быть они поправны.
Се путь лежит ваш пред глазами,
Ведущий прямо раю в сад.
Оставьте грусть и плач слезами
Тому, мешал кто в пищу яд.
Спешите по нем, шаги удвойте,
Кричите ура и песнь воспойте.²

Во второй редакции этого стихотворения Пассек призывает русский народ последовать примеру восставших против царя французов. Он пишет:

Шествуй, царей покоритель,
Пред курильник в премудрый храм,
Спеши, славный лжи победитель,
Истреблять зло мздоимства там.
Сумазбродам и святым сотри веры,
Возьми с французов ты примеры.

¹ ЦГАДА, Гос. Архив, разр. VII, № 2846, л. 49.

² Там же, л. 51.

В конце этого стихотворения Пассек призывает к истреблению царей:

О, вольность, бог справедливой,
Просвети род сей кичливой.
Истреби род сей кичливой.¹

После обнаружения названных стихотворений, майор Пассек, проживавший в Кременчуге Екатеринославской губернии, бежал в Яссы. В Яссах его поймали, заковали в цепи, а затем доставили в Петербург в Петропавловскую крепость. Дело его было передано в Тайную экспедицию. Допросы ему делал ведавший тогда Тайной экспедицией генерал-прокурор Сената А. Н. Самойлов.

В сохранившихся бумагах следствия по делу майора Пассека неоднократно упоминается имя Радищева. „О каких бумагах говорит губернатор екатеринославский, что они могут причинить вред? — спрашивал Пассека прокурор Самойлов, — и если знал, что они вредны, то для чего осмелился оные у себя держать?“.

Пассек на это отвечал:

„Я ему открыл содержание сочинений Радищева и другие, кои он и полагает вредными. Я читал единожды в Какутенах и видел потом в Яссах на диване лежащую у покойного светлейшего князя печатную радищевскую книгу одного с этою содержанием и для того не почитал ее вредною. Сверх того, никто ее не имел в руках. Впрочем, когда бы я и признавал таковою, то любителю странностей и редкостей дозволяется, но с тем только, чтобы сие было без вреда государственного и ближнего. Смелость сродственна россиянам“.²

В другом листе, на прямой вопрос откуда взял он „Путешествие“ Радищева, Пассек написал: „Радищево Путешествие из Петербурга в Москву читал я у князя Потемкина печатное; и потому не полагал его в числе заповедных книг“.³

Ввиду того, что Пассек первоначально упорно отказывался признать себя автором обнаруженных у него стихотворений, возник вопрос, не принадлежали ли они Радищеву. Вероятно в связи с этим в Петербурге пронесся слух о том, что Радищев написал в Сибири новое сочинение, подобное „Путешествию“. О существовании такого слуха рассказывает

¹ Там же, л. 47.

² ЦГАДА, Гос. Архив, разр. VII, № 2846, л. 21 об.

³ Там же, л. 133.

Гельбиг. „Большинство петербургских жителей позабыли о Радищеве, как два года спустя опять услышали о нем, — пишет он. — Несчастный, хотя и в Сибири, но был весьма легко арестован. Комендант места, где он находился, великодушный человек, был весьма доволен, имея Радищева собеседником, и доставлял ему возможную свободу. Сюда относилось и пользование письменными принадлежностями. Радищев, следуя позыву, хотя вовсе и не вынужденному, высказать правду, или скорее — написать ее, снова приготовил сочинение, подобное первому, и тотчас отправил рукопись, но мы не знаем куда. Несчастный опять был открыт. Его перевезли несколько сот далее, в более суровую тюрьму и лишили любимых его занятий и всяких удобств“.¹

Пассек, однако, в своих показаниях решительно отверг предположение о принадлежности указанных стихов Радищеву. На повторный вопрос Самойлова „кто сочинял и чьей руки акrostихи“ он ответил:

„Не знаю! Вотсе без упорства по совершенной истине; а ежели за незнание законы осуждают, то готов идти на плаху, ибо всегда повиновался оным. Ежели б я нашел оные в сочинениях Радищева, тогда были бы они мне внятными...“.²

Ввиду длительного упорства Пассека в признании себя автором стихотворений, тем более что первые три из них были написаны не его рукой, Самойлов послал их рукописи екатеринославскому губернатору „для отыскания писавшего“, как сказано в отметке на полях стихотворения „Екатерина II“. Скоро „писавший“, вернее — переписывавший как эти стихотворения, так и „Путешествие“ Радищева отыскался. Это был некий скромный губернский регистратор Павел Петрович Симанович, который длительное время находился при майоре Пассеке для разных поручений. Вызванный екатеринославским губернатором на допрос, он заявил, что „между свободным пребыванием одновременно, по просьбе Пассека, переписывал он, Симонович, разные сочинения, и между оными и ту записку в стихах“.³

Судьба свободолюбивого В. В. Пассека, страстно мечтавшего видеть свой народ вольным, была трагична. Прокурор Самойлов, путем коварного обещания выпустить его на свободу, выманил у него признание в авторстве указанных стихов. В конце августа 1794 г. Пассек был выпущен из Петро-

¹ Библиографические записки, т. I, 1858, № 23, стр. 729—735.

² ЦГАДА, Гос. Архив, разр. VII, № 2846, л. 21 об.

³ Там же, л. 184.

павловской крепости и был направлен в армию. В армии за ним был установлен тайный надзор. В декабре 1796 г. его снова схватили и заключили в холодный и сырой одиночный каземат Динамюндской крепости. Об ужасных условиях содержания его в этой крепости он сам рассказывает в своих записках: „Четыре года и три месяца боролся я неизвестностью о моей и детей моих участи! Там часто не имел я первых человеку надобностей; потерял почти все зубы и зрение; начал страдать одышкой и обструкциею, и подвергся эпихондри; и на двадцать шестом году жизни все волосы на голове моей поседел“.¹

После многих мытарств по тюрьмам Пассек был сослан в Сибирь в Тобольскую губернию. За ним последовала его жена с детьми. С одним из его сыновей, писателем Вадимом Пассеком, подружился потом А. И. Герцен дал об этой семье теплый отзыв. „Она была разорена, замучена и вместе с тем полна того величия, которое кладет несчастье не на каждого страдальца, а на чело тех, которые умели вынести. Их отец был схвачен при Павле вследствие какого-то политического доноса, брошен в Шлиссельбург и потом сослан в Сибирь на поселенье. Александр возвратил тысячи сосланных безумным отцом его, но Пассек был забыт. Он был племянник того Пассека, который участвовал в убийстве Петра III, потом был генерал-губернатором в польских провинциях, и мог требовать долю наследства, уже перешедшего в другие руки, эти-то другие руки и задержали его в Сибири. ... В нужде, в работе, лишенные теплой одежды, а иногда насущного хлеба, они умели выходить, вскормить целую семью львенков; отец передал им неукротимый и гордый дух свой, веру в себя, тайну великих несчастий, он воспитал их примером, мать — самоотвержением и горькими слезами. Сестры не уступали братьям в героической твердости. Да чего бояться слов, — это была семья героев“.²

Василий Васильевич Пассек по силе своего характера и непреклонной воле к борьбе с угнетателями народа был достойным последователем Радищева. Тюрьмы и изгнание не позволили широко развернуться его литературному таланту. Из других его произведений до нас ничего не дошло. Радищева он чтит чрезвычайно высоко. В его стихотворении

¹ Отрывок жизни Василия Пассека, им самим сочиненный в Санкт-петербургской градской тюрьме в 1803 году. Русский архив, 1863, № 5 и 6, стлб. 376—377.

² А. И. Герцен. Былое и думы, т. I. 1937, стр. 237—238.

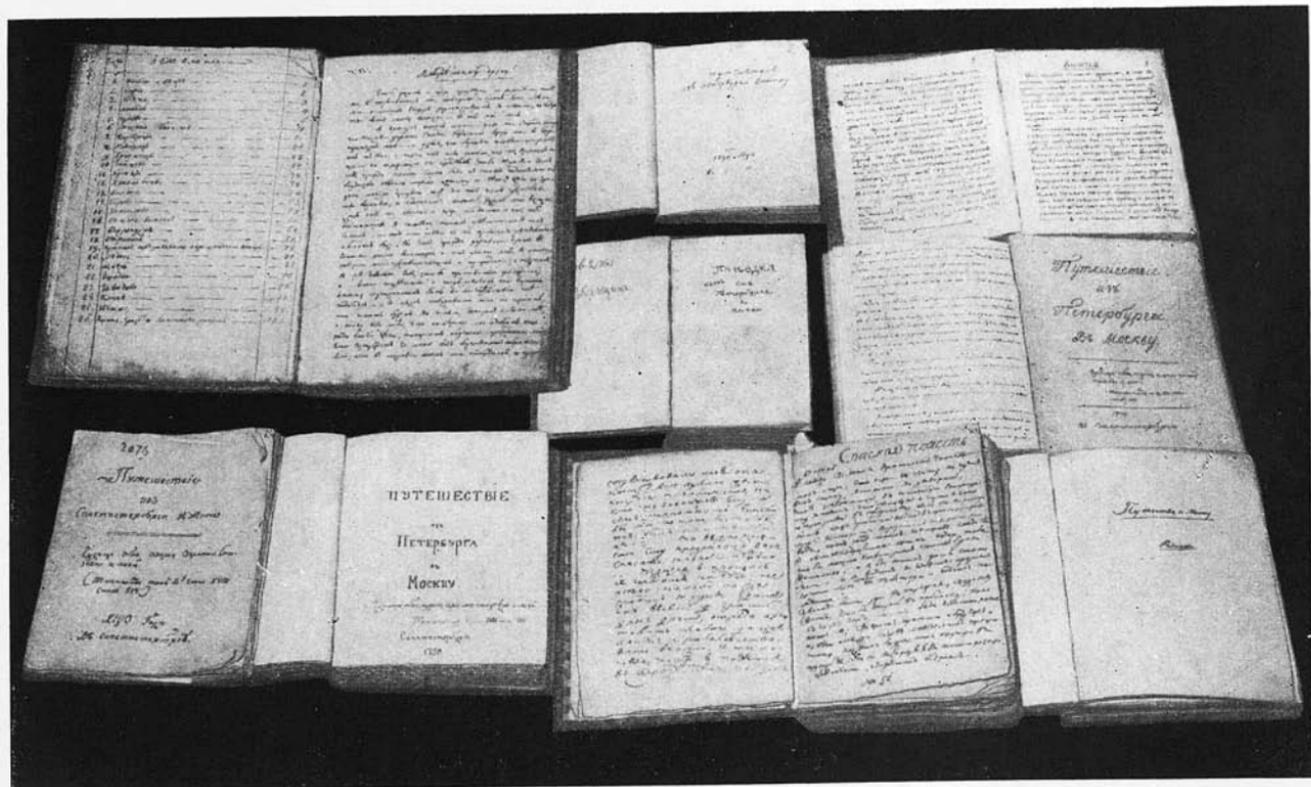
„Екатерина II“ имеются строки, которые несомненно относятся к „Путешествию“. Книга Радищева раскрыла ему глаза на мир, озарила его новым светом. В посвящении „Путешествия“ А. М. Кутузову Радищев призывал противиться заблуждению, в которое власти вводят народ, сбросить завесу с очей, мешающую людям прямо взирать на окружающие их предметы. Следуя этому совету Радищева, Пассек с пафосом восклицает:

Правды солнце озарило
 Ныне нашу слепоту,
 Ажи завесу нам открыло,
 Видим ясно пустоту!
 Иго, бремя и оковы
 Рабства тшитесь вы сложить,
 Будте вольны и готовы
 К благу общему служить.

Таким же „Правды солнцем“ явилась книга Радищева и для многих других. В бумагах одного крепостного интеллигента Владимира Александровича Маевского нам удалось обнаружить стихотворение, написанное под непосредственным впечатлением от книги Радищева. У Радищева в посвящении „Путешествия“ А. М. Кутузову сказано: „Неужели сия грозная мачеха [природа] произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи“. Маевский в своем стихотворении трактует эту тему как тему о крепостных крестьянах. Он пишет:

Неужели мы с тем родились,
 Чтоб быть в свете всех несчастнее;
 Чтобы в жизни драгоценнейшей
 Не видать нам удовольствия!
 Неужели судьбой вечною,
 Непременными законами,
 При рождении назначено
 Все напасти рока лютого,
 Много-злобного, ужасного
 Терпеть, с горестью, жестокости?
 Неужели сердцу нежному
 В предел участи назначено
 Пред зловреднейшим творением
 Пресмыкаться во ничтожество,
 А чтоб извергу вселенная
 Утешаться над несчастными?
 Чтоб его коварной лютости
 Были жертвой все создания,
 Одаренные премудростью
 Хоть малейшим чувствованием.¹

¹ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, ф. 378, л. 86.

Образцы рукописных списков конца XVIII—начала XIX в. книги А. Н. Радищева „Путешествие из Петербурга в Москву“.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

В. А. Маевский являлся крепостным князя И. П. Салтыкова и служил в одной из его вотчинных контор. У него имелась обширная переписка на литературные темы с рядом крепостных интеллигентов, таких же, как и он, служивших в разных вотчинных конторах у помещиков. Посылая к одному из них, некоему Н. Н. Долгинцеву, приведенное стихотворение, он разъяснял, что оно направлено против ненавистных им угнетателей.

„Вот любезный друг! — писал он, — самые вздорные, нескладные стихи; но они излились из растроганного сердца, которое кипит ненавистью против... вы сами можете впоследствии догадаться“.

В другом письме к приятелю своему П. А. Шеполеву Маевский писал: „Петр Лазарич! Я чувствую, очень чувствую всю тяжесть вашего положения. Всяк рожденный с чувствами, должен проклинать силу тиранской власти и оплакивать положение судьбы вашей“.¹

В кругу крепостных друзей Маевского Радищев был хорошо известен. Эти люди переписывали запрещенные произведения, направленные против царя и помещиков, и посылали их друг другу для прочтения. Так, один из друзей Маевского, Н. Н. Кайнов, в письме от 17 августа 1797 г. писал ему по этому поводу: „Очень сожалею, братец, что не могу тебе доставить книжку, которую ты желал списывать для себя, потому что все мои книги Петр Александрович послал к своему брату для прочтения, то ты его можешь попросить, чтоб он к нему отписал о прислании оных, как от себя, так и от меня; только я опасаясь, чтоб от философических твоих книг не случилось тебе какого несчастья, потому что они в нынешнее время не в моде, и советую тебе подальше их прятать...“.²

„Путешествие“ Радищева многими переписывалось и распространялось в списках по всей стране. Сам Радищев на обратном пути из Сибири видел такой список на Урале в Кунгуре и отметил в своем дневнике: „копия с моей книги“. Десятки таких списков, сделанных в конце XVIII и начале XIX столетий дошли до нашего времени и хранятся в архивах Москвы, Ленинграда и других городов.

Было бы ошибочно полагать, что запретительные меры царского правительства искоренили память о писателе-революционере и его книге. Радищев никогда не исчезал из па-

¹ Там же, л. 74.

² Там же, письма Н. Н. Кайнова, л. 1.

мяти народа. Он прочно вошел в подпольную рукописную литературу. И не случайно А. С. Пушкин в „Послании к цензору“, кстати сказать также распространявшемуся долгое время в списках, отметил:

Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали.

Таким образом, те освободительные идеи, „разрушающие покой общественный“, которых так боялась Екатерина II, через эти рукописные списки все шире просачивались в массу и находили своих последователей в литературе. В литературе конца XVIII в. их было еще не так много. В литературе начала XIX в. их появилась уже целая плеяда. Довольно обстоятельную характеристику писателей и публицистов 1800-х годов, испытавших в той или иной степени воздействие освободительных идей Радищева, дал В. Н. Орлов.¹ Один из плеяды поэтов-радищевцев, Иван Пнин, откликнулся взволнованным стихотворением на трагическую смерть Радищева, в котором он выразил от лица многих горячее сочувствие гражданскому подвигу писателя-революционера:

Благословим его мы прах!
Кто столько жертвовал собою
Не для своих, но общих благ,
Кто был отечеству сын верный,
Был гражданином, отец примерный
И смело правду говорил,
Кто ни пред кем не изгибался,
До гроба лестию гнушался,
Я чаю, тот — довольно жил.²

В бумагах названных нами последователей Радищева сохранились произведения других авторов, направленные против рабства в России. При этом следует отметить чрезвычайно интересный факт, что некоторые из таких произведений приписывались Радищеву. В частности, в бумагах Пассека и Маевского сохранились списки неизданной еще тогда антикрепостнической „Оды на рабство“ В. В. Капниста и его „Оды на смерть моего сына“.

„Ода на рабство“ была написана Капнистом в 1783 г. Она была гневным протестом против указа Екатерины II от 3 мая 1783 г., по которому крестьяне Киевского, Чернигов-

¹ Вл. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. 1950.

² П. А. Радищев. Александр Николаевич Радищев. Русский вестник, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 427.

ского и Новгород-Северского наместничеств отдавались во власть помещиков. В этой оде Капнист „оплакал“, как он сам говорит, порабощение русского и украинского народа.

В октябре 1793 г., Капнист написал вторую замечательную оду по случаю смерти своего сына, в которой он снова с горячей искренностью обличил гнусный самодержавно-крепостнический строй. Если в „Оде на рабство“ он выражал некоторые иллюзорные надежды на то, что Екатерина II, если она того захочет, может еще вернуть свободу крестьянам, то в „Оде на смерть моего сына“ он уже не питает таких иллюзий. Здесь он пишет о том, что сама императрица держит „скиптр несправедливости“. Возмущаясь шайкой угнетателей народа, объединившихся вокруг царского престола, Капнист пишет:

Возможно ль зря коварство злое,
Ведуще правость в смертну сеть,
Порок достоинство прямое
Хулою ищущий сотреть,
Зря стыд поправшую кичливость,
Держашу скиптр несправедливость,
У ног вельмож пользую лести,
Возможно ль, ими не гнушаясь,
От вида их не содрогаясь,
Их мерзости и злобу снести?

Далее, обращаясь к сыну, Капнист говорит:

Но если б ты себя противу
Их сонма явно ополчил
Ты жизнь стяжал бы несчастливу
Соединеньем общих сил.
Твои дни грызла бы их злоба,
От ней тебя ни двери гроба
Не возмогли бы защитить;
Змию зависть ядовитой
И прах твой в мрачной урне скрытой
Не преставала б шевелить.

Эта ода, состоящая из 26 строк, в полном объеме до сих пор не была напечатана. Лишь в сокращенном на половину виде, значительно переделанная и политически ослабленная, она была помещена Капнистом в сборник его произведений. Однако в рукописных списках, распространявшихся в народе, эта ода была приписана Радищеву. В списке, имеющемся в бумагах Маевского, в конце оды автором ее назван Радищев. Факт этот вряд ли можно назвать случайным. Он свидетельствует о том, что все передовое и прогрессивное в русской литературе конца XVIII в., все, что было направлено на критику и разрушение самодержавно-крепостнического строя, связывалось в народе с именем

автора „Путешествия из Петербурга в Москву“. В сознании борцов с самодержавием и угнетенного народа Радищев являлся высоким знаменем свободы.

Ряд последующих поколений русских писателей и революционеров вдохновлялись его идеями в своей борьбе с самодержавно-крепостническим строем. Великий Пушкин видел в Радищеве своего идейного наставника. Он поставил себе в заслугу то, что „вслед Радищеву восславил Свободу“.

Некоторые из членов Тайного общества декабристов во время следствия показали, что они читали запрещенную книгу Радищева „Путешествие из Петербурга в Москву“. Декабрист Петр Бестужев заявил, что свободные мысли зародились в нем вследствие чтения стихов Пушкина, в частности оды „Вольность“ и „Деревни“, а также книги Радищева „Путешествие“. Декабрист В. И. Штейнгель в одном из показаний говорит: „Я читал Княжнина «Вадима», Радищева «Поездку в Москву»... Я увлекался более теми сочинениями, в которых представлялись ясно и смело истины, невежество коих было многих зол для человечества причиною“.

Дворянские революционеры и разночинцы-демократы XIX в. видели в Радищеве собрата по борьбе с самодержавием. Герцен о нем писал в 1858 г.: „...его идеалы... это наши мечты, мечты декабристов“.

Подлинное всенародное признание Радищев обрел в наше время, в эпоху Ленина—Сталина. Только страна социализма могла глубоко понять и раскрыть национальное и всемирное значение его творчества. В 1918 г. Радищеву, первому из числа предшественников нашей великой революции, по указанию великих вождей трудящихся Ленина и Сталина был поставлен памятник. Изучение жизни и творчества замечательного писателя-революционера, горячего патриота своей Родины по-настоящему началось лишь в советское время.

Радищев близок нам, строителям коммунистического общества как передовой человек своего времени, воплотивший в своем творчестве святое негодование народа против рабства и угнетения, призывавший к революционной борьбе за свободу и социальную справедливость. Его книга, за которую так мучили его царские палачи, принадлежит к числу бессмертных творений вольного духа русской нации, она входит в золотой фонд великой русской литературы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

1

ЗАПИСКА ЕКАТЕРИНЫ II¹

Около 20 июня 1790 г.

[По] городу слух, будто Радищев и Щелищев² писали а. 2
и печатали в домовой типографии ту книгу, исследовав лутче
узнаем.

2

СПРАВКА ПРИСТАВА И. БУХАРЕВА О КНИГОПРОДАВЦЕ

Г. К. ЗОТОВЕ³

20 июня 1790 г.

По выправке о санктпетербургском купце Герасиме Куз- а. 71
мине сыне Зотове в гильдии и городского магистрата в пер-
вом и во втором деларгаментах оказалось, что он в про-
шлом 1789-м году записался из московских купцов в санктпе-
тербургские иногородные гости с капиталом по 3-й гильдии
тысячи пяти рублей и поныне ни в каких штрафах и подо-
зрениях не был; также и знающие его купцы объявили,
что он всегда был поведения хорошего и ни в каких подо-
зрительных поступках никем не замечен.

Третьей Адмиралтейской части частный пристав секунд-
майор Иван Бухарев.

Июня 20 дня 1790 года.

3

ОБЪЯСНЕНИЕ ТИПОГРАФА И. ШНОРА⁴

23 июня 1790 г.

Его превосходительству господину генерал-майору Санкт- а. 61
петербургскому обер-полицеймейстеру и кавалеру Никите
Ивановичу Рылееву⁵

От содержателя типографии Ивана Шнора

Объяснение

Я, нижеподписавшийся, сим объясняюсь, что я к господину Радищеву в число состоящего на нем моего долга о присылке книги, печатаемой им под названием „Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву“, от пятидесяти и до ста экземпляров просил, но он на немецком диалекте прислал ко мне записку, которую у сего прилагаю, что он охотно бы их дал, но теперь сие невозможно, поелику те, которые в публику назначены, украдены, а что подлинно записка от его получена, то оную своеручно засвидетельствовал, в чем и подписуюсь.

Johann Schnoor.

Июня 23 дня 1790 года.

ЗАПИСКА А. Н. РАДИЩЕВА И. ШНОРУ

Около 20 июня 1790 г.

л. 62 Mit dem grösten Vergnügen würde ich dem H. Schnoor von dem Buche Exemplare geben. Für jetzt ist es aber mir unmöglich. Diejenigen, die ins Publico gegangen sind, sind gestohlen.

[Перевод]

л. 63 Перевод с записки, писанной господином Радищевым собственною рукою к типографщику Шнору от коего доставлена она с засвидетельством его к обер-полицей-мейстеру.

С великим удовольствием хотел бы я дать, г-н Шнор, экземпляров сих книг, но теперь невозможно, ибо для публики вышедшие украдены.

ПРИПИСКА И. ШНОРА В ПИСЬМЕ К Н. И. РЫЛЕЕВУ

23 июня 1790 г.

л. 62 Das ich dieses Billet durch meiner Buchhandlung Aufseher Johann Wildprecht von dem Herr Kollegium-Kath Radischeff wirklich erhalten habe solches deschwirge ich hirmit.

Johann Schnoor.

Свидетельство Шнора

л. 63 Что я сей билет чрез моего типографии надсмотрщика Ивана Вильдбрехта от г-на коллежского советника Радищева точно получил утверждаю сим. Подписал:

Иван Шнор.

4

ПОКАЗАНИЯ Г. К. ЗОТОВА ⁶

1

28 июня 1790 г.

1790-го года июня 28-го дня нижеписанной допрашиван л. 72
и показал: от роду ему 25-ть лет. Зовут его Герасим Козьмин сын Зотов. Санктпетербургской 3-й гильдии купец; производит торг книгами, Гостиного двора по Суконной линии, в лавках под № 15-м и 16-м. С месяц времени как познакомился он с приходящим к нему в лавку купцом, торгующим в Москве, Петром Михайловым сыном Сидельниковым,⁷ который недели с три назад принес для продажи к ему книгу под названием „Путешествия от Санктпетербурга до Москвы“, один экз. На другой же день после того, пришед к ему, Зотову, спрашивал, не хочет ли он купить у его сих книг. Почему он, Зотов, согласясь, приказал ему принести. От коего на другой день и получил двадцать пять ^а экземпляров, из коих отдано было им в переплет двадцать шесть, а остальные проданы были без переплета разным людям — с переплетом по два рубли тридцати пяти копеек, а без переплета по два рубли. Печать была сих книг с.-петербургская. И по надписи: „с дозволения управы благочиния“ не публиковал, а продавал без публикации. От помянутого купца Сидельникова, хотя он и требовал для продажи еще сих книг, но он, по неимению их, более дать отказался. Где же здесь он, Сидельников, жительство имеет, он не знает, а думает, что он, как ему проговаривал нередко, уехал в Москву. Сего же месяца 26 дня взят он, Зотов, под стражу л. 72 об. и представлен к обер-полицеймейстеру, генерал-майору и кавалеру. Кто же сей книги издатель и где в типографии печатана, того он не знает; по литерам же узнает печать, похожую на Шнорову. Кто же сии книги от неизвестных особ покупал, о том показывает подписанным им регистром, и сим утверждает по сущей правде. К сему допросу купец Герасим Зотов руку приложил. ||

Кто покупал книги под названием „Путешествие от Санкт-Петербурга в Москву“? л. 73

Матвей Федорович Кашталинской.

^а В протоколе описки, следует читать не двадцать пять, а пятьдесят экземпляров, так как в следующем показании от 29 июня Зотов говорит, что он получил „от московского купца 50 экземпляров“.

Бывшей компанейщик Лукин, который отослал сию книгу
в Орел.

Камер-паж Балашев.

Здесьней купец Варенков.

Господин Демидов.

2

29 июня 1790 г.

1790 [года] июня 29 дня петербургской купец Герасим
Зотов по высочайшему ея императорского величества [указу]
спрашиван и показал. Известную книгу „Путешественник
в Москву“ подлинно получил он от московского купца
50 экземпляров, и хотя он ее и читал, но только, по глу-
пости своей, не мог он думать, что она противная прави-
тельству, потому более, что на ней выставлена цензура
Управы благочиния. На что сказано ему, что в управе
в последнем листу книги цензуры не выставляются, а пишут
в начале книги. На что он сказал: это правда, что у него
книг до 5000, но цензура выставлена в первой странице,
а не внизу. На что ему сказано: „Сия-то разница и удосто-
веряла и вздумляла тебя, что сия книга есть пасквиль“.
На что он сказал: „Теперь я и сам вижу, что эта книга
неверная. А что о ней не объявил, в том виноват“. Сочини-
теля книги он подлинно не знает, а только многие гостини-
дворцы и писари Радищева ему говорили, что-де эта книга
печатана в типографии Радищева, но точно ли у него она
печатана, сего он утвердить не может. Но, по помянутому
слуху, думает он, что, может быть та книга подслана и от
Радищева, а о сем думает он потому, что Радищев мог по-
дослать и с сердцов за то, что он по доносу его о неяв-
ленных товарах, получил от таможни тысяч до семи, а Ра-
дищеву, по простоте своей, ничем не поклонился. Сии книги
вступили к нему в мае месяце, и более не были, как недели
две, в лавке. Как же многие стали спрашивать, то он, по
объявленному слуху, что она печатана у Радищева, к нему
ходил; а как спросил он Радищева, не продаст ли он той
книги еще несколько экземпляров, то он с негодованием
сказал, что нет. И после спрашивал его: „Кто-ж тебе ска-
зывал, что эта книга моя?“. Он, [Зотов], оторопел и не
сказав, от кого о сем слышал, из дому его ушел. После
чего он был спрошен: те люди, о коих он показал, что они
у него книги покупали, но если иногда, может быть, запрутся,
то может ли чем их он уличить? На что он сказал с совер-

шенною горестию: „Чем мне их уличить, я погиб; воля все- милостивейшей государыни и со мною, а я сказал правду“. Как же он, Зотов, хаживал почасту к Радищеву в дом, то видел сам в доме его типографию, а наборщики у него — таможенные досмотрщики и ево люди.

Герасим Зотов руку приложил.

3

29 июня 1790 г.

1790 году июня 29 дня Санкт-Петербургскому купцу Герасиму Зотову сказан ея императорского величества указ, что о чем он обер-полицеймейстером и кавалером Рылеевым был спрашиван и что показал, о том бы во всю свою жизнь никому ни под каким видом не сказывал, а ежели он о сем будет кому разглашать и в том изобличен будет, то с ним поступлено будет по всей строгости законов.

К сей подписи Санкт-Петербургской купец Герасим Зотов подписуюсь.

5

ЗАПИСКА ЕКАТЕРИНЫ II А. А. БЕЗБОРОДКЕ (?)⁸

27 июня 1790 г.

Напиши еще к нему, что кроме раскола и разврату ничего не усматриваю из сего сочинения.

6

ПИСЬМА А. А. БЕЗБОРОДКИ А. Р. ВОРОНЦОВУ⁹

27 июня 1790 г.

1

Ея императорское величество, сведав о вышедшей недавно книге под заглавием Путешествие из Петербурга в Москву, оную читать изволила и, нашед ея наполненною разными дерзостными изречениями, влекущими за собой разврат, неповиновение власти и многия в обществе расстройства, указала изследовать о сочинителе сей книги. Между тем достиг к ея величеству слух, что оная сочинена г. коллежским советником Радищевым; почему, прежде формального о том следствия, повелела мне сообщить вашему сиятельству, чтоб вы призвали пред себя помянутого г. Радищева, и, сказав

ему о дошедшем к ея величеству слухе насчет его, спросили его: он ли сочинитель или участник в составлении сей книги, кто ему в том способствовал, где он ее печатал, есть ли у него домовая типография, была ли та книга представлена на цензуру Управы благочиния, или же напечатанное в конце книги „с дозволения Управы благочиния“ есть несправедливо; причем бы ему внушили, что чистосердечное его признание есть единое средство к облегчению жребия его, которого конечно нельзя ожидать, если при упорном несправедливо отрицании дело следствием откроется. Ея величество будет ожидать, что он покажет.

2

Я весьма сожалею, что на ваше сиятельство столь неприятная налагается комиссия. По следствию, порученному обер-полицеймейстеру, а более думаю по слухам, сказано государыне, что авторы известной развратной книги господи Радищев и Челищев, и что ее печатали в домовой типографии того или другаго из них. Дело сие весьма в дурном положении. Хотя ея величество, узнав имя перваго, кажется, более расположена умягчить свое негодование; но все впрочем не лучший конец оно иметь может. Сие пишу единственно для Вас.

Над адресом прибавлено: В собственные руки.

3

Спешу предуведомить ваше сиятельство, что ея величеству угодно, чтоб вы уже господина Радищева ни о чем не спрашивали для того, что дело пошло уже формальным следствием.

27 июня.

Над адресом прибавлено: Нужное.

7

ЗАМЕЧАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II НА КНИГУ А. И. РАДИЩЕВА ¹⁰

Писаны с 26 июня по 7 июля 1790 г.

Копии с замечаний, писанных собственною ея императорскаго величества рукою на книгу, изданную бывшим коллежским советником Радищевым

Подлинныя с прочими в книге 1790 года

№ 1

Книга печатана в 1790 без подписи типографии и без видимаго дозволения в начале; но в конце сказано: с дозволения Управы благочиния. Сие вероятно ложь, либо оплошность. Намерение сей книги на каждом листе видно; сочинитель оной наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства.

Он же едва ли не мартинист;¹¹ или чево подобное, знание имеет довольно, и многих книг читал. Сложения унылаго и все видит в темначерном виде, следовательно чернажелтого вида. Сие примечание сделано при 30 странице.

Воображение имеет довольно, и на письме довольно дерзок.

Ситации 36 страницы доказывают жестоко устремленная мысла сочинителя, *il cite un fait atroce*, которое происшествие тут не идет, Англичане задохнулись от духоты Каликутского жара, а рибачии лодки можно нанимать и без командира скарея, нежели по ево приказанию, да и спящаго человеку обвинить нельзя, за то что ево не разбудили.

Сочинитель ко злости склонен. Стр. 60. Сие наипаче видно из последующих страниц. Стр. 72, 73. Довольно доказывают намерение, для чево вся книга написана, подвиг же сочинителя об заклад бится можно, по которому он ее написал, есть тот, для чево вход не имеет в чертоги; можно быть, что имел когда ни на есть: а ныне не имея, быв с дурным и следовательно с неблагодарным сердцем, подвизается пером. На 75 стр. Но оробел наш враль, ежели ближе царя был, он бы инако запел, много таковых вралей мы видели и имели между раскольниками, и твердые те сердца бывают суще потом утурапленные.

Не знаю какова нега власти в других владетели, во мне не велика.

Стр. 76. Птенцы учат матку. Злость в злобном, во мне ее нет.

Убивство войною называемое, чево же оне желают, чтоб без обороны попасця в плен туркам, татарам, либо пакарится шведам.

Попрекая о неисполнении велении, сами себя обвиняют. 77, 78 стран. написаны в возмутительном намерении, о чем прилагается попечение к пресечению, то обращено в коризну.

79 страница, не о Чичегове¹² по крайней мере говорит. 80 стр. оне весь ум съели, и один государь без смысл. На той же страница опорочивается действие милосердии.

81 страница покрыта бранью и ругательством и злостным толкованием, злодейство сие разпространилось на следующие страницы 82, 83, 84 и 85. Но при всем том намерении, порочить не могли, и принуждены обратится на исполнении, следовательно порочат общество, а не доброе сердце либо намерение государя.

86. Сам говорит, что сгресил грез.

88 стр. упоминает о знании: что я имел случай по щастию моему узнать. Кажется сие знание в Лейпцих получано, и доводит до подозрение на господ Радищева и Щелищева паче же буде у них заведено типография в доме, как сказывают.

92, 93, 94, 95, 96, 97 страница исповедует мартинистов учение и прочих теозофов.

98 страница такова, что об ней упомянуть ничево.

99, 100, 101. Говоря о Новгороде, о вольном ево правление и о суровости Царя Иоана Васильевича не говорит о причине сей Казны, а причина была, что Новгород, приняв унию, предался Полской республики, следовательно царь казнил отступников и изменников, в чем по истине сказати меру не нашел.

102. Сочинитель вопрошает: но какое он имел право свирепствовать против них, какое он имел право присвоить Новгород? Ответ: древность владение и закон новгородской и всея России и всего света, которой наказывал бунтовщиков и от церкви отступников. Но сей вопрос тут делается, дабы отвергать власть, и оставлен без ответа.

На 103. Учинены вопросы те, по которым теперь Францие разаряется.

№ 2

Все то, что в свете ныне установлено и устроено по опытам, что предидущее требовало, чтоб тако было, а не по слепому хотению, будет ежели инако, то будет хуже, понеже лутчее есть враг нынешнему доброму, и лутче держатся известному, нежели неизвестному проложить дорогу.

108 страница, знание имеет подробностей купецских обманов, чего у таможни лехко приглядется можно.

109, 110, 111. О том же. На последной начинается вылазка на вексельное право, и сам сочинитель не ведает, чево хочет, чем окончат 112 страницу.

Страницы 113, 114, 115, 116 доказывают, что сочинитель совершенной деист и несходственны православному восточному учению. Размышления сии кончатся со 118 стр.

Стр. 119 и следующие служат сочинителю к произведению ево намерении, то есть показать недостаток теперешнаго образа управления и пороки онаго, здесь дело идет до части уголовной. Сим трудом наполнены стр. 120, 121, 122, 123.

Стр. 124 определена к тому, дабы доказать недостойное произведение в чины, в конце той странице сочинитель сам себя противоречит, ибо показывает склонности человека низкова состояния тогда, когда по ево системы (нынешно французской) все состояния определены быть равны под имени человека и ево мнимыя права.

На 125 стр. Паки упоминается низкаго состояния, из чево заключается, что господин сочинитель еще не весьма тверд в своих правил, но противу двора и придворных ищет изливать свою злобу, злословия сии он выудил из книг отчасти, на которых придворные никогда не ответствовали, а доводы довольно однакоже сыскать можно уменьшающие порицание.

Стр. 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133. Служат к слогу выдуманной сказке для описания зверскаго обхождения помещика с крестьянами и убийства господина и трех ево сыновей.

Стр. 134, 135 служат к оправданию убийства того. На 136 стр. начинается толк незаконной.

На 137 изливается яд французской и продолжается на 138 и 139. Но все сие разсуждение легко опровергнуть можно единым простым вопросом: ежели кто учинит зло, дает ли право другому творить наивящее зло? Ответ: конечно нет. Закон дозволяет в оборону от смертнаго удара ударить, но доказание при том требует, что иначе не можно было избегнуть смерть. И стало вся толкование сочинителя не дельное, не законное, но суетное умствование.

Стр. 140. Мздоимством порицается наместник и в беду ставят ему законной однако толк. На стр. 141, в конце той страницы опорочено посещение наместника, которая однако нужно, естли ему знать с кем дело имеет и тем, кои под ним, с коим и оне дело имеют, ни уже что польза общая требует, чтоб люди друг другу не знали и не обходились одне с другими, а жили, как волки друг от другу, далеко или по лесам.

На 142 выласка противу надъменности наместника и ведомо он почтительная особа, и с ним, когда законно говорит, прение имети не ловко, и мудрец тут остается дураком.

Стр. 143, 144, 145 и 146 выводят с наружи предложение, уничтожающие законы и совершенно то, от которой Франция верх дном поставлена; не дивно было, естли за сим наместник вряя и арестовал.

На 147 стр. едит оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состояния, хотя и то не оспоримо, что лутчее сюдбы наших крестьян у хорошова помещика нет по всей вселенной.

154, 155, 156 стр. описывает вступление дворян в службе такими же красками злобы, как все прочее.

156, 157, 158. На сих страниц видно гордости души сочинителя и ево огорчение и неудовольствие на вельмож, которую старается книгою своею разсеять, так как и опорочивание всево установленнаго и принятаго. На 159 стр. сие еще явственнее.

№ 3

160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167 служат к разрушению союзу между родителей и чад и совсем противны закону божию, десяти заповедям, святому писанию, православию и гражданскому закону. И по всей книге видно, что христианское учение сочинителем мало почитаемо, а вместо оной произвольнии принял некии умствования, не сходственные закону христианскому и гражданскому установлению.

В конце 167 стр. и на 168, 169, 170 суть правила воспитания; сии продолжают на 171, 172, 173; в конце сей сказано, для чево учил детям аглинскаго и латинскаго языка.

Стр. 174, 175 довольно глубокомысленны суть; 176, 177 суть продолжение наставление детей, так как 178, 179, 180. На сей странице становятся необузданны так, как и вся книга, и едва умоначертание сочинителя не такова ли, вероятно кажется что родился с необузданной амбиции и, готовясь к вышным степеням, да ныне еще не дошед, желчь нетерпение разлилось по всюда на все установленное и произвело особое умствование, взятое однако из разных полумудрецов сего века, как то Руссо, аббе Рейнала и тому гипохондрику подобные; касательно же метафизику мартирист.

Стр. 181 говорится о супружестве в таком же смысле.

182. Начинаются правила общежития. Сочинитель говорит: спросите ваше сердцо; оно есть благо. Что вещает оно, то и творите, а разсудку следовать не велить. Сие предположение не весьма верно быть может.

На 183 говорится о противоположности [в] нравах, обычаях, законов и добродетели.

На 184 приводится пример Сократа и дается правил пред-почесть добродетель всему, но в чем добродетель состоит, сие тут не известно осталось.

На 185 подтверждено сие и толк добродетелю, оне суть или частныя или общественныя.

На стр. 186 пример Курции и преподаются некоторыя исполнительныя правила жизни. Сии доказывают, что сочинитель эгоист сущей и более собою занят, нежели иным чем.

На 187 сочинитель паки сорвался на любимой ево предмет: непосещение знатных особ; он говорит, что сей обычай скаредной ничего не значущей, робкой, а в посещаемом показующей дух надменности и слабой разсудок.

188. Сие подтверждает, однако, изъятие по долгу звания разве.

189. Говорит о щигольстве, и сочинитель доказывает сей страницою, что не сребролюбив.

Стр. 190, 191, 192, 193, 194 доказывают, что сочинитель имеет воображение довольно и любит разпространить гипохондрические и унылые мысли, и тут паки упоминается о ничтожестве власти родителей над детьми, что противно закону христианскому и гражданскому.

Стр. 195 еще более распространяет сей незаконный толк и суще развратной, кончится же оной на 196 странице; и уважение никакой не видно тут к закону божию и гражданскому, а предпочтены произвольныя бредны суемудрыя.

Стр. 197, 198, 199, 200, 201 описывают следствии дурной болезни, которую сочинитель имел; вины ею же оной приписывает на 202 стр. правительству, а на 203 совокупляет к тому брани и ругательствы на проповедующих всегда мир и тишину.

Стр. 204, 205, 206, 207, 208, 209 содержат повесть о Волдае и монахе, переплывшем озеро, и ничего не значать.

Стр. 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, повесть о едровской девке, тут/езде выласки на дворян и дурное их обхождение и безчинство со крестьян.

На 217 означено места сильнейшии.

Стр. 218. Едвали не история Александра Васильевича Солтыкова. Тут выласка на правосудие; в конце той странице слова: нет, неть, он жив, он жив будет, если того восхочет. Суть примечания достойны и суще возмутительны.

Стр. 219, 220, 221, 222 продолжение Аютиной гистории.

Стр. 223 выход на нравы столицы, господ и проч.

Стр. 224 продолжение, так же 225.

226 сравнивает деревенских матерей с городовыми; сие сравнение и на 227 стр. простирается.

228, 229. Размышлении сочинителя о едровской Анюте.

250. Описывает вредной обычай деревенской женить десятилетние мальчики на взрослые девки. Сочинитель не знает, что таковой брак законом запрещен, либо знать не хочет, понеже говорит: Закон долженствовал запретить. Тут толк о браке есть не сходно православию, ибо таинство. В конце 231 страницы паки выход на дворянство, на что пятидесятилетней женится на пятнадцатилетней, у нас по словица для одной ласточки лета не бывает.

Стр. 232, 233, 234 и 235 суть окончание сей истории.

№ 4

Стр. 236, 237, 238 в насмехательном виде говорится о блаженстве и дается чувствовать, что онаго нету; сие служит предисловием к тому, что сочинитель намерен говорить о крестьянах и их неволе и о войск, кои в неволи же по причине строя и стройность; все сие на стр. 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, и клонится к возмущению крестьян противу помещиков, войск противу начальства; сочинитель не любит слов тишина и покой.

С 253 стр. пойдет выласка противу завоеваний.

254, 255 наполнены бранию противу побед и поражений при обретении и населении. В конце сей странице обращается к земледельцев.

256, 257 описывает состояние крестьян, не имея собственной пашен.

258, как изнуряются работою.

259 что рабы оковы свои любят. Все сие по большей части взято из аббе Рейналова книги.¹³

260. Проскакивают паки слова, клонящиеся к возмущению.

261. Также достойны примечания.

262. Уговаривает помещиков освободить крестьян, да никто не послушает.

263. Продолжение сего.

264. Тут сказано, что все вышеописанное найдено на бумашке, на дороге найденной.

На 265 стр. есть проект к освобождению земледельцов в России; сей проект занимает 266 и 267.

268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277 написаны для приведения в омерзении помещиков тех, кои пашны отымают у крестьян: сочинитель их казнит, тут же достается и правлению,

278, 279, 230, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288 о уничтожении придворных чинов; тут царем достается крупно и кончится теми словами: како власть со свободою сочетать должно на взаимную пользу. Сие думать можно, что целит на французской развратной нынешней пример. Сие тем более вероятно становится, что сочинитель везде ищет случай придраться к царю и власти; теперь с ним дело имеет.

289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305 стр. содержит опорочивании цензуре книг, и тут довольно смело и поносительно говорится о власти и правительстве, которыхя сочинителем, как видно, ненавидимы.

306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340 о той же цензуре; сильнейшие места карандашем означены, на последней написаны сии слова: он был царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской. Сочинитель не любит царей и, где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицепляется с редкой смелостию.

На стр. 341 начинается прежалкое повесть о семии, проданной с молотка за долги господина, и продолжается на 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348.

На 349, кончится теми словами, свободы не от советов ожидать, должно (очинников), но от самой тяжести порабощения, то есть надежду полагает на бунт от мужиков.

С 350 до 369 содержит, по случию будто стихотворчеству, ода, совершенно явно и ясьно бунтовской, где царям грозитя плахою. Кромвелев пример¹⁴ приведен с похвалою. Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовские, о сей оды спросить сочинителя, в каком смысле и кем сложена.

370 стр. и следующие, до 394, повесть о рекрутском наборе и отягченных крестьян и тому подобное, служащее к проводыванию вольности и к искоренению помещиков.

395 по 400. Паки выласка на знатных вельмож и придворных господ.

От 401 по 409 повесть о слепом.

От 410 по 416 о дурной жизни крестьян паки.

№ 5

Скажите сочинителю, что я читала ево книгу от доски до доски, и прочтя усумнилась, не зделано ли ему мною

какая обида? ибо судить ево не хочу, дондеже не выслушен, хотя он судит царей, не выслушивая их оправдание.

От 401 по 409 повесть о слепом, которому подарил платок.

410, 411, 412, 413, 414, 415, 416 продолжают описать дурное состояние крестьян.

На 418 начинается слово о Ломоносове и простирается до окончания книги, тут вмещена хвала Мирабоа,¹⁵ который не единой, но многие висельницы достоин; тут имп[ератрице] Ели[завете] Пе[тровне] оказано непочтение. Тут видно, что сочинитель не сущей христианин. И вероподобие оказывается, что он себя оприделил быть начальником, книгою ли или инако изторгнуть скиптра из рук царей, но как сие исполнить един не мог, показывается уже следы, что несколько сообщников имел; то надлежит ево допросить, как о сем, так и о подлинном намерении, и сказать ему, чтоб он написал сам, как он говорит, что правда любит, как дело было; ежели же не напишет правду, тогда принудить мне сыскать доказательство и дело ево зделается дурнее прежнего.

На 453 обещает сочинитель продолжение той книги на возвратном пути. Где ето сочинение, начато ли оно и где находится.

О строки с дозволения Управы благочиния скажу, что прибавить к книге после подписи подписавшаго есть лживый поступок и бездельство. Старатся надлежит узнать, много ли выпущены экземпляры и куды девались.

[№ 6]

Сие замечание на „Письмо к другу жительствовавшему в Тобольске“.¹⁶

Сие сочинение также господина Радищева и видно из подчеркнутых мест что давно мысль ево готовилась ко взятому пути, а французская революция ево решила себя определить в России первым подвизателем. Я думаю Щелищев едва ли не второй; до протчих добратся нужно, изо Франции еще пришлют вскоро паричко.

II. ДЕЛО ТАЙНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

1

ОРДЕР НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ А. Н. РАДИЩЕВА В ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ¹

30 июня 1790 г.

Секретно

Ордер Санкт-Петербургскому обер-коменданту господину генерал-майору Чернышеву²

Посылается при сем с находящимся при мне дежур-подполковником и кавалером Горемыкиным коллежской советник и кавалер Радищев для содержания под стражею Санкт-Петербургской крепости в обыкновенном месте, кото[рого] ваше превосходительство изволите от того подполковника принять и во время содержания отнюдь никого к нему не допускать. Чтож касается собственно до него, то изволите во всем поступать по наставлениям господина действительного статского советника и кавалера Шешковского

Граф Брюс.

Ч[исла] 30 июня
1790 года.

2

РАПОРТ ПОДПОЛКОВНИКА Д. ГОРЕМЫКИНА О ДОСТАВКЕ А. Н. РАДИЩЕВА В ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ³

7 июля 1790 г.

Секретно.

Высочайшему и превосходительному господину действительному статскому советнику и кавалеру Степану Ивановичу Шешковскому

Рапорт

Коллежский советник и кавалер Радищев, с данным мне от его сиятельства господина генерал-аншефа и кавалера

графа Якова Александровича Брюса орденом к его превосходительству господину генерал-майору и санктпетербургскому обер-коменданту Андрею Гавриловичу Чернышеву, минувшего июня 30-го, пополудни в девять часов показанному господину генерал-майору доставлен, о чем вашему превосходительству с покорностию честь донести имену.

Дежурной подполковник и кавалер Дмитрий Горемыкин.

Июля 7-го дня
1790 года.

3

ЗАПИСКА Я. А. БРЮСА С. И. ШЕШКОВСКОМУ⁴

4 июля 1790 г.

л. 64

Милостивый государь мой Степан Иванович.

Получил я письмо от девицы Рубановской⁵ к господину Радищеву, которое у сего в оригинале прилагаю на рассмотрение вашего превосходительства; буде заблагорассудите оное ему доставить, на ваше предаю рассуждение.

Пребываю с истинным почтением и преданностию вашего превосходительства, милостивого государя моего покорный слуга

граф Брюс.

4 июля 1790 года.

4

ПОКАЗАНИЯ А. Н. РАДИЩЕВА

7

1 июля 1790 г.⁶

- л. 6
- Пожалуйте, объясните:
- 1) Где вы жили в приходе и у которой церкви?
 - 2) Кто у вас и семьи вашей отец духовной?
 - 3) Когда вы и семья ваша были у исповеди и святого причастия?

- л. 7
- 1) Жительство имел в приходе Знамения.
 - 2) Отец мой духовной был протоиерей церкви богоматери Владимирския, если помню хорошо, Дмитрий; он же был и духовник моей семьи. Но когда его перевели в другой приход, то семья моя имела духовником священника младшаго церкви Знамения.

3) Я не был у исповеди и причастия, кажется, лет пять или шесть. Домашние же мои, по причине болезней не были только в нынешнем году, в намерении исправить оное в августе месяце.

2

1 июля 1790 г.⁷

Принося повинную и прося помилования у престола милосердия ея императорского величества, я постараюсь здесь объяснить, сколько во мне есть сил, книгу, изданную мною под заглавием Путешествие из Петербурга в Москву.

Что сердце мое чисто было, что злаго не имел намерения, издавая сию пагубную для меня книгу, естли только можно верить преступнику, то говорю истинну.

Первая мысль написать книгу в сей форме пришла мне, читая путешествие Иорика;⁸ я так ее и начал. Продолжая ее, на мысль мне пришли многия случаи, о которых я слыхивал, и, дабы не много рыться, я вознамерился их поместить в книгу сию. Я думал, в заблуждении моем, что могут принести иногда пользу. Описывая состояние помещичьих крестьян, думал, что устыжу тем тех, которые с ними поступают жестокосердо. Шуточные поместил для того, чтобы не скучно было длинное, серьезное сочинение. Дерзновенныя выражения и неприличной смелости почерпнул я, читая разных писателей, и ни с каким другим намерением, как чтобы прослыть хорошим писателем. Да и самое издание книги ни к чему другому стремилось, как быть известну между авторами, и из продажи книги приобрести себе прибыль. Теперь, проходя то, что я писал, понимаю мое прегрешение. но есть ли разум заблуждал, сердце не было тому причастно; Свидетельствуюсь всеми, что житие мое было не злобиво, что повелении моих начальников исполнял с должным повиновением, что ревностный был исполнитель премудрых законов ея императорского величества. Теперь, гнушаяся моего сочинения, другова сказать не могу, как что я виновен.

Когда моя книга была уже готова, то я послал ее для цензуры с бывшим прежде книгопродавцем, а в то время находящимся при таможене. Долго времени спустя, в конце прошлаго лета, книгу мою Мейснер возвратил за подписанием обер-полицейместера Рылеева. Неизвстно мне, сказывал ли Мейснер о сочинителе книги; но мне он сказывал, что о имени моем не объявил. Я хотя мало тому верил, но признаюсь,

был тому рад; потому что, не зная, как в публике оно будет принято, я хотел ждать для объявления о себе того времени, как его одобряют.

С того времени, как ея императорское величество всемилостивейше дозволила всем заводить типографии безпрепятственно, я, зная, сколь великой барыш многие получают, л. 142 вознамерился завести у себя типографский стан, но || не имел на то случая. Прошлым летом получил я стан типографской от Шнора с литерами, за которой еще ему всех денег не отдал, но не мог начать печати прежде прошлой зимы. Первую книжку в один лист на оном я напечатал под заглавием: Письмо к другу в Тобольске. Вторую Путешествие. Та и другая за ценсурою. В сей последней при самом печатании я иныя места исправлял, если мне казалось что нехорошее, а прибавлении к оной не велики, как я о том объявил, в чем можно удостовериться, если в отданном запечатанном пакете все письменные листы находятся. Но по несчастию моему, думаю, многие из них утрачены. Сколько из головы вспомнить могу, прибавления в статьях: Спаская Полесь в разговоре присяжнаго, в статье Подберезье, в семинаристовой тетраде, которой, если не ошибаюсь, в ценсуре не было. В статье Торжок только прибавлено окончание о ценсуре и древния о ней учреждения. В статье Черная грязь я конец не поместил, ибо показался мне дурен, а на место того Слово о Ломоносове, равным образом за ценсурою.

Когда моя книга тиснением поспела, тогда я помышлял ее продать, и купец Зотов, которому я один давал экземпляр, торговал всю оптом; но как он мне давал мало денег и то на вексель, то я на то не согласился. После того дал я ему 20 экземпляров на пробу, как будут покупать, а погода несколько дней еще пять. Купец Зотов, видя, что книга скоро продается, стал у меня еще просить; но я отговаривался, ибо я слышал в городе, что она худо приемлется, и наконец ему совсем отказал, и взятые от него в задаток 50 р. ему отдал. Наконец, когда купец Зотов был посажен под стражу, Мейснер был спрашиван, кто сочинитель книги, и хотя и тот и другой того не сказали, но я, ожидая, что и я о том же вопрошен буду и желая иметь какое-либо оправдание, собрал разметанные листы ценсурованной тетради, и пребывал в ожидании, что меня спросят. Но, чувствуя мой великой проступок в издании сей книги, я всю ее велел собрать и все принадлежащие к ней макулатуры, порывки, черные листы сжечь велел. Наконец велел тоже сделать

и со всеми экземплярами, что думаю исполнено; а если которые остались бы, то не ведаю. ||

Что могу я сказать в оправдание [с]только дерзкаго сочинения, что могу приискать в оправдание? Только то повторю, что худых умыслов не имел, что цель моя была прослыть писателем, но скоро, убоявшись сей горестной славы, я оставил продажу, и наконец всю велел сжечь. л. 149

Уповаю на благоутробие твое, всещедрая монархия, не возгнушайся, милосердая, моих слов; не оправдать намерен пагубную мою книгу, но хочу изъяснить мои мысли.

Происшествие в Чудове описанное было в самом деле, и я спящего Систербедкаго начальника сравнил с Субабом, дабы он устыдился. Но теперь, проходя книгу, чувствую, что оскорбил твою священную особу, сказав, что близ столицы сие совершилось. Виновен, всемилостивейшая государыня, но виновен, милосердая, в разсудке, но не в сердце; виновен в дерзновенных выражениях, но, чувствуя великия твои дела, иначе не мог тебя назвать, как великая государыня.

В сновидении описанном не дерзал я целить на великаго государя и не мог. Не тот описан тут, кто сам бдит о благосостоянии своего народа, не тот, кто тяжести его облегчает, не тот, кто печется о его наставлении и о обогащении. Всемилостивейшая государыня! картина твоего правления останется навсегда в научение царям и народам любезна. Произшествием, описанным в Зайцове, я не убивство тдился и намерен был одобрить, но отвлеци жестокосердых от постыдных дел. В гнушавшемся во все течение жизни своея жестоких поступков, можно ли, чтобы убивство нашло защитника?

В слове Крестицкаго дворянина к его детям не помышляя я умалить власти родительской. Тот, кто весь целой свой век почитателем был к своему отцу и матери, тот, кто сам имеет детей и ждал от них в старости упокоения, не мог так мыслить. Я хотел только показать, каким образом власть родительская может быть тверда, основанная на чувствовании сердца.

В проекте о освобождении крестьян помещичьих я мечтал, признаюсь, как может быть оно постепенно, ибо уверен в душе моей, что запретившей поупку деревень к заводам и фабрикам законоположнице, что начертавшей перстом мягкосердия меру работ приписанным к заводам крестьянам, что давшей крестьянину судию из среды его, мысль освобождения крестьян помещичьих естли не исполнена, то потому, что явщия тому препятствуют соображения. ||

л. 144

В статье о придворных чинах, признаюсь, всемилосердая государыня, что не мое дело было судить о заслугах и награждениях. Всещедрая государыня, взываю к твоей щедроте, помилуй.

Но что могу в разстроенном разуме сыскать? Изречения моей книги дерзновенны; но в безумии моем не мнил оскорбить никого, и несказанное желание приобрести славу писателя ввергло меня в сию погубель.

О естли можно милосердствовать несчастному, не отвергни, всещедрая государыня, покаяния грешника и тем паче терзающагося о своем преступлении, что сердце его ничем ему не упрекает. О естли бы слезы и раскаяние могли возвратить прошедшее время! О возлюбленные мои, где вы, о дети души моей!

Экземпляров я роздал очень мало, да и не имел намерения моего много отдавать, а хотел употребить их в продажу для прибытка. Один экземпляр г. Козодавлеву,⁹ ему же один для г. Державина. Один прапорщику Дарагану.¹⁰

Если спросят, с каким намерением я их раздавал, то только, чтобы читали, ибо все они упражняются в литературе. Еще экземпляр иностранцу Видману¹¹ и г. Олсуфьеву.¹²

О, милосердая государыня, внемли гласу стеньящаго, помилуй кающагося, и если исправление в человеке возможно, во мне оно последует. Ибо рожден не жестокосерд. Простри, всемилостивая, руку щедроты к несчастному, изведи из гибели стеньящаго, да при конце дней прославлю твоя щедроты. О, человеколюбивая монархиня, воньми слезам моим и раскаянию.

3

6 июля 1790 г.¹³

л. 163

Проходя сочинение мое беспристрастно и находя в оном дерзновенныя выражения, я вопрошаю сам себя: для чего его писал? Глас внутренний уверяет меня, что я злого не мыслил и что, гоняся за пустою славою прослыть писателем, писал. Вопрошаю себя еще, на кого целил? Глас внутренний мне отвечает паки: ни на кого, никого не хотел озлобить, ни уязвить. О! милосердие, милосердие, возри милостиво на мое незлобие, и отпусти заблуждение рассудка.

Если я писал против ценсуры, то думал, что творю доброе, думал, что она не нужна, и если не будет существовать, то обязательный всяк сам ответствовать, на ценсуру полагаться не будет.

Если кто скажет, что я, писав сию книгу, хотел сделать возмущение, тому скажу, что ошибается, первое и потому, что народ наш книг не читает, что писана она слогом, для простаго народа не внятным, что и напечатано ее очень мало, не целое издание или завод, а только половина. И может ли мыслить о сем, кто общников не имеет; возмог ли я помыслить, что почесть меня таким возможно. Занятый с самага утра до заката солнечнаго заботливою должностию, тщательно собирая определенный ея императорским величеством таможенный сбор, единое имел веселие в малые часы отдохновения моего, заниматься моим семейством. О! семья несчастная, о! плачевныя чада, о! родители мои любезныя, что должны вы о мне теперь мыслить, видя во мне преступника? О всещедрая государыня, о! ты, которую миллионы различных народов благословляют, не лиши о! милосердая, единаго в жизни бедственной утешения, зрети плачевное мое семейство, воньми молению несчастнаго, дай узреть престарелых моих родителей.

Но из самой пагубной моей книги да извлеку что либо в мою пользу. Мыслит ли тот злое, кто говорит. В слове Крестницкаго дворянина, и детей своих научает, чтобы паче всего хранили законы и их не устранилися, что в России источник всех законов есть государь, чтобы паче всего хранили добродетель. О! ты, давшая всякому судию его из его среды, мудрым твоим учреждением о губерниях, о ты, изъемлющая заключеннаго из уз и передавающая его суждению совестнаго суда, о! ты, повелевшая начертать должности человека и гражданина для научения твоего народа, — кому же добродетель любезна разве не тебе?

Казняся единою мыслию, милосердая государыня, что мог тебя прогневать, тебя, в которой ожидал всего моего блаженства и благоденствия моей несчастной семьи. О! если бы возможно было, скитаяся по дворам сограждан денно ночью, молил бы их слезно, да истребят пагубную мою книгу до последняго листа. Помилуй, милосердая государыня, помилуй, инаго сказать не умею, помилуй.

4

7 июля 1790 г.¹⁴

Для удостоверения, что показание купца Зотова, что он а. 145
имел 50 экземпляров от какого-то Седельникова, неправильно; можно спросить его сидельца, а как его зовут, не знаю; малой молодой, ростом выше Зотова, с лица чист; сидел

в другой лавке близ ворот Гостиного двора подле суконной лавки № 13 или 14, не помню. Он приходил ко мне и сказывал, что хозяин его показал, что получил от Седельникова 50 экземпляров, и пррсил, что буде я спрошен буду, чтобы я сказал, что у меня пропало 50 экземпляров из типографии. Что он у меня был, о том скажут и утвердить могут мои люди, которые его видели, как он ко мне приходил, а что от меня более показанных 25-ти экземпляров в продажу не дано, то верно. ||

л. 145 об.

Не могу паки не обратиться к ужасному моему обвинению, что я хотел сделать возмущение. Как? Что издал в свет мою книгу. О сердце! сердце непорочное! ты совестью не колеблешься, и разуму в злоумышлении не упрекаешь. Мог ли когда-либо я подумать, мог ли бы я себе вообразить, хотя на одну минуту, что вменюся со преступники. Гражданин миролюбивый, подданный, живущий во стезе законов, ревнитель в исполнении высочайших ея императорскаго величества повелений; сын почтительный к родителям, человек, претекший уже бурное время страстного колебания, отец, плачевное наименование, отец чадолюбивый, колико вещей за меня глаголющих. Я жил в тишине, мире и благоденствии среди моего семейства. Семейство плачевное, где ты? Что обо мне мыслишь? Я погрузил вас в бездну печали, слез и стенаний. О боже, боже праведный! Отец безначальный! О ты, которым всякая вещь зиждется, существует и живет, от твоего взора, все объемлющаго, ничто не сокрывается, ты видишь мою душу, тебе известно, что она неухищренна.

А ты, о милосердая великая государыня, не отрини гласу молящаго и из глубины печали и скорби к тебе руки свои воздевающему на спасение. Пощади, пощади мгновенное заблуждение.

О семейство несчастное, ты прилегшее к сердцу моему толико близко, ты чувствуешь несомненно терзание мое, ты чувствуешь скорбь разлуки во всем ея пространстве. О несчастный!

5

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ КОЛЛЕЖСКОМУ СОВЕТНИКУ И
КАВАЛЕРУ РАДИЩЕВУ¹⁵

8, 9, 10 июля 1790 г.

1

На 1

Книга, названная „Путешествием из Санкт-Петер-

Сия книга сочинена им, Радищевым, самим, и черной.

бурга в Москву“ и которая при сем ему объявлена, кем сочинена?

2

Как она была переписана набело, то вы для цензуры объявляли-ль где должно по учреждению? А при объявлении дали-ль знать о имени сочинителя той книги?

3

Оную книгу в какой вы типографии печатали, и при печатании оной, после уже цензуры, не прибавили ли еще чего? И буде прибавили или же исключили что, то объясните, что прибавили и что убавили?

4

Сколько экземпляров ее было напечатано, сколько

манускрипт весь писан был его рукою; по написании ж оной переписывал ее набело таможенный надзиратель Царевской.

На 2

По переписке набело книги посылал он для цензуры оную с досмотрщиком Мейснером, которой спустя довольно времени и принес ее к нему в дом, за ценсурю обер-полицеймейстера Никиты Ив. Рылеева; о имени ж своем я сказывать не велел, да и он, Мейснер, при отдаче мне той книги сказывал, что об имени сочинителя не сказывал; впрочем утвердительно сего сказать я не могу.

На 3

Та книга печатана в собственной его типографии, которую он купил у Шнора; при печатании оной наборщиком был находящейся в то время при таможене надсмотрщик Богомолов; тискана ж она с помощью собственных его людей. После цензуры переменял он некоторые только речения, а в других местах и листы, в которых однако ж важности не заключалось и которых всех точно упомянуть не может.

На 4

Напечатано было ее не более как шестьсот сорок или

в продажу отдано, или кому раздарено, и сколько за тем осталось?

5

С каким намерением писали вы сию книгу?

6

Не был ли приглашен в общество мартинистов?

7

Противу страницы 88-й не имел ли, или не имеет ли какой связи с господином

пятьдесят экземпляров, отдано в продажу купцу Зотову сперва 20, а потом 5; более ж никому не продавал; подарил Козодавлеву 2, прапорщику Дараганту 1, ротмистру Алсуфьеву 1 и иностранцу Вицману 1, а за тем остальные сожжены, так как и все к ней принадлежащее.

На 5

Главное мое намерение в сочинении сей книги состояло в том, чтоб прослыть писателем и заслужить в публике гораздо лучшую репутацию, нежели как об нем думали до того; впрочем теперь при объяснении оной и сам он видит, что она наполнена гнусными, дерзкими и развратными выражениями, о чем от всего сердца и сожалеет. Францию ж в пример он не брал, хотя и сам признается, что сие похоже на то обстоятельство; ибо сие писал он прежде, нежели во Франции было возмущение.

На 6

Мартинистом он не токмо никогда не был, но и мнение их оуждает, что-де и в самой книжке сей значится на страницах 93 и 315-й.

На 7

Что Челищев ему знаком, сего он не отрицает, потому что он с ним был товарищем

Челищевым, как в сем сочинении, так и в других делах?

8

Противу 111 стр. чем он порочит вексельное право и каким образом хочет он, чтоб доверие сохраняемо было в точности?

9

Не деист ли он? Ибо размышления, на страницах 113, 114, 115 и 116 изображенные, не сходственны с православным восточным учением.

10

На стр. 119, 120, 121, 122 и 123 почему вы оуждаете нынешний образ правления? и описываете пороки онаго?

в Лейпциге в университете; что ж касается до связи и советов, как по сему сочинению, так и о других делах, то он никакого с ним сообщения не имел, и к нему и в дом уже более двух годов не приезжал.

На 8

Что касается до вексельного права, то он не токмо оное ничем не оуждает, но еще одобряет, а что писал на сей и предидущей странице, то было одно только о вексельных обстоятельствах простое разсуждение.

На 9

На сие отвечал, что он всегда был христианином и держался тех догматов, в коих родился; а что писал на тех страницах, оное все писал по единому заблуждению его ума и хотя показать, что он философ, нежели христианин.

На 10

На сие отвечал: я никогда не намерен был оуждать нынешняго образа правления, а почитал учреждение о губерниях мудрым законоположением и таковым, какова в других местах не находится; а на оных страницах о могущих быть иногда злоупотреблениях, о которых судить, признаюсь, не мое было дело, чего однако ж

доказать не может, а писал по умствованиям своему с слышанных им иногда в народной молве якобы происходивших по разным делам злоупотреблениях.

11

На стр. 124 вы старались доказать недостойное произведение в чины, то какую причину на сие имели? И на кого вы целили именно?

На 11

На сие отвечал: я виноват, потому что не могу судить, кто бы по недостойности был произведен в чины, ибо сие до меня и не принадлежало, а писал так дерзко, могу истинную сказать, по сумасшествию на то время и сумасбродству своему и хотя тем показать свою смелость.

12

Начиная от стр. 130-й по 139-ю какая нужда была вводить вам произшествие в рассуждении учиненного господскими детьми над их девкою насилия, зная, что один пример на всех отнестись не может?

На 12

На сие отвечал: описывая сей дурной поступок, думал я, что он может воздержат иногда такого человека, которой бы захотел поступать так дурно; однако ж кто б это делал, того он доказать не может, а писал сие по сродной человеку слабости, чая от таких дурных поступков воздержат.

13

Какого вы наместника разумели, котораго описывали и делали ему разные укоризны на стр. 140, 141 и 142?

На 13

Никакого я наместника лично в виду не имел, а писал в общем смысле, естли бы случилось где быть такому, которой бы наблюдал высочайших повелений. А между тем слышалась в народной молве, будто б господа наместники употребляют данную им от ея импе-

14

Почему он оуждал состояние помещицких крестьян, зная, что лучшей судьбы российских крестьян у хорошева помещика нигде нет?

15

В чем вы опорочиваете вступление дворян в службу?

16

На 157 и 158 страницах изображено ваше огорчение и неудовольствие на вельмож, то какое вы противу их имеете?

На 14

раторскаго величества власть иногда по своим прихотям, не держась высочайших ея величества учреждений.

Оуждение мое было только на одно описанное тут происшествие; впрочем я и сам уверен, что у хорошева помещика крестьяне благоденствуют больше, нежели где либо. А писал сие из своей головы, чая, что между помещиков есть такие можно сказать уроды, которые, отступая от правил честности и благонравия, делают иногда такие предосудительныя деяния, и сим своим писанием думал дурнаго сорта людей от таких гнусных поступков отвратить.

На 15

Намерение мое клонилось не к опорочению службы, а только думал, что лучше начинать службу в совершенном возрасте. Впрочем признаюсь, что выражения мои на сих страницах были неумеренны и не кстати.

На 16

Во всю мою жизнь иначе сказать не могу, как что был многими из них благоприятствован и благодетельствован и начальниками моими свидетельствуюсь, что я к ним всегда имел должное почтение. А о сем написал, слыша от

17

Начиная с 160 по 166 стр. помещены рассуждения, служащая к разрушению союза между родителями и детьми; то к чему вы сие в книжку поместили?

18

Почему вы порочите посещение знатных особ?

других на вельмож жалобы и неудовольствие.

На 17

Никогда не имел я намерения разрушить такого священного союза, ведая, сколь он нужен в обществе. Отцом моим и матерью свидетельствуюсь, сколько я был всю мою жизнь к ним почтителен, и от своих детей ожидал того же при моей старости; думал, если союз у родителей с детьми основан на чувствовании сердечном, то он будет всегда тверд; если же и заблуждал в моих рассуждениях, то сие была ошибка разума, а чтоб дети не были благодарны отцам, то в сем теперь вижу я не только ошибку, но и совершенное безумие. Потому паче, кому ж больше дети обязаны быть благодарны отцу, государю и отечеству, ибо сии почитаются первыми благодетелями в жизни человеку, чему и священное писание учит.

На 18

Отвечал: я виноват, ибо заблуждал в моем рассуждении, а отнюдь не имел намерения такого, чтоб их презирать, потому паче нужно помещение или приход к своим начальникам, чтоб они, видя его часто, могли делать заключение, достоин ли он их благоволения, так как и ко исправлению должности употреблен быть.

19

На стр. 203 для чего вы поместили брани на проповедающих всегда мир и тишину?

20

На 218 странице явно вы судили помещика, чтоб крестьяне за непослушания с их девками поступки предавали их смерти, приводя в резон, будто б бывший Пугачева бунт произошел по притчине помещиков со своими крестьянами дурного обхождения; но как сия ваша сентенция положена дерзко, а притом, вместо суждения правительством, даешь волю людям, не имеющим совершенно просвещения, такую можно сказать страшную и безчеловечную карать казнию, в противность не только государственных, но и божеских законов, ибо никто в собственной обиде судиею быть не может, а сим самым потеряна вся должность судопроизводства.

21

Почему вы в насмехательном виде писали о блаженстве и даете чувствовать, что онаго нет? Сие служит предисловием к тому, что вы намерены говорить о крестьянах и их неволе и о вой-

На 19

Мысль моя была порицать защитников публичных женщин, а особливо тех авторов, которые преподают установления о них, как то есть о сем книга, называемая порнограф.

На 20

Признаюсь в дерзости моих изречений, но написал сие истинно без всякого к возмущению намерения, и жи чтоб научать крестьян убивать своих господ, того отнюдь я не помышлял; а сии безрасудною дерзостью наполненные строки написал он в том мнении, чтоб дурными поступками с крестьянами помещиков от сего написания посрамить, а не меньше и навести страх.

На 21

Все описанные в книге листы, начиная от 236 по 277, написаны им подлинно; как теперь он сам понимает, должно казаться, что я писал с насмешкою, и с тем намерением, что желание мое

сках, кои в неволи же по причине строя.

стремилось всех крестьян от помещиков отобрать и сделать их вольными, а по солдатской службе, как бы предполагал ей быть тяжестною, по причине строгаго с ними обхождения, описывая тут подлинно дерзкими изречениями. Но как истинну он сам показывает, чтоб крестьяне были вольные, то его желание было; однако ж располагал он так в мыслях своих, что-де сие сделано будет по воле всемилостивейшей государыни, да и за солдатами конечно попечением ея императорскаго величества лучший присмотр, так как и строгой оной поступок по природному ея императорскаго величества человеколюбию отвращен будет, чему уже есть и начало: о крестьянах при заводах и фабриках поставлены правила как с ними поступать, кто их купит, а солдат без суда сечь запрещено; причем он уверяет, что отнюдь не было его намерения в том, чтоб сии его гнусныя строки могли сделать возмущение.

22

Начиная с страницы 278 по 288, какую вы имели цель говорить о уничтожении придворных чинов?

На 22

Слова, написанныя в сей пагубной для меня книге, инаково теперь и я не понимаю, как что я суждение делал о уничтожении придворных чинов? Но мысль моя тогда отнюдь того не имела в виду, чтоб уничтожить те чины, а только без всякаго

23

Почему вы хотите уничтожить цензуру?

24

Начиная с страницы 306 по 340 между разсуждениями о цензуре помещены и сии слова: „Он был царь. Скажите в чьей голове может быть больше несообразностей, естли не в царской“, то как вы об оных словах думаете?

соображения в душе моей полагал так, что те чины суть излишние, и в том признаю себя виновным.

На 23

Признаю мое заблуждение; я так думал, что без нее можно обойтись, но теперь вижу из опыта на себе самом, что она полезна, потому более, что естли она будет существовать, так как законодательница учредить изволила, то подлинно она спасет многих, подобных мне, заблужденно мыслящих от таковой гибели, в которую я себя ввергнул истинно от слабого своего разсудка.

На 24

Признаюсь, что они весьма дерзновенны, но никак не разумел тут о священныя ея императорскаго величества особы, а писал подлинно о царях известных по истории, которые ознаменованы в свете в прошедших веках, могу сказать, дурными поступками; напротив же сего, что я могу сказать о такой самодержице, которая удивляет свет ея премудрым и человеколюбивым правлением, как одно только то, что я ее прогневал; как бы изступивший на то время из ума, писал те дерзкие слова без основания такого, как я всегда благовел к священной ея императорскаго величества особе в душе моей.

25

Начиная с страницы 341 по 349, в конце рассуждений о проданной с молотка семьи за долги, помещены сии слова: „и свободы не от их советов ожидать должно (отчинников), но от самой тяжести порабощения“, то что вы под ними разумеете?

26

Начиная с 350 до 369 стр. поместили вы по случаю будто бы стихотворчества оду совершенно явно и ясно бунтовскую, где царям угрожаете плахою. Кромвелев пример приведен с похвалами. И сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовския; то скажите, в каком смысле она писана и кем сложена?

На 25

Писав сие, я то разумел. естли б случилось, что дворяне будут своих крестьян отягощать чрезмерно, и тогда высшая императорская власть их от онаго отягощения избавит. Но все сие писал я без соображения как вексельнаго права, так и учрежденнаго на то от правительства порядка, а единственно хотя себя показать в роде таком, что я как бы сожалею о участи крестьянскаго жребия, но и в том тепер признаюсь: ибо буде б и подлинно я о их участи имел в душе своей сожаление, то б должен был о сем донести правительству, не делая таких гнусных выражений, могу сказать, из единого хвастовства, а не из злости.

На 26

Ода сия почерпнута из разных книг, и изъявленные в ней картины взяты с худых царей, каковых история описует, Нерона, Калигулу и сим подобных. Все описанное относил я к государствам, где существуют по малому пространству их сложные образы правления, как то: в Англии, Швеции. Но кто оспорить может истинну, основанную на повествованиях всех времен, что чем государство обширнее, тем более нужно, чтоб верховная власть была в единой руке,

и что пространному государству единое самодержавное правление приличествует, как то учит Монтескию. Читая историю всех времен и всех столетий и видя, что бывшие царства подвержены были переменам и переходили из хорошего в худое состояние, и из худаго в хорошее и, продолжавшись многия столетия, рушились, я думал, что и всякое государство тому ж подвержено; но какой которому положен предел, богу единому известно. Во гневе своем он народам дает худых царей в наказание, в щедроте своей мудрых и благих царей, которые, имея попечение о пользе государства, основание его утверждают мудрыми законоположениями, которыя не только основанием служат к настоящему и будущему блаженству народов, для которых они постановлены, но и остаются для примеру позднейших времен на последование. Такowymi по истинне познаются многия высочайшия ея императорскаго величества законоположения, под покровом которых мы и потомки наши поживут во благоденствии и которыя останутся на поучение позднейшим народам и столетиям. Признаюсь однако ж от искреннейшаго сердца и в душевном сокрушении, что ода сия наидержновеннейшая. Бредя в безумии моем прослыть острым

писателем и скитаясь из заблуждения в заблуждение, я упомянул с похвалою о Кромвеле, о сем скаредном, коварном и злоумышленном присвоителе верховной власти. Теперь чувствую всю гнусность моих изречений, и сколь они дерзновенны, в душе моей гнушаюся их. Но и в дерзновении моем не под-разумевал николи благих государей, каковы были Тит, Троян, Марк Аврелий, Генрих Четвертый и какова есть в России ныне царствующая Екатерина, державу которой многие миллионы благословляют. Намерения при составлении оды не имел инаго, как прослыть смелым сочинителем; теперь вижу ясно, сколь много в ней безумнаго, пагубнаго и гнуснаго и, словом, такого, чего бы мне никогда писать не надлежало.

27

Не чувствуете ли вы со стороны ея императорскаго величества какой себе обиды?

На 27

Никогда и никакой не только обиды, не чувствовал, но всегда носил ее на себе милости, да и впредь ожидал всего моего и всей моей семьи блаженства; и тем то мне чувствительнее, что я привел высочайшую ее особу противу себя на гнев; однакож, уповая на матерния ея величества щедроты и чело-веколюбие, о том с рыданием вопию, да отпустит погрешении мои и спасет погибающего со всею моею семьею.

28

На 28

Не имели ли вы кого сообщников к произведению намерений, в сей книге изображенных?

Как сам не имел никакого намерения сделать возмущение, то и сообщников не имел, что он по самой чистой совести и с наисильнейшею клятвою утверждает тем паче, что он мало в компаниях обращался, а, исправя должность, бывал больше дома и в свободные часы отдохновения занимался домашними делами, а между тем и сим мерзким сочинением.

29

На 29

На стр. 454 обещаете продолжение оной книги на возвратном пути, то начато ли это сочинение и где оно находится?

Оное сочинение начато не было.

Наконец заключил сими словами: что очищал я вышеописанные пункты, то признаюсь чистосердечно, что я исполнял только волю всемилостивейшей государыни. Впрочем я вижу теперь очень ясно, что оная моя книжка наполнена столь гнусными, дерзкими и развратными выражениями, что я, почитая себя достойнейшим всякаго от правосудия ея величества истязания, и не принося никаких более оправданий, ожидаю и прошу единственно матернаго ея, если не для меня, то по крайней мере ради престарелых моих роди-

Июля 8, 9 и 10 числ
1790 года.

телей и ради малолетних детей, коих четверо, помилования.

К сему показанию Александр Николаев сын Радищев руку приложил.

[Дополнение к 3-му пункту вопросных пунктов о ценсуре]¹⁶

Напечатанныя без ценсуры, если хорошо припомнить могу, суть следующие места:

От стр. 42 до 48 в разговоре присяжного во многих местах.

От стр. 86 до 98, кажется, также многое прибавлено, но точно утвердить не могу.

От стр. 105 до 112 все прибавлено, если не ошибаюсь.

От стр. 148 до 153 также прибавлено.

В повествовании о ценсуре знаю, что прибавлено о новейших о ней положениях, но точно что, не упомяну.

Переменен конец стр. 418 и стр. 419 почти вся.

Более же прибавок не припомню, а знаю, что были поправляемы малые речения или правописание.

К сему дополнению Александр Николаев сын Радищев руку приложил.

6

11 июля 1790 г.¹⁷

1790-го года июля 11 дня коллежской советник и кавалер Александр Радищев спрашиван и показал:

От роду ему 40 лет, из дворян, в службу вступил с молодых лет ко двору пажем, а в 1766 году послан был на казенном коште в Лейцигской университет для обучения, откуда возвратился в 1771-м году; по возвращении в том же году определен в Правительствующий Сенат в должность протоколиста с чином титулярного советника. Из Сената в 773-м году взят был в штат его сиятельства графа Брюса обер-авдитором, а от него по случаю женитьбы в 775-м году вышел в отставку с чином секунд-майора. А в 777-м г. определен в Коммерц-коллегию на место ассесорское, в 780-м году определен по имянному указу в помощь г. Даю к таможенным делам, в 782-м году произведен в надворные советники, а 784-м в коллежские советники, а в марте месяце нынешняго года помещен на место советника таможенных дел. Орден

святаго равноапостольнаго князя Владимира 4-й степени пожалован ему в 785 году. Отец у него из дворян коллежской ассесор Николай Афонасьев сын, лет 60-ти, в отставке, жительство имеет Саратовскаго наместничества, Кузнецкаго уезда, в селе Преображенском, в коем с прикосновенными деревнями душ до 700; мать также в живых находится, родом из фамилии Аргамаковых; братьев у него шесть: 1-й старший по нем Моисей в Архангельске в таможене советником; 2-й Петр служит в провиантском штате провиантмейстером, находится здесь в Петербурге; 3-й Андрей в отставке секунд-майором; 4-й Михайла титулярным советником в отставке, сии оба при отце; 5-й Степан выпущен из кадетского корпуса и находится в морских батальонах в команде принца Нассау поручиком; 6-й выпущен в сем году из пажей поручиком в армейские полки. Сестер имеет 4-х: 1-я большая, вдова, в замужестве была в Володимире за прокурором Облязовым. 2-я Фаина, 3-я Настасья, 4-я Федосья, девицы при отце и матери. Он же сам овдовел назад тому 6 лет. За ним была жена, статского советника Рубановскаго дочь Анна; детей у него четверо: сыновья Василий 13-ти, Николай 12-ти сержантами, а Павел по 7-му году фурьером в Измайловском полку; дочь Катерина по 8-му году. Собственнаго недвижимаго имения он не имеет, кроме купленнаго на Петровском острове у вдовы барона Фридрихса места за 400 руб.; дом, в коем он жительство имеет, что у Владимирской, достался по наследству от тестя его Рубановскаго детям, трем дочерям, в том числе часть принадлежит и его покойной жене. Каменное и деревянное строение построено общим, как ево, так и своячин ево коштом.

К сему показанию Александр Николаев сын Радищев руку приложил.

7

13 июля 1790 г.¹⁸⁴

1790 года июля 13 дня Радищев по поводу показания Зотова о печатании книги его в чужих краях спрошен был, не посылал ли он к кому в чужие края для напечатания книги своей, на что он сказал, что один экземпляр послал он в Берлин к господину Кутузову, но не для того, чтобы ее напечатать, а для единого прочтения при своем письме, запечатав в пакете; для пересылки оной пакет отдал господину Вальцу,¹⁸⁶ находящемуся при его сиятельстве вице-канцлере, прося его, чтоб он тот пакет с книгою доставил чрез послан-

ного куриера, и, как помнится ему, что он Вальцу отдал тот пакет в прошедшем мае месяце с шурином его.

К сему показанию Александр Николаев сын Радищев руку приложил.

8

15 июля 1790 г.¹

л. 161

Не в оправдание моего мерзительного сочинения я сказать что-либо намерен; ибо убежденный теперь сам в себе, сколь оно гусно, я бы сам мог написать на оное опровержение, еслибы разум не был в расстройке и сердце не болело. Но я желаю показать шествие моих мыслей, и как разум, цепляясь из заблуждения в заблуждение, дошел, наконец, в сию путаницу, которая ввергла меня в погибель.

До женитьбы моей я более упражнялся в чтении книг, до словесных наук касающихся; много также читал и книг церковных,²⁰ следуя совету Ломоносова; ибо, имея малое знание в российском письме, я старался приобрести достаточные в оном сведения, дабы в состоянии быть управлять пером. Родясь с чувствительным сердцем, опыты моего письма обращались всегда на нежные предметы, но все было с неудачею. Когда же я женился, то все любовное вранье оставил и наслаждался действительным блаженством, не занимаясь ничем более, как домашними делами.

Когда я определен был в Коммерц-коллегию, то за долг мой почел приобрести знания, до торговой части вообще касающиеся, и для того, сверх обыкновенного упражнения в делах, я читал книги, до коммерции касающиеся, возобновил паки чтение общей истории и путешествии, и старался приобрести в российском законоположении, до торгу вообще относящиеся. Доселе разум мой как будто забыл прежнюю свою охоту упражняться в сочинениях, или отвлечен был от того, как то я сказал, неудачею в любовных сочинениях. В сие время я определен был в помощь г. Далю²¹ к таможенным делам, и в сие же время, между другими коммерческими книгами купил я историю о Индиях Реналя. Сию то книгу могу я почитать началом нынешнему бедственному моему состоянию. Я начал ее читать в 1780, или 81 году. Слог его мне понравился. Я высокопарной (amroulé) его стиль почитал красноречием, дерзновенны его выражения почитал истинным вкусом, и видя ее общечитаемою, я захотел подражать его слогу. Но в сие время, то есть при начале вступления моего в таможню и по случаю составления общего

тарифа, за препорученными мне многими письменными делами, я не имел средств книгу сию окончить чтением. Воспоследовавшая потом в 1783 г. смерть жены моей погрузила меня в печаль и уныние и на время отвлекла разум мой от всякаго упражнения. Не прежде, как 1785 г., я начал паки упражняться в чтении, и недочтеннаго Реналья окончил; для упражнения в слоге я в сие время начал повесть о проданных с публичнаго торга. В следующие годы, читая Гердера,²² я начал писать о ценсуре, начал повесть Систербецкую, но все не было dokonчено. А как случилось мне читать перевод немецкой Иорикова путешествия, то и мне на мысль пришло ему последовать. И так могу сказать по истине, что слог Реналев,водя меня из путаницы в путаницу, довел до совершения моей безумной книги, которая готова была в исходе 1788 года. В ценсуре была в 1789 году, начата печатью в начале генваря 1790 года.

Таким образом, желая подражать сему писателю, я произвел своего урода. О безумие, безумие! О пагубное тщеславие быть известну между сочинителями! О вы, несчастные и возлюбленные чада, научитесь моим примером и убегайте пагубного тщеславия быть писателем!

9

17 июля 1790 г.²³

1790 года, июля 17 дня господин Радищев спрошен был: л. 53
к Кутузову в чужие края с каковым намерением послал известную книгу? На что он отвечал, что сию книгу послал он к нему, по давней с ним дружбе, ибо с малолетства они жили, служили и учились вместе, почему они были между собою хорошие друзья, а сие то самой и понудило его помянутую для него пагубную книгу к нему отослать, ласкаясь, что сия книга изобразит, каково он может остро писать. Впрочем, он никакого с ним согласия в сочинении той книги не имел, а единственно и дедикацию на имя его сделал ей из хвастовства, ибо он тогда таким безумием был объят, что казалось ему, что сия книга наилучшаго есть сочинения. Но теперь он, по совести своей, будучи выведен из заблуждения и развратнаго своего мнения, как ему стать пред богом уверяет, что еслибы Кутузов получил сию книгу, то он бы его, конечно, не похвалил, а выбранил; почему он, по теперешнему искреннему души его расположению, и сам находит, что она книга есть мерзкая и должен он гнушаться ею, дондеже жив. Печатать же оную книгу нигде в чужих

краях намерения не имел, а к Кутузову послал, как выше сего сказал, для прочтения. К оному ж Кутузову послал он книжку своего сочинения под названием „Письмо к другу, живущему в Тобольске“, которая также писана им была в объятном им тогда безумии. Не может он того отрицать, чтоб оно не показалось произвести французскую революцию, но, однако ж, по чистой совести своей, как явиться на страшный суд божий, уверяет, что он сего злаго намерения не имел, а писал мыслями и штилем известнаго Ренальда, в чем и признает себя виновным.

К сему показанию Александр Николаев сын Радищеву приложил.

10

ЗАВЕЩАНИЕ ДЕТЯМ²⁴

25 июля 1790 г.

л. 147

Свершилось!

Если завещание сие, о возлюбленные мои, возможет до вас дойти, то приникните душою вашею в слова несчастнаго вашего отца и друга и внемлите.

Помните, друзья души моей, помните всечастно, что есть бог, и что мы ни единого шага, ниже единыя мысли совершить не можем не под его всеильною рукою. Помните, что он правосуден и милосерд, что доброе дело без награды не оставляет, как и без наказания худое. И так всякое дело начинайте, призвав его к себе в помощь, и прибегайте к нему теплыми молитвами. О коликое утешение в нем обрящете!

Когда вы, возлюбленные мои сыновья, вступите в службу, почитайте исполнение вашей должности первейшею вашею добродетелью, без коей вы блаженны быть не можете. Будьте почтительны и послушны непрекословно к вашим начальникам, исполняйте всегда ревностно законы ея императорскаго величества. Любите, почитайте паче всего священную ея особу, и даже мысленно должны вы ей предстоять с благоговением. Старайтесь заслужить ея к себе милости повинованием и ревностию во исполнении на вас возложеннаго.

Будьте почтительны, о чада души моей, к вашим родным, и ко всякому человеку, кто вас летами старше, и снисходительны к тем, кто вас моложе. Будьте милосерды к вашим служителям и снисходительны. Паче всего почитайте и не преступайте велений тех, которые служили вам вместо матери во младенчестве вашем. Помните, что мать ваша, умирая, поставила над вами вместо себя сестру свою и друга, тетку

вашу Елисавету Васильевну, которую доколе живы будете, матерью именуйте.

А вы, о сотрудницы²⁵ в возкормлении детей моих, коих безумие мое ввергло в скорбь, печаль и уныние, последуйте моему последнему совету.

Мызу, в которой жительствоет мать ваша, хотя принадлежит вам обще с детьми моими, оставьте в ея распоряжении до кончины ея. Дом в городе, в котором мы жительство имели, я вам советую продать, возвратив Стальцу полы, которые лежат на верху, за которые деньги не отданы. Выкупить вещи, заложенные в ломбарде, и их продать можно с выгодою. Доколе вы будете жить вместе, то не советую вам продавать дома в Миллионной и мызы, но на вырученные деньги продажею дома, выкупить заложенной в банке. Но поставить на мере и определить заранее и ныне, что кому иметь должно. Завещаю детям моим быть довольным тем, что вы им дадите на удел их матери, ведая, что вы их не обидите. Если же вам вместе жить будет невозможно, то надобно будет продать или двор, или мызу.

Купленное мною место от Фридриховой вдовы, я отдаю навсегда Елисавете Васильевне в придачу к тому, которое она имеет рядом от казенной палаты из платежа поземельных денег. А она отдаст его дочери моей Катерине после себя, если она то заслуживать будет.

Батюшку и матушку попросить, чтобы они не оставили моих детей и простили бы несчастному их сыну печаль, в которую он их повергает. Батюшку просить так же, чтобы всех моих людей отдал в распоряжение Елисаветы Васильевны; чтобы пожаловал отпускные за долговременную их и беспорочную службу при мне. Людям моим Петру Иванову и Давыду Фролову с женами их и отпускные отдал бы в распоряжение Елисаветы Васильевны. Уверен, что и они не оставят дома моего до возраста совершенного моих детей. Изодатайствовать отпускную Марье Дементьевой за заслуги умершего ея мужа. Елисавету Васильевну прошу девку ея Анну Дорофееву отпустить за муж по ея желанию.

Детей моих несчастных повергаю пред престол милосердия ея императорского величества.

У всех моих родственников просить за меня прощения, если я их чем либо оскорбил.

За сим, о возлюбленные мои, прижмите меня к сердцу вашему, и если то возможно, забудьте несчастного.

В дополнение к моему завещанию²⁶

Если о детях моих ничего определено не будет, то прошу старшего по мне брата Моисея Николаевича взять на себя попечение о воспитании сыновей моих. Больших Василья и Николая отдать в пансион, а меньшаго Павла в какое-либо училище, или как он заблагоразсудит. Дочь мою Катерину прошу оставить в распоряжении Елисаветы Васильевны, которая, надеюсь, от нее не отречется по завещанию ея матери.

Если же дети мои все будут пристроены и имение моего покойнаго тестя разделено, то, любезныя мои сестры, послушайте моего совета. Если вы намерены будете жить вместе обе домом, то не имейте и не держите никого у себя в доме, ни под каким предлогом. Знаете сами, сколь многия предосторожность удаляет всякие нарекания, неприятности, и домашние раздоры, и облегчает неминуемые издержки в доме. Если же вместе жить не будете, как то я думаю, то Дарье Васильевне советую итти за муж, стараяся избрать себе в мужа человека благонравнаго, с которым она может жить счастливо. Зная весьма чувствительное сердце Елисаветы Васильевны и худое ее здоровье, я такого же совета ей дать не смею. Время и обстоятельства ея сердце могут ее наставить, итти ли ей [зам]уж, или нет.

Простите мои возлюбленные! Ах, можете ли простить несчастному вашему отцу и другу горесть, скорбь и нищету, которую он на вас навлекает? Душа страдает при сей мысли необычайно, и ежечасно умирает. О естли бы я мог вас видеть хотя на одно мгновение, если бы мог слышать только радостные для меня глаголы уст ваших, о если бы я слышать мог из уст ваших, что вы мне отпускаете мою вину... О мечта!...

Сон, о сон, единственное в бедствии успокоение, блаженство плачевное в нещастии, приди на услаждение страждущаго сердца... О мечта возлюбленная! я с вами беседую; вас держу в объятиях моих. О друзья души моей, о дети моего сердца, вы со мною, голос ваш ударяет в мое слышание... Куда спешите, постойте, я... я, отец ваш, я друг ваш... Увы, се мечта... О пробуждение, я их враг, от кого они скорбят? От меня... Несчастной!

С. И. ШЕШКОВСКОМУ²⁷

25 июля 1790 г.

Не отриньте, милостивой мой государь, прочтения приложенных при сем строк. Какая отрада скорбящей душе изъяслять свое чувствование, какая отрада в отлучении семейства моего несчастного обращать к нему мое слово, хотя оно и в слух их ударять не может. О если бы милосердствовать можно было о несчастном и единственное благодеяние сделать стнящему, и дать мне их видеть в последний раз, какая неизреченная милость! Последнее мое к ним слово было бы горящим перстом на сердце их написано. О несчастные! Лишаются они в малолетстве наставника, в юности воздержателя от погрешностей, в совершеннолети друга. Ах, если их потеря велика, koliko же мое против них преступление! Сия мысль тягчит меня несказанно; тело и душа изнемогать начинают. Не оставьте уведомлением о семействе. Надежда, сие усладительное чувствование, надежда видеть мое плачевное семейство, начинает постепенно исчезать в томном сердце, и уже исчезла. Я чувствую, я один. О лютое чувствование! Тисячекратно сердце мое преломляется, и скорбь становится неизобразимою.

Молчи, несчастной! Се рука всемогущаго отягчается над тобою за твои грехи. Царю безначальный и господи! с высоты горных мест приникни, отец всещедрый, и вонми молению грешника кающагося! О ты, объемляй вселенную единым взором! Мысль беспредельная в коей прежде века начертано было твое непостижимое уму человеческому творение, о всемогущий! прими нетленную жертву души моея и сердца, прими покаяние грешника и не отврати от меня лица твоего! Чувствую, чувствую во всем сложении моем, яко пред тобою согрешил тмы крат и бесконечно. Но, господи, не ты ли отец мой милосердый? К тебе воззову с Давидом: Услыши мя во дни печали, ибо ты еси бог кающихся; господи, согреших и несмь достоин помилования. Но, сердцеведец всезрящий! душа моя пред тобою есть. Исполнися слабостей сложение мое. Разум, исполнися суетумудрия. Простер еси руку свою в мое наказание. Да будет о мне воля твоя! В смиреннии моем лобжу прощение твое. Господи! согреших и днесь необычайно. Согреших, возмечтав мудрствовать; согреших, прогнавав милосердную государыню; согреших, втащив в печаль, скорбь и нищету невинных младенцев и жен и родителей престарелых. Согреших, привлеки на себя всех омер-

зение. Достоин, господи, да наказан буду за безумие мое. Но, отче всеблагий, виждь неухищрение души моей и незлобие моего сердца, и помилуй мя грешнаго! Призри, о всеильный, на невинные младенцы, и яко же о тебе веселится вся тварь, даждь и им о тебе возрадоваться; даждь, да юность их будет целомудренна, да возмужалось непретковенна, да, тихую пришед старость, послужат примером на последование своим чадам, и да избегнут пагубнаго тщеславия прослыть писателями!

12

С. И. ШЕШКОВСКОМУ ²⁸**Конец июля—начало августа 1790 г.**

159 Доколе дыхание продлится в груди моей, доколе я жив буду, помышления мои, мысли и чувствования от плачевнаго моего семейства отвращены быть не могут. Хотя не в состоянии уже более быть ему полезным чем-либо, а тем самым лишенный утешения загладить мой против их проступок, хотя остаток жития моего, будучи вовсе бесплодным, определен будет или на томное онаго скончание, или на мгновенное, или прервется естественно; доколе судьба моя не решилася, не могу возбранить себя, чтобы забыть несчастной мой дом и быть обитающим в нем чуждым. От того мое сетование, оттуда мое стужание. Не отвергни, милостивой государь, сего прошения, и каким-либо образом дать наставление о домашнем состоянии моим оставшим, дабы в пущую не пришли разстройку дел своих. Оно им совсем неизвестно: 1-е, чтобы помыслить о пересрочке заложенных в ломбарде вещей, ибо, по происшествии долгам срока, они пропадут; 2-е, с жильцов деньги получать должно в начале сентября, с камердинера в треть 75 р., с француженки 66 р. с коп., с погребщиком сделать расчет по контракту и распискам, с лавочником разчесться в годовой наемной сумме 225 р., с дровеника на нынешний год получить надлежит 100 сажень дров и 70 р. оставших от прежних лет; 3-е, что нынешний год запасу от батюшки прислано не будет, ни муки, ни овса, а присланы были деньги, а для того заранее помышляли бы убавить число лошадей и людей, а особливо посторонних, живущих на их содержании; 4-е, чтобы помышляли о взносе процентов в банк за заложенный дом; 5-е, чтобы помышляли о просроченных детских пашпортах, а паче бы о их учении.

Удивительно вам, милостивой мой государь, может быть, покажется, да и смешно, что человек обвиняется по зако-

нам на лишение может быть жизни, пецись может о таких, можно сказать, малостях. Но столь велика моя привязанность к моим детям, что и последнее дыхание, каково оно бы ни было, будет для них, что все мое сокрушение происходит от того, что их не могу видеть, и что лишен сего, кажется, навсегда. О, боже! к кому воззову в моей скорби; кто услышит мое стенание и ущедрится? Неужели, господи, лишишь несчастного последния отрады слышать, прежде скончания бедственного жития, что те, пред кем я наиболее преступил, мне прощают? Мысль жестокая, убивающая меня ежеминутно!

Извините меня, милостивой государь, что я осмеливаюсь вас беспокоить. Бог вам воздаст, что не лишаете несчастного плачевного удовольствия изъявлять свои мысли. Благодарение чувствительнейшее приношу за священные книги. Читая их, в бедствии нахожу утешение и подкрепление сил и, можно сказать, некоторое ободрение.

13

С. И. ШЕШКОВСКОМУ ²⁰

Июль—август 1790 г.

Я, может быть, милостивой государь, моими писаниями л. 157 вам наскучил, но возложите то на щет неутолимой печали, происходящей от лишения нещастных детей моих, вспомяни, что и ты отец и чадолюбив, и простите мне мое стужания. Всякая бумага, от меня исходящая, идет в ваши руки и для того, если приложенные при сем [листы повести о Филарете] ничему не противны и я могу продолжать мое горестное упражнение, то по прочтении прикажите мне их возвратить для окончания и неминуемых исправлений. Занимаясь писанием, разум более занят, нежели чтением, и забывшись хотя на малейшее мгновение, кажется, что я не в заключении. О, милостивой государь, если не будет мне отрады видеть плачевное мое семейство хотя на мгновение, то позволъ иметь хотя сие. Читая житие святаго Филарета милостиваго, душа над тем паче прилепилася, и вникла в его подвиги, что она соразмернее на подражание нашему слабому сложению. Я преложил его несколько на образ нынешних мыслей, не отступая от истиннаго повествования ни мало, и мечтаю себе, что оно может детям моим быть на пользу. О, если бы оно могло достигнуть их рук.

5

УКАЗ И РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II ПЕТЕРБУРГСКОМУ ГЛАВНО-КОМАНДУЮЩЕМУ Я. А. БРЮСУ³⁰

13 июля 1790 г.

Граф Яков Александрович.

Недавно издана здесь книга, под названием Путешествие из Петербурга в Москву, наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, наконец оскорбительными выражениями противу сана и власти царской. Сочинителем сей книги оказался коллежский советник Александр Радищев, который сам учинил в том признание, присовокупив к сему, что после ценсуры Управы благочиния взнес он многие листы в помянутую книгу, в собственной его типографии напечатанную, и потому взят под стражу. Таковое его преступление повелеваем рассмотреть и судить узаконенным порядком в Палате уголовного суда С.-Петербургской губернии, где заключа приговор, взнести оный в Сенат наш. Пребываем вам благосклонны.

Екатерина.

Граф Яков Александрович! Как известная зловредная книга „Путешествие из Петербурга в Москву“ в благопристойном государстве терпима быть не может, то и прикажите наблюдать, дабы она нигде в продаже и напечатании здесь не была под наказанием, преступлению сему соразмерным. Пребываем вам благосклонная Екатерина.

В Царском селе июля 13 дня 1790 года.

6

ЗАПИСКА А. А. БЕЗБОРОДКИ Я. А. БРЮСУ О ПОРЯДКЕ ВЕДЕНИЯ ДЕЛА В ПАЛАТЕ УГОЛОВНОГО СУДА³¹

13 июля 1790 г.

Порядок, которым дело о преступлении Радищева рассмотрено и решено быть долженствует, не может быть иной, как следующий:

Палата уголовного суда призовет его и спросит:

- 1) Он ли сочинитель книги?
- 2) В каком намерении сочинил ее?
- 3) Кто его сообщники?
- 4) Чувствует ли он важность своего преступления?

По таком допросе не трудно будет палате положить свой приговор, на точных словах законов основанный, и оный, объявя при открытых дверях, взнести на рассмотрение в Сенат.

Посему кажется, что ни допросов, ему по Тайной экспедиции учиненных, ни его рассказаний, туда посылать не следует, ибо допросы келейные ему учинены быть должныствовали из предосторожности, какие у него скрывались умыслы и не далеко ли они произведены. Многия тут вещи никак не могут относиться к обыкновенному трибуналу, который, видя его преступление, удостоверяется в нем новым его признанием и имеет прямые законы на осуждение его. Сверх того, многие вопросы, особливо же: „не имеет ли он какого недовольствия или обиды на ея величество“ отнюдь непристойно выводить пред судом.

Раскаяние до суда не касается, а в воле государевой на него воззреть, когда суд до его крайнего изречения достигнет.

7

**ОРДЕР НА ДОСТАВКУ А. Н. РАДИЩЕВА ИЗ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ В ПАЛАТУ УГОЛОВНОГО СУДА** ³²

15 июля 1790 г.

Ордер

Санкт-петербургскому обер-коменданту господину генерал-майору Чернышеву

Когда из Уголовной палаты прислан будет губернского правления экзекутор Бускет, то со оным отпускать содержащегося под стражею присланного от меня при ордере коллежского советника Радищева; и как оной обратно оным же экзекутором в крепость привозим будет, то от него его паки принимать и содержать точно тем же образом и на том же основании, как о нем даны приказы от господина действительного статского советника Шешковского.

Граф Брюс.

Ч[исла] 15 июля
1790 года.

8

ЗАПИСКА С. И. ШЕШКОВСКОГО Я. А. БРЮСУ ³³

16 июля 1790 г.

Сиятельнейший граф! Милостивый государь!

Сего утра в шестом часу прислал ко мне Радищев, написанную сею ночью при офицере на оставленном листе, бу-

магу, с коея списав копию, имею честь при сем приложить к вашему сиятельству. Она в себе иного не содержит, как он описал гнусность своего сочинения, и кое он сам мерзит. Но я однако ж оставить у себя, не известя о сем ваше сиятельство, не мог. Впрочем с искреннейшим высокопочтением пребываю, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Июля 16 дня
1790 года
СПб.

Степан Шешковский.

9

ПОКАЗАНИЯ Г. К. ЗОТОВА ³⁴

1

6 июля 1790 г.

а. 76 1790-го года, июля 6 дня. По соизволению ея императорскаго величества призван был в дом г. Шешковского купец Зотов и спрошен, сам ли он лично получил от Радищева книги или через других и сколько? На сие он отвечал, что лично от Радищева получил он на мену книг только 25-ть экземпляров, да от называющагося московским купцом Петра Михайлова и от других людей, ему незнакомых, которые приносили ему по 2 и по 3 экземпляра, до 50-ти. Об оном московском купце думает Зотов, что он — не московской купец, а какой ни есть из таможенных; а о других людях, которые приносили ему по 2 и по 3 экземпляра, думает он, Зотов, что они из ево домашних. Кому же оные продавал, всех тех людей имен и прозваний не знает, а кого вспомнил о тех объявил, и именно:

1-е. Ивану Ивановичу Кушалеву.

2-е. Никите Демидову, купил дворецкой. 3-е. Купцу Варенкову. В железн[ой] линии торг[ует]. 4-е. Камерпажу Балашову. 5-е. Алексею Лукину Михайлову. 6-е. Какому-то сочинителю Николаю Петрову. 7-е. Ивану Яковлевичу 2 экз[емпляра], при Ник[ите] Ив[ановиче] Рылееве. 8-е. Матвеем Федоровичу Кашталинскому.

Наконец, объявил, что после того как он в доме обер-полицеймейстера был спрашиван, приходили к нему в лавку многие незнакомые люди, и спрашивали ево: „Был ли ты у духовника?“. Он, Зотов, спрашивал: „У какого?“. Они ответствовали: „У Шешковского“. Но я-де им говорил, что никогда не бывал, и его не знаю; а они ему на сие гово-

рили: „Врюшь ты, дурак. Мы знаем, что был“. К сему показанию руку приложил санктпетербургский купец Герасим Зотов.

2

8 июля 1790 г.

Того ж июля 8 дня он же, Зотов, спрошен был, не вспомнил ли он кого из тех, которые спрашивали, был ли у духовника, т. е. у Шешковского. На сие он отвечал, что вспомнил. Прежде, нежели взят он был к обер-полицеймейстеру, приходили к нему двое в лавку, и, сторговав || книжку, просили в долг, так как-де с ними мелких денег не случилось, а как я им сказал, что вас не знаю, то один из них сказал: „Как ты не знаешь, ведь вы у нас бумагу покупаете из лавки, я — Хлебников“. Почему я им и поверил. После-ж того, как я был у обер-полицеймейстера, то приходили они опять и, заплатя за ту книгу деньги, другой с ним, Хлебниковым, бывший спросил меня: „Был ли ты у духовника, т. е. у Шешковского?“. Я ему отвечал, что не был и его не знаю, но он мне сказал: „Врюшь ты“. Но имени и прозвания не знает; приметю-ж он поплотнее сына Хлебникова, и на нем был бриллиантовой перстень сот в шесть. л. 77

Также вспомнил он, что один экземпляр продал Амбодику. Когда-ж он, Зотов, спросил его, где тот экземпляр, на сие Амбодик отвечал, что он отдал частному приставу их части, а пристав обер-полицеймейстеру. ||

3

13 июля 1790 г.

1790-го года, июля 13 дня. Известной книгопродавец Зотов, по высочайшему ея императорскаго величества соизволению, приведен в крепость офицером Управы благочиния, и о чем по делу надлежало спрашиван и показал: л. 78

Во-первых, сказано ему, Зотову, было: „В первом допросе в доме обер-полицейместера показал ты, что известной книги «Путешествие из Санктпетербурга в Москву» получил ты от какого-то московскаго купца 50 экземпляров, а во втором в доме г-на Шешковского, когда сказано тебе было, что г-н Радищев показывает, будто ты от него получил только 25 экземпляров, то ты показал, что 25 от него лично на мену книг точно получил, да, кроме того, от называющагося московским купцом Петра Михайлова и от других людей, кои приносили по два и по три экземпляра, до 50.

Из чего и выходит разнь. Сверх же того Радищев и ныне утверждает, что он более 25 экземпляров тебе не давал, да и ни чрез кого к тебе не присылал. А посему всемиловитивейшая государыня требует от тебя, чтоб ты непременно открыл самую истину“. На сие он отвечал, согласно со вторым допросом: „Воля ваша, что я показал прежде, то есть самая истина, и ничего не утаил“.

После многого увещания призван был на очную ставку и г-н Радищев, который и начал ево уличить таким образом: „Ты, конечно, лжешь, что получал от какого-то московского купца Михайлова, и кроме тех, которые я тебе дал 25-ти экземпляров, ни от кого не получал“. Уличая его, как и прежде в записке, еще до привода Зотова, он написал: „Тем, что ты после того, как г. Шешковской у обер-полицеймейстера тебя спрашивал || то присылал ко мне приказчика Семена (имя сего показал Зотов после) с тем, что ежели меня будут спрашивать, продавал ли ты Зотову экземпляры, то-де вы скажите, что не продавал, а что они у вас из типографии пропали“. Зотов и против сего несколько запирался и путался равным образом. Почему г-н Шешковской говорил ему: „Слушай, ты должен непременно сказать правду, а то я пошлю за Семеном, и ежели он тебя в сем изобличит, то ты тогда жестоко наказан будешь“. То он, наконец, обратясь к г-ну Шешковскому, сказал: „Виноват. Это было дело так, и первые мои допросы оба несправедливы в том, что я более тех 25-ти экземпляров, которые получил от г-на Радищева, ни от кого не получал“.

На сие сказано ему, Зотову: „Какую-ж ты имел притчину лгать в прежних своих допросах, что получил от такого-то купца, а не прямо от Радищева“. На сие он говорил: „Я для того говорил таким образом, что г-н Радищев, отдавая мне оную книгу для продажи, просил меня, чтоб я не сказывал, от кого оную получил, а притом-де меня обнадеживал, что тебе ничего за сие не будет, да я и сам думал, что как скажу на неизвестного человека, то тем и его просьбу исполню и себя оправдаю“. Как же-де я показал сие в первом и во втором допросах, что получил оную от московскаго купца, то и теперь не хотелось отстать от прежних слов. В первых же допросах показал ложь для того, думая, что г-н Радищев от дачи оной книги отопрется, а ему уличить его нечем, то и опасался, что ево доносу не поверят, за что он и претерпит наказание. Обещания ж такого, чтоб сказать ложно, что у него пропали экземпляры из типографии, Радищев ему не делал, а выдумал || он, Зотов, сам собою, думая,

что как Радищев скажет, что у него пропали, то ему, в том и поверят. И для того посылал он, после бывшего ему у обер-полицеймейстера допроса, приказчика своего Семена к г-ну Радищеву с тем, чтоб он его упросил о том, чтоб Радищев показал, что у него пропали из типографии 50 экземпляров. Но приказчик, возвратясь, сказал ему что-де Радищев так сказать не хочет, также и того, что будто б 50 экземпляров отдал он купцу московскому, говорить не хотел, а сказал, что-де ему бояться нечего: „Я не отопрусь, что книга моя“. А того приказчика он посылал уговаривать о сем Радищева для того, чтоб его, Зотова, против прежнего показания не сочли лжецом.

На все сие сказано ему было: „Как же, ты осмелился сие сделать:

1-е. Солгать, ибо тебе сказано было, чтоб ты показал самую истину, так как предстать пред страшный суд божий, и что сего требует от тебя все милостивейшая государыня.

2-е. После взятия с тебя допроса обязан ты был подпискою, чтоб ты о том, о чем г-м Шешковским спрашиван, никому ни под каким видом не открывал, под опасением строжайшаго по законам наказания; но ты на другой же день открыл оное приказчику Семену, да еще послал его и к Радищеву с извещением, что ты Шешковским спрашиван“.

На сие он говорил: „В сем я виноват. Помилуйте. Я и сам не рад, что так сделал“.

По окончании всего вышеписаннаго, спрошен он, Зотов, был, не напечатал ли он, Зотов, где той книги вновь, и не послал ли в Москву или куда на продажу? На сие он с клятвою говорил, что ей-ей не печатал, доказывая, наконец, тем, что-де ее и напечатать так скоро нельзя, надобно-де ее печатать месяца два, так как-де она велика.

Так же спрошен был: „По крайней мере не слышал ли ты от кого, чтоб ее еще где печатали?“. На сие отвечал: „Сочинитель Николай || Петров, о котором я в прежнем допросе показал, что продал ему один экземпляр, в одно время пришед ко мне в лавку, сказывал, что ее где-то в чужих землях печатают на немецком языке, а где именно, того не сказал. Болеж сего он ни от кого не слышал. Оной же де сочинитель как прозывается, того он, Зотов, не знает, а знает де про его прозвание полицеймейстер Жандр. Жительство-ж имеет он у Владимирской, по улице от кабака ведернаго, против перваго двора Зеленова, в худеньком домике“.

К сему показанию руку приложил санктпетербургской купец Герасим Зотов.

4

**ПОКАЗАНИЕ А. Н. РАДИЩЕВА НА ОЧНОЙ СТАВКЕ С
Г. К. ЗОТОВЫМ**

13 июля 1790 г.

А. Радищев, против того, приказывал ли ему, Зотову, о себе никому не сказывать, на очной ставке говорил: „Что он при даче с самого начала книги наказывал ему, Зотову, чтоб он до времени, чья эта книга, никому не сказывал для того, чтоб сперва услышать, как примет оную публика, т. е. ежели одобрит, то он сам себя объявит, а ежели публике не понравится, то он и в продажу ея более не пустит“.

К сему показанию Александр Николаев сын Радищев руку приложил.

5

31 июля 1790 г.

а. 82 1790-го года июля 31-го дня известной книгопродавец Зотов спрошен был: в допросах своих показал ты между прочим, что известной книги, под названием „Путешествие из С. П. бурга в Москву“, один экземпляр продал ты бывшему откупщику Алексею Лукину Михайлову, который, де, и в Орел оную уже послал; по разведанию ж бывшей здесь откупщиком Алексей Лукин Михайлов объявил, что он никогда у тебя оной книги не покупал и в Орел не посылал; то какой это человек, называемой тобою откупщиком, как ему имя и прозвание, какой он имеет чин, и не знаешь ли, где жительство имеет. На сие он отвечал: что оной человек, как слышал он, приезжей из Орла, имя ему Алексей, отчество Лукич, а прозвание Лукин помнится, а не Михайлов, чин же имеет, как он слышал, порутчицей; где жительство имеет, того он не знает; а знают де ево торгующие в Суконной линии в лавке здешнего купца Ивана Ильина под № 15-м сидельцы ево Иван Петров Лебедев и Иван Яковлев, а прозвания не знает, потому что он, Зотов, по переводу Лукина от них деньги получал за продаваемые книги.

К сему показанию руку приложил Герасим Зотов.

10

ПОКАЗАНИЕ А. МИХАЙЛОВА ³⁵

31 (?) июля 1790 г.

Известной книгопродавец Зотов в прежнем своем допросе у обер-полицеймейстера между прочим показал, что он продал один экземпляр известной книги, под названием „Путешествие из С.П.бурга в Москву“, бывшему откупщику Алексею Лукину Михайлову, который-де оную книгу послал уже в Орел. Почему бывшей здесь откупщиком Алексей Михайлов неприметным образом спрашиван покупал ли ту книгу и посылал ли в Орел; но он отозвался, что такой книги никогда не покупал и в Орел ни к кому не посылал, а живет-де здесь в Петербурге приезжей из Орла Алексей Лукич, прозвания ж его не знает. Вследствие чего спрошен был Зотов: „Какой это человек, называемый тобою откупщиком Михайловым, как ему имя и прозвание, какой имеет чин, и не знает ли где он жительство имеет?“. На сие он, Зотов, отвечал: „Что оной человек, как слышал он, приезжей из Орла, имя ему Алексей, отчество Лукич, а прозвание Лукин, помнится, а не Михайлов; чин же имеет, как он слышал, порутчичей; где жительство имеет, того он не знает, а знают де его торгующие в Суконной линии в лавке здешнего купца Ивана Ильина под № 15-м, сидельцы его Иван Петров Лебедев и Иван Яковлев, а прозвания не знает, потому что он, Зотов, по переводу одного Лукина от них деньги получал за продаваемые книги“.

В рассуждении чего не угодно ли будет, чрез обер-полицеймейстера разведав о жительстве одного Лукина, спросить его, покупал ли он ту книгу и посылал ли в Орел, к кому ее адресовал и когда?

11

А. А. БЕЗБОРОДКО С. И. ШЕШКОВСКОМУ ³⁶

16 июля 1790 г.

Возвращая допросы, от вас милостивый государь мой, присланные, имею честь известить о высочайшем соизволении ея императорскаго величества, чтобы ваше превосходительство об упоминаемом тут сочинителе Николае Петрове осведомилися и у него спросили о касающемся до него, так как и от Вальца узнали, послал ли он пакет и к кому именно, да и сказано ли ему было что либо о сем пакете или книге. О купце Зотове государыня находит нужным справиться

образом повального обыска, какого он поведения, и нет ли за ним еще каких худых дел; а тогда и можно будет его выслать из столицы в какой-либо город, где меньше худых книг читают.

Июля 16 1790 г.

12

ПОКАЗАНИЕ И. ВАЛЬЦА ³⁷

17 июля 1790 г.

л. 54 Когда оные пакеты я получил, точно упомнить не могу, а думаю, что в мае месяце. Получил же их чрез моего шурина, капитана Девиленева, которой служит при таможене учеником, для того, чтоб с курьером отправить; но даже до сего времени я отправить случая удобнаго не имел, хотя некоторые оказии и были. А распечатал он оные потому: как скоро услышал, что г-на Радищева взяли под стражу за какую-то книжку, то и подумал, что и в сих конвертах, может быть, есть та книга, за которую его взяли, почему и распечатал сперва у большова конверта одну сторонку и, вытащив книгу, увидел, что эта та книга, о которой по всему городу говорят. А после я открыл и другой маленький конверт, чтоб посмотреть, что в нем посылается и нашел, что и тут книжка. Почему оба оные конверты в кабинет спрятал и посылать более не хотел для того, что ежели об них будут спрашивать, то бы я мог их отдать. Были ль же в тех конвертах письма, того сказать не могу, потому что я, распечатав оные конверты, и посмотря, что тут лежат книги, тотчас оные в кабинет положил и их не читал, что доказательно тем, что у большой книги и листы не разрезаны, да и теперь, при отдаче оных конвертов, внутри оных я не смотрел.

Надворный советник и кавалер Иван Вальц.

13

ПОКАЗАНИЕ Н. П. ОСИПОВА ³⁸

17 июля 1790 г.

л. 59 1790 года, июля 17 дня. Отставной поручик Николай Петров сын Осипов, на вопрос действительнаго статскаго советника Шешковскаго, объявил: Назад тому недели три или четыре приходил он в квартиру коллежскаго ассесора Петра Богдановича для прошения имеющагося на нем долгу

за переводы с французского и немецкого на российской язык им, Осиповым, книг. И в то время Богданович спросил его, Осипова, нет ли у него книги, называемой „Путешествие из Петербурга в Москву“? На что он, Осипов, ему сказал, что у меня та книга была, но он для прочтения отдал ее господину генерал-поручику Николаю Ивановичу Ладыженскому. Богданович спросил: „Где ты ту книгу достал?“. На что Осипов отвечал ему, что купил ее в книжной лавке у купца Зотова за 2 р. 40 коп. Богданович сказал на сие, что посылал к нему в лавку, но ее не достал; также спрашивал и в доме у Радищева, но и там ее не получил. Между тем говорил, что слышал он, будто та книга в Лейпциге на немецком языке (не помню) печатается или переводится. И после того он Осипов, будучи в книжной лавке у купца Зотова, после того как он, пропадавши несколько дней, явился, между разговорами пересказал ему слышанное им от Богдановича о печатании той книги в Лейпциге на немецком языке. Оная книга здесь или в других городах печатается или нет, он, Осипов, не знает и ни от кого не слышал. Но судя по великому любопытству публики к той книге, нельзя не сомневаться, чтобы ктонибудь из зависливых и корыстолюбивых типографщиков не вздумал ее печатать. Службу он, Осипов, продолжал сначала в лейб-гвардии в Измайловском полку солдатом и капралом; потом выпущен в Володимирской пехотный полк прапорщиком, где был и подпоручиком. А после того, в 1781 году, за болезнями отставлен на свое пропитание, с награждением поручичья чина. Обучался на своем коште французскому и немецкому языкам, математике, архитектуре. О сем, исполняя волю ея императорскаго величества, никому во всю свою жизнь объявлять не будет, в чем и подписуюсь.

Поручик Николай Петров сын Осипов.

14

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА О Г. К. ЗОТОВЕ ³⁹

Написана в июле (после 16 июля) 1790 г.

Известной книгопродавец Зотов родом из города Козельска. Отец был у него купец; от отца остался малолетним, так что ево и не помнит, а от матери по 6-му году; а наконец на 12 году взял его к себе дядя его родной бывший санктпетербургский купец, а ныне мещанин Иван Павлов сын Баженов; а в 1784-м году записался он в здешнее

купечество в третью гильдию, а от дяди отстал и начал собою торговать в нынешнем году с святой недели.

15

**ЗАПИСКА Я. А. БРЮСА А. А. БЕЗБОРОДКЕ О ПЕРЕДАЧЕ ДЕЛА
А. Н. РАДИЩЕВА В СЕНАТ** ⁴⁰

26 июля 1790 г.

л. 166 Я счел за нужное ваше сиятельство уведомить, что вчерась ввечеру я получил из Уголовной палаты дело о господине Радищеве, который приговорен, как на основании Уложения, так и по многим артикулам военного процесса и морского устава, к смертной казни. Я то дело рассмотря и находя той палаты решение правильным, сего же утра представил Правительствующему Сенату, о чем покорнейше прошу ваше сиятельство ея величеству донести.

26 июля 1790 года

Граф Брюс.

16

ЗАПИСКА А. А. БЕЗБОРОДКИ С. И. ШЕНКОВСКОМУ ⁴¹

21 августа 1790 г.

л. 85 Милостивый государь мой, Степан Иванович.

Ее императорское величество высочайше повелеть соизволила содержащегося в Санктпетербургской крепости известного вам книгопродавца, который лгал в показаниях своих, в рассуждении заключения с королем шведским мира, из-под стражи освободить, подтвердя ему при том, чтоб он впредь при суде лгать не отваживался. Сообщая о сем вашему превосходительству, пребываю впрочем с совершенным почтением,

вашего превосходительства покорным слугою

Граф А. Безбородко.

В С. П. бургге, августа 21-го дня 1790 года.

17

**ОБЪЯВЛЕНИЕ Г. К. ЗОТОВУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ЕГО
ИЗ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ** ⁴²

21 августа 1790 г.

л. 86 1790-го года августа 21 дня. Содержащемуся в Санктпетербургской крепости книгопродавцу Зотову объявлено следующее: в первом допросе у г-на обер-полицеймейстера

спрашиван ты был именем ея императорского величества: от кого ты получил для продажи книгу, под названием „Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву“, и сколько экземпляров, на что ты отвечал, что оную книгу получил от неизвестного человека экземпляров 50-т или сколько не помнишь; потом и вторично спрашиван был в доме г-на Шешковского, чтоб показал самую истину и что сего требует от тебя всемилостивейшая государыня; однакож ты и в сем случае признания не сделал; но после на очной ставке по уличению Радищева сам ты признался, что получил оную книгу лично от него, Радищева, и не более, как 25 экземпляров; следовательно, в первых своих показаниях говорил ты о всем ложь, за что и достоин ты был строжайшего по законам осуждения. Но ея императорское величество из матернего своего милосердия, вменя тебе содержание под стражею в наказание, а потом и в рассуждении заключения с королем шведским мира, всемилостивейше указать соизволила из-под стражи тебя освободить, с таковым, однакож, высочайшим ея императорского величества подтверждением, чтоб ты впредь при суде отнюдь лгать не отваживался, под опасением неминуемого уже с тобою по законам поступления. При чем наминается тебе, чтоб ты о том, где содержался, и о чем был здесь || спрашиван, никому ни под каким видом не сказывал, под опасением в противном случае тож строжайшего по законам наказания. Оное объявление читал.

[В исполнении] подписуюсь Герасим Зотов.

18

ПИСЬМО П. КОЗОВНИЦИНА С. И. ШЕШКОВСКОМУ ⁴³

21 августа 1790 г.

Секретно.

Милостивый государь мой, Степан Ивановичь.

Полученным в губернское правление из Правительствующего Сената указом велено: книги, изданной коллегским советником Радищевым под названием „Путешествие из Петербурга в Москву“, экземпляры, розданные им, от людей, прописанных в показании, учиненном в здешней палате уголовного суда, им, Радищевым, отобрать, и, когда отобраны будут, немедленно сжечь, а по учиненной в губернском правлении справке оказалось, что минувшего июля 19 числа Палата уголовного суда требовала сообщением о отобрании экземпляров книги под названием „Путешествие из Петер-

л. 87

л. 66

бурга в Москву“ от купца Зотова двадцати пяти, от коллежского советника и кавалера Казадавлева одного, от действительного статского советника и кавалера Державина одного, от находящегося при таможене прапорщика Дарагана одного, лейб-гвардии конного полку от ротмистра Сергея Олсуфьева одного, от иностранца Вицмана одного, от надзирателя Царевского одного, и от иностранца Вальца одного; по которому от оногo и было предписано того ж месяца от 20 и 23 числ указами Управе благочиния и портовой таможене, чтоб первая, отобрав те книги от купца Зотова, коллежского советника Казадавлева, господина действительного статского советника и кавалера Державина, живущего в Измайловском полку иностранца Вицмана и от находящегося при господине вице-канцлере господина Вальца, господин же ротмистр Олсуфьев того ж числа представил таковой экземпляр в губернское правление, а последняя от прапорщика Дарагана и Царевского как наискорее отобрав, представила в правление; из коих от таможи представлены объяснения тех Дарагана и Царевского, в коих они показали, прапорщик Дараган: что он той книги экземпляр, ему данный, отдал надзирателю Царевскому и более оногo от него не получил; Царевской: что он полученные им два экземпляра отдал в разные времена мещанину Петру Кузовлеву, живущему в Апраксином переулке, а потому от сего правления и было предписано указами Управе благочиния о отобрании от означенного Кузовлева тех книг, портовой таможене, чтоб она представила прапорщика Дарагана и надзирателя Царевского в губернское правление, которые от оной и представлены, причем и один экземпляр от Царевского, таможеню отобранной, при том рапорте представлен; вследствие чего губернское правление и отослало ту книгу в Палату || уголовного суда при сообщении, а как во оной многие оказались письменные приписки и приправки, то и он, Царевской, на случай могущей быть в нем надобности, равно и взятие от показанных Царевского и Дарагана показаний, также и мещанина Кузовлева в получении от Царевского двух книг, и об отдаче оных квартальному Богдановичу и купцу Овчинникову расписка отосланы в Палату уголовного суда того ж месяца 23 числа при сообщении, а Управе благочиния подтверждено, чтоб оная, от квартального Богдановича и купца Овчинникова помянутые книги отобрав, представила в правление немедленно, по которому Управе благочиния при поданных рапортах представила, отобранные книги от коллежского советника и кавалера Казадавлева одну, от князя Петра Никитича

Трубецкого одну, и от действительного статского советника и кавалера Державина одну; о протчих же донесла, что от квартального Богдановича книги господином обер-полицеймейстером отобраны и в надлежащие места доставлены, а о имеющейся у находящегося при вице-канцлере Вальца одной книге, что она им лично отдана вашему превосходительству, также и господин обер-камергер Иван Иванович Шувалов объявил, что он полученную им от банкового советника Хитрово таковую книгу истребил, а о двадцати пяти экземплярах, данных купцу Зотову, репортовала, что на квартире, в которой он жил, ни ево самото, ни таковых книг не оказалось; о сих книгах докладывал я ея императорскому величеству, и ея величество 17 числа сего месяца изустно мне высочайше указать соизволила, отослать оные к вашему превосходительству, почему я те книги к вашему превосходительству с губернским стряпчим уголовных дел за печатью при сем и препровождаю, о чем и Правительствующему Сенату особым рапортом донесено.

Пребывая впрочем с истинным почтением, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга

Петр Кановицын.

№ 129. Августа 21 дня 1790 года.

III. ДЕЛО ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПАЛАТЫ УГОЛОВНОГО СУДА¹

1

ПРЕДЛОЖЕНИЕ Я. А. БРЮСА ПАЛАТЕ УГОЛОВНОГО СУДА

15 июля 1790 г.

л. 1 От главнокомандующего в столичном городе Санкт-Петербурге и во всей онаго губернии

Санктпетербургской губернии Палате уголовного суда

Предложение

Получил я именной высочайший за собственноручным ея императорского величества подписанием от 13 сего месяца указ, с которого при сем точную прилагаю копию, равно и упоминаемую в том указе книгу приобщаю, которую в Уголовной палате господам заседающим и прочеть, не впуская во время чтения в присутствие канцелярских служителей, и по прочтении помянутого Радищева о подлежащем спросить, а как он находится в крепости, то всякой раз, когда в нем будет надобность, посылать экзекутора губернского правления в крепость для истребования его от коменданта, и потом из присутствия отсылать его паки в крепость с тем же экзекутором, и как при принятии, так и при отправлении его обратно иметь всякую предосторожность, которую должно иметь с столь важным арестантом. Для провозу его брать наемную карету, которая платима будет от меня из экстраординарной суммы. По рассмотрению преступления сего Радищева и суждении узаконенным порядком, Палата имеет заключить приговор и взнести оной ко мне для представления в Сенат.

Граф Брюс.

15 июля
1790 года.

2

**УКАЗ О ПЕРЕДАЧЕ ДЕЛА А. Н. РАДИЩЕВА В ПАЛАТУ
УГОЛОВНОГО СУДА**

13 июля 1790 г.

Копия.

Граф Яков Александрович! Недавно издана здесь книга под названием Путешествие из Петербурга в Москву, наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства и наконец оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской. Сочинитель сея книги оказался коллежский советник Александр Радищев, которой сам учинил в том признание, присовокупив к сему, что после цензуры Управы благочиния внес он многия листы в помянутую книгу, в собственной его типографии напечатанную, и потому взят под стражу. Таковое его преступление повелеваем рассмотреть и судить узаконенным порядком в Полате уголовного суда Санкт-Петербургской губернии, где заключа приговор взнести оный в Сенат наш. Пребываем вам благосклонны.

На подлинном подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако:

Екатерина.

С подлинным читал надворный советник и кавалер Роман Габлиц.

В Сарском селе.

Июля 13-го 1790-го года.

3

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПОРЯДКЕ ДОПРОСА А. Н. РАДИЩЕВА

15 июля 1790 г.

Копия.

1790 года июля 15 дня. По указу ея императорскаго величества Санкт-Петербургской губернии Палата уголовного суда слушав предложение главнокомандующаго его сиятельства господина генерал-аншефа, сенатора и разных орденов ковалера графа Якова Александровича Брюса, в котором написано:—Получил его сиятельство имянной высочайший за собственноручным ея императорскаго величества подписанием от 13 сего месяца указ, с котораго при

том приложил точную копию, равно и упоминаемую в том указе книгу, которую в Уголовной Палате господам заседающим и прочесть не впуская во время чтения в присутствии канцелярских служителей, и по прочтении значущагося в том указе коллежского советника Радищева о подлежащем спросить. А как он находится в крепости, то всякой раз когда в нем будет надобность, посылать эсекютора Губернскаго правления в крепость для истребования его от коменданта и потом из присутствия отсылать его паки в крепость с тем же эсекютором. И как при принятии так и при отправлении его обратно иметь всякую предосторожность, которую л. 3 об. должно иметь || с столь важным арестантом, для привозу его брать наемную карету, которая платима будет от его сиятельства из екстрординарной суммы. По рассмотрению ж преступления сего Радищева и суждения узаконенным порядком Палата имеет заключить приговор и взнести оной к его сиятельству для представления в Сенат. Приказали означенную приложенную при предложении от его сиятельства книгу в присутствии Палаты прочесть, не впуская в то время отнюдь приказных служителей, и по прочтении, заметя в чем следует, показаннаго советника Радищева спросить, учинить ему о том вопросные пункты и для взятя против оных с него, Радищева, ответа истребовать ево ис под стражи от Санкт-Петербургскаго обер-каменданта чрез губернскаго эсекютора с такою точно предосторожностию, как в предложении его сиятельства написано.

Подлинной за подписанием господ присутствующих. За скрепою секретаря Петра Попова.

Протоколист Сафрон Дементьев.

Читал канцелярист Семен Арехов.

4

ОТВЕТЫ А. Н. РАДИЩЕВА НА ВОПРОСЫ

17 июля 1790 г.

Вопросные пункты

л. 4 Учиненные Санктпетербургской губернии в Палате уголовного суда коллежскому советнику Александр Радищеву, которому, по случаю отдачи ево имянным ея императорскаго величества высочайшим указом под суд сей палате, за содеянное им преступление изданием здесь книги под названием „Путешествие из Петербурга в Москву“, наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими

покой общественный, умаляющими должное к властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и наконец оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской, показать о нижеследующем:

Вопросы

Ответы

1-е

1-е

В каком намерении сочинили вы оную книгу?

Намерения при сочинении сей книги другого не имел, как быть известному в свете между сочинителями и дабы прослыть таковым, то есть сочинителем остроумным.

2-е

2-е

Кто имянно были вам в том сообщники?

Никого сообщников в оном не имел.

3-е

3-е

Чувствуете ли вы важность своего преступления.

Чувствую во внутренности моей души, что книга моя дерзновенна и приношу в тою мою повинность.

4-е

4-е

Сколько напечатано вами оных экземпляров и из того выпущено в свет, и кому имянно сами вы раздавали?

Напечатано ее было оной книги около 650 экземпляров, но много более или меньше, того утвердительно сказать не упомяну. Из того числа продано на деньги и променено на книги купцу Зотову 25 экземпляров, да роздано мною: два экземпляра г. Козодавлеву для ево и для Державина, один прапорщику Дарагану, один ротмистру Олсуфьеву, один иностранцу Вицману, один хотел дать надзирателю Царевскому, но дал ли или нет того не помню; один назначал в отсылку в Берлин к г. Ку-

тузову, которой запечатанной отдан мною г. Вальцу, но не отослан. А как я узнал, что в городе ее стали принимать в худом смысле, то, почувствовав сам омерзение к моему сочинению, экземпляры достальные все сожечь велел, и, по приказу моему, служителем моим Давыдом Фроловым сожжены, о чем я доносил и главнокомандующему сею губерниею при взятье меня под стражу.

5-е

И, наконец, объясните нам у сего же по силе Указа 768 года октября 20-го дня и о службе своей.

5-е

В малолетстве моем служил я при дворе ея императорскаго величества пажем, и посылан был в Лейпцигской университет для обучения на казенном иждивении. По возвращении оттуда, в 1771 году, определен в должность протоколита в Правительствующий Сенат, с чином титулярного советника. В 1773 году взят в штат его сиятельства графа Якова Александровича Брюса в обер-аудитора. В 1775 году вышел в отставку с чином секунд-майора. В 1777 году определен в Коммерц-коллегию ассесором и происходил чинами, как то значится в послужном списке. Сие писал и руку приложил я Радищев.^а

Михайла Пушкин.

^а Далее, от слов Значущиеся чины... до слов г. вице-канцлера приписано рукой Радищева.

Значущиеся чины: Осип Козодавлев, коллежской советник и ордена святого Владимира кавалер, находится при народных училищах. Гаврила Державин, статской действительной советник, находился здесь в Петербурге. Прапорщик Дараган находится при таможне, в числе определенных для познания дел. Сергей Олсуфьев — ротмистр конной гвардии. Вицман, имени не знаю, живет в Измайловском полку, при школе. Александр Царевской, надзиратель при таможне у разъезда на судах. Алексей Кутузов, отставной пример-маиор. Г. Вальц находится при г. вице-канцлере.

5

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ О СВЯЩЕННИЧЕСКОМ УВЕЩАНИИ
А. Н. РАДИЩЕВА**

17 июля 1790 г.

1790 года июля 17 дня, по указу ея императорского величества Санктпетербургской губернии Палата уголовного суда, слушав ответы, взятые в присутствии оной палаты сего числа с коллежского советника Александра Радищева, касательно до издания им книги под названием „Путешествия из Петербурга в Москву“, которыми он по прочем показал:

1-е. Что намерения при сочинении сей книги другого не имел, как быть известному в свете между сочинителями и дабы прослыть таковым, то есть сочинителем остроумным, и сообщников в оном никого не имеет.

2. Что напечатано было оной книги около шести сот пятидесяти экземпляров, немного более или менее того, утвердительно сказать не упомнит. Из того числа продано на деньги и променено на книги купцу Зотову двадцать пять экземпляров, да роздано им, Радищевым, два экземпляра г. Козодавлеву для него и для Державина, один прапорщику Дарагану, один ротмистру Олсуфьеву, один иностранцу Вицману, один хотел дать надзирателю Царевскому, но дал ли или нет, того не упомнит; один назначен в отсылку к г. Кутузову в Берлин, которой запечатанной отдан им; Радищевым, г. Вальцу, но не отослан. А остальные все сожжены по приказу ево, Радищева, служителем ево Давыдом Фроловым.

Приказали:

1. Как означенной коллежской советник Радищев в ответах своих показывает, что при сочинении показанной книги намерения другого он не имел, как быть известному в свете между сочинителями и прослыть сочинителем остроумным, а также в оном и сообщников никого не было, и для того в том учинить ему увещание священническое. 2. В Управу благочиния послать указ и велеть, что бы оная кому надлежит приказала по показанию того Радищева о том, что коликое число за раздачею им достальных показанной книги экземпляров было, и подлинно ль оные по приказу ево служителем ево Давыдом Фроловым все созжены. На месте исследовать и что окажется, палату репортовать немедленно. 3. В губернское правление сообщить и требовать, дабы благоволило приказать чрез кого надлежит отданные советником Радищевым значущимся в ево ответе людям книги в самой скорости отобрать и палату уведомить. 4. В Казенную же палату также сообщить и требовать, дабы благоволила о службе онаго Радищева прислать в сию палату с послужного списка точную копию.

6

ПОКАЗАНИЕ А. Н. РАДИЩЕВА НА СВЯЩЕННИЧЕСКОМ УВЕЩАНИИ

19 июля 1790 г.

л. 7 1790 году (июля) 19 дня в присутствии Палаты уголовного суда по увещанию священническому показываю, что значущую в ответе моем книгу сочинял ни в каком злоумышленном намерении, но единственно, чтобы прослыть писателем, а также сообщников в сочинении оной никого не имел, в чем и подписуюсь Александр Радищев.

Приписка канцеляриста: Онаго Радищева увещевал церкви Вознесения господня священник Матвей Иванов. 1790 году июля 19 числа.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК О СЛУЖБЕ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА АЛЕКСАНДРА РАДИЩЕВА

Чины и имена	Сколько от роду лет	Из каких чинов	Сколько имеет за собою мужеска пола душ людей и крестьян и в которых уездах и селениях	Вступление в службу какими чинами и когда проходил	В походах против неприятеля и в самых сражениях была или нет	Кто был в штрафх и подорвениях	Продолжению пехотной службы способен, на повышение чина достоин или нет	Кто был в отставке с награжденным чином и без чина	Много ли раз был в отпуску и на сколько	На ком женат, кто дети и где обитают	
											Годы
Коллежский советник и кавалер Александр Радищев.		Из дворян	Не имеет	При дворе ея императорского величества пажем	762	—	Не бывал	Не бывал	Был с награжденным чином	Не бывал	Вдов
				Титулярным советником	771	—					
				В штабе генерал-аншефа графа Якова Александровича Брюса обер-аудитором	773	—					
				Армиями секунд-майором	775	—					
				В Государственной Коммерцколлегии по ассесорской вакансии	777	—					
				Коллежским ассесором с старшинством произведений в секунд-майоры	779	—					
				По имянному ея императорского величества указу определен в помощь статскому советнику Далу к таможенным делам	780	—					
				Надворным советником	780	Декабрь 18					
В нынешнем чине	783	Ноябрь 24									

8

**ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ О ФОРМУЛЯРНОМ СПИСКЕ
А. Н. РАДИЩЕВА**

23 июля 1790 г.

л. 11 1790 года июля 23. Санкт-Петербургской губернии в Палате уголовного суда в журнале записано под № 3.

Сообщение Казенной палаты с приложением по требованию уголовной палаты формулярного списка о службе коллежского советника Александр Радищева приказали сообщить к делу.

Подлинной подписали Иван Лефебер, Афанасей Иванов, скрепил секретарь Петр Попов.

Протоколист Сафрон Дементьев.

С подлинным читал канцелярист Семион Арехов.

9

РАПОРТ О ПОКАЗАНИИ ДВОРОВОГО ЧЕЛОВЕКА Д. ФРОЛОВА

20 июля 1790 г.

л. 12 Санкт-Петербургской губернии в Палату уголовного суда.

Из Управы благочиния столичного и губернского города Святого Петра

Рапорт

Во исполнение полученного из оной Палаты в сию Управу сего июля 19-го числа указа, касательно о исследовании на месте о книге, называемой Путешествие из Петербурга в Москву, по показанию издателя оной книги коллежского советника Александр Радищева о том, что коликое число за раздачею им достальных показанной книги экземпляров было, и подлинно ль оныя по приказу ево служителем ево Давыдом Фроловым все созжены. На данной из Управы благочиния Московской части правящему должность пристава секунд-майору Кобылякову приказ, поданным от него сего июля 20-го числа рапортом донесено. По следованию де ево оказалось, что точно оной показанной Фролов по приказанию своего господина сжег связанные в одном месте немалую стопу не в переплете книжек в кухне, а какие оные были, то он по неумению грамоти, рассмотреть не мог, в чем и взято от показанного Фролова

письменное показание, кое при сем во оную Палату в оригинале препровождается.

Петр Гусьфельт.

Июля 20 дня
1790 года.

Секретарь Николай Гагин.

10

ПОКАЗАНИЕ Д. ФРОЛОВА

19 июля 1790 г.

1790 года июля 19 дня московской части правящему л. 13
должность пристава господину секунд-майору Василью Ивановичу Кобылякову дому коллежского советника Александр Николаевича Радищева дворовой человек Давыд Фролов сим показал, что находится он при доме господина ево и назад тому около трех недель, подлинно не упомнит, господин ево, приехав с дачи, и приказал ему, Фролову, имевшиеся в покое у него, Фролова, печатные не в переплете и не разодранные книги, а какие оные были и сколько их числом, за неумением ево грамоте, того не знает, но только их было немалое количество, зажег; из которых книг, в небытность в то время никого других, он, Фролов, некоторое число их сжег в кухне. а остальное количество сжег таким же образом на другой день, то есть в самой тот незадолго пред взятием господина ево; что все сие и показал по сущей справедливости, а более и присягою утвердить может.

Свидетельствую майор Василей Кобыляков.

11

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ О ПОКАЗАНИИ Д. ФРОЛОВА

24 июля 1790 г.

Копия. л. 14

1790 года июля 24 Санкт-Петербургской губернии в Палате уголовного суда в журнале записано под № 2.

Рапорт Управы благочиния по указу Палаты с приложением показания дворового человека Давыда Фролова о сожженных им по приказанию помещика его коллежского советника Радищева экземплярах сочинения онаго г. Радищева приказали оной рапорт и показание приложить к делу.

Подлинной подписали Михайла Пушкин, Иван Лефебер, Афанасей Иванов, Илья Котельников, секретарь Петр Попов.

Протоколист Сафрон Дементьев.

С подлинным читал канцелярист Семен Арехов.

12

ДОНЕСЕНИЕ О НАЙДЕННОМ У А. А. ЦАРЕВСКОГО КОРРЕКТУРНОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ „ПУТЕШЕСТВИЯ“

23 июля 1790 г.

л. 15

Из Санкт-Петербургскаго губернскаго правления

Оной же губернии в Палату уголовного суда

Сие правление, слушав репорт Санкт-петербургской портовой таможни, при коем на указ сего правления представила находящихся во оной у познания таможенных дел прапорщика Козьму Дарагана и надзирателя таможенной стражи Царевскаго, донося притом, что последней представил экземпляр книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву, которой при том репорте так же представлен. А по справке в правлении присланным сего июля 19 числа Палата уголовного суда сообщением между прочим требовала о отобрании от находящегося у познания таможенных дел прапорщика Дарагана и надзирателя Царевскаго книг под названием Путешествие из Петербурга в Москву, данной им советником Радищевым, почему и предписано было портовой таможне указом от которой по тому указу представлены при рапорте объяснении тех Дарагана и Царевскаго, в коих они показали, прапорщик Дараган: что он той книги экземпляр ему данной отдал надзирателю Царевскому, и более онаго от него не получал, а последней: что он полученные им два экземпляра, один от советника Радищева и другой от прапорщика Дарагана отдал в разные времена мещанину Петру Кузовлеву, живущему в Апраксином переулке, а потому от сего правления было предписано указами Управе благочиния о отобрании от означеннаго Кузовлева тех экземпляров, и портовой таможне, с тем чтоб она представила прапорщика || Дарагана и надзирателя Царевскаго в сие правление, которые от оной и представлены, а от Управы благочиния еще о исполнении не репортовано. Определило: означенную книгу отослать в Палату уголовного суда при сообщении, а как в оной многие оказались письменные приписки и приправки,

л. 15 об.

то и показанного Царевского на случай могущей быть в нем надобности, равно взятые от показанных Царевского и Дарагана, так же и мещанина Кузовлева в получении от Царевского двух книг и об отдаче оных квартальному Богдановичу, купцу Овчинникову показании препроводить в оную палату, которые при сем и посылаются. Управе ж благочиния подтвердить, и подтверждено, чтоб она, от объявленных Богдановича и Овчинникова помянутыя книги отобрав, представила в Губернское правление немедленно.

23 дня 1790 года.

Ефим Алексеев.

Подканцелярист Александр Фрязинов.

13

ПОКАЗАНИЕ К. ДАРАГАНА

23 июля 1790 г.

1790 года июля 23 дня представленной из Санктпетербургской портовой таможни находящийся у познания таможенных дел прапорщик Козьма Дараган в присутствии Губернского правления объявил, что полученная им от господина коллежского советника Радищева книга под названием „Путешествие из Петербурга в Москву“ отдана им таможенному надзирателю Александру Царевскому по получении на третий день, которая у него, Царевского, и осталась.

Прапорщик Козьма Дараган.

Приписка рукой А. Царевского: Я же, Царевский, от показанного прапорщика Дарагана объявленную книгу под названием „Путешествие из Петербурга в Москву“ получил, которую отдал Петру Дмитриеву Кузовлеву, Серпуховскому мещанину, для прочтения. на короткое время и более у меня таковой книги нет.

14

ПОКАЗАНИЕ П. КУЗОВЛЕВА

23 июля 1790 г.

1790-го года июля 23-го дня. Я, нижеименованный, дал сию росписку надзирателю здешней таможни Александру Царевскому в том, что из взятых мною у него двух книг под названием Пут[ешествие] из П[етербурга] в М[оскву], одна

отдана мною квартальному офицеру Ивану Ивановичу Богдановичу, другая Матвею Овчинникову, в чем и подписуюсь.

Адна мною взята, когда продавалась в Суконной линии в книжной лавки у Зотова, а другая мною получена дватцать третьяго июня прежде нежели было в запрещении.

Серпуховской мещанин Петр Кузовлев.

Слуш. 31 июля 1790 года.

15

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ О ДОСТАВКЕ А. А. ЦАРЕВСКОГО В ПАЛАТУ УГОЛОВНОГО СУДА

23 июля 1790 г.

Копия.

л. 19 1790-го года июля 23 дня. По указу ея императорского величества Санкт-Петербургской губернии Палата уголовного суда, слушав сообщение из здешняго губернскаго правления с приложением экземпляра книги под названием Путешествие из Петербурха в Москву, представленной от надзирателя таможенной стражи Александра Царевского и взятых показаний от него, Царевского, прапорщика Дарагана и мещанина Кузовлева. А как во оной книге оказались письменные приписки и приправки, то и показанной надзиратель Царевской на случай могущей быть в нем надобности при том прислан. Приказали оного надзирателя Царевского об означенных приписках и приправках, а также и от кого точно оное книгу получил допросить в присутствии Полаты.

Подлинное за подписанием господ присудствующих, за скрепою секретаря Петра Попова.

Протоколист Сафрон Дементьев.

С подлинным читал канцелярист Семен Арехов.

16

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ О ДОПРОСЕ А. А. ЦАРЕВСКОГО

23 июля 1790 г.

Копия.

л. 18 1790 года июля 23. Санкт-Петербургской губернии в Палате уголовного суда по прибытии к присутствию пополудни в 6-м часу слушали.

Полученное из Губернскаго правления сообщение, с приложением экземпляра книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву, представленной от надзирателя таможенного Александр Царевскаго, и взятых показаней от него,

Царевского, прапорщика Дарагана и мещанина Кузовлева. А как в оной книге оказались письменные приписки и приправки, то и показанной надзиратель на случай могущей быть в ней надобности притом прислан, приказали онаго Царевского о показанных приписках и приправках, а так же и от кого точно он ту книгу получил, допросить в присутствии Палаты, которой сего ж числа и допрашиван.

Подлинной подписали Иван Лефевбер, Афанасий Иванов, секретарь Петр Попов.

Протоколист Сафрон Дементьев.

С подлинным читал канцелярист Семен Арехов.

17

ПОКАЗАНИЕ А. А. ЦАРЕВСКОГО

23 июля 1790 г.

1790 года июля 23-го дня в присутствии Палаты уголовного суда присланной при сообщении из Губернского правления таможенной надзиратель Царевский, по объявлении ему именных ея императорского величества 763-го генваря 15 и февраля 10 числ указов, и по довольному от присутствия увещании, был о представленной им корректурной книге под названием „Путешествие из Петербурга в Москву“ допрашиван и показал:

Отроду ему двадцать шесть лет, отец ево священник Казанской епархии Алексей Ильин, мать ево Парасковья Иванова; рожден от них в городе Царево[ко]кшайске; обучался в Казанской семинарии грамматике, риторике, философии; потом по требованию комиссии о народных училищах взят в Петербург в 783 году в гимназию учительскую, в которой обучался преподаваемым наукам, потом определен учителем. В сей должности находился по 786-й или 787-й год, а точно не упомнит. После сего определился в Таможню в 1787-м году к познанию таможенных дел по прошению ево и по увольнению приказа Общественного призрения и определен надзирателем при страже, и здесь живучи на исповеди был в 1788 году у священника Владимирския церкви Филиппа. За два же года прежде определения его в таможню, обучал он детей у господина коллежского советника Александра Николаевича Радищева истории, географии, чистописанию, арифметике, алгебре и грамматике, с получением от него платы.

Типография у него, господина Радищева, заведена была которого месяца и числа точно не знаю, а помнится в

1789 году. Наборщиком был досмотрщик здешней таможни Богомолов, а имени ево, также и кто с ним другой был, не знаю. Буквы куплены у Шнора книгопечатника, живущего по Мойке. Что касается до принесенной им корректурной книги, то он получил ее из дому господина Радищева, когда отпечаталась она, назад тому месяца полтора, а подлинно не знаю. Приписок и поправок в оной никаких он не делал и кто оные делал, того не знает. Взял же ее для чтения в доме Радищева лежащую на столе в том самом покое, где учились дети, при детях того Радищева, но знал ли о сем Радищев, того не знаю и он о том ему не сказывал. И еще оную книгу всю не прочитал. И в сем ответе показал сущую правду под опасением если ложно, или в чем уличен будет, то подвергаю себя законному суждению; и при сем еще объясняю, что он, по определении ево в таможню, жил на разных квартирах, а у господина Радищева никогда на квартире не жил, но токмо прихаживал к нему для обучения детей, как ему время позволяло.

Надзиратель Александр Царевский руку приложил.

18

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ О ДОПРОСЕ НАБОРЩИКА Е. БОГОМОЛОВА

24 июля 1790 г.

л. 21 1790 года июля 24. Санкт-Петербургской губернии в Палате уголовного суда в журнале записано под № 3.

Сего числа слушали допрос произведенной в Палате вчерашняго дня таможенному надзирателю Царевскому относительно до представленной им корректурной книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву, в коем он по протчем показал, что наборщиком литер был у советника Радищева досмотрщик таможенной Богомолов и для того приказали онаго Богомолова в Палату призвать и подлинно ль он был наборщиком, а также и не знает ли он кто именно показанную книгу сочинял и приписки в ней делал допросить. Подлинной подписали Михайла Пушкин, Иван Лефевр, Афанасей Иванов, Илья Котельников.

Секретарь Петр Попов.

Протоколист Сафрон Дементьев.

С подлинным читал канцелярист Семен Арехов.

19

ПОКАЗАНИЕ Е. БОГОМОЛОВА

24 июля 1790 г.

1790 года июля 24 дня в присутствии Палаты уголовного суда был допрашиван представленной таможенным экспедитором той же таможни досмотрщик из пакгауза № 10-го Ефим Богомоллов о имеющей в Палате книге под названием „Путешествия из Петербурга в Москву“ и показал, что он прежде сего находился в Академии Наук наборным учеником и в 1785-м году по прошению ево с данным аттестатом уволен, с которым также по прошению ево в том 785 году определен в здешнюю портовую таможню досмотрщиком, где и по ныне находится. И в сию его бытность в декабре месяце последних числах прошлого 1789 года приказано ему, Богомоллову, чрез приказного таможни служителя итти к господину советнику Радищеву в дом, состоящей у Владимирской [церкви]. Почему он к нему явился и на вопрос ево, Радищева, сказал, что он знание имеет набирать слова; и потому велел он ему итти в верхния покои, куда он придя, видел уже как [литеры] там, равно станок для печатания все в готовности. И после сего хаживал по приказанию ево, Радищева, в тот покой, в которой присылал он, Радищев, чрез своих людей тетради, писанные в поллиста (но кем точно не знаю). И по набирании им, Богомолловым, слов, а по отпечатании другим его товарищем досмотрщиком Путным, те тетради чрез них же возвращались Радищеву. В таком набирании он упражнялся месяцев шесть, именно до июня месяца сего года. Кто же именно сочинил показанную книгу, я неизвестен, а также приписки в предъявленной книге [кто] делал не знаю. И в сем показал сущую правду.

л. 22

К сему показанию досмотрщик Ефим Богомоллов руку приложил.

20

ПОКАЗАНИЕ А. Н. РАДИЩЕВА О КОРРЕКТУРЕ КНИГИ

24 июля 1790 г.

Корректурa моей книги делана мною действительно вся, и все поправки, которые в оной находятся, делал я своею рукою. Если иные места кажутся отменны, то для того, что писаны рачительнее, дабы наборщик не мог ошибиться и не было бы нужды делать еще поправки.

л. 23

В чем и подписуюсь Александр Радищев.

Июля 24 дня 1790 года.

[Слова, написанные А. Н. Радищевым для сличения почерка
на корректуре книги]

таковых
немедля
благородия
чрез службу военных и гражданскую всем
дают
он
нашел случай
явля того
онаго
запоем
ни во что
он
двое
будто
что
женство
смерть ова дей V явление 1
или еще один невольник в прибавок ко
многим другим или змия за пазухой.

Сие писал июля 24 дня в присутствии Палаты уголов-
ного суда коллежской советник Александр Радищев.

Секретарь Петр Попов.

21

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ О ДОПРОСЕ НАБОРЩИКА Е. БОГОМОЛОВА

24 июля 1790 г.

Копия.

л 25 1790 года июля 24 дня Санкт-Петербургской губернии
в Палате уголовного суда в журнале записано под № 4.

Сего числа был в палату представлен досмотрщик Бого-
моллов чрез таможеннаго экзекутора и в чем следовало до-
прашивал и по вопросам показал, что хотя он набирал слова,
но только о том, кто показанную книгу сочинил и приписки
делал не знает, а посему также был изтребован ис под
стражи и советник Радищев и на вопрос присутствия пись-
менно показал, что корректура ево книги делана им, Ради-
щевым, действительно вся, и все поправки, которая в оной
находятся, делал он же своею рукою, естли же иные места
кажутся отменны, то для того, что писаны рачительнее, дабы
наборщик не мог ошибитца и не было бы нужды делать
еще поправки и для того приказали помянутыя допрос

досмотрщика Богомолова и показание советника Радищева приобщить к делу, и как до сего Богомолова, а равно и до надзирателя Царевского более Палате надобности не настает, то велеть им явиться к их должностям, а о советнике Радищеве учинить исполнение по данной Палатою сего июля 19 числа резолюции и присланной из Губернского правления экземпляром той книги представить обще с делом в Правительствующий Сенат.

Подлинной подписали: Михайла Пушкин, Иван Лефевбер, Афанасей Иванов, Илья Котельников, Секретарь Петр Попов.

С подлинным читал канцелярист Семен Арехов.

22

ВЫПИСКА ИЗ ЗАКОНОВ СТАТЕЙ, ПО КОТОРЫМ ОБВИНЯЛСЯ**А. Н. РАДИЩЕВ**

Июль 1790 г.

В Палате уголовного суда выписано из нижеписанных л. 26
законов, коими повелено.

Уложения

2-й главы пунктами

1-м. Будет кто каким умыслени учнет мыслити на государское здоровье злое дело и про то его злое умышление кто известит, и по тому известу про то его злое умышление сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такова про сыску казнити смертию.

2-м. Так же будет кто при державе царского величества хотя Московским государством завладеть и государем быть, и для того своего злова умышления начнет рать собирать, или кто царского величества с недруги учнет дружитися и советными грамотами ссылатися, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругам по его ссылке Московским государством завладети или какое дурно учинити, и про то на него кто известит, и по тому известу сыщется про тое его измену допряма, и такова изменника потому же казнити смертию.

18-м. А кто Московскаго государства всяких чинов люди сведают или услышат на царское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл, и им про то извещати государю царю и великому князю Алексею Михай-

ловичю всеа Руси, или его государевым бояром и ближним людем или в городех воеводам и приказным людем.

л. 26 об. 19-м. А будет кто сведав или услыша на царское величество, в каких людах скоп и заговор, или иной какой злой умысл, || а государю и его государевым бояром и ближним людем и в городех воеводам и приказным людем про то не известит, а государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил, и сыщется про то допряма, и его за то казнити смертию без всякия пощады.

21-м. А кто учнет к царскому величеству, или на его государевых бояр и окольных и думных и ближних людей и в городех и в полках на воевод и на приказных людем, или на кого нибуди приходити скопом и заговором, и учнут ксго грабити или побивати, и тех людем кто так учинит, за то по тому же казнити смертию без всякия пощады.

22-й главы пунктом

13-м. А которые воры чинят в людах смуту и затевают на многих людем своим воровским умышлением затейные дела и таких воров за такое их воровство казнити смертию.

Морскаго устава 5-й книги

главы 1-й артикулом

1-м. Естли кто против персоны его величества какое зло умышлять будет, тот и все оные, которые в том вспомогали, или совет свой подавали, или ведая не известили, яко изменники четвертованы будут и их пожитки движимые и недвижимые взяты будут.

Главы 12-й артикулом

л. 27 85-м. Естли кто уведает, что един или многие нечто вредительное учинить || намерены, или имеет ведомость о шпионах или иных подозрительных людем, во флоте обретающихся, и о том в удобное время не объявит, тот имеет быть живота лишен.

Главы 13-й артикулом

92-м. Никто б ниже словом, или делом, или письмами, сам собою, или чрез других, к бунту и возмущению, или иное что учинит, притчины не давал, из чего бы мог бунт, или измена произойти. Ежели кто против сего поступит, оный живота лишится.

Главы 14-й артикулом

103-м. Кто пасквили, или ругательные письма тайно сочинит, и тако тем, кому бесчестие учинит, оному надлежит наказание такое учинить, что было довелось тому, про кого он писал, ежели б он в том виноват был.

Толкованием

Например, ежели кто кого в пасквиле бранил изменником, или иным злым делом, то оный пасквилотворец яко изменник, или каких дел делатель, о которых описан, наказан будет. Пасквиль есть сие, когда кто письма напишет, или напечатает и о том кого в каком деле обвинит и оное явно прибьет, или прибить велит, а имени своего и прозвища во оном не изобразит. Ежели в пасквиле он про кого и правду напишет, то однако ж по размогрению судейскому наказан быть имеет тюрьмою, || сосланием на галеру на время, шпицрутеном или иным чем. Понеже он прямым путем не пошел, дабы другаго погрешения объявить, тож разумеется и о тех, которые хотя сами не делали, но вспомогали в том или ведали, а не объявили. л. 27 об.

Воинскаго устава артикулами

19-м. Естли кто подданный войско вооружит или оружие предприимет против его величества, или умышлять будет помянутое величество полонить или убить, или учинит ему какое насильство, тогда имеют тот и все оные, которые в том вспомогали, или совет свой подали, яко оскорбители величества четвертованы быть и их пожитки забраны.

Толкованием

Також де равное наказание чинится над тем, котораго преступление хотя к действию и не произведено, но токмо его воля и хотение к тому было, и над оным которой о том сведом был, а не известил.

20-м. Кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действие и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оной имеет живота лишен быть и отсечением главы казнен.

Толкованием

Ибо его величество есть самовластный монарх, которой никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу

л. 28 и власть имеет || свои государства и земли яко христианский государь, по своей воли и благомнению управлять.

И яко же о его величестве самом в оном артикуле помянуто, разумеется тако и о его величества цесарской супруге и его государства наследии.

22-м. Кто фельдмаршала или генерала бранными словами поносит или в компаниях и собрании прочих предосудительныя слова их чести касающияся говорить будет, тот имеет телесным наказанием наказан быть, или живота лишен.

101-м. Когда крепости или шанцы штурмованы будут, а начальники с салдатами уступят прежде, пока они крайнюю свою силу учинили, и прибочное свое оружие употребили, и с неприятелем какую стычку имели, и от онаго отогнали, то тогда с оными, как с начальным, так и рядовыми, так поступлено будет, как в 97-м артикуле о дезертирах упомянуто. Однакож оные должны наперед перед воинским судом являться и от оных положение и случай штурмования расположены будут, и потом по изобретению приговор совершен, или полегчен быть имеет.

Толкованием

Коль более чина и состояния преступитель есть, толь жесточе оный и накажется, ибо оный долженствует другим добрый приклад подавать и собою оказывать, что оные чинить имеют.

л. 28 об. 127-м. Кто какую измену или сему подобное учинить намерится, и хотя он к действию не произведет, однако же имеет || по состоянию дела и признанию воинскаго суда, таковым же высоким наказанием наказан быть, якобы за произведенное самое действо.

129-м. Если кто уведает, что един или многие нечто вредительное учинить намерены, или имеет ведомость о шпионах или иных подозрительных людях в обозе или гарнизоне обретающихся, и о том в удобное время не объявит, тот имеет по состоянию дела на теле или животом наказан быть.

Толкованием

Кто ведая, видя и приметя, что таковыя вредительныя дела образуются, а о том в удобное время не объявит, тогда не может сим извиниться, что он того доказать не мог, ибо инако есть, когда кого явно в таком деле обличать и в таком случае доводчик понужден есть довод свой доказать, а инако есть и предостергать в таковом же случае, а к доказательству его понуждать не надлежит, ибо довольно

есть, что чрез его доношение и предосторожность начальство случай получит, а на онаго, на кого донесено, крепко должно смотреть и примечать, что не можно ли что подобное правде из того доводу присмотреть. И тако при таких доводах зело осторожно поступать, и не вскоре за арест взять, но тайно и накрепко разъискивать надлежит, что может ли правда быть в донесенном на него, ибо часто всякий || честный человек от злоумышленного и мстительнаго человека невинным образом оклеветан бывает. л. 29

130-м. Кто от неприятеля патенты или манифесты добровольно примет и во обретающейся земле разсеет, оной по состоянию дела на теле или животом наказан будет.

135-м. Никто б ниже словом или делом или письмами сам собою или чрез других к бунту и возмущению или иное что учинить причины не дал, из чего бы мог бунт произойти. Ежели кто против сего поступит, оный по розыску дела живота лишится или на теле наказан будет.

136-м. Таким же образом имеют быть наказаны и те, которые такие слова слышали или таковыя письма читали, в которых о бунте и возмущении упомянуто, а в надлежащем месте или офицерам своим вскоре не донесли.

Указом 754 года сентября 30 дня по прочтем

Подлежащим к натуральной смертной казни, чиня жестокое наказание кнутом и вырезав ноздри, ставить на лбу „В“, а на щеках на одной „О“, а на другой „Р“ и по учинении им того наказания заклепать в кандалы, высылать до указу в тяжкую работу в Регорвик и в протчия места.

149-м. Кто пасквили или ругательныя письма тайно сочинит, прибьет и распространит, и тако кому непристойным образом какую страсть или зло причтет, чрез что его доброму имени некакой стыд причинен быть может, онаго надлежит наказать таким наказанием, каковою страстию он обруганнаго хотел обвинить, сверх того палач такое письмо имеет сечь под вислицею.

Воинскаго процесса 2-й части

2-й главы пунктом

1-м. Когда кто признает, чем он виновен || есть, тогда дальнаго доказу не требует, понеже собственное признание есть лучшее свидетельство всего света. л. 29 об

Высочайшаго о губерниях учреждения статьями

254-ю. Городничей не судья, но долженствует во-первых иметь бдение, дабы в городе сохранены были благочиние, добронравие и порядок; второе, чтоб предписанное законами полезное в городе исполняемо и сохраняемо было; в случае же нарушения онаго, городничей по состоянию дела, несмотря ни на какое лице, всякому напоминать может о исполнении предписаннаго законом; а в случае нарушения даст о том знать судебному месту для суждения виновнаго, третье, городничей в городе право имеет привести в действие повеления правления решения Палат и прочих судов.

256-ю. Городничей сам и все в городе живущие обязаны клятвою пред всемогущим богом в сохранении ненарушимо подданнической верности к особе императорскаго величества, и как без нарушения временнаго и вечнаго своего блаженства клятву свою преступить не могут, для того городничему поручается и предписывается бдение, дабы никто в противность подданническаго долга и послушания в городе ничего не предприял и не учинил. Буде же, паче чаяния, где окажется сему противное предприятие, то городничей не токмо о том уведомить долженствует Губернское правление || и главнокомандующего или правителя губернии, но имеет до того не допустить и смирить по мере данной ему власти нарушителя общаго, частнаго и собственнаго своего покоя и блаженства, в чем всякий верный императорскаго величества подданной обязан по мере власти, силы и возможности своей помогать городничему.

Устава благочиния статьями

30-ю. Управа благочиния долженствует, во-первых, иметь бдение, дабы в городе сохранены были благочиние, добронравие и порядок; второе, чтоб предписанное законами полезное повсюды в городе исполняемо и сохраняемо было, в случае же нарушения оных Управа благочиния по состоянию дела, несмотря ни на какое лице, всякаго должна приводить к исполнению предписаннаго законами; третье, Управа благочиния одна в городе право имеет приводить в действие повеления правления, решения палат и прочих судов и чинить отказы домов и мест в городе, предместье и на городских землях.

46-ю. Управа благочиния имеет почесть противностию закона, буде кто не выполняет слова закона и нарушением закона, буде кто тонкостию, или хитростию избывает силы закона.

56-ю. Управа благочиния не дозволяет в городе гражданину вчинать новизну в том, на что узаконение есть; всякую же новизну, узаконению противную, пресекает в самом начале. ||

63-ю. Управа благочиния сохраняет между всеми в городе живущими, хотя различных вер, доброе гражданское согласие, мир и тишину. л. 30 об.

64-ю. Управа благочиния законом утвержденное общество, товарищество, братство или иное подобное установление охраняет в своей законной силе, обязательства, правила, положение и постановление их уважает сходственно закону, вред, ущерб и убыток отвращает от них при удобном случае.

65-ю. Управа благочиния в городе законом не утвержденное общество, товарищество, братство и иное подобное собрание (под каким бы названием ни состояло) не признает за действительное, буде у таковых окажутся обязательства, правила, положения или постановления, то ни во что не вменять; буде же таковое общество, товарищество, братство или иное подобное собрание общему добру вред, ущерб или убыток наносит, либо бесполезно, то подлежит уничтожению и запрещению.

74-ю. Понеже все судебныя места равно обязаны суть поспешествовать доброму порядку, и для того во всяком случае, где служба императорскаго величества, дело общаго блага, и сила законов того требуют, Управа благочиния, Уездный суд, Дворянская опека, Нижний надворный суд, где есть, уездный казначей, городских магистрат, городской Сиротский суд, || Нижняя расправа, Нижний земский суд и земский исправник друг другу руку помощи подавать обязаны к исполнению законов, отправлению правосудия и должностей, сохранению благочиния и поспешению всякаго добра, и к отвращению вред наносящаго службе императорскаго величества, общему делу, правосудию и установленному порядку. л. 31

233-ю. Буде кто учинит в городе обнародование или объявление во всенародное известие без ведома, позволения или согласия Управы благочиния, да отдастся под стражу и отошлется в суд и да накажется по мере вины или преступления им учиненнаго, как в законе написано.

236-ю. Буде кто начнет новизну, узаконению противную, да отошлется в суд и накажется по мере вины или преступления им учиненнаго, как в законе написано.

250-ю. Буде кто учнет заводить, или зачнет общество, товарищество, братство или иное подобное собрание, без

ведома или согласия Управы благочиния, да отошлется, яко ослушник под стражу, и отошлется в суд, где поступать, как взыскании статья 235-я гласит.

254-ю. Буде кто учинит лжепредсказания, или лжепредзнаменовании, да отошлется к суду и да учинится с ним как в законе написано о лжеце. ||

л. 31 об.

271-й статьи отделениями

1-м. Буде кто учинит супротивление закону или должности действием или словами, того имать под стражу и отослать к суду.

11-м. Буде кто учинит письма ругательныя, того отослать к суду.

272-й статьи отделениями

3-м. Буде кто учинит письма угрожительныя, того имать под стражу и отослать к суду.

9-м. Буде кто учинит разсеивание лжи и клеветы, того имать под стражу и отослать к суду.

Указа 737-го года апреля 21 дня статьями

49-ю. Повелевается всем и каждому в обиде и оскорблении приносить жалобы власть на то имеющим особам и местам и во удовлетворении повиноваться законам, под опасением быть судиму аки нарушителю общаго и частнаго покоя.

51-ю. Увещеваем и повелеваем подданным нашим и всем в Российской империи находящимся и живущим людям всякого чина и состояния: 1-е) жить мирно, 2-е) почтение отдавать каждому принадлежащее и повиноваться начальству и власти над ним постановленной. 3-е) Каждому стараться предупредить недоразумения, ссоры, споры и прения, кои могут довести до огорчения. 4-е) Буде кто кому окажет неудовольствие или принесет жалобу за его слова или поступки, то сие чинить без вспыльчивости || и огорчения при посредниках; ответчик же жалобщику имеет дать при тех же посредниках все нужныя объяснения без вспыльчивости и огорчения, чтоб с обеих сторон оказано было законное послушание и почтение к власти законодательной.

л. 32

52-ю. Подтверждая наисильнейшим образом всем в службе нашей военной и гражданской находящимся повиноваться начальству и власти мест и особ над ними постановленных, повелеваем всякое против сего преступление по всей строгости законов неупустительно взыскивать, со стороны же

власть и начальство имеющих наблюдать за сохранением порядка и должного послушания под опасением, что всякое послабление в том яко влекущее по себе растройство в подчиненности по службе вменится начальникам в сущее упущение и неисполнение должности.

Состоящагося в 22 день сентября 1782 года за собственноручным ея императорскаго величества подписанием Правительствующему Сенату даннаго Установления о ордене святаго Владимира в 21-й статье.

В несчастливом случае, чего мы однакож не надеемся, буде кто из кавалеров в такая впадет погрешности, которые чести и долгу противны, учинит преступление должности, или уголовное упущение установленнаго законнаго порядка, или до разстройства допустит порученную ему часть, таковаго по донесении нам и на предварительном, где надлежит, суде по ясном изобличении из ордена исключить и знаки ордена от него отобрать повелеваем, сообщая при возвращении знаков в Кавалерскую думу вину и решение суда. ||

Дворянскаго положения состоящагося 785-го года
апреля 21 дня статьями

л. 32 об.

5-ю. Да не лишится дворянин или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступлением основаниям дворянскаго достоинства противным.

6-ю. Преступления основания дворянскаго достоинства разрушающия и противныя суть следующие: 1-е. Нарушение клятвы. 2-е. Измена. 3-е. Разбой, 4-е. Воровство всякаго рода. 5-е. Аживыя поступки. 6-е. Преступления, за кои по законам следовать имеет лишение чести в телесное наказание. 7-е. Буде доказано будет, что других уговаривал или научал подобныя преступления учинить.

13-го. Дело благороднаго, впадшаго в уголовное преступление и по законам достойнаго лишения дворянскаго достоинства, или чести, или жизни, да не совершится без взнесения в Сенат и конфирмации императорскаго величества.

15-ю. Телесное наказание да не коснется до благороднаго.

Указом 763-го года июня 4-го дня

Нет в свете государства, о благополучии котораго не прилагали б владетели и правительства их все возможнаго старания и трудов к восстановлению в вышшую степень благоденствия всех живущих во оных обитателей. Нет таких и подданных, кои б, имея благоразумныя мысли, не желали

себе всякого добра, тишины и спокойствия, тем что благополучие подданных есть истинное и прямое благополучие самих государей, а единодушное и неразвратное попечение прямых сынов отечества о пользе общей || непоколебимое тому утверждение. Мы со дня самого вступления нашего на всероссийский престол, сему правилу последуем и богу содействующему в сердце нашем никогда о пользе и всеобщем добре наших подданных пещись, яко мать о детях своих не оставив, в чем да управит и укрепит нас его ж рука святая. Вследствие чего равное ж желание и воля наша есть, чтоб все и каждой из наших верноподданных, единственно прилежал своему званию и должности, удаляясь от всяких продерских и непристойных разглашений, но противу всякого чаяния, к крайнему нашему прискорбию и неудовольствию, слышим, что являются такие развращенных нравов и мыслей люди, кои не о добре общем и спокойствии помышляют, но как сами заражены странными разсуждениями о делах, совсем до них не принадлежащих, не имея о том прямого сведения, так стараются заражать и других слабоумных, и даже до того попускают свои слабости в безразудном стремлении, что касаются дерзостно своими истолкованиями не только гражданским правам и правительству и нашим издаваемым уставам, но и самим божественным узаконениям, не воображая знатно себе нимало, каким таковыя непристойныя умствования подвержены предосуждениям и опасностям, и хотя таковыя зловредные истолкователи праведно заслуживают достойную себе казнь, яко || спокойствию нашему и всеобщему вредныя, но мы прежде употребления в сем случае всей строгости, по природному нашему человеколюбию, всех таковых зараженных непристойными мыслями матерински увещеваем удалиться от всяких вредных разсуждений, нарушающих покой и тишину, прилежа единственно званию своему, и препровождая время не в праздности, или невежестве и буянстве, но в полезных и свойственных каждому упражнениях, на пользу свою и ближняго. А естли сие наше матернее увещевание и попечение не подействует в сердцах развратных, и не обратит истиннаго блаженства, то ведал бы всяк ис таковых невеждей, что мы тогда поступим уже по всей строгости законов и неминуемо преступники почювствуют всю тягость нашего гнева, яко нарушители тишины и презрители нашей высочайшей воли.

По листам под текстом: Секретарь Иван Палицын.
Петр Попов.

23

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР А. Н. РАДИЩЕВУ

24 июля 1790 г.

Копия.

1790 года июля 19 и 24 числ.^а По указу ея императорскаго величества Санкт-Петербургской губернии Палата уголовного суда, слушав следственное дело по имянному ея императорского величества высочайшему указу, данному в 13 число сего месяца главнокомандующему в сталичном городе Санкт-Петербурге и во всей онаго губернии ея сиятельству господину генерал-аншефу, сенатору и разных орденов кавалеру графу Якову Александровичу Брюсу, а от его сиятельства при предложении присланному в копии 15 числа в сию палату, о котором написано: „Граф Яков Александрович, недавно издана здесь книга под названием Путешествие из Петербурга в Москву, наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающим покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства и наконец оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской. Сочинителем сея книги оказался коллежской советник Александр Радищев, которой сам учинил в том признание, присовокупив к сему, что после цензуры Управы благочиния внес он многия листы в помянутую книгу, в собственной его типографии напечатанную, и потому взят под стражу. Таковое ево преступление повелеваем рассмотреть и судить узаконенным порядком в Палате уголовного суда Санкт-Петербургской губернии, где заключа приговор, взнест оный в Сенат наш“. Почему ея сиятельство, приобщая означенную копию, предлагал палате, чтобы оную заседающим в ней прочесть не впуская во время чтения в присутствии канцелярских служителей и по прочтении помянутого Радищева о подлежащем спросить. || А как он находится в крепости, то всякой раз, когда в нем будет надобность, посылать ексекатора Губернского правления в крепость для истребования его от каменданта и потом из присутствия отсылать ево паки в крепость с тем же ексектором и как при принятии, так и при отправлении ево обратно иметь всякую предосторожность, которую должно иметь с столь важным арестантом. Для привозу его

^а В документе, начиная со слов по указу ея. . . и кончая словами о подлежащем спросить, зачеркнуто карандашом.

брать наемную карету, которая платима будет от его сиятельства из экстраординарной суммы; по рассмотрении ж преступления сего Радищева и суждения узаконенным порядком Палата имеет заключить приговор и взнести оный к его сиятельству для представления в Сенат. По сему Палата того ж числа определила означенную приложенную при предложении от его сиятельства книгу в присутствии Палаты прочесть, не впуская в то время отнюдь приказных служителей и по прочтении, заметя в чем следует, показанного советника Радищева спросить, учинить ему о том вопросные пункты и для взятия против оных с него, Радищева, ответа истребовать его ис под стражи от Санкт-Петербургскаго обер-коменданта чрез губернскаго эсекутора с такою точно предосторожностью, как в предложении его сиятельства написано. По прочтении же сей книги Палата учинила ему, Радищеву, вопросные пункты в следующем содержании: 1-е) в каком намерении сочинил он показанную книгу, 2-е) кто имянно ему были в том сообщники, 3-е) чувствует ли он важность своего преступления и 4) сколько напечатано им оных экземпляров и ис того выпущено в свет и кому имянно сам он, Радищев, роздал. 17 числа оной советник Радищев в Палату был из под стражи истребован и в присутствии || оной ответом показал на 1-е) намерения при сочинении сей книги другаго не имел, как быть известному в свете между сочинителями и дабы прослыть таковым, то есть сочинителем остроумным. На 2-е) никого сообщников во оном не имел. На 3-е) чувствует во внутренности своей души, что книга его дерзновенна, и приносит в том свою повинность. На 4-е) напечатано было оной книги около шестисот пятидесяти экземпляров, немного более или меньше, того утвердительно сказать не упомнит, ис того числа продано на деньги и променено на книги купцу Зотову двадцать пять экземпляров, да роздано им два экземпляра находящемуся при народных училищах господину коллежскому советнику и ордена святого Владимира кавалеру Осипу Козодавлеву, для него и для находящегося здесь в Петербурге господина действительнаго статскаго советника Гаврилы Державина, один находящемуся при таможене в числе определенных для познания дел прапорщику Дарагану, один конной гвардии ротмистру Сергею Олсуфьеву, один живущему в Измайловском полку при школе иностранцу Вицману, а имени не знает, один хотел дать надзирателю при таможене у разъезда на судах Александр Царевскому, но дал ли или нет, того не упомнит, один назначил в отсылку в Берлин к отставному премьер-майору Алек-

сею Кутузову, которой запечатанной отдан им, Радищевым, находящемуся при господине вице-канцлере господину Вальцу, но не отослан. А как он узнал, что в городе стали ее принимать в худом смысле, то почувствовал сам омерзение к своему сочинению, экземпляры достальные все сжечь велел и по приказу его служителем Давыдом Фроловым созжены, о чем он доносил || и главнокомандующему сею губернию при взятые ево под стражу. Потом того ж 17 числа палата определила: 1-е) как означенной коллежской советник Радищев в ответах своих показывает, что при сочинении означенной книги намерения другого он не имел, как быть известному в свете между сочинителями и прослыть сочинителем остроумным, а также во оном и сообщников никого не было, и для того в том учинить ему увещание священническое. 2-е). В Управу благочиния послать указ и велеть, чтобы она кому надлежит приказала по показанию того Радищева о том, что коликое число за роздачею им достальных показанной книги экземпляров было и подлинно ль оныя по приказу ево служителем ево Давыдом Фроловым все созжены, на месте изследовать и что окажется палату репортовать немедленно. 3) В Губернское правление сообщить и требовать, дабы благоволила приказать, чрез кого надлежит отданная советником Радищевым значущимся в ево ответе людям книги в самой скорости отобрать и Палату уведомить. 4) В казенную же палату также сообщить и требовать, дабы благоволила о службе онаго Радищева прислать в сию палату с послужнаго списка точную копию, почему оному советнику Радищеву 19 числа увещание священническое учинено, с которого он показал „что значущую в ответе ево книгу сочинил ни в каком злоумышленном намерении, но единственно чтобы прослыть писателем, а также и сообщников в сочинении оной никого не имел“. А из Управы благочиния в репорте объявлено, что на данной от нея приказ Московской части правящей должность пристава секунд-майор Кобыляков репортом донес: по следованию де ево оказалось||, что точно показанной дворовой человек Фролов по приказанию своего господина сжег связанныя в одном месте немалую стопу не в переплете книжек в кульке, а какие оные были и сколько их числом по незнанию грамоте не знает, в чем и взятое с него письменное показание приложено из Губернскаго ж правления по присылке экземпляра той книги с приписками и приправками учинены в палате допросы 23 и 24 числ Радищеву, надзирателю Царевскому и досмотрщику Богомолу. А из казенной палаты в присланном послужном о советнике

л. 35 об.

л. 36

Радищеве списке значит, что он в службу вступил из дворян и был 762 при дворе ея императорскаго величества пажем, 771 титулярным советником, 773 в штабе генерал-аншефа графа Якова Александровича Брюса, обер-аудитором, 775 армии секунд-майором, 777 в Государственной Коммерц-коллегии на ассесорской вакансии, 779 коллежским ассесором с старшинством произведения в секунд-майоры, 780 по имянному ея императорскаго величества указу определен в помощь статскому советнику Далю к таможенным делам, того ж года декабря 18 надворным советником, 783 ноября 24 в нынешнем чине; в штрафах и подозрениях не бывал. А в календаре с роспискою чиновных особ значит, что показанной Радищев имеет орден святого Владимира 4 степени. Нижеписанными же законами повелено Устава благочиния статьями 30 Управа благочиния долженствует, во-первых, иметь бдение, дабы в городе сохранены были благочиние, добронравие и порядок, второе, чтоб предписанное законами || полезное повсюды в городе исполняемо и сохраняемо было, в случае же нарушения оных Управа благочиния по состоянию дела, не смотря ни на какое лице всякого должна приводить к исполнению предписанного законами. 56. Управа благочиния не дозволяет в городе гражданину вчинять новизну в том, на что узаконение есть, всякую же новизну узаконенную, противную пресекает в самом начале. 63. Управа благочиния сохраняет между всеми в городе живущими хотя различных вер доброе гражданское согласие, мир и тишину. 236. Буде кто начнет новизну узаконению противную, да отошлется в суд и да накажется по мере вины или преступления им учиненнаго, как в законе написано. 271. Отделением 11 буде кто учинит письма ругательныя, того отослать к суду. 272. Отделениями 3—буде кто учинит письма угрожительныя, того имать под стражу и отослать к суду. 9-м буде кто учинит разсевание лжи и клеветы, того имать под стражу и отослать к суду. Имяннаго ея императорскаго величества указа 787 апреля 21 статьями: 51—увещеваем и повелеваем подданным нашим и всем в Российской империи находящимся и живущим людям всякаго чина и состояния: 1-е жить мирно, 2 почтение отдавать каждому принадлежащее и повиноваться начальству и власти над ним постановленной, 3—каждому стараться предупреждать недоразумения, ссоры, споры и прения, кои могут довести до огорчения, 4—буде кто кому окажет неудовольствие или принесет жалобу за его слова или поступки, то сие чинить без вспылчивости и огорчения при посредниках, ответчик же жалобщику имеет дать при

тех же посредниках все нужные объявления без вспылчивости и огорчения, чтоб с обеих сторон оказано было законное послушание и почтение || к власти законодательной. 59 — по прочем, подтверждая наисильнейшим образом всем в службе нашей военной и гражданской находящимся повиноваться начальству и власти мест и особ над ними поставленных, повелеваем всякое против сего преступление по всей строгости законов неупустительно взыскивать имянным ея императорскаго величества указом 763 года июня 4 дня. Нет в свете государства, о благополучии котораго не прилагали б владетели и правительства их всевозможнаго старания и трудов к постановлению в вышшую степень благоденствия всех живущих в оных обитателей, нет таких и подданных, кои б имели благоразумныя мысли, не желали б себе всякаго добра, тишины и спокойствия, тем что благополучие подданных есть истинное и прямое благополучие самих государей, а единодушное и неразвратное попечение прямых сынов отечества о пользе общей непоколебимое тому утверждение, мы со дня своего вступления нашего на всероссийский престол сему правилу последуем и богу, содействующему в сердце нашем, никогда о пользе и всеобщем добре наших подданных пецись, яко мать о детях своих, не оставим, в чем да управит и укрепит нас рука его святая, вследствие чего равное ж желание и воля наша есть, чтоб все и каждый из наших верноподданных единственно прилежал своему званию и должности, удаляясь от всяких продерских и непристойных разглашений, но противу всякаго чаяния, к крайнему нашему прискорбию и неудовольствию, слышим, что являются такие развращенных нравов и мыслей люди, кои не о добре общем и спокойствии помышляют, но как сами заражены странными разсуждениями о делах, совсем до них || не принадлежащих, не имея о том прямаго сведения, так стараются заражать и других слабоумных и даже до того пускают свои слабости в безразсудном стремлении, что касаются дерзостно своими истолкованиями не только гражданским правам и правительству и нашим издаваемым уставам, но и вашим божественным узаконениям, не воображая знатно себе нimalo, каким таковыя непристойныя умствования подвержены предосуждениям и опасностям и хотя таковыя зловредныя истолкователи праведно заслуживают достойную себе казнь яко спокойствию нашему и всеобщему вредные, но мы прежде употребления в сем случае всей строгости по природному нашему человеколюбию всех таковых зараженных неспокойными мыслями матерински увещеваем удалиться от всяких

л. 37

л. 37 об.

вредных разсуждений, нарушающих покой и тишину, прилежа единственно званию своему и препровождая время не в праздности или невежестве и буянстве, но в полезных и свойственных каждому упражнении на пользу свою и ближняго. А естли сие матернее увещание и попечение не подействует в сердцах развращенных и не обратит истиннаго блаженства, то ведал бы всяк ис таковых невеждей, что мы тогда поступим уже по всей строгости законов и неминуемо преступники почувствуют всю тягость нашего гнева, яко нарушители тишины и презрители нашей высочайшей воли. Уложенья 22 главы 13 пунктом, которые воры в людях чинят смуту и затевают на многих людей своим воровским умышлением затейныя дела и таких воров за такое их [преступление] воровство казнити смертию. Воинскаго устава 20 артикулом — кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действо || и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть и отсечением главы казнен быть. Онаго артикула толкованием, ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли яко христианской государь, по своей воли и благомнению управлять, и яко же о его величестве самом во оном артикуле помянуто, разумеется тако и о его величества царской супруге и его государства наследии. 101 — артикула толкованием коль более чина и состояния преступитель есть, толь жесточае оный и накажется, ибо оный долженствует и другим добрый приклад подавать и собою оказать, что оныя чинить имеют артикулами. 127 — кто какую измену или сему подобное учинить намерится и хотя он сие к действию не произведет, однакоже имеет по состоянию дела и признанию воинскаго суда таковым же высоким наказанием наказан быть, якобы за произведенное самое действо. 135 — никто б ниже словом или делом или письмами сам собою или чрез других к бунту и возмущению или иное что учинить причины не дал, из чего б мог бунт произойти, ежели кто против сего поступит, оный по розыску дела живота лишится или на теле наказан будет. 137 — всякой бунт, возмущение и упрямство без всякой милости имеет быть виселицею наказано. 149 — кто пасквили или ругательныя письма тайно сочинит, прибьет и распространит и тако кому непристойным образом какую страсть или зло причтет, чрез что его доброму имени некакой стыд причинен быть может ||, онаго надлежит наказать таким наказанием, каковою страстию он

л. 38

л. 38 об.

обруганного хотел обвинить. Сверх того, палач такое письмо имеет эжечь под виселицею. Морского устава 5 книги 14 главы 103 артикулом — кто пасквили или ругательныя письма сочинит тайно и тако тем, кому безчестие учинит, оному надлежит наказание такое учинить, что было довелось тому, про кого он писал, ежели б он в том виноват был, толкованием, например, ежели кто кого в пасквиле бранил изменником или иным злым делом, то оный пасквилотворец яко изменник или каких дел делатель, о которых описал, наказан будет. Пасквиль есть сие, когда кто письма напишет или напечатает и в том кого в каком деле обвинит и оное явно прибьет или прибить велит, а имени своего и прозвища во оном не изобразит, ежели в пасквиле он про кого и правду напишет, то однако ж по рассмотрению судейскому наказан быть имеет тюрьмою, сосланием на геру^а на время, шпицрутеном или иным чем, понеже он прямым путем не пошел, дабы другаго погрешение объявить. Указом 754 года сентября 30 дня по прочтем подлежащим к натуральной смертной казни, чиня жестокое наказание кнутом и вырезав ноздри, ставить на лбу „В“, а на щеках на одной „О“, а на другой „Р“. А которые осуждены будут на политическую смерть, таким чинить наказание кнутом с вырезанием ноздрей и по учинении им того наказания, заклепав в кандалы, ссылатъ до указу в тяжкую работу в Рогорвик и в протчия места. Воинскаго процесса 2 части 2 главы пунктом 1-м — когда кто признает, чем он виновен есть, тогда дальнаго доказу не требует, понеже || собственное признание есть лучшее свидетельство всего света состоявшагося в 22 день сентября 782 года за собственным ея императорскаго величества подписанием установления о ордене святаго Владимира 21 статьею в нещастливом случае, чего мы однакож не надеемся, буде кто ис кавалеров в такія впадет погрешности, которыя чести и долгу противныя, учинит преступление должности или уголовное упущение установленнаго законнаго порядка или до растройства допустил порученную ему часть таковаго по донесении нам и на предварительном где надлежит суде по ясном изобличении из ордена изключить и знаки ордена от него отобрать, повелеваем сообщая при возвращении знаков в Кавалерскую думу вину и решение суда. Дворянскаго положения, состоявшагося 785 года апреля 21 дня статьями: 5. Да не лишится дворянин или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго пре-

л. 39

* Так в подлиннике.

ступлением основанием дворянского достоинства противным. 6-ю. Преступления основания дворянского достоинства разрушающия и противныя суть следующие: 1-е. Нарушение клятвы. 2. Измена. 3. Разбой. 4. Воровство всякого рода. 5. Лживые поступки. 6. Преступления, за кои по законам следовать имеет лишение чести и телесное наказание. 7. Буде доказано будет, что других уговаривал или научал подобныя преступления учинить. 13. Дело благороднаго впадшаго в уголовное преступление и по законам достойнаго лишения дворянского достоинства или чести или жизни да не вершится без внесения || в Сенат и конфирмации императорскаго величества. 15. Телесное наказание да не коснется до благороднаго. Приказали: как в имянном ея императорскаго величества высочайшем указе сказано, что коллежской советник Александр Радищев издал здесь книгу сочинения своего под названием Путешествие ис Петербурга в Москву, наполненную самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный и уменьшающими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвесть в народе негодование противу начальников и начальства и, наконец, оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской. В палате же уголовного суда он, Радищев, хотя и показал, что чувствует во внутренности своей души, что та книга есть дерзновенна и приносит в том свою повинность, да и что сочинил он ее не в злоумышленном намерении, но единственно только, чтоб прослыть сочинителем остроумным, но однако ж Палата, рассматривая оную книгу, находит, что она показывает совсем тому противное, а потому ево, Радищева, за сие ево преступление Палата мнением и полагает, лиша чинов и дворянства, отобрав у него знак ордена святаго Владимира 4 степени, по силе Уложения 22 главы 13 пункта воинских 20, 127, 135, 137, 149 артикулов и 101 толкования, а также морскаго устава 5 книги 14 главы 103 артикула и на оной толкования казнить || смертию, а показанныя сочинения ево книги, сколько оных отобрано будет, истребить. Но как состоявшагося 785 года апреля 21 дня дворянскаго положения в 13 статье сказано, что дело благороднаго впадшаго в уголовное преступление и по законам достойнаго лишения дворянскаго достоинства или чести или жизни да не вершится без взнесения в Сенат и конфирмацию императорскаго величества и для того сей палаты приговор (оставя в палате таковой же) и дело с имеющеюся в палате сочинения того Радищева книгою и присланным при сообщении из Губернскаго правления 23 числа сего

месяца экземпляром оной книги с приписками и приправками по силе указа 784 года мая 29 дня для представления в Правительствующий Сенат взнести к главнокомандующему его сиятельству господину генерал-аншефу, сенатору и разных орденов кавалеру графу Якову Александровичу Брюсу.

Подлинной за подписанием господ присудствующих, за скрепою секретаря Петра Попова.

Читал канцелярист Семен Арехов.

К главнокомандующему]. Сообщение с делом и определением послано июля 25 под № 367.^а

24

РАПОРТ О ПРЕДСТАВЛЕНИИ СМЕРТНОГО ПРИГОВОРА А. Н. РАДИЩЕВУ В СЕНАТ

25 июля 1790 г.

Копия.

Его сиятельству, высокопревосходительному господину генерал-аншефу, сенатору, ея императорского величества генерал-а л. 41
адъютанту, лейб-гвардии Семеновскаго полку подполковнику, главнокомандующему здешнею столицею и всею Санктпетербургскою губерниею и разных орденов кавалеру графу Якову Александровичу Брюсу

Из Палаты Уголовнаго суда

Каков учинен в Палате уголовного суда о судимом в ней по имянному ея императорского величества высочайшему указу коллежском советнике Александр Радищеве, касательно до издания им сочинения своего книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву. Приговор, оной обще з делом и с показанною книгою, так же и экземпляром той книги с приписками и приправками, по силе дворянскаго положения 13 статьи и указу 784 года мая 29 дня для представления в Правительствующий Сенат к вашему сиятельству Палата взносит при сем.

У подлиннаго подписано тако: Михайла Пушкин, секретарь Петр Попов.

Июля 25 дня
1790 года.

^а В документе, начиная со слов Подлинной за подписанием... и до конца, зачеркнуто жарандашом.

25

ОПИСЬ ДЕЛА ПАЛАТЫ УГОЛОВНОГО СУДА

25 июля 1790 г.

- л. 42 Опись делу, производимому в Палате уголовного суда о коллежском советнике Александр Радищеве, в котором значит:

- Июля 15-го Предложение главнокомандующего его сия-
790 числа. тельства графа Якова Александровича Брюса
году с приложением копии с ыменного указа, на
триех страницах.
- 15-го По сему копия с определения полаты, на
2-х страницах.
- 17 Вопросные пункты оногo советника Ради-
щева на 3-х страницах.
- По сим ответам копия со определения
полаты, на 2-х страницах.
- 19 Увещание священника и показание Ради-
щева, на странице.
- 20 Сообщение из казенной полаты с прило-
жением о нем, Радищеве, копии с послужного
списка на трех страницах, и лист с журнала
полаты 23 числа записки на странице.
- 20 Репорт из Управы благочиния с приложе-
нием показания двороваго человека Фролова
и лист журнальной полаты 24 числа записки,
все на 4-х страницах.
- 23 Сообщение из Губернскаго правления с при-
ложениями на 4-х страницах, и по сему того ж
числа копии с резолюции и определение полаты,
на 2-х страницах.
- Допрос надзирателя Царевскаго на 2-х стра-
ницах.
- 24 Копия с резолюции Полаты на странице.
- Допрос досмотрщика Богомолова на стра-
нице.
- Показание советника Радищева, что кор-
ректурa в книге делана им вся, на шести стро-
ках, и еще из той книги писанное ево же
рукою на странице.
- Копия с журнальной палаты записки на
странице.

Выписка из законов на 8-ми полулистах.

А всего во оном деле по переписке писаных
33 листа.

Да сверх сего прилагаетца по сему делу
подлинной палаты приговор, учиненной июля
от 19 и 24 числа на 9 поллистах.

Одна книга в переплете и один оной
экземпляр с приписками и приправками.^а

26

УВЕДОМЛЕНИЕ Я. А. БРЮСА О ПЕРЕДАЧЕ СМЕРТНОГО ПРИГОВОРА А. Н. РАДИЩЕВУ В СЕНАТ

1 августа 1790 г.

Получено 1-го августа 1720 года. л. 43

От главнокомандующаго в столичном городе С.-Петербурге
и во всей онаго губернии

С.-Петербургской палате уголовного суда

Предложение

Внесенное ко мне из сей палаты следственное дело о коллежском советнике Александр Радищеве, приложенную при том книгу под названием Путешествие из Петербурга в Москву, а равно один оной экземпляр и учиненной по тому делу приговор препроводил я на благоразсмотрение в Правительствующий Сенат, о чем оной Палате к сведению и предлагаю.

Граф Брюс.

1-го августа
1790-го года.

27

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ О ПЕРЕДАЧЕ ДЕЛА А. Н. РАДИЩЕВА В СЕНАТ

2 августа 1790 г.

1790-го года августа 2-го. Санктпетербургской губернии л. 44
в Палате уголовного суда в журнале записано под № 2-м.

^а Документ написан очень неразборчиво, перечеркнут карандашом.

Предложение его сиятельства господина главнокомандующаго в столичном городе Санкт-Петербурге и во всей онаго губернии сенатора и разных орденов ковалера графа Якова Александровича Брюса к сведению, что дело следственное и приговором палаты с приложениями о коллежском советнике Александр Радищеве, препровождены от его сиятельства в Правительствующий Сенат, приказали принять за известие.

Подлинной подписал Михайла Пушкин, Иван Лефебер, Афанасей Иванов, Илья Котельников, секретарь Петр Попов.

Протоколист Сафрон Дементьев.

С подлинным читал канцелярист Семен Арехов.

28

УВЕДОМЛЕНИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ О ССЫЛКЕ А. Н. РАДИЩЕВА В СИБИРЬ

8 сентября 1790 г.

Копия.

л. 45 Получено сентября 9 дня 1790 года.

Из Санкт-петербургскаго губернскаго правления
в Палату уголовного суда

Губернское правление, слушав указ Правительствующаго Сената, что по имянному ея императорскаго величества указу, данному Сенату сего сентября 4 дня за собственноручным ея величества подписанием, в котором изображено „коллежской советник и ордена святаго Владимира ковалер Александр Радищев оказался в преступлении противу присяги его и должности подданнаго изданием книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву, наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства и, наконец, оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской, учинив сверх того лживой поступок прибавкою после ценсуры многих листов в ту книгу, в собственной ево типографии напечатанную, в чем и признался добровольно. За такое его преступление осужден он Палатою уголовных дел Санкт-Петербургской губернии, а потом и Сенатом нашим

на основании государственных узаконений к смертной казни, и хотя по роду толь важной вины заслуживает он сию казнь по точной силе законов, означенными местами ему приговоренную, но мы, последуя правилам нашим, чтоб соединять правосудие с милосердием для всеобщей радости, которую верные подданные наши разделяв с нами в настоящее время, когда || всевышний увенчал наши неусыпные труды во благо империи, от него нам вверенной вожделенным миром с Швециею, освобождаем ево от лишения живота и повелеваем вместо того, отобрав у него чины, знаки ордена святого Владимира и дворянское достоинство сослать его в Сибирь в Илимской острог на десятилетнее безысходное пребывание, имение же, буде у него есть, оставить в пользу детей его, которых отдать на попечение деда их". Правительствующий Сенат определил о должном по сему ея императорского величества высочайшему указу исполнению к главнокомандующему в Санкт-Петербурге и во всей С.-Петербургской губернии господину генерал-аншефу, сенатору и кавалеру графу Якову Александровичу Брюсу и в Санкт-Петербургское губернское правление послать указы, препроводя при последнем как для отсылки в С.-Петербургскую Уголовную палату подлинное о нем, Радищеве, дело, так и присланные при оном две книги, которыя и получены. Определило показанного коллежскаго советника Радищева, чрез эсекютора взяв и взят ис под стражи в Губернское правление в вышепомянутое высочайшее имянное ея императорскаго величества повеление в указе Правительствующаго Сената объявленное в присудствии объявить и объявлено, и во исполнение онаго учинить 1-е. Имеющиеся на нем, Радищеве, знаки ордена святого Владимира з грамотою на оные, также на чины ево патенты, буде имеет, от него отобрать, а о имени ево, буде оное у него есть, взять сказку и препроводить орден с грамотою на оной в Кавалерскую того ордена думу || патенты Правительствующаго Сената в Герольдмейстерскую кантору, скаски ж о имени для поступления оным по содержанию высочайшаго указа отнести в то место, в ведомстве коего оное окажется. А потом 2-е. ево, Радищева, для дальнешаго в Сибирь, в Илимской острог, препровождения отправить в Новгородское наместническое правление за крепчайшею стражею скованнаго, при сообщении чрез посредство Управы благочиния, для чего как ево, Радищева, а равно и следующие на отправление ево канвойным прогонные деньги полагаю до Нова-города на три почтовых, а оттуда обратно на одну обывательскую подводы на сто на восемьдесят шесть

л. 45 об.

л. 46

верст, всего шеснаццать рублей шесдесят копеек, записав их в расход, отослать во оную Управы при указе, о чем и приходчику предписать таковым же. А в Иркутское наместническое правление с прописанием вышепоказаннаго высочайшаго указа и должному по тому исполнению сообщить, к таковым же Палате уголовного суда с приложением подлиннаго о нем, Радищеве, дела и присланных при оном двух книг дать знать, которые при сем и препровождаются. Сентября 8 дня 1790 года.

У подлиннаго подписано тако: Николай Алексеев.

Читал канцелярист Семен Арехов.

29

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ О ССЫЛКЕ А. Н. РАДИЩЕВА В СИБИРЬ И О ИСТРЕБЛЕНИИ ЭКЗЕМПЛЯРОВ „ПУТЕШЕСТВИЯ“

9 сентября 1790 г.

Копия.

л. 47 1790 года сентября 9-го дня. По указу ея императорскаго величества Санкт-Петербургской губернии Палата уголовного суда, слушав сообщенне здешняго губернскаго правления, в котором написано, что оное правление, слушав указ Правительствующаго Сената, что по имянному ея императорскаго величества указу ж, данному Сенату сего сентября 4-го дня за собственноручным ея величества подписанием, в котором изображено — коллегской советник и ордена святаго Владимира кавалер Александр Радищев оказался в преступлении противу присяги его и должности подданнаго, изданием книги под названнем Путешествие из Петербурга в Москву, наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и, наконец, оскорбительными и неистовыми изражениями противу сана и власти царской, учинив сверх того лживой поступок прибавкою после ценсуры многих листов в ту книгу в собственной его типографии напечатанную, в чем и признался добровольно, за таковое его преступление осужден он Палатою уголовных дел Санктпетбургской губернии, а потом и Сенатом нашим на основании государственных узаконений к смертной казни, и хотя по роду толь важной вины заслу-

живает он сию казнь по точной силе законов означенными местами ему приговоренную, но мы, последуя правилам нашим, чтоб соединять || правосудие с милосердием для всеобщей радости, которою верные подданные наши разделяют с нами в настоящее время, когда всевышний увенчал наши неусыпные труды во благо империи, от него нам вверенной, вожделенным миром Швециею, освобождаем его от лишения живота и повелеваем вместо того, отобрав у него чины, знаки ордена святого Владимира и дворянское достоинство, сослать его в Сибирь в Илимской острог на десятилетнее безисходное пребывание, имение же, буде у него есть, оставить в пользу детей его, которых отдать на попечение деда их Правительствующий Сенат определил о должном по сему ея императорскаго величества высочайшему указу исполнению к главнокомандующему в Санкт-Петербурге и во всей Санкт-Петербургской губернии господину генерал-аншефу, сенатору и кавалеру графу Якову Александровичу и в Санкт-Петербургское губернское правление послать указы, препроводя при последнем как для отсылки в сию палату подлинное о нем, Радищеве, дело, так и присланные при оном деле книги, которые и получены, определило показаннаго коллегскаго советника Радищева чрез ексектора, взяв, и взят из-под стражи в Губернское правление, в вышеупомянутое высочайшее имянное ея императорскаго величества повеление в указе Правительствующаго Сената объявленное в присутствии объявить, и объявлено, и во исполнение онаго учинить: 1-е) имеющиеся на нем, Радищеве, знаки ордена святого || Владимире с грамотою на оные так же на чины ево патенты, буде имеет, от него отобрать, а о имени ево, буде оное у него есть, взять скаску, и препроводить орден и с грамотою на оной в Кавалерскую того ордена думу, патенты Правительствующаго Сената в Герольдмейстерскую кантору, скаски о имени для поступления с оным по содержанию высочайшаго указа отнести в то место, в ведомстве коего оное окажется, а потом 2-е) его, Радищева, для дальнейшаго в Сибирь и Илимской острог препровождения отправить в Новгородское наместническое правление за крепчайшею стражею скованнаго при сообщении чрез посредства Управы благочиния, для чего как ево, Радищева, а равно и следующие на отправление ево канвойным прогонные деньги, полагая до Нова-города на три почтовых, а оттуда обратно на одну обывательскую подводу на сто на восемьдесят шесть верст, всего шеснадцать рублей шестидесят копеек, записав их в росход, отослать во оную

л. 47 об.

л. 48

л. 48 об.

Управу при указе, о чем и приходчику предписать таковым же, а в Иркутское наместническое правление с прописанием выше-сказанного высочайшаго указа к должному по тому исполнению сообщить и таковым же сей палате с приложением подлиннаго о нем, Радищеве, дела и присланных при оном дву книг дать знать, которые при том и присланы. По справке ж в палате с делом оказалось, что означенной Радищев ответом || по прочем показывал, что напечатано было оной книги около шестисот пятидесяти экземпляров, немного более или меньше, того утвердительно сказать не упомнит, ис того числа продано на деньги и променено на книги купцу Зотову двадцать пять экземпляров, да роздано им два экземпляра находящемуся при народных училищах господину коллежскому советнику и ордена святаго Владимира кавалеру Осипу Козодавлеву для него и для находящагося здесь в Петербурге господина действительнаго стацкаго советника Гаврилы Державина, один находящемуся при таможене прапорщику Дарагану, один конной гвардии ротмистру Сергею Алсуфьеву, один иностранцу Вицману, один хотел дать надзирателю при таможене Александр Царевскому, но дал ли или нет, того не упомнит, один назначил в отсылку в Берлин к отставному пример-майору Алексею Кутузову, которой запечатанной отдан им, Радищевым, находящемуся при господине вице-канцлере господину Вальду, но не отослан, почему Палата июля 19-го числа в здешнее Губернское правление сообщила с требованием, дабы благоволило при казать, чрез кого надлежит помянутыя книги от тех людей в самой скорости отобрать и палату уведомить, из которых от надзирателя Царевского книга была отобрана и в Палату доставлена, а 24-го числа она же по прочем определила показанныя сочинения ево, Радищева, книги сколько оных отобрано будет || истребить и для того приказали объявленныя присланныя из Губернскаго правления в запечатанном конверте две книги для истребления по силе учиненнаго в Палате определения отослать во оное правление при сообщении.

л. 49

Подлинное за подписанием господ присудствующих, за скрепою секретаря Петра Попова.

Софрон Дементьев.

Подканцелярист Николай Кановин.

Сообщение и книги в Губ. прав. отосланы сентября 19 под № 422.

30

**УВЕДОМЛЕНИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ
ОБ ОТСЫЛКЕ ЭКЗЕМПЛЯРОВ „ПУТЕШЕСТВИЯ“
С. И. ШЕШКОВСКОМУ ДЛЯ ИСТРЕБЛЕНИЯ**

30 сентября 1790 г.

По секрету.

Получено октября 2 дня 1790 году

л. 50

Из Санкт-Петербургскаго губернскаго правления

В Палату уголовного суда

Губернское правление, слушав сообщение оной Палаты, коим прописывает, что Палата, слушав сообщение сего правления с прописанием в нем высочайшаго имяннаго ея императорскаго величества и Правительствующаго Сената указов касательно лишения чинов коллежскаго советника и ордена святаго Владимира кавалера Александр Радищева и о отобрании от него знаков того ордена и дворянскаго достоинства и об отсылке ево в Сибирь в Лимской острог на десятилетнее безъисходное пребывание за сочинение им книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву, причем сие Правление Палате знать дало, что повеленное высочайшим указом исполнено учинено, при котором сообщении как подлинное об нем, Радищеве, дело так равно и две книги при том присланы. По справке ж в Палате с делом оказалось, что означенной Радищев ответом по протчем показывал, что напечатано той книги было около шестисот пятидесяти екземпляров, немного более или меньше, того утвердительно сказать не упомнит. Из того числа продано на деньги и променено на книги купцу Зотову двадцать пять екземпляров, да роздано им два екземпляра находящемуся при народных училищах коллежскому советнику || и кавалеру Казадавлеву для него и для находившагося здесь в Петербурге господина действительнаго статскаго советника и кавалера Державина, один находящемуся при таможене прапорщику Дарагану, один конной гвардии ротмистру Сергею Алсуфьеву, один иностранцу Сидману, один хотел дать надзирателю при таможене Александр Царевскому, подал ли или нет, того не упомнит, один назначил в отсылку в Берлин к оставному пример-майору Алексею Кутузову, которой запечатанной отдан им, Радищевым, находящемуся при господине вице-канцлере господину Вальцу, но не отослан. Посему

л. 50 об.

Палата июля 19 числа в сие губернское правление сообщила с требованием, дабы благоволила приказать, чрез кого надлежит помянутыя книги от тех людей в самой скорости отобрать и Палату уведомить, из которых от надзирателя Царевского книга была отобрана и в Палату доставлена, а 24 числа она же по протчем определила показанныя сочинения ево, Радищева, книги сколько оных отобрано будет изтребовать, почему и ныне по учиненной резолюции для таковаго ж изтребления и протчие две книги прислала в сие правление. А по справке в правлении минувшаго июня от 19 числа Палата уголовного суда требовала сообщением о отобрании экземпляров книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву от купца Зотова двадцати пяти, || от коллежского советника и кавалера Козодавлева одного, от действительнаго статскаго советника и кавалера Державина одного, от находящегося при таможене прапорщика Дарагана одного, лейб-гвардии конного полку от ротмистра Сергея Олсуфьева одного, от иностранца Вицмана одного, от надзирателя Царевского одного, и от иностранца Вальца одного, по которому и было предписывано того ж месяца от 20 и 23 числа указать Управе благочиния и Портовой таможене, чтоб первая, отобрав те книги от здешнего купца Зотова и коллежскаго советника и кавалера Козодавлева, господина действительнаго статскаго советника и кавалера Державина, живущего в Измайловском полку иностранца Вицмана и от находящагося при господине вице-канцлере господина Вальца. Господин же ротмистр Олсуфьев того ж числа представил Правлению, а последняя от прапорщика Дарагана и таможеннаго надзирателя Царевскаго, как наискорые отобрав, представила в Правление, из коих от таможни представлены объяснении тех Дарагана и Царевскаго, в коих они показали — прапорщик Дараган, что он той книги экземпляр ему данной отдал надзирателю Царевскому и более онаго от него не получал. Царевской, что он полученные им два экземпляра отдал в разные времена мещанину Петру Кузовлеву, живущему в Апраксином переулке. А потому от сего правления было предписано || указанной Управе благочиния о отобрании от означеннаго Кузовлева тех книг и портовой таможене, чтоб она представила прапорщика Дарагана и надзирателя Царевскаго в сие правление, которые от оной и представлены, причем один экземпляр от Царевскаго таможеню отобранной при том рапорте представлен, вследствие чего в сем правлении определено ту книгу отослать в Палату уголовного суда, при сообщении. А как во оной многие оказались

а. 51

а. 51 об.

письменные приписки и приправки, то и ево, Царевского, в случае могущей быть в нем надобности, равно и взятые от показанных Царевского и Дарагана показаний, также и мещанина Кузовлева в получении от Царевского двух книг и об от отдаче оных квартальному Богдановичу, и купцу Овчинникову росписку отослать, и отосланы в Палату уголовного суда. Того ж месяца 23-го числа при сообщении Управе ж благочиния подтверждено, чтоб оная, от квартального Богдановича и купца Овчинникова помянутые книги отобрав, представила в сие правление немедленно, по которому Управа при поданных рапортах предписывала отобранные книги от коллежского советника и кавалера Козодавлева одну, от князя Петра Никитича Трубецкого одну, и от действительного статского советника и кавалера Державина одну, о протчих же донесено, что от квартального Богдановича книга обер-полицмейстером отобрана и в надлежащее место доставлена, || в имеющейся у находящегося при вице-канцлере ж Вальца одной книге, что оная им лично отдана Степану Ивановичу Шишковскому, также и господин обер-камергер Иван Иванович Шувалов объявил, что он полученную от банкового советника Хитрово таковую книгу изтребовал, а о двадцати пяти экземплярах данных купцу Зотову репортовано, что на квартире, в которой он жил ни ево самово, ни таковых книг не оказалось. Указом же Правительствующаго Сената минувшаго августа 19 числа сему правлению велено таковые книги от прописанных им, Радищевым, в учиненном в Палате уголовного суда, показанных людей отобрав, изтребовать, причем господин генерал-порутчик, губернатор и кавалер словесно объявил правлению, что сии книги ея императорское величество 17-го числа того ж месяца изустно ему, господину губернатору, высочайше указать соизволила отослать к господину действительному статскому советнику и кавалеру Степану Ивановичу Шешковскому, почему в сем правлении учиненною резолюциею велено означенные книги отослать и отосланы 21-го числа того ж августа к господину действительному статскому советнику и кавалеру Шишковскому и при письме господина губернатора и кавалера в губернских стряпчих || уголовных дел за печатью, потом при указе Правительствующаго Сената сего сентября 7 дня присланы еще две таковые книги с тем, чтоб оные отосланы были в Палату уголовного суда, которые по резолюции сего Правления 8 числа сего ж месяца и отосланы во оную при сообщении, определило в сходствие предложение господина генерал-порутчика, губернатора и

л. 52

л. 52 об.

кавалера показанные книги, присланные из Палаты уголовного суда для истребления отослать, и отосланы, при письме господина губернатора и кавалера с губернским стряпчим уголовных дел за печатью к господину действительному статскому советнику и кавалеру Степану Ивановичу Шишковскому, о чем и Палату уведомить сообщением. Сентября 30 дня 1790 года.

Александр...

Секретарь Харитон Гра...

31

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ОБ ОТСЫЛКЕ ЭКЗЕМПЛЯРОВ „ПУТЕШЕСТВИЯ“ С. И. ШЕШКОВСКОМУ

3 октября 1790 г.

л. 53 1790 года октября 3. Санкт-Петербургской губернии в Палате уголовного суда в журнале записано под № 2-м.

Сообщение Губернского правления за известие, что присланные из сей Палаты два экземпляра сочинения Александр Радищева для истребления отосланы за печатью при письме здешняго господина губернатора и кавалера к господину действительному статскому советнику и кавалеру Степану Ивановичу Шишковскому з губернским стряпчим уголовных дел, приказали сообщить к делу.

Подлинной подписали Михайла Пушкин, Иван Лефебер, Афанасей Иванов, Илья Котельников. Скрепил секретарь Петр Попов.

Протоколист Сафрон Дементьев.

С подлинным читал канцелярист Семен Арехов.

IV. ДЕЛО СЕНАТА¹

1

НАДПИСЬ НА ОБЛОЖКЕ ДЕЛА

О советнике Радищеве

л. 115

Началось 15 июля 1790 года

Дело о коллежском советнике Александре Радищеве, признавшемся в издании сочинения своей книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву.

Решено по именному указу 5-го сентября 1790 года.

2

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ СЕНАТА ПО ДЕЛУ А. Н. РАДИЩЕВА

23 июля 1790 г.

Правительствующаго Сената из 1-го во 2-ой департамент

л. 115

Извещение

Сего июля 16-го Правительствующий Сенат слушал репорт главнокомандующаго в столичном городе Санкт-Петербурге и во всей онаго губернии генерала аншефа сенатора и кавалера графа Якова Александровича Брюса, при коем представил копии с именных ея императорскаго величества указов, данных ему сего ж июля 13-го за собственноручным ея величества подписанием, в которых написано: в 1-й. Недавно издана здесь книга под названием Путешествие из Петербурга в Москву,^a наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе

^a Подчеркнуто в подлиннике.

негодование противу начальников и начальства и наконец оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской. Сочинителем сея книги оказался коллежский советник Александр Радищев, который сам учинил в том признание, присовокупив к сему, что после цензуры Управы благочиния внес он многие листы в помянутую книгу, в собственной его типографии напечатанную, и потому взят под стражу. Таковое его преступление повелеваем рассмотреть и судить узаконенным порядком в Палате уголовного суда Санктпетербургской губернии, где заключа приговор, взнести оный в Сенат наш. Во 2-й Как известная зловерная книга над названием Путешествие из Петербурга в Москву, в благоустроенном государстве отнюдь терпима быть не может, то и прикажите наблюдать, дабы || она нигде в продаже и печатании здесь не была, под наказанием преступлению сему соразмерным; причем он, генерал-аншеф, Сенату донес, что исполнение по оным препоручено по одному Палате уголовного суда, по другому санктпетербургскому оберполициймейстеру. При ка за л и: о сем дать знать 2-му Сената департаменту и герольдии известиями.

л. 116 об.

Секретарь Карл Северин.

Июля 23 дня 1790-го года.

3

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ Я. А. БРЮСА В СЕНАТ ПРИГОВОРА
ПАЛАТЫ УГОЛОВНОГО СУДА**

26 июля 1790 г.

л. 117

В Правительствующий Сенат

От главнокомандующаго в столичном городе
Санкт-Петербурге и во всей онаго губернии

Рапорт

Здесьняя Палата уголовного суда, произведя следствие о судимом по имянному ея императорскаго величества высочайшему указу коллежском советнике Александр Радищеве, касательно до издания и сочинения своего книги, под названием Путешествие из Петербурга в Москву, внесла ко мне учиненной по оному приговор, которым присуждено казнить ево смертию, почему я тот приговор обще к приложенным при оном подлинным делом, помянутою снигию и особо одним оной экземплярком с приписками и

приправками, на основании дворянского положения и указа 784-го года майя 29-го на благоразсмотрение Правительствующаго Сената при сем и препровождаю.

Граф Брюс.

Ч[исла] 26 июля

1790-го года.

Во 2-й департамент.

4

**ОПИСЬ БУМАГ ПАЛАТЫ УГОЛОВНОГО СУДА,
НАПРАВЛЕННЫХ В СЕНАТ**

Опись делу, производимому в Палате Уголовнаго суда л. 127
о коллежском советнике Александр Радищеве,
в котором значит

Июля
1790
года	15	Предложение главнокомандующаго, его сиятельства графа Якова Александровича Брюса, с приложением копии с ымяннаго указа, на трех страницах.
	15	По сему копия со определения Полаты на двух страницах.
	17	Вопросные пункты с ответами онаго советника Радищева на трех страницах.
По сим ответам копия со определения палаты на двух страницах.
	19	Увещание священника и показание Радищева на странице.
	20	Сообщение из Казенной палаты с приложением о нем, Радищеве, копии с послужного списка на трех страницах, и копия с журнальной палаты 23 числа записки на странице.
Того ж числа репорт из Управы благочиния с приложением показания двороваго человека Фролова, и копия с журнальной палаты 24 числа записки, все на четырех страницах.
	23	Сообщение из Губернскаго правления с приложениями на четырех страницах, и по сему того ж числа копии с резолюции и определения Палаты на двух страницах.
Допрос надзирателя Царевскаго на двух страницах.
	24	Копия с резолюции палаты на странице.
Допрос досмотрщика Богомолова на странице.

Показание советника Радищева, что корректура в книге делана им вся, на шести строках, и еще из той книги писанное ево же рукою на странице.

Копия с журнальной палаты записки на странице.

Выписка из законов на восьми полулистах. ||

л. 127 об. А всего во оном деле по переметке писанных тридцать три листа.

Да сверх сего прилагается по сему делу подлинной Палаты приговор, учиненной июля от 19 и 24 числ на девяти полулистах.

Одна книга в переплете и один оной экземпляр с приписками и приправками.

Секретарь Петр Попов.²

5

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР А. Н. РАДИЩЕВУ, ВЫНЕСЕННЫЙ ПАЛАТОЮ УГОЛОВНОГО СУДА

24 июля 1790 г.

л. 118 1790-го года июля 19-го и 24-го числ. По указу ея императорскаго величества Санкт-петербургской губернии Палата уголовного суда, слушава следственное дело по имянному ея императорскаго величества высочайшему указу, данному в 13-е число сего месяца главнокомандующему в столичном городе Санкт-Петербурге и во всей онаго губернии его сиятельству господину генерал-аншефу, сенатору и разных орденов кавалеру графу Якову Александровичу Брюсу, а от его сиятельства при предложении присланному в копии 15-го числа в сию Палату, в котором написано: „Граф Яков Александрович, недавно издана здесь книга под названием Путешествие ис Петербурга в Москву, наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и, наконец, оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской. Сочинителем сея книги оказался коллежской советник Александр Радищев, которой сам учинил в том признание, присвокупив к сему, что после ценсуры Управы благочиния внес он многия листы в помянутую книгу, в собственной его типографии печатанную, и потому взят под стра-

жу. Таковое его преступление повелеваем рассмотреть и судить законным порядком, в Палате уголовного суда Санкт-Петербургской || губернии, где, заключа приговор, взнесть оный в Сенат наш^а. Почему его сиятельство, приобщая означенную копию, предлагал Палате, чтобы оную заседающим в ней прочесть, не впуская во время чтения в присутствии канцелярских служителей, и по прочтении помянутого Радищева о подлежащем спросить, а как он находится в крепости, то всякой раз, когда в нем будет надобность, посылать эсекутора губернского правления в крепость для истребования его от коменданта и потом ис присутствия отсылать его паки в крепость с тем же эсекутором, и как при принятии, так и при отправлении его обратно иметь всякую предосторожность, которую должно иметь с столь важным арестантом, для привозу его брать наемную карету, которая платима будет от его сиятельства из экстроординарной суммы, по рассмотрении ж преступления сего Радищева и суждении законным порядком Палата имеет заключить приговор и внесть оной к его сиятельству для представления в Сенат. По сему Палата того ж числа определила означенную приложенную при предложении от его сиятельства книгу в присутствии Палаты прочесть; не впуская в то время отнюдь приказных служителей, и по прочтении, заметя о чем || следует, показанного советника Радищева спросить, учинить ему о том вопросные пункты, и для взятя против оных с него, Радищева, ответа истребовать ево ис под стражи от Санкт-петербургскаго обер коменданта чрез губернскаго эсекутора с такою точно предосторожностию, как в предложении его сиятельства написано. По прочтении же сей книги Палата учинила ему, Радищеву, вопросныя пункты в следующем содержании. 1-е. В каком намерении сочинил он показанную книгу. 2-е. Кто имянно ему были в том сообщники. 3-е. Чувствует ли он важность своего преступления и 4-е. Сколько напечатано им оных эксемпляров и ис того выпущено в свет и кому имянно сам он роздал. 17-го же числа оной советник Радищев в Палату был ис под стражи истребован и в присутствии оной ответом показал на 1-е. Намерения при сочинении сей книги другаго не имел, как быть известному в свете между сочинителями, и дабы прослыть таковым, то есть сочинителем остроумным. На 2-е. Никого сообщников в оном не имел, на 3-е. Чувствует во внутренности своей души, что книга ево дерзновенна и приносит в том свою повинность. На 4-е. Напечатано было оной книги около шестисот пятидесяти эксемпляров, немного

а. 118 об.

а. 119

- более или меньше, того утвердительно сказать не упомнит. ||
- а. 119 об. Ис того числа продано на деньги и променено на книги купцу Зотову дватцать пять эксемпляров, да роздано им: два эксемпляра находящемуся при народных училищах господину коллежскому советнику и ордена святого Владимира ковалеру Осипу Козодавлеву, для него и для находившагося здесь в Петербурге господина действительнаго статскаго советника Гаврилы Державина; один находящемуся при таможене в числе определенных для познания дел прапорщику Дарагану. Один конной гвардии ротмистру Сергею Алсуфьеву, один живущему в Измайловском полку при школе иностранцу Вицману, а имени не знает. Один хотел дать надзирателю при таможене у разъезда на судах Александр Царевскому, но дал ли или нет; того не помнит. Один назначил в отсылку в Берлин к отставному пример-майору Алексею Кутузову, которой запечатанной отдан им, Радищевым, находящемуся при господине вице-канцлере господину Вальцу, но не отослан. А как он узнал, что в городе стали ее принимать в худом смысле, то почувствовал сам омерзение к своему сочинению, эксемпляры достальные все сожечь велел и по приказу его служителем Давыдом Фроловым созжены, о чем он доносил
- а. 120 и главнокомандующему сею губерниєю при взятъе || ево под стражу. Потом того же числа Палата определила: 1-е. Как означенной коллежской советник Радищев в ответах своих показывает, что при сочинении означенной книги намерения другаго он не имел, как быть известному в свете между сочинителями, и прослыть сочинителем остроумным, а также во оном и сообщников никого не было, и для того в том учинить ему увещание священническое. 2-е. В Управу благочиния послать указ и велеть, чтобы оная кому надлежит приказала по показанию того Радищева о том, что коликое число за роздачею им достальных показанной книги эксемпляров было, и подлинно ль оная по приказу ево служителем ево Давыдом Фроловым все созжены, на месте исследовать и что окажется, Палату репортовать немедленно. 3-е. В Губернское правление сообщить и требовать, дабы благоволила приказать, чрез кого надлежит отданныя советником Радищевым значучимся в ево ответе людям, книги; в самой скорости отобрать и Палату уведомить. 4-е. В Казенную ж палату так же сообщить и требовать, дабы благоволила о службе онаго Радищева прислать в сию палату с послужнаго списка точную копию. Почему оному советнику Радищеву 19-го числа увещание священническое учинено, с котораго он показал, что значущую в ответе ево книгу сочинил || ни в каком
- а. 120 об.

злоумышленном намерении, но единственно, чтобы прослать писателем, а также и сообщников в сочинении оной никого не имел. А из Управы благочиния в репорте объявлено; что на данной от нея приказ Московской части правящей должность пристава секунд-майор Кобыляков репортом донес, по следованию-де ево оказалось, что точно показанной дворовой человек Фролов, по приказанию своего господина, сжег связанныя в одном месте немалую стопу не в переплете книжек в кулке. А какие оные были и сколько их числом, по неумению грамоте, не знает, в чем и взятое с него письменное показание приложено. Из Губернского ж правления по присылке экземпляра той книги с приписками и приправками учинен в Палате допрос 23 и 24 числ Радищеву, надзирателю Царевскому и досмотрщику Богомолову. А из Казенной палаты в присланном послужном о советнике Радищеве списке значит, что он в службу вступил из дворян и был 762-го при дворе ея императорскаго величества пажем. 771-го титулярным советником. 773-го в штабе генерал-аншефа графа Якова Александровича Брюса обер-аудитором. 775-го армии секунд майором. 777-го в Государственной Коммерц-коллегии на ассесорской вакансии. 779-го коллежским ассесором с старшинством произведения в секунд-майоры. 780-го по имянному ея императорскаго величества указу определен в помощь статскому || советнику Далю к таможенным делам. Того ж году декабря 18-го надворным советником. 783-го ноября 24-го в нынешнем чине. В штрафах и подозрениях не бывал. А в календаре с росписью чиновных особ значит, что показанной Радищев имеет орден святаго Владимира 4-й степени. Нижеписанными же законами повелено, Устава благочиния статьями 30-ю, Управа благочиния долженствует, во-первых, иметь бдение, дабы в городе сохранны были благочиние, добронравие и порядок, второе, чтоб предписанное законами полезное повсюды в городе исполняемо и сохраняемо было, в случае же нарушения оных Управа благочиния по состоянию дела, несмотря ни на какое лице, всякаго должна приводить к исполнению предписания законами. 56-ю Управа благочиния не дозволяет в городе гражданину вчинать новизну в том, на что узаконение есть, всякую же новизну, узаконению противную, пресекает в самом начале. 63-ю. Управа благочиния сохраняет между всеми в городе живущими хотя различных вер, доброе гражданское согласие, мир и тишину. 236-ю. Буде кто начнет новизну, узаконению противную, да отошлется в суд и да накажется по мере вины или преступления им учиненнаго, как в законе

написано. 271-й статьи 11-м отделением. Буде кто учинит письма ругательныя, того отослать к суду. 272-й статьи отделениями 3-м. Буде кто || учинит письма угрозытельныя, того имать под стражу и отослать к суду. 9-м. Буде кто учинит рассевание лжи и клеветы, того имать под стражу и отослать к суду. Имяннаго ея императорскаго величества указа 737-го года апреля 21-го дня статьями 51-ю увещеваем и повелеваем подданным нашим и всем в Российской империи находящимся и живущим людям всякаго чина и состояния: 1-е. Жить мирно. 2-е. Почтение отдавать каждому принадлежащее и повиноваться начальству и власти над ним постановленной. 3-е. Каждому стараться предупредить недоразумения, ссоры, споры и прения, кои могут довести до огорчения. 4-е. Буде кто кому окажет неудовольствие, или принесет жалобу за его слова или поступки, то сие чинить без вспыльчивости и огорчения при посредниках; ответчик же жалобщику имеет дать при тех же посредниках все нужныя объяснения без вспыльчивости и огорчения, чтоб с обеих сторон оказано было законное послушание и почтение к власти законодательной. 52-ю по прочем, подтверждая наисильнѣшим образом всем в службе нашей военной и гражданской находящимся повиноваться начальству и власти мест и особ над ними постановленных, повелеваем всякое против сего представление по всей строгости || законов неупустительно взыскивать. Имянным же ея императорскаго величества указом 763-го года июня 4-го дня: „Нет в свете государства, о благополучии котораго не прилагали б владетели и правительства их всевозможнаго старания и трудов, к восстановлению в высшую степень благоденствия всех живущих во оных обитателей. Нет таких и подданных, кои б, имея благоразумныя мысли, не желали себе всякаго добра, тишины и спокойствия, тем что благополучие подданных есть истинное и прямое благополучие самих государей, а единодушное и неразвратное попечение прямых сынов отечества о пользе общей, непоколебленное тому утверждение. Мы со дня самага вступления нашего на всероссийскій престол сему правилу последуем и богу, содействующему в сердце нашем, никогда о пользе и всеобщем добре наших подданных пещись, яко мать о детях своих, не оставим, в чем да и управит и укрепит нас его ж рука святая. Вследствие чего равное ж желание и воля наша есть, чтоб все и каждой из наших верноподданных, единственно прилежал своему званию и должности, удаляясь от всяких продерских и непристойных разглашений, но противу всякаго чаяния, к крайнему нашему

прискорбию и неудовольствию, слышим, || что являются такие развращенных нравов и мыслей люди, кои не о добре общем и спокойствии помышляют, но как сами заражены странными разсуждениями в делах, совсем до них не принадлежащих, не имея о том прямого сведения, так стараются заражать и других слабоумных и даже до того попускают свои слабости в безразсудном стремлении, что касаются своими истолкованиями не только гражданским правам и правительству и нашим издаваемым уставам, но и самим божественным узаконениям, не воображая знатно себе нимало, каким таковыя непристойныя умствования подвержены предосуждениям и опасностям. И хотя таковыя зловредные истолкователи праведно заслуживают достойную себе казнь, яко спокойствию нашему и всеобщему вредные, но мы прежде употребления в сем случае всей строгости, по природному нашему человеколюбию, всех таковых зараженных непристойными мыслями матерински увещеваем удалиться от всяких вредных разсуждений, нарушающих покой и тишину, прилежа единственно званию своему и препровождая время не в праздности или невежестве и буянстве, но в полезных и спокойственных каждому упражнениях, на пользу свою и ближняго. || А естли сие матернее увещание и попечение не подействует в сердцах развратных и не обратит истиннаго блаженства, то ведал бы всяк ис таковых невеждей, что мы тогда поступим уже по всей строгости законов и неминуемо преступники почувствуют всю тягость нашего гнева, яко нарушители тишины и презрители нашей высочайшей воли“. Уложения 22-й главы 13-м пунктом, которые воры чинят в людех смуту и затевают на многих людей своим воровским умышлением затейные дела, и таких воров за такое их воровство казнями смертию. Военскаго устава 20-м артикулом — кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действо и намерение презирать и непристойным образом о том разсуждать будет, оной имеет живота лишен быть и отсечением головы казнен. Толкованием, ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли яко христианский государь по своей воли и благомнению управлять. И яко же о его величестве самом в оном артикуле помянуто, разумеется тако || и его величества цесарской супруге, и его государства наследии. 101-го артикула толкованием, коль более чина и состояния преступитель есть, толь жесточае оный и накажется, ибо оный долженствует другим добрый

л. 122 об.

л. 123

л. 123 об.

приклад подавать, и собою оказать, что оные чинить имеют. Артикулами: 127-м. Кто какую измену или сему подобное учинить намерится, и хотя он к действию не произведет, однако ж имеет по состоянию дела и признанию воинского суда, таковым же высоким наказанием наказан быть, якобы за произведенное самое действие. 133-м. Никто б ниже словом или делом или письмами сам собою или чрез других к бунту и возмущению, или иное что учинить причины не дал, из чего бы мог бунт произойти, ежели кто против сего поступит, оный по розыску дела живота лишится или на теле наказан будет. 137-м. Всякой бунт, возмущение^а и упрямство без всякой милости имеет быть виселицею наказано. 149-м. Кто пасквили или ругательныя письма тайно сочинит, прибьет и распространит, и тако кому непристойным образом какую страсть или зло причтет, чрез что его доброму имени некакой стыд причинен быть может, || онаго надлежит наказывать таким наказанием, каковую страстию он обруганнаго хотел обвинить. Сверх того палач такое письмо имеет сжечь под виселицею. Морского устава 5-й книги 14-й главы 103-м артикулом, кто пасквили или ругательныя письма тайно сочинит, и тако тем, кому бесчестие учинит, оному надлежит наказание такое учинить, что было довелось тому, про кого он писал, ежели б он в том виноват был, толкованием, например, ежели кто кого в пасквиле бранил изменником, или иным злым делом, то оный пасквилотворец яко изменник, или каких дел делатель, о которых описал, наказан будет. Пасквиль есть сие, когда кто письма напишет или напечатает и в том кого в каком деле обвинит и оноя явно прибьет или прибить велит, а имени своего и прозвища во оном не изобразит, ежели в пасквиле он про кого и правду напишет, то однако ж по рассмотрению судейскому наказан быть имеет тюрьмою, сосланием на галеру на время, шпидрутеном, или иным чем. Понеже он прямым путем не пошел, дабы другого погрешения объявить. Указом 754-го года сентября 30-го дня по прочем, подлежащим к натуральной смертной казни, чинить || жестокое наказание кнутом и, вырезав ноздри, ставить на лбу „В“, а на щеках на одной „О“, а на другой „Р“, и по учинении им того наказания, заклепав в кандалы, ссылатъ до указа в тяжкую работу в Рогорвик и в прочие места. Воинского процесса 2-й части 2-й главы пунктом 1-м. Когда кто признает, чем он виновен есть, тогда дальнаго доказу не требует, понеже собственное признание есть луч-

л. 124

л. 124 об.

^а Так в подлиннике возмущение, очевидно — возмущенье.

шее свидетельство всего свете. Состоявшегося в 22-й день сентября 1732-го года за собственноручным ея императорского величества подписанием Правительствующему Сенату данного установления о ордене святого Владимира 21-ю статьею, в несчастливом случае, чего мы, однако ж, не надеемся, буде кто ис кавалеров в такия впадет погрешности, которыя чести и долгу противны, учинит преступление должности, или уголовное упущение установленнаго законнаго порядка, или до расстройства допустит порученную ему часть, таковаго по донесении нам и на предварительном, где надлежит, суде по ясном изобличении, из ордена исклочьить, и знаки ордена от него отобрать повелеваем, сообщая при возвращении знаков в кавалерскую думу вину и решение суда || дворянскаго положения, состоявшагося 785-го года апреля 21-го дня, статьями: 5-ю. Да не лишится дворянин или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступлением, основаниям дворянскаго достоинства противным. 6-ю. Преступления, основания дворянскаго достоинства разрушающия и противныя, суть следующие: 1-е. Нарушение клятвы. 2-е. Измена. 3-е. Разбой. 4-е. Воровство всякаго рода. 5-е. Лживыя поступки. 6-е. Преступления, а за кои по законам следовать имеет лишение чести и телесное наказание. 7-е. Буде доказано будет, что других научал подобныя преступления учинить. 13-ю. Дело благороднаго, впадшаго в уголовное преступление и по законам достойнаго лишения дворянскаго достоинства, или чести, или жизни, да не вершится без внесения в Сенат и конфирмации императорскаго величества. 15-ю. Телесное наказание да не коснется до благороднаго. Приказали: как в имянном ея императорскаго величества высочайшем указе сказано, что коллежской советник Александр Радищев издал здесь книгу сочинения своего под названием Путешествие ис Петербурга в Москву, наполненную самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, и умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и, наконец, оскорбительными и неистовыми изращениями противу сана || и власти царской, в палате же Уголовнаго суда он, Радищев, хотя и показал, что чувствует во внутренности своей души, что та книга есть дерзновенна и приносит в том свою повинность, да и что сочинил он ее не в злоумышленном намерении, но единственно только, чтобы прослыть сочинителем остроумным, но однако ж Палата, рассматривая оную

л. 125

л. 125 об.

книгу, находит, что она показывает совсем тому противное. А потому ево, Радищева, за сие ево преступление Палата мнением полагает, лиша чинов и дворянства и отобрав от него знак ордена святого Владимира 4-й степени, по силе Уложения 22-й главы 13-го пункта, воинских 20-го, 127-го, 133-го, 137-го, 149-го артикулов и 101-го толкования, а так же Морского устава 5-й книги 14-й главы, 103-го артикула и на оной толкования казнить смертию, а показанныя сочинения ево книги, сколько оных отобрано будет, истребить. Но как состоявшегося 785-го года апреля 21-го дня дворянского положения в 13-й статье сказано, „что дело благородного, впадшаго в уголовное преступление и по законам достойного лишения дворянского достоинства, или чести, или жизни, да не вершится без внесения в Сенат и конфирмации императорского величества“ и для того сей Палаты приговор (оставя в палате таковой же) || и дело с имеющимся в Палате сочинения ево, Радищева, книг и присланным при сообщении из Губернского правления 23-го числа сего месяца экземпляром оной книги с приписками и приправками, по силе указа 784-го года мая 29-го дня для представления в Правительствующий Сенат взнестъ к главнокомандующему его сиятельству господину генерал-аншефу, сенатору и разных орденов кавалеру графу Якову Александровичу Брюсу.

Михайла Пушкин.

Иван Перберг.

Афанасей Иванов.

Илья Котельников.

Подписан 25 июля.

Секретарь Петр Попов.

Мнение сей Палаты о коллежском советнике Радищеве.

6

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЕНАТА

7 августа 1790 г.

а. 128

Копия.

1790-го года июля 31-го и августа 1-го и 7-го чисел. По указу ея императорского величества Правительствующий Сенат, слушав следственное дело, вступившее во оной при рапорте главнокомандующаго в Санкт-Петербурге и во всей Санкт-петербургской губернии, господина генерал-аншефа сенатора и кавалера, графа Якова Александровича Брюса, произведенное во исполнение имяннаго ея императорского

вельчества высочайшаго указа Санкт-Петербургской губернии в Палате уголовного суда о коллежском советнике и ордена святого равноапостольнаго князя Владимира 4-й степени кавалера Александре Родищеве относительно сочинения и издания им книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву с учиненным в той Палате приговором и с приложением упомянутой книги, да асобо одного экземпляра оной книги с приписками и приправками. Приказали: поднести ея императорскому величеству всеподданнейший || доклад, следующего содержания: в имянном вашего императорскаго величества указе, данном 13-го июля сего 1790-го года главнокомандующему в Санкт-Петербурге и во всей Санкт-петербургской губернии, господину генералу-аншефу, сенатору и кавалеру графу Брюсу, написано: „Недавно издана здесь книга под названием Путешествие из Петербурга в Москву, наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественной, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвесть в народе негодование противу начальников и начальства, и наконец оскорбительными и неистовыми изражениями противу сана и власти царской. Сочинителем сея книги оказался коллежской советник Александр Радищев, которой учинил в том признание, присовокупив к сему, что после цензуры Управы благочиния внес он многия || листы в помянутую книгу, в собственной его типографии напечатанную, и потому взят под стражу. Такое его преступление повелеваем рассмотреть и судить узаконенным порядком в Палате уголовного суда Санктпетербургской губернии, где заключа приговор, взнести оный в Сенат наш. Во исполнении сего высочайшаго вашего императорскаго величества указа и по предложению господина главнокомандующаго Палата уголовного суда, брав к себе его, Радищева, из под стражи, спрашивала по вопросным пунктам в том: 1-е. В каком намерении сочинил он ту книгу. 2-е. Кто имянно ему были в том сообщники. 3-е. Чувствует ли он важность своего преступления. 4-е. Сколько напечатано им экземпляров и из того выпущено в свет и кому имянно сам он раздавал. На сии вопросныя пункты 17-го июля своеручно он, Радищев, подписал: На 1-е. Намерения при сочинении сей книги другаго не имел, как быть известным в свете || между сочинителями и дабы прослыть таковым, то есть сочинителем остроумным. На 2-е. Никого сообщников во оном не имел. На 3-е. Чувствует во внутренности своей души, что книга его дерзновенна, и приносит в том свою повинность. На 4-е.

а. 128 об.

а. 129

а. 129 об.

Напечатано было оной книги около шестисот пятидесяти экземпляров, немного более или меньше, того утвердительно сказать не упомнит. Из того числа продано на деньги и променено на книги купцу Зотову двадцать пять экземпляров, да роздано им: два экземпляра находящемуся при народных училищах коллежскому советнику и ордена святого Владимира кавалеру Осипу Казадавлеву для него и для находящегося здесь в Петербурге действительного статского советника Державина; один находящемуся при таможене в числе определенных для познания дел прапорщику Даргану, один конной гвардии ротмистру Сергею Алсуфьеву; один живущему в || Измайловском полку при школе иностранцу Вицману, один хотел дать надзирателю при таможене у разъезда на судах Александру Царевскому, но дал ли или нет, того не помнит. Один назначил в отсылку в Берлин к отставному премьер-майору Алексею Кутузову, который запечатанной отдан им, Радищевым, находящемуся при вице-канцлере господину Валцу, но не отослан. А как он узнал, что в городе стали ее принимать в худом смысле, то почувствовал сам омерзение к своему сочинению, экземпляры достальные все сожечь велел и по приказу его служителем Давыдом Фроловым сожжены. Потом, будучи еще июля 19-го спрашиван по увещанию священника, подтвердил, что ту книгу сочинил ни в каком злоумышленном намерении, но единственно чтобы прослыть писателем, а так же и сообщников в сочинении оной никого не имел. Служитель же его, Радищева, Давыд Фролов по предписанию от Палаты

а. 130 об. Управе благочиния, быв чрез частного пристава || спрашиван, показал, что назад тому около трех недель, господин его, приехав с дачи, приказал ему, Фролову, имеющихся в покое у него, Фролова, печатных не в переплете и неразодранных книги, и какия оныя были и сколько их числом, за неумением ево грамоте, не знает, но только их было немалое количество, сжечь, из которых книг в небытность в то время никого других, он, Фролов, некоторое число и зжег в кухне, а остальное количество зжег таким же образом на другой день, незадолго пред взятьем господина его. Затем по сыске в Палату чрез Губернское правление таможенного надзирателя Царевского, которой представил корректурной с приписками и приправками оной книги экземпляр, будучи он, Царевской, допрашиван, показал, что у Радищева обучал он детей истории, географии, чистописанию, арифметике, алгебре и грамматике с получением от него платы. Типография у него, Радищева, заведена была в 789-м году; наборщиком

был досмотрщик здешней таможни Богомолов; буквы куплены у Шнора книгопечатника, || живущаго по Мойке; означенную корректурную книгу получил он из дому ево, Радищева, когда отпечаталась оная, назад тому месяца с полтора, и взял ее для чтения на столе в том самом покое, где учил детей, но Радищеву о том не сказывал, и еще той книги всей не прочитал, а кто в ней приправки делал, не знает. По сему показанию досмотрщик Богомолов, быв призван в Палату, показал, что, находясь прежде сего в Академии Наук наборным учеником, набирал он означенную книгу по приказу Радищева в доме ево, Радищева, с декабря до июня месяца, но кто ту книгу сочинял, о том не знал, так же и кто приписки делал, не знает, а присыланы были к нему для набора тетрати чрез людей Радищева. Наконец Радищев июля 24-го на вопрос Палаты объявил, что корректура ево книги делана им действительно вся, и все поправки, которые во оной находятся, делал он своею рукою. Ежели иные места кажутся отличны, то для того, что писаны || рачительнее, дабы наборщик не мог ошибиться и не было бы нужды делать еще поправки. Окончив таким образом, Палата Уголовнаго суда сие изследования подписанным 25-го июля приговором заключила: хотя он, Радищев, и показал, что чувствует во внутренности своей души, что та книга есть дерзновенна, и приносит в том свою повинность, да и что сочинил он ее не в злоумышленном намерении, но единственно только, чтоб прослыть сочинителем остроумным, но однакоже Палата, разсматривая оную книгу, находит, что она показывает совсем тому противное, а потому ево, Радищева, за сие его преступление мнением своим полагает, лиша чинов и дворянскаго достоинства и отобрав от него знак ордена святаго Владимира, по силе Уложения 22-й главы 13-го пункта, воинских 20-го, 127-го, 133-го, 137-го, 149-го артикулов и 101-го толкования, а так же Морскаго устава 5-й книги 14-й главы 103-го артикула и на оной толкования, казнить смертию, а показанныя сочинения || ево книги, сколько оных отобрано будет, истребить, чего для об отобрании оных и сообщено в Губернское правление. По внесении сего приговора обще с делом и с обеими вышеупомянутыми книгами от той палаты к господину главнокомандующему, представлено все то от него, господина главнокомандующаго, при рапорте в Сенат от 26-го июля. А предписанными помещенными в приговоре Палаты и сверх того приличными на сие дело законами повелено: Уложения 22-й главы 13-м пунктом: А которые воры чинят в людях смуту и затевают на многих

л. 131

л. 131 об.

л. 132

людей своим воровским умышлением затейные дела, и таких воров за такое их воровство казнить смертью. Военскими артикулами: 20-м. Кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действо и намерение презирать и непристойным образом о том разсуждать будет, оный имеет живота лишен быть и отсечением главы казнен. 101-го толкованием: коль более чина и состояния || преступитель есть, толь жесточае оный и накажется. Ибо оный долженствует другим добрым приклад подавать, и собою оказать, что оные чинить имеют. 127-м. Кто какую измену или сему подобное учинить намерится, и хотя он сие к действию не произведет, однако же имеет по состоянию дела и признанию воинскаго суда, таковым же высоким наказанием наказан быть, якобы за произведенное самое действо. 135-м. Никто б ниже словом, или делом, или письмами сам собою или чрез других к бунту и возмущению, или иное что учинить, причины не дал, из чего бы мог бунт произойти. Ежели кто против сего поступит, оный по розыску дела живота лишится или на теле наказан будет. 137-м. Всякой бунт, возмущение и упрямство без всякой милости имеет быть виселицею наказано. 149-м. Кто пасквили или ругательныя письма тайно сочинит, прибьет и распространит, и тако кому непристойным образом какую страсть или зло причтет, чрез что его доброму имени некакой стыд причинен быть может, онаго надлежит наказать таким наказанием, какую страстию он обруганнаго хотел || обвинить, сверх того палач такое письмо имеет зжечь под виселицею. Морскаго устава 5-й книги 13-й главы 92-м пунктом: Никто б ниже словом или делом или письмами сам собою, или чрез других к бунту или возмущению, или иное что учинит, причины не давал, из чего бы мог бунт или измена произойти. Ежели кто против сего поступит, оный живота лишится. 14-й главы 103-м пунктом: Кто пасквили, или ругательные письма тайно сочинит, и тако тем кому безчестие учинит, оному надлежит наказания такое учинить, что было довелось тому, про кого он писал, ежели б он в том виноват был. Толкованием на сей пункт: Например, ежели кто кого в пасквиле бранил изменником, или иным злым делом, то оный пасквилотворец яко изменник или каких дел делатель, о которых описал, наказан будет. Пасквиль есть сие: когда кто письма напишет, или напечатает и в том кого в каком деле обвинит и оное явно прибьет || или прибьет велит, а имени своего и прозвания во оном не изобразит. Ежели в пасквиле он про кого и правду напишет, то однакож по разсмотрению судейскому

наказан быть имеет тюрьмою, сосланием на галеру на время, шпицрутеном, или иным чем. Понеже он прямым путем не пошел, дабы другаго погрешение объявить. Тож разумеется и о тех, которые хотя сами не делали, но вспомогали в том, или ведали, а не объявили. Указом 1763-го года июня 4-го дня: Нет в свете государства, о благополучии котораго не прилагали б владетели и правительства их всевозможнаго старания и трудов, к возстановлению в вышшую степень благоденствия всех живущих во оных обитателей. Нет таких и подданных, кои б, имея благоразумныя мысли, не желали себе всякаго добра, тишины и спокойствия, тем что благополучие подданных есть истинное и прямое благополучие самих государей, а единодушное и неразвратное попечение прямых сынов отечества о пользе общей, непоколебимое тому утверждение. Мы || со дня самага вступления нашего на всероссийский престол сему правилу последуем и богу, содействующему в сердце нашем, никогда о пользе и всеобщем добре наших подданных пецись, яко мать о детях своих, не оставим, в чем да управит и укрепит нас его ж рука святая. Вследствие чего равное желание и воля наша есть, чтоб все и каждой из наших верноподданных единственно прилежал своему званию и должности, удаляясь от всяких продерзких и непристойных разглашений, но противу всякаго чаяния, к крайнему нашему прискорбию и неудовольствию, слышим, что являют такие развращенных нравов и мыслей люди, кои не о добре общем и спокойствии помышляют, но как сами заражены странными разсуждениями о делах, совсем до них не принадлежащих, не имея о том прямаго сведения, так стараются заражать и других слабоумных, и даже до того попускают свои слабости в безразсудном || стремлении, что касаются дерзостно своими истолкованиями не только гражданским правам и правительству и нашим издаваемым уставам, но и самим божественным узаконениям, не воображая знатно себе нимало, каким таковыя непристойныя умствования подвержены предосуждениям и опасностям. И хотя таковыя зловердные истолкователи праведно заслуживают достойную себе казнь, яко спокойствию нашему и всеобщему вредные, но мы прежде употребления в сем случае всей строгости, по природному нашему человеколюбию, всех таковых зараженных неспокойными мыслями матерински увещеваем удалиться от всяких вредных разсуждений, нарушающих покой и тишину, прилежа единственно званию своему и препровождая время не в праздности или невежестве и буянстве, но в полезных и свойственных каждому упражнениях

л. 134

л. 134 об.

на пользу свою и ближняго. А естли сие наше матернее увещевание и попечение не подействует в сердцах развращенных || и не обратит на путь истиннаго блаженства, то ведал бы всяк из таковых невеждей, что мы тогда поступим уже по всей строгости законов, и неминуемо преступники почувствуют всю тяжесть нашего гнева, яко нарушители тишины и презрители нашей высочайшей воли. Указом 1754-го года сентября 30-го дня состоявшимся во исполнение высочайшей марта 29-го дня 1753-го года на докладе от Сената конфирмации: „Которые по государственным правам и указам натуральной смерти совершенно надлежат, таковым по прежним ея величества указом той смертной езекуции до рассмотрения и точнаго об них указа не чинить. А дабы оныя за долговременным об них рассмотрением наказания не избывали и из ссылки побегов чинить и за непостановлением на них знаков укрываясь в такие ж воровства вступать не дерзали, при посылке их в тяжкую работу в Рогервик (что ныне Балтийской порт) и в протчия определенныя места, до рассмотрения чинить жестокое наказание кнутом и, вырезав ноздри и поставя повеленныя знаки, || также заклепав в кандалы, ссылатъ до указа в тяжкую работу в вышеписанныя места, а в Сенат с показанием их вин и решительных приговоров присылать краткие экстракты. Устава благочиния статьями: 233-й. Буде кто учинит в городе обнародывание или объявление во всенародное известие без ведома, позволения или согласия Управы благочиния, да отдастся под стражу и отошлется в суд и да накажется по мере вины или преступления им учиненнаго, как в законе написано. 236-ю. Буде кто начнет новизну, узаконению противную, да отошлется в суд и да накажется по мере вины или преступления, им учиненнаго, как в законе написано. 254-ю. Буде кто учинит лжепредсказания или лжепредзнаменования, да отошлется к суду и да учинится с ним, как в законе написано о лжеце. 271-й статьи отделениями: 1-м. Буде кто учинит супротивление закону или должности действием или словами, того имать под стражу и отослать к суду. 11-м. || Буде кто учинит письма ругательныя, того отослать к суду. 272-й отделениями: 3-м. Буде кто учинит письма угрожительныя, того имать под стражу и отослать к суду. 9-м. Буде кто учинит разсеваия лжи и клеветы, того имать под стражу и отослать к суду. Статут ордена святаго равноапостольнаго князя Владимира 21-ю статью: В нещастливом случае, чего мы однако ж не надеемся, буде кто из кавалеров в такая впадет погрешности, которая долгу и чести противныя, учинит преступления

должности или уголовное упущение установленного законного порядка или до растрояства допустит порученную ему часть, такового по донесении нам и на предварительном где надлежит суде, по ясном изобличении, из ордена исключить и знаки ордена от него отобрать повелеваем, сообщая, при возвращении знаков, в Кавалерскую думу вину и решение суда. Изданного в 21-й день апреля 1787-го года манифеста статьями: 51-ю увещеваем || и повелеваем подданным нашим и всем в Российской империи находящимся и живущим людям всякаго чина и состояния: 1-е. Жить мирно. 2-е. Почтение отдавать каждому принадлежащее и повиноваться начальству и власти над ним постановленной. 3-е. Каждому стараться предупредить недоразумения, ссоры, споры и прения, кои могут довести до огорчения. 4-е. Буде кто кому окажет неудовольствие или принесет жалобу за его слова или поступки, то сие чинить без вспыльчивости и огорчения при посредниках; ответчик же жалобщику имеет дать при тех же посредниках все нужные объяснения без вспыльчивости или огорчения, чтоб с обеих сторон оказано было законное послушание и почтение к власти законодательной. 52-ю подтверждая наисильнейшим образом всем в службе нашей военной и гражданской находящимся повиноваться начальству и власти мест и особ над ними постановленных, повелеваем всякое против сего преступления по всей строгости законов неупустительно взыскивать, со стороны же || власть и начальство имеющих наблюдать за сохранением порядка и должного послушания, под опасанием, что всякое послабление в том, яко влекущее по себе разстройство в подчиненности по службе вменится начальникам в сущее упущение и неисполнение должности. Всемилоостивейше пожалованной дворянству 1785-го года апреля 21-го дня граммати статьими: 6-ю. Преступления основания дворянского достоинства разрушающия и противныя суть следующие: 1-е. Нарушение клятвы. 2-е. Измена. 3-е. Разбой, 4-е. Воровство всякаго рода. 5-е. Лживыя поступки. 6-е. Преступления, за кои по законам следовать имеет лишение чести и телесное наказание. 7-е. Буде доказано будет, что других уговаривал или научал подобныя преступления учинить. 15-ю. Телесное наказание да не коснется до благороднаго. По справке ж о нем, Радищеве, с послужными списками и по собственному его показанию оказалось: в службе он из дворян с 762-го года при дворе вашего императорскаго величества || пажем и посылан был в Лейпцигской университет для обучения на казенном иждивении. По возвращении оттуда в 771-м году определен в Сенат

л. 136 об.

л. 137

л. 137 об.

в должность протоколиста с чином титулярнаго советника, в 773-м году в штаб генерала аншефа Брюса в обер-аудиторы. В 775-м году в отставку армии секунд-майором; в 777-м году определен в Коммерц-коллегию на ассесорское место, где в 779-м году произведен в коллежские ассесоры, в 780-м году по имянному вашего императорскаго величества указу определен в помощь статскому советнику Даю, к таможенным делам. И в том же году произведен в надворные советники. В 783-м году в нынешний настоящий чин. А в 1784-м году пожалован кавалером ордена святаго равноапостольнаго князя Владимира в 4-й класс. Сенат, разсматривая все сие, находит: хотя он, Радищев, в ответе на вопросныя в Палате пункты, равно и со увещания священническаго и показал, якобы намерения при сочинении сей книги другаго не имел, || как быть известному в свете между сочинителями и дабы прослыть таковым, т. е. сочинителем остроумным, но в таковом его познании вероятия он не заслуживает и за истинну онаго принять нельзя, а без всякаго сомнения видно, что сочинил и издал столь вредное неистовое и оскорбительное сочинение с намерением, чтоб оно послужило поводом к произведению зловреднаго действия по неизвестным на сие его, Радищева, расположениям и доказательно, что не желание только его было прослыть в свете сочинителем остроумным, потому что скрыл в том сочинении свое имя, следовательно не мог себе льстить, чтоб в свете его остроумным сочинителем считали. А посему толь важному его преступлению по силе вышепрописанных законов и присуждаем, так как и Палата уголовного суда, лишить его чинов, дворянскаго достоинства; исключить из кавалеров ордена святаго Владимира и казнить смертию, а имянно: по силе воинскаго устава || 20-го артикула отсечь голову. А между тем по точной силе указа 1754-го года сентября 30-го дня до воспоследования о сей смертной казни указа надлежало бы учинить ему жестокое наказание кнутом и с постановлением повеленных сим указом знаков, заклепав в кандалы, сослать в тяжкую работу. Но как всемилостивейше пожалованной дворянству грамоты в 15-м пункте изображено: телесное наказание да не коснется до благороднаго, то следствие сего и полагает, не чиня ему онаго, а по лишении его чинов и дворянскаго достоинства, по исключении из кавалеров и по отобрании знаков ордена до вышеупомянутаго, о произведении ему смертной казни, указа, заклепав в кандалы, сослать в каторжную работу, но не в Кронштат, куда по имянному вашего императорскаго величества указу 1785-го

л. 138

л. 138 об.

года августа 20-го дня из Санкт-Петербургской губернии преступников || отсылать повелено; а в Нерчинск, для того, дабы таковым его удалением отнять у него способ к подобным сему предприятиям. Более же Сенат по содержанию упомянутой пожалованной дворянству грамоты статьи 13-й, в которой изъяснено: дело благородного, впадшего в уголовное преступление и по законам достойного лишения дворянского достоинства или чести или жизни; да не совершится без взнесения в Сенат и конфирмации императорского величества благоволение и имеет ожидать высочайшего указа. Что ж принадлежит до розданных им; Радищевым, разных значущимся в показании его людям книг; о которых Палата Уголовного суда сообщила в Санкт- || Петербургское губернское правление, дабы их в самой скорости отобрать, то и от Сената оному губернскому правлению о сем отобрании вышепоказанных книг подтвердить с тем, что, когда они собраны будут, то немедленно их зжечь. И о сем в то Губернское правление послать указ.

л. 139

л. 139 об.

Подлинное за подписанием Правительствующаго Сената.
Августа 8-го дня 1790-го года.

Протоколист Павел Сканьский.

Кондрат Захарьев.

По сему определению доклад к генерал-прокурорским делам отдан августа 8-го числа и указ в Санктпетербургское губернское правление послан 12 августа 1790-го года под № 814-м за скрепою господ обер-секретаря Ивана Ананьевскаго и секретаря Ивана Палицына, за справою регистратора Николая С... скаго.

7

СПРАВКА О ВЫПОЛНЕНИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЕНАТА

8 августа 1790 г.

По справке в Сенате

л. 143

По выслушании в Правительствующем Сенате вступившаго от главнокомандующаго в Санкт-Петербурге и во всей Санкт-Петербургской губернии господина генерала-аншефа, сенатора и кавалера графа Якова Александровича Брюса следственного дела, произведеннаго по имянному ея императорскаго величества указу Санкт-Петербургской губернии и

в Палате Уголовного суда, о коллежском советнике Радищеве в сочинении и издании им зловредной книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву, определением онаго заключено: о наказании того Радищева за сочинение и издание им показанной книги поднести ей императорскому величеству всеподданнейший доклад, а о самоскорейшем собрании розданных им, Радищевым, разным значущимся в показании его людям экземпляров той книги, и когда они собраны будут, о немедленном их сожжении предписать Санкт-петербургскому губернскому правлению указом. ||

а. 143 об.

И вследствие сего определения надлежащее исполнение учинено. Причем в докладе донесено ей величеству и о вышеозначенном зделанном Санктпетербургскому губернскому правлению касательно до собрания и сожжения упомянутых книг предписании.

Секретарь Иван Палицын.

Канцелярист Кондрат Захарьев.

8

**РАПОРТ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ СЕНАТУ
ОБ ОТОБРАНИИ У РАЗНЫХ ЛИЦ ЭКЗЕМПЛЯРОВ „ПУТЕШЕСТВИЯ“**

21 августа 1790 г.

Секретно.

а. 140

В Правительствующий Сенат

Из Санкт-петербургскаго губернскаго правления

Рапорт

О получении указа и со учиненным по оному исполнением

Указом правительствующаго Сената сего августа от 12-го числа под № 814-м Губернскому правлению велено: книги, изданной коллежским советником Радищевым под названием Путешествие из Петербурга в Москву экземпляры, розданные им, от людей, прописанным в показании, учиненном в здешней палате Уголовного суда им, Радищевым, отобрать и, когда отобраны будут, немедленно сжечь. А по учиненной в сем правлении справке оказалось, что минувшаго июля от 19-го числа Палата Уголовного суда требовала сообщением о отобрании экземпляров книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву от купца Зотова двадцати

а. 140 об.

пяти, от коллежскаго советника и кавалера || Казадавлева

одного, от действительнаго статскаго советника и кавалера Державина одного, от находящагося при таможене прапорщика Дарагана одного, лейб-гвардии коннаго полку от ротмистра Сергея Олсуфьева одного, от иностранца Вицмана одного, от надзирателя Царевского одного и от иностранца Вальца одного, по которому и было предписывано того ж месяца от 20 и 23 числ указами Управе благочиния к портовой таможене, чтоб первая, отобрав те книги от здешняго купца Зотова, коллежскаго советника Казадавлева, господина действительнаго статскаго советника и кавалера Державина, живущаго в Измайловском полку иностранца Вицмана и от находящихся при господине вице-канцлере господина Вальца, господин же ротмистр Олсуфьев того ж числа представил таковой экземпляр в Губернское правление. А последняя от прапорщика Дарагана и таможеннаго надзирателя Царевского, как наискорые отобрав, представили в правление, из коих от таможни представлены объяснении тех Дарагана и Царевского, || в коих они показали: прапорщику Дарагану, что он той книги экземпляр ему данной отдал надзирателю Царевскому и более онаго от него не получал. Царевской: что он полученные им два экземпляра отдал в разные времена мещанину Петру Кузовлеву, живущему в Апраксинском переулке, а потому от сего правления было предписано указами Управе благочиния отобрании от означеннаго Кузовлева тех книг и портовой таможене, чтобы она представила прапорщика Дарагана и надзирателя Царевского в сие правление, которые от оной и представлены, причем и один экземпляр, от Царевского таможеню отобранной, при том рапорте представлен, вследствие чего в сем правлении определено ту книгу отослать в Палату уголовного суда при сообщении, а как во оной многие оказались письменные приписки и приправки, то и ево, Царевского, в случае могущей быть в нем надобности равно и взятые от показанных || Царевского и Дарагана показание, так же и мещанина Кузовлева в получении от Царевского двух книг и об отдаче оных квартальному Богдановичу и купцу Овчинникову росписку отослать и отосланы в Палату уголовного суда при сообщении; Управе ж благочиния подтверждено, чтоб она от квартальнаго Богдановича и купца Овчинникова, помянутые книги отобрав, представила в сие правление немедленно. По которому Управа благочиния при поданных рапортах представила отобранные книги от коллежскаго советника и кавалера Казадавлева одну, от князя Петра Никитича Трубецкаго одну и от действительнаго статскаго советника

л. 141

л. 141 об.

и кавалера Державина одну; от протчих же донесла, что от квартального Богдановича книга господином обер-полицеймейстером отобрана и в надлежащее место доставлена. А о имеющихся у находящагося при вице-канцлере Вальде одной книге, что она им лично отдана Степану Ивановичу Шешковскому, также и г-н обер-камергер Иван Иванович Шувалов, объявил, что он полученную от банковаго || советника Хитрова таковую книгу изтребил, а о двадцати пяти экземплярах, данных купцу Зотову, репортовала, что на квартире, в которой он жил, ни ево самого, ни таковых книг не оказалось. При слушании ж сего господин генерал порутчик, губернатор и кавалер словесно объявил правлению, что сии книги ея императорское величество 17-го числа сего месяца изустно ему, господину губернатору, высочайше указать соизволила отослать к господину действительному статскому советнику и кавалеру Степану Ивановичу Шешковскому. Почему Губернское правление определило: означенные книги отослать и отосланы к господину действительному статскому советнику и кавалеру Шешковскому при письме господина губернатора с губернским стряпчим уголовных дел за печатью. О чем Правительствующему Сенату Губернское правление сим и рапортует.

Августа 21 дня

1790 года.

Во 2-й департамент.

Петр... .

Секретарь Харитон Грив... .

9

**СООБЩЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУБЕРНАТОРА П. КОНОВНИЦЫНА
СЕНАТУ ВЫСОЧАЙШЕГО ПОВЕЛЕНИЯ О ПЕРЕДАЧЕ ВСЕХ
ЭКЗЕМПЛЯРОВ „ПУТЕШЕСТВИЯ“ С. И. ШЕШКОВСКОМУ**

21 августа 1790 г.

Копия.

1790-го года августа 21-го дня в журнале Правительствующаго Сената записано.

Впущен был в собрание Правительствующаго Сената господин генерал-порутчик и Санкт-Петербургской губернатор и кавалер Коновницын, и подал от Санкт-Петербургскаго губернскаго правления рапорт по секрету, в коем явствует, что указом Правительствующаго Сената велено сему правлению отобрать от разных людей экземпляры книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву, сочиненной и изданной коллежским советником Радищевым, и когда они отобраны будут, немедленно их сжечь. Но поелику по соб-

рани оным правлением значущагося в сем его рапорте количества вышеписанных книг господин генерал-порутчик, санктпетербургской губернатор и кавалер Коновницын правлению словесно объявил, что сии книги ея императорское величество 17 числа сего августа месяца изустно ему, господину губернатору, высочайше указать соизволила отослать || к господину действительному статскому советнику и кавалеру Шешковскому, то сие правление, по определению своему, означенные книги к господину действительному статскому советнику и кавалеру Шешковскому при письме господина губернатора с губернским уголовных дел стряпчим за печатью и отослало, и по справке в Сенате приказали: как указом Сената санктпетербургскому губернскому правлению предписано было: розданные коллежским советником Радищевым разным значущимся в показании его людям книг, вышеупомянутые книги в самой скорости собрать, и, когда они собраны будут, немедленно их сжечь, о чем донесено от Сената и ея императорскому величеству, но Губернское правление рапортует, что по собрании сим правлением значущагося в том его рапорте количества вышеписанных книг, отосланы они во исполнение имяннаго ея императорскаго величества указа, объявленнаго в том Правлении господином генералом порутчиком, санктпетербургским губернатором и кавалером Коновницыным, к господину действительному статскому советнику и кавалеру Шешковскому, а имянными ея императорскаго величества указами 1762-го июля 3-го и ноября 7-го и 1763 годов || февраля 3-го чисел последовавшими высочайше повелено: именные ея величества указы ко исполнению принимать единственно от сенаторов, от членов Святейшаго Синода, от генерала-прокурора, от президентов первых трех коллегий, от дежурных генералов-адъютантов, от синодскаго обер-прокурора и от правящаго Кабинетом. Того ради донести ея императорскому величеству о вышеупомянутом объявленном господином генералом порутчиком, санктпетербургским губернатором и кавалером Коновницыным ея величества повелении всеподданнейшим рапортом тогда, когда воспоследует высочайшей указ на поднесенной от Сената ея императорскому величеству о вышеупомянутом коллежском советнике Радищеве доклад, о чем с сего пункта дать в экспедицию копию.

л. 144 об.

л. 145

Подлинной за подписанием Правительствующаго Сената.

Протоколист Павел Скальский.

Читал канцелярист Кондрат Захарьев.

10

УКАЗ О ССЫЛКЕ А. Н. РАДИЩЕВА В СИБИРЬ В ИЛИМСКИЙ
ОСТРОГ

4 сентября 1790 г.

л. 147

Указ нашему Сенату

Коллежский советник и ордена святого Владимира кавалера Александр Радищев оказался в преступлении противу присяги его и должности подданного, изданием книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву, наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и, наконец, оскорбительными и неистовыми выражениями противу сана и власти царской, учинив сверх того лживой поступок прибавкою после цензуры многих листов в ту книгу, в собственной его типографии напечатанную, в чем и признался добровольно. За таковое его преступление осужден он Палатою уголовных дел Санкт-Петербургской губернии, а потом и Сенатом нашим, на основании государственных узаконений к смертной казни, и хотя по роду толь важной вины заслуживает он сию казнь по точной силе законов означенными местами ему приговоренную, но мы, последуя правилам нашим, чтоб соединять правосудие с милосердием || для всеобщей радости, которую верные подданные наши разделяют с нами в настоящее время, когда всевышний увенчал наши неусыпные труды во благо империи, от него нам вверенной вожделенным миром с Швециею, освобождаем его от лишения живота, и повелеваем вместо того, отобрав у него чины, знаки ордена святого Владимира и дворянское достоинство, сослать его в Сибирь в Илимской острог на десятилетнее безисходное пребывание, имение же, буде у него есть, оставить в пользу детей его, которых отдать на попечение деда их.

л. 147 об.

На подлинном подписано собственною ея императорского величества рукою тако:

Екатерина.

С подлинным свидетельствовал секретарь Иван Палицын.
С подлинным читал канцелярист Кондратий Захарьев.

В С.-Петербурге.

Сентября 4-го 1790-го года.

Подлинной обратно в 1-й Сената департамент принял регистратор Илья Федоров.

11

**ИЗВЕЩЕНИЕ СЕНАТА ОБ ИСПОЛНЕНИИ УКАЗА О ССЫЛКЕ
А. Н. РАДИЩЕВА В СИБИРЬ**

5 сентября 1790 г.

Правительствующаго Сената из 1-го во 2-ой департамент л. 146

Известие

По резолюции Правительствующаго Сената, последовавшей по имянному указу, данному Сенату о преступнике коллежском советнике Радищеве, велено оной высочайший указ подлинной для надлежащего исполнения сообщить во 2-й Правительствующаго Сената департамент, по исполнении же и по оставлении там с него копии подлинной возвратить в 1-й департамент, почему помянутой указ подлинной и прилагается при сем. Сентября 5 дня 1790 года.

Слуш. 5 сентября 1790 года.

Секретарь Карл Северин.

Регистратор Илья Федоров.

12

**РАСПОРЯЖЕНИЕ СЕНАТА ОБ ИСПОЛНЕНИИ УКАЗА О ССЫЛКЕ
А. Н. РАДИЩЕВА В СИБИРЬ**

5 сентября 1790 г.

Копия. л. 148

1790-го года сентября 5-го дня. По имянному ея императорскаго величества указу, данному Сенату сего сентября 4-го дня за собственноручным ея величества подписанием, в котором изображено: „коллежский советник и ордена святого Владимира кавалер Александр Радищев оказался в преступлении противу присяги его и должности подданнаго, изданием книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву, наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и наконец оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской, учинив сверх того живой поступок прибавкою после ценсуры многих листов

а. 148 об. в ту книгу, в собственной его типографии напечатанную, в чем и признался добровольно. За таковое его преступление осужден он Палатою уголовных || дел Санктпетербургской губернии, а потом и Сенатом нашим, на основании государственных узаконений к смертной казни; и, хотя по роду толь важной вины заслуживает он сию казнь, по точной силе законов означенными местами ему приговоренную, но мы, последуя правилам нашим, чтоб соединить правосудие с милосердием, для всеобщей радости, которую верные подданные наши разделяют с нами в настоящее время, когда всевышний увенчал наши неусыпные труды во благо империи, от него нам вверенной вожделенным миром с Швециею, освобождаем его от лишения живота и повелеваем вместо того, отобрав у него чины, знаки ордена святого Владимира и дворянское достоинство, сослать его в Сибирь в Илимской острог на десятилетнее безысходное пребывание. Имени же, буде у него есть, оставить в пользу детей его, которых отдать на попечение деда их. Правительствующий Сенат приказали: о должном по сему ея императорскаго величества высочайшему || указу исполнении к главнокомандующему в Санкт-Петербурге и во всей Санктпетербургской губернии господину генерал-аншефу, сенатору и кавалеру графу Якову Александровичу Брюсу и в Санктпетербургское губернское правление послать указы, препроводя при последнем как для отсылки в Санктпетербургскую уголовную палату подлинное о нем, Радищеве; дело, так и присланные при оном две книги, в Герольдию же сообщить с сего определения копию.

а. 149

Подлинное за подписанием Правительствующаго Сената.

Протоколист Павел Скальский.

Сентября 6-го дня 1790 года.

Читал канцелярист Кондратий Захарьев.

С сего копию в Герольдию взял К...

По сему определению указы посланы 6-го сентября 1790-го года к графу Брюсу под № , в Санктпетербургское губернское правление под № и принял подлинное дело и две книги. За скрепами обер-секретаря Александра Цезырева и секретаря Ивана Палицына. За справкою канцеляриста Кондрата Захарьева.

13

**РАПОРТ ИЗ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ
ОБ ОТПРАВКЕ А. Н. РАДИЩЕВА В СИБИРЬ**

8 сентября 1790 г.

В Правительствующий Сенат

л. 151

Из Санктпетербургскаго губернскаго правления

Рапорт

О получении указа со исполнением.

Указом Правительствующаго Сената от 6-го сего сентября со изображением в нем имянаго высочайшаго ея императорскаго величества указа полученным 7 числ Губернскому правлению велено издателя книги под названием Путешествие из Санктпетербурга в Москву, от коллегскаго советника и ордена святаго Владимира кавалера Александр Радищева, отобрав чины, знаки ордена святаго Владимира и дворянское достоинство, сослать его в Сибирь в Илимской острог на десятилетнее безъисходное пребывание, имение же, буде у него есть, оставить в пользу детей его, которых отдать на попечение деда, при котором Правительствующаго Сената указе для отсылки в Санктпетербургскую уголовную палату подлинное о нем, Радищеве, дело так и присланные при оном две книги получены.

И во исполнение онаго Правительствующаго Сената указа Губернское правление определило: показаннаго бывшаго коллегским советником Радищева чрез эскутора, взяв, и взят под стражу || в Губернское правление, которому вышепомянутое высочайшее имянное ея императорскаго величества повеление в указе Правительствующаго Сената объявленное в присутствии объявить и объявлено. И во исполнение онаго учинить: 1-е) имеющиеся на нем, Радищеве, знаки ордена святаго Владимира с грамотою на оные, так же и на чины ево патенты, буде имеет, от него отобрать, и о имени ево, буде оное у него есть, взять скаску и препроводить орден и с грамотою на оной в Кавалерскую онога ордена думу. Патенты Правительствующаго Сената в Герольдмейстерскую кантору, скаски ж о имени для поступления с оным по содержанию высочайшаго указа отнести в то место, в ведомстве коего оное окажется, а потом 2-е) его, Радищева, для дальнейшаго в Сибирь в Илимской острог препровождения отправить в Новгородское наместническое правление за крепчайшею стражею скованнаго при сообщении чрез по-

л. 151 об.

средство Управы благочиния, для чего как ево, Радищева, а равно и следующие на отправление ево конвойным деньги, полагая до Нова города на три почтовых, а оттуда обратно на одну обывательскую подводы на сто на восемьдесят шесть верст, всего шеснатцать рублей шестьдесят копеек, записав их в расход, отослать во оную Управу при указе, ||
 л. 152 которой того ж числа и отослан. А в Иркутское наместническое правление с прописанием вышесказанного высочайшаго указа к должному по тому исполнению сообщить и сообщено. А таковым же Палате уголовного суда с приложением подлиннаго о нем, Радищеве, дела и присланных при оном дву книг дать знать, что и исполнено. О чем Правительствующему Сенату Губернское правление и рапортует. А таковым же и его сиятельству главнокомандующему в Санкт-Петербурге и во всей Санктпетербургской губернии господину генерал-аншефу, сенатору и кавалеру графу Якову Александровичу донесено.
 Петр Канов[ницын].
 Сентября 8 дня 1790 года. Секретарь Михайло Боровиков.
 Во 2 департамент.

14

РАПОРТ Я. А. БРЮСА ОБ ОТПРАВКЕ А. Н. РАДИЩЕВА В СИБИРЬ

9 сентября 1790 г.

л. 150

В Правительствующий Сенат

От главнокомандующаго в столичном городе С.-Петербурге и во всей онаго губернии рапорт о получении указа и о исполнении

Ея императорскаго величества указ из Правительствующаго Сената сего сентября от 6-го под № 857-м со изображением во оном имяннаго ея императорскаго величества высочайшаго указа, о отобрании у коллегскаго советника Александра Радищева за издание им книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву чинов, знаков ордена святаго Владимира и дворянскаго достоинства, и о ссылке его в Сибирь в Илимской острог, того ж 6 числа получен. И во исполнение онаго указа означенной Радищев, для доставления его в повеленное место, сего месяца 8-го при сообщении от здешняго Губернскаго, отправлен за стражею в Иркутское наместническое правление.

Ч[исла] 9 сентября
 1790 года.

Граф Брюс.

Во 2-й департамент.

15

**ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ОБ ОТПРАВКЕ А. Н. РАДИЩЕВА
В СИБИРЬ**

10 сентября 1790 г.

Копия. л. 153

1790-го года сентября 10-го дня в журнале Правительствующаго Сената записано.

№ 2-й. Рапорт Санктпетербургскаго губернскаго правления, коим на указ Сената вследствие имяннаго ея императорскаго величества указа ж о отобрании от коллежскаго советника и ордена святаго Владимира кавалера Александр Радищева чинов, знаков ордена и дворянскаго достоинства и о ссылке его в Сибирь в Илимской острог на десятилетнее безысходное пребывание и об оставлении имения его, буде оное у него есть, в пользу детей его, доносит, что оное Правление во исполнение означеннаго указа для препровождения того Радищева в Сибирь в Илимской острог отправило в Новгородское наместническое правление за крепчайшею стражею скованнаго. Касательно ж до исполнения по прочим частям означеннаго предписания, то и о сем оно, кому следовало, от себя сообщило. Приказали: оной рапорт, приняв во известие, сообщить к делу.

Подлинной за подписанием Правительствующаго Сената.
За протоколита коллежской ассесор

Александр Позняков.

16

**РАПОРТ ИЗ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ
О ПЕРЕДАЧЕ ДЕТЕЙ А. Н. РАДИЩЕВА ПОД ОПЕКУ**

22 октября 1790 г.

В Правительствующий Сенат

л. 154

Санктпетербургскаго губернскаго правления

Рапорт

Имянным ея императорскаго величества указом, объявленным в указе ж Правительствующаго Сената минувшаго сентября 7 числа, коим между прочим повелено от бывшаго коллежскаго советника Радищева знак ордена святаго Владимира отобрать, имене же, буде у него есть, оставить в пользу детей его, которых отдать на попечение деда их.

И во исполнение онаго Правительствующаго Сената указа от показаннаго Радищева знак ордена святаго Владимера з грамотою отобраны и препровождены в Ковалерскую онаго ордена думу. Чтож принадлежит до недвижимаго имения его, то данною скаскою показал, что имения за ним имеется только незастроенное место, купленное у баронессы Фридриксовой, состоящее на Петровском острове, а движимое в разном платье и белье, котораго порознь показать не упомнит, хранится в дому умершаго тестя ево, статскаго советника Рубановскаго, в Московской части под смотрением своячени ево Елисаветы Рубановской. Патентов же на чины он не имеет, вследствие чего посланным в Управу благочиния указом велено было от показанной Рубановской отобрать сведение, где имянно Радищева отец ныне || пребывание имеет, а между показанное имеющееся у оной Рубановской движимое означеннаго Радищева имение, так как и на показанном лежащем на Петровском острове месте нет ли какого строения, все описать и хранить то имение в целости, опись же всему тому представить в Губернское правление. А посему Управа благочиния рапортом представляла, что показанная Рубановская объявила, что у ней имения под сохранением нет, а хотя некоторое число и было, но и то отдано показанному Радищеву дорогой, а отец, коллежской ассесор Николай Радищев, жительство имеет в Саратовском наместничестве, в Кузнецкой округи, в селе Преображенском. Об описи ж лежащем на Петровском острове месте нет ли какого строения Петербургской части приставу дан приказ. Губернское правление определило: в Саратовское наместническое правление сообщить, и сообщено, с требованием дабы благоволило показанному жительствовавшему в том наместничестве в Кузнецкой округе в селе Преображенском отцу показаннаго Радищева, коллежскому ассесору Николаю Радищеву чрез кого надлежит объявить, что во исполнение имяннаго ея императорскаго величества указа показанных сына ево Александр Радищева || детей принял на попечение свое немедленно и о последующем Губернское правление уведомить, о чем Правительствующему Сенату Губернское правление рапортует.

а. 154 об.

а. 155

Октября 22 дня
1790 года.
В 1 департамент.

Николай Алексеев.
Секретарь Михайло Боровиков.
Регистратор Федор Милов.

17

РАПОРТ ИЗ ИРКУТСКОГО НАМЕСТНИЧЕСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

15 октября 1791 г.

[Копия]

Тобольское наместническое правление от 26 числа минувшаго июля, под № 17823, сообщением уведомляет, что посланным из онаго к тобольскому городничему указом велено состоящаго в присмотре его арестанта Александра Радищева, присланнаго в Тобольск из пермскаго, а в оное из казанскаго наместнических правлений, туда ж из С.-Петербургскаго губернскаго правления, отправить в сие наместническое правление за присмотром одного унтер-офицера Тобольских баталионов и при том от сего наместническаго правления требует, дабы благоволило помянутаго арестанта Александра Радищева в назначенное ему место отправить от себя, а посланнаго оттоль унтер-офицера отпустить обратно по команде, по прежнему, в Тобольск и о доставлении того Радищева до Иркутска. Сему ж правлению дает знать о даче ж тому конвойному до Иркутска и обратно двух подвод за указанные одинакие прогоны, то есть по деньге на версту и лошадь дана от онаго правления в надлежащей силе подорожна; а по справке в правлении оказалось: в сообщении С.-Петербургское губернское правление, от 8-го числа сентября прошлаго 1790 года присланном, прописывало имянной ея императорскаго величества указ, данной правительствующему Сенату 4-го числа сентября за собственноручным ея величества подписанием, в котором избражено...²

В наместническом правлении определено: с прописанием справки и сего сообщения здешнему городничему, предписать указом и велеть, вследствие высочайшаго соизволения, помянутаго арестанта Александра Радищева, посредством здешняго нижняго земскаго суда, отправить в Илимской острог с исправным унтер-офицером и двумя рядовыми солдатами, немедленно на десятилетнее безысходное пребывание в оном остроге, и тому унтер-офицеру приказать явиться для получения, по расчислению верст отсель до Илимска, прогонных денег в казенной палате; а как тому унтер-офицеру с солдатами быть при нем, Радищеве, и иметь его в смотре, дать ему от наместническаго правления особое на-

² Далее приводится текст указа, см. стр. 282.

ставление, а казенную палату о выдаче на две подводы прогонных денег, с прописанием сего сообщения, сообщить, а здешнему нижнему земскому суду дать знать указом, с таким предписанием, дабы оной за тем Радищевым, сверх приставной стражи, имел и свое надзирание, и к надлежащему о сем сведению Правительствующему Сенату сим отрапортовать.

Октября 15-го дня 1791 года.

Подлинный за подписью двух советников, секретаря скрепой канцеляриста.

V. РЕШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО (НЕПРЕМЕННОГО) СОВЕТА

1

ЗАПИСКА А. А. БЕЗБОРОДКИ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ (НЕПРЕМЕННЫЙ) СОВЕТ О РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА А. Н. РАДИЩЕВА¹

12 августа 1790 г.

Ея императорское величество высочайше указать изволила л. 70
поданный от Правительствующаго Сената доклад о преступлении коллежского советника Радищева предложить Совету на рассмотрение, с замечанием, что тут выписаны все законы, кроме присяги, противу коей подсудимой преступником явился, при чем объявить, что ея величество презирает все, что в зловредной его, Радищева, книге оскорбительного особе ея величества сказано.

Граф Александр Безбородко.

Августа 12 1790 года.

2

ДОКЛАД СЕНАТА ЕКАТЕРИНЕ II ПО ДЕЛУ А. Н. РАДИЩЕВА²

8 августа 1790 года

Доклад

л. 149

о коллежском советнике и ордена святого Владимира кавалере Александре Радищеве в сочинении и издании им зловредной книги под названием Путешествие из Петербурга в Москву

Решен указом, данным Сенату

Августа 4 1790-го.

Всепресветлейшей, державнейшей великой государыне императрице и самодержице всероссийской л. 150

От Сената всеподданнейший доклад

В имянном вашего императорскаго величества высочайшем указе, данном 13-го июля сего 1790-го года главноко-

мандующему в Санкт-Петербурге и во всей Санктпетербургской губернии господину генерал-аншефу, сенатору и кавалеру графу Брюсу написано: „Недавно издана здесь книга под названием Путешествие из Петербурга в Москву, наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественной, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и, наконец, оскорбительными и неистовыми выражениями противу || сана и власти царской. Сочинителем сей книги оказался коллежский советник Александр Радищев, которой учинил в том признание, присовокупив к сему, что после цензуры Управы благочиния внес он многия листы в упомянутую книгу, в собственной его типографии напечатанную, и потому взят под стражу. Таковое его преступление повелеваем рассмотреть и судить узаконенным порядком в Палате Уголовного суда в Санктпетербургской губернии, где заключа приговор взнестъ оной в Сенат наш“.

Во исполнение сего высочайшаго вашего императорскаго величества указа и по предложению господина главнокомандующаго Палата уголовного суда, брав его к себе, Радищева, из под стражи, спрашивала по вопросным пунктам в том: 1-е. В каком намерении сочинил он ту книгу. 2-е. Кто имянно ему были в том || сообщники. 3-е. Чувствует ли он важность своего преступления. 4-е. Сколько напечатано им экземпляров и из того выпущено в свет, и кому имянно сам он роздавал.

На сии вопросныя пункты 17-го июля своеручно он, Радищев, подписал на 1-е. Намерения при сочинении сей книги другаго не имел, как быть известным в свете между сочинителями и дабы прослыть таковым, то есть: сочинителем остроумным. На 2-е. Никого сообщников во оном не имел. На 3-е. Чувствует во внутренности своей души, что книга его дерзновенна, и приносит в том свою повинность. На 4-е. Напечатано было оной книги около 650-ти экземпляров, немного более или меньше, того утвердительно сказать не упомнит. Из того числа продано на деньги и променено на книги купцу Зотову — 25-ть экземпляров да роздано им два экземпляра находящемся при народных || училищах коллежскому советнику и ордена Святаго Владимира кавалеру Осипу Козадавлеву для него и для находящагося здесь в Петербурге действительнаго статскаго советника Державина, один находящемся при таможене в числе определенных для познания дел прапорщику Дарагану, один конной

гвардии ротмистру Сергею Алсуфьеву, один живущему в Измайловском полку при школе иностранцу Видману, один хотел дать надзирателю при таможене у разъезда на судах Александру Царевскому, но дал ли, или нет, того не помнит; один назначил в отсылку в Берлин к оставшемуся примермайору Алексею Кутузову, которой запечатанной отдан им, Радищевым, находящемуся при вице-канцлере господину Валцу, но не отослан. А как он узнал, что в городе стали ее принимать в худом смысле, то почувствовал сам омерзение к своему сочинению, экземпляры достальные все || сожечь велел, и по приказу его служителем Давыдом Фроловым сожены.

л. 152

Потом, будучи еще июля 19-го спрашиван по увещанию священника, подтвердил, что ту книгу сочинил ни в каком злоумышленном намерении, но единственно, чтобы прослыть писателем, а так же и сообщников в сочинении оной никого не имел.

Служитель же ево, Радищева, Давыд Фролов, по предписанию от Палаты управе благочиния быв чрез частного пристава спрашиван, показал, что назад тому около трех недель господин его, приехав с дачи, приказал ему, Фролову, имеющиеся в покое у него, Фролова, печатные не в переплете и не разодранные книги, а какия оныя были и сколько их числом за неумением ево грамоте не знает, но только их было немалое количество, сжечь, из которых книг в небытность в то время никого других он, Фролов, некоторое число и сжег в кухне, а остальное количество || сжег таким же образом на другой день незадолго пред взятьем господина его.

л. 152 об.

Затем, по сыске в палату чрез Губернское правление таможенного надзирателя Царевского, которой представил корректурной с прописками и приправками оной книги экземпляр, будучи он, Царевской, допрашиван показал, что у Радищева обучал он детей истории, географии, чистописанию, арифметике, алгебре и грамматике с получением от него платы. Типография у него, Радищева, заведена была в 789-м году; наборщиком был досмотрщик здешней таможни Богомолов; буквы куплены у Шнора, книгопечатника, живущаго по Мойке. Означенную корректурную книгу получил он из дому его, Радищева, когда отпечаталась она назад тому месяца с полтора, и взял ее для чтения на столе в том самом покое, где учил детей, но Радищеву о том не сказывал, и еще той || книги всей не прочитал, а кто в ней приправки делал, не знает.

л. 153

По сему показанию досмотрщик Богомолов, быв призван в Палату, показал, что, находясь прежде сего в Академии наук наборным учеником, набирал он означенную книгу по приказу Радищева в доме его, Радищева, с декабря до июня месяца, но кто ту книгу сочинял, о том не знал, — так же и кто приписки делал, не знает, а присыланы были к нему для набору тетради чрез людей Радищева.

Наконец, Радищев июля 24-го на вопрос Палаты объявил, что корректура его книги делана им действительно вся, и все поправки, которые во оной находятся, делал оные своею рукою. Естли иныя места кажутся отменны, то для того, что писаны рачительнее, дабы наборщик не мог ошибиться и не было бы нужды делать еще поправки. ||

а. 153 об.

Окончив таким образом, Палата уголовного суда сие исследование подписанным 25-го июля приговором заключила: хотя он, Радищев, и показал, что чувствует во внутренности своей души, что та книга есть дерзновенна, и приносит в том свою повинность, да и что сочинил он ее не в злоумышленном намерении, но единственно только чтоб прослыть сочинителем остроумным. Но, однако же, Палата, рассматривая сию книгу, находит, что она показывает совсем тому противное, а потому его, Радищева, за сие его преступление мнением своим полагает, лиша чинов и дворянского достоинства и отобрав от него знак ордена Святаго Владимира, по силе Уложения 22-й главы 13-го пункта воинских 20-го, 127-го, 133-го, 137-го, 149-го артикулов и 101-го толкования, а так же морского устава 5-й книги 14-й главы 103-го артикула и на оной толкования казнить || смертию, а показанныя сочинения его книги, сколько оных отобрано будет, истребить, чего для о отобрании оных и сообщено в Губернское правление.

а. 154

По внесении сего приговора обще с делом и с обеими вышепомянутыми книгами от той палаты к господину главнокомандующему представлено все то от него, господина главнокомандующаго, при репорте в Сенат от 26-го июля.

А предписанными помещенными в приговоре Палаты, и сверх того приличными на сие дело законами повелено: Уложения 22-й главы 13-м пунктом. А которые воры чинят в людях смуту и затевают на многих людей своим воровским умышлением затейные дела, и таких воров за такое их воровство казнить смертию. Воинскими артикулами: 20-м. Кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действо и намерение презирать || и непристойным образом о том рассуждати будет, оный имеет живота лишен

а. 154 об.

быть, и отсечением главы казнен. 101-го толкованием. Коль более чина и состояния преступитель есть, толь жесточае оный и накажется. Ибо оный долженствует другим добрый приклад подавать и собою оказать, что оные чинить имеют. 127-м. Кто какую измену или сему подобное учинить намерится, и хотя он сие к действию не произведет, однако же имеет по состоянию дела и признанию воинскаго суда, таковым же высоким наказанием наказан быть, якобы за произведенное самое действо. 135-м. Никто б ниже словом или делом или письмами сам собою или чрез других к бунту и возмущению, или иное что учинить, причины не дал, из чего бы мог бунт произойти. Ежели кто против сего поступит, оный по розъиску дела живота лишится, или на теле наказан будет. 137-м. Всякой || бунт, возмущенье и упрямство без всякой милости имеет быть виселицею наказано. 149-м. Кто пасквили или ругательныя письма тайно сочинит, прибьет и распространит, и тако кому непристойным образом какую страсть или зло причтет, чрез что его доброму имени некакой стыд причинен быть может, онаго надлежит наказывать таким наказанием, каковою страстию он обруганного хотел обвинить; сверх того палач такое письмо имеет сжечь под виселицею. Морскаго устава 5-й книги 13-й главы 92-м пунктом: Никто б ниже словом, или делом, или письмами, сам собою, или чрез других, к бунту и возмущению, или иное что учинить, причины не давал, из чего бы мог бунт или измена произойти. Ежели кто против сего поступит, оный живота лишится. 14-й главы 103-м пунктом. Кто пасквили, или ругательныя письма тайно сочинит, и тако тем кому безчестие учинит, оному надлежит наказанием такое учинить, что было до || велось тому, про кого он писал, ежели б он в том виноват был. Толкованием на сей пункт: например ежели кто кого в пасквиле бранил изменником, или иным злым делом, то оный пасквилотворец, яко изменник, или каких дел делатель, о которых описал, наказан будет. Пасквиль есть сие: когда кто письма напишет, или напечатает и в том кого в каком деле обвинит и оное явно прибьет, или прибьить велит, а имени своего и прозвища во оном не изобразит. Ежели в пасквиле он про кого и правду напишет, то однако ж по рассмотрению судейскому наказан быть имеет тюрьмою, сосланием на галеру на время, шпицрутеном, или иным чем. Понеже он прямым путем не пошел, дабы другаго погрешение объявить. Тож разумеется и о тех, которые хотя сами не делали, но вспомогали в том, или ведали, а не объявили. ||

л. 155

л. 155 об.

- а. 156 Указом 1763-го года июня 4-го дня. Нет в свете государства, о благополучии котораго не прилагали б владетели и правительства их всевозможнаго старания и трудов, к возстановлению в вышшую степень благоденствия всех живущих в оных обитателей. Нет таких и подданных. кои б, имея благоразумныя мысли, не желали себе всякаго добра, тишины и спокойствия, тем что благополучие подданных есть истинное и прямое. Благополучие самих государей, а единодушное и не развратное попечение прямых сынов отечества о пользе общей, непоколебимое тому утверждение. Мы со дня самага вступления нашего на всероссийский престол сему правилу последуем, и богу содействующему, в сердце нашем никогда о пользе и всеобщем добре наших подданных пещись, яко мать о детях своих, не оставим, в чем да управит и укрепит нас его ж рука святая. Вследствие чего равное ж желание и воля наша есть, || чтоб все и каждой из наших верноподданных единственно прилежал своему званию и должности, удаляясь от всяких продерзких и непристойных разглашений, но противу всякаго чаяния, к крайнему нашему прискорбию и неудовольствию, слышим, что являются такие развращенных нравов и мыслей люди, кои не о добре общем и спокойствии помышляют, но как сами заражены странными разсуждениями о делах совсем, до них не принадлежащих, не имея о том прямаго сведения, так стараются заражать и других слабоумных, и даже до того попускают свои слабости в безразсудном стремлении, что касаются дерзостно своими изтолкованиями не только гражданским правам и правительству и нашим издаваемым уставам, но и самим божественным узаконениям, не воображая знатно себе нимало, каким таковыя непристойныя умствования подвержены предосуждениям и опасностям. || И хотя таковыя зловерные истолкователи праведно заслуживают достойную себе казнь, яко спокойствию нашему и всеобщему вредные, но мы прежде употребления в сем случае всей строгости, по природному нашему человеколюбию, всех таковых зараженных неспокойными мыслями матеренски увещеваем удалиться от всяких вредных разсуждений, нарушающих покой и тишину, прилежа единственно званию своему и препроводя время не в праздности или невежестве и буянстве, но в полезных и свойственных каждому упражнениях на пользу свою и ближняго. А есть ли сие наше матернее увещевание и попечение не подействует в сердцах развращенных и не обратит на путь истиннаго блаженства, то ведал бы всяк из таковых невежд, что мы тогда поступим уже по всей стро-
- а. 156 об.
- а. 157

гости законов, и неминуемо преступники почувствуют всю тяжесть нашего гнева, яко нарушители тишины и презрители нашей высочайшей воли. Указом || 1754-го года сентября 30-го дня состоявшимся во исполнение высочайшей марта 29-го дня 1753-го года на докладе от Сената конфирмации: которые по государственным правам и указам натуральной смерти совершенно надлежат, таковым по прежним ея величества указам той смертной экзекуции до рассмотрения и точного об них указа не чинить; а дабы оные за долговременным об них рассмотрением наказания не избывали из ссылки побегов чинить, и за непоставлением на них знаков укрываясь, в такие ж воровства вступать не дерзали, при посылке их в тяжкую работу в Рогервик (что ныне балтийской порт) и в протчия определенные места, до рассмотрения чинить жестокое наказание кнутом и, вырезав ноздри и поставя повеленные знаки, так же заклепав в || кандалы, ссылатъ до указу в тяжелую работу в вышеписанные места, а в Сенат с показанием их вин и решительных приговоров присылать краткие экстракты. Устава благочиния статьями: 233. Буде кто учинит в городе обнародование или объявление во всенародное известие без ведома, позволения или согласия Управы благочиния, да отдастся под стражу, и отошлется в суд, и да накажется по мере вины или преступления им учиненного, как в законе написано. 236-го. Буде кто начнет новизну, узаконению противную, да отошлется в суд и да накажется по мере вины или преступления им учиненного, как в законе написано. 254-го. Буде кто учинит лжепредсказания или лжепредзнаменовани, да отошлется к суду, и да учинится с ним || как в законе написано о лжеце. 271-й статьи отделениями: 1-м. Буде кто учинит супротивление закону или должности действием или словами, того имать под стражу и отослать к суду. 11-м. Буде кто учинит письма ругательныя, того отослать к суду. 272-й статьи отделениями: 3-м. Буде кто учинит письма угрозыительныя, того имать под стражу и отослать к суду. 9-м. Буде кто учинит разсеивание лжи и клеветы, того имать под стражу и отослать к суду. Статута ордена святого равноапостальнаго князя Владимира 21-ю статью: в несчастливом случае, чего мы, однако ж, не надемся, буде кто из кавалеров в такая впадет погрешности, которая чести и долгу противны, учинит преступление должности или уголовное, упущение установленнаго законнаго порядка, или до разстройства допустит порученную ему часть || таковаго, по донесении нам, и на предварительном где надлежит суде, по ясном изобличении, из ордена исклю-

л. 157 об

л. 158

л. 158 об.

л. 159

чить и знаки ордена от него отобрать повелеваем, сообщая при возвращении знаков в Кавалерскую думу вину и решение суда. Изданного в 21-й день апреля 1787-го манифеста статьями: 51-ю. Увещеваем и повелеваем подданным нашим и всем в Российской империи находящимся и живущим людям всякаго чина и состояния: 1-е. Жить мирно. 2-е. Почтение отдавать каждому принадлежащее и повиноваться начальству и власти над ним поставленной. 3-е. Каждому стараться предупредить недоразумения, ссоры, споры, и прения, кои могут довести до огорчения. 4-е. Буде кто кому окажет неудовольствие или принесет жалобу за его слова или поступки, то сие чинить без вспыльчивости и огорчения при посредниках, || ответчик же жалобщику имеет дать при тех же посредниках все нужные объяснения без вспыльчивости и огорчения, чтоб с обеих сторон оказано было законное послушание и почтение к власти законодательной. 52-го. Подтверждая наисильнейшим образом всем в службе нашей военной и гражданской находящимся повиноваться начальству и власти мест и особ над ними постановленных, повелеваем всякое против сего преступление по всей строгости законов неупустительно взыскивать, со стороны же власть и начальство имеющих наблюдать за сохранением порядка и должного послушания, под опасением, что всякое послабление в том, яко влекущее по себе разстройство в подчиненности по службе, вменится начальникам в сущее упущение и неисполнение должности. Семилетнейше пожалованной дворянству 1785-го года || апреля 21-го дня грамоты статьями: 6-го. Преступления, основания дворянского достоинства разрушающия и противныя, суть следующие: 1-е. Нарушение клятвы. 2-е. Измена. 3-е. Разбой. 4-е. Воровство всякаго рода. 5-е. Аживыя поступки. 6-е. Преступления, за кои по законам следовать имеет лишение чести и телесное наказание. 7-е. Буде доказано будет, что других уговаривал, или научал подобныя преступления учинить. 15-го. Телесное наказание да не коснется до благороднаго.

По справке же о нем, Радищеве, с послужными списками и по собственному его показанию оказалось: в службе он из дворян с 762-го года при дворе вашего императорскаго величества пажем и посылан был в Лейбцигской университет для обучения на казенном иждивении. По возвращении от туда в || 771-м году определен в Сенат в должность протоколита с чином титулярнаго советника. В 773-м году в штаб генерал-аншефа Брюса в обер-аудиторы, в 775-м году в отставку армии секунд-майором. В 777-м году определен в

а. 159 об.

а. 160

а. 160 об.

Коммерц-коллегию на ассесорское место, где в 779-м году произведен в коллежские ассесоры, в 780-м году по именному вашего императорского величества указу определен в помощь статскому советнику Далю к таможенным делам, и в том же году произведен в надворные советники, в 783-м году в нынешней настоящей чин, а в 784-м году пожалован кавалером ордена святого равноапостольного князя Владимира в 4-й класс.

Сенат, разсматривая все сие, находит: || хотя он, Радищев, в ответе на вопросныя в Палате пункты, равно и со увещания священническаго, и показал якобы намерения при сочинении сей книги другаго не имел, как быть известному в свете между сочинителями и дабы прослать таковым, то есть сочинителем остроумным, но в таковом его показании вероятия он не заслуживает и за истинну онаго принять нельзя, а без всякаго сомнения видно, что сочинил и издал столь вредное, неистовое и оскорбительное сочинение с намерением, чтоб оное послужило поводом к произведению зловреднаго действия, по неизвестным на сие его, Радищева, расположениям, и доказательно, что не желание токмо его было прослать в свете сочинителем остроумным потому, что скрыл в том сочинении свое имя, следовательно не мог себе лстить, чтоб в свете || его остроумным сочинителем считали. А по сему толь важному ему преступлению по силе вышепрописанных законов и присуждает так, как и Палата уголовного суда, лишить его чинов, дворянскаго достоинства, изключить из кавалеров ордена святого Владимира и казнить смертию, а имянно по силе воинскаго устава 20-го артикула отсечь голову. А между тем по точной силе указа 1754-го года сентября 30-го дня, до воспоследования о сей смертной казни указа, надлежало бы учинить ему жестокое наказание кнутом и с постановлением повеленных сим указом знаков, заклепав в кандалы, сослать в тяжкую работу. Но как всемилостивейше пожалованной дворянству грамоты в 15-м пункте изображено: телесное наказание да не коснется до благороднаго, || то вследствие сего и полагает, не чиня ему онаго, а по лишении его чинов и дворянскаго достоинства, по изключении из кавалеров и по отобрании знаков ордена, до вышеупомянутаго о произведении ему смертной казни указа, заклепав в кандалы, сослать в каторжную работу, но не в Кронштат, куда по имянному вашему императорского величества указу 1785-го года августа 20-го дня из Санкт-петербургской губернии преступников отсылать повелено, а в Нерчинск, для того, дабы таковым его удалением отъять

л. 16

л. 1 61 об.

л. 162

у него способ к подобным сему предприятиям. Более же Сенат по содержанию упомянутой пожалованной дворянству грамоты статьи 13-й, в которой изъяснено: дело благородного впадшаго в уголовное преступление и по законам достойного лишения || дворянского достоинства или чести или жизни, да не вершится без взнесения в Сенат и конфирмации императорского величества, предает в монаршее вашего императорского величества благоволение и имеет ожидать высочайшаго указа. Чтож принадлежит до собрания розданных Радищевым вышеозначенным людям книг, то Санктпетербургскому губернскому правлению подтверждено, собранные немедленно, сечь.

Федор. . .
Алексей Щербачев.
Павел Мансуров.
Князь Андрей Щербатов.
Никита Муравьев.

Августа 8-го дня
1790-го года.

3

**РЕШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО (НЕПРЕМЕННОГО) СОВЕТА
ПО ДЕЛУ А. Н. РАДИЩЕВА ³**

19 августа 1790 г.

л. 65 1790 года августа 19-го дня в Совете читаны:

л. 67 об.

III

Доклад, поднесенный ея императорскому величеству от Сената о коллежском советнике и ордена С-го Владимира кавалере Александре Радищеве || по поводу сочинения и издания им зловредной книги под названием „Путешествие из Петербурга в Москву“.

А как при внесении сего доклада гофмейстер граф Безбородко приложенною здесь запискою объявил, что „ея императорское величество высочайше указать изволила, поданный от Правительствующаго Сената доклад о преступлении коллежскаго советника Радищева предложить л. 68 об. Совету || на рассмотрение, с замечанием, что тут выписаны все законы, кроме присяги, противу коей подсудимой преступником явился; при чем объявить что ея величество

презирает все, что в зловерной его, Радищева, книге оскорбительного особе ея величества сказано“, — то Совет, по выслушании реченного доклада, сличая означенное в нем содержание помянутой книги с присягою, находил, что сочинитель сей книги, || поступа в противность своей присяги и должности, заслуживает наказание, законами предписанное. л. 69

Граф Брюс.
Гр. Сойманов.
Гр. Иван Остерман.
Гр. Мусин-Пушкин.
Граф А. Безбородко.
Степан Стрекалов.
Петр Завадовский.

**VI. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ПЕРЕВОДЕ
А. Н. РАДИЩЕВА ИЗ ИЛИМСКА В НЕМЦОВО¹**

1

**ЗАПРОС А. Н. САМОЙЛОВА² К ИРКУТСКОМУ
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ Л. Т. НАГЕЛЮ О ПОВЕДЕНИИ
А. Н. РАДИЩЕВА**

7 ноября 1796 г.

л. 88

Милостивый государь мой, Людвиг Тимофеевич!

Его императорское величество высочайше указать соизволил истребовать от вашего превосходительства сведение о содержащемся в Илимском остроге коллежском сов[етнике] Александре Радищеве, какого он поведения; вследствие чего благоволит ваше прево[сходительство] приказать таковое сведение доставить ко мне, для всеподданнейшего его величеству донесения. В прочем пребываю

№ 157. В С.-П.-Бург. 7 ноября 1796.

Его превосходительству Нагелю.

2

**ОТВЕТ Л. Т. НАГЕЛЯ А. Н. САМОЙЛОВУ О ПОВЕДЕНИИ
А. Н. РАДИЩЕВА В ИЛИМСКЕ**

13 декабря 1796 г.

№ 48. Секретно. [Получен] 16 генваря 1797 г.

л. 92

Сиятельнейший граф, милостивейший государь.

Почтеннейшее письмо вашего сиятельства от 7-го числа прошедшего ноября, с объявлением в нем высочайшего его императорского величества указа о содержащемся в Илимском остроге коллежском советнике Николае [!] Радищеве,

я имел честь получить, на которое вашему сиятельству нижайше доношу, что означенной Радищев с самого ево в том месте житья ведет себя добропорядочно и скромно, затем с совершенным моим к особе вашей высокопочитанием и беспредельною преданностию имею честь называться, милостивейший государь, вашего сиятельства нижайшим слугою

Людвиг Нагель.

Декабря 13 дня 1796 года. Иркутск.

3

РЕСКРИПТ ПАВЛА I А. Н. САМОЙЛОВУ О ПЕРЕВОДЕ А. Н. РАДИЩЕВА ИЗ ИЛИМСКА В КАЛУЖСКУЮ ГУБЕРНИЮ

23 ноября 1796 г.

Копия. л. 89

Граф Александр Николаевич!

Всемилоостивейше повелеваем:

находящагося в Илимске на житье Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему в своих деревнях, предписав начальнику губернии, где он пребывание иметь будет, чтобы наблюдаемо было за его поведением и перепискою.

На подлинном подписано собственною его императорского величества рукою тако:

Павел.

В С.-Петербурге.

Ноября 23 дня 1796-го года.

4

А. Н. САМОЙЛОВ А. Т. НАГЕЛЮ

26 ноября 1796 г.

Милостивый государь мой, Людвиг Тимофеевич!

л. 90

Его императорское величество данным мне 23 числа сего ноября имянным указом высочайше повелеть соизволил находящагося в Илимске Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему в своих деревнях; вследствие чего благоволите, ваше проросходительство, приказать оную высочайшую его императорского величества милость означенному Радищеву объявить и учинить немедленное исполнение; а при том истребовав от него сведение, где ево деревни состоят

и в которой именно он назначит свое пребывание.⁵ В сопровождении надежного человека прямым путем без малейшего притеснения туда отправить, и в случае неимения на проезд выдать ему прогонных денег на две лошади, и о всем оном меня уведомить. Впрочем с истинным почтением пребыванию, милостивый государь мой, вашего...⁶

№ 188. В С.-П.-Бурге 26 ноября 1796 года. Его пр-ву Нагелю.

5

**ДОКЛАД А. Б. КУРАКИНА³ О ПЕРЕВОДЕ А. Н. РАДИЩЕВА
ИЗ ИЛИМСКА В НЕМЦОВО**

17 января 1797 г.

л. 93 О содержащемся в Илимском остроге бывшем коллежском советнике Радищеве на подносимом его императорскому величеству о всех таковых арестантах списке отмечено „учинить выpravку о его поведении“, о чем прошедшего ноября от 7-го числа и писано было к иркуцкому губернатору, тайному советнику Нагелю; а вслед затем состоявшимся того ж ноября 23-го числа именным его императорского величества указом повелено означенного Радищева оттуда освободить и жить ему в своих деревнях с предписанием начальнику губернии, где он пребывание иметь будет, чтоб наблюдаемо было за его поведением и перепискою, что тогда же и исполнено, но сведения по тому еще никакого не получено.

Его императорскому величеству докладывано 17 генваря 1797 год. К[нязь] А. Куракин.

6

**ПИСЬМО А. Т. НАГЕЛЯ А. Б. КУРАКИНУ ОБ ОТПРАВКЕ
КУРЬЕРА К А. Н. РАДИЩЕВУ В ИЛИМСК**

21 января 1797 г.

[Получено] 14 марта 1797 г.

л. 94 Сиятельнейший князь! Милостивый государь!

В 16 день сего месяца получил я письмо от его сиятельства, господина действительного тайного советника и кавалера графа Александра Николаевича от 26 ноября 1796 года,

⁵ После пребывания было написано и зачеркнуто оное доставить ко мне и его от туда под присмотром отправить.

⁶ Угол оторван.

с прописанием именного его императорского величества высочайшего указа о освобождении находящегося в Илимске Александра Радищева для жития в своих деревнях с отправлением в ту деревню, в которой назначит свое пребывание. Я того же дни отправил к Радищеву в Илимск нарочного с тем, чтоб объявить ему выехать совсем в Иркутск, а здесь, по объявлению мною высочайшей его императорского величества милости, не оставляю я истребовать от него, Радищева, сведения, где его деревни состоят и в которой именно назначит он свое пребывание, тогда и в отправлении его по предписанию графа Александра Николаевича непременно с моей стороны исполнение учинено быть имеет. О чем донеся вашему сиятельству с глубочайшим моим к особе вашей высокопочтанием и совершенною преданностью, имею честь называться, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейшим слугою

Людвиг Нагель.

Генваря 21 дня, 1797-го года. Иркутск.

7

Л. Т. НАГЕЛЬ А. Б. КУРАКИНУ

26 января 1797 г.

№ 379.

[Получено] 11 марта 1797 г. л. 95

[Доложено] 15 марта.

Сиятельнейший князь, милостивый государь!

Во исполнение именного его императорского величества высочайшего указа, объявленного мне в письме его сиятельства господина действительного тайного советника и кавалера, графа Александра Николаевича от 26-го ноября 1796-го года, находящейся в Илимске на житье Александр Радищев вчерашнего числа здесь явился, и высочайшая его императорского величества милость мною ему объявлена, на спрос мой, где его деревни состоят и в которой именно назначит он свое пребывание, объявил, что состоят оные Калужского наместничества Малоарославедкой округи и назначает свое пребывание в сельце Немцове, и, по неимению у него достаточного числа на проезд денег, выдано мною от Иркутска до показанного сельца на 5333 версты прогонных денег на две лошади 99 руб. 27 коп. и, за препровождением надежного человека до настоящего своего места, на сих же днях отправлен

быть имеет, о чем донеся вашему сиятельству с глубочайшим моим к особе вашей высокопочтанием и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейшим слугою

Людвиг Нагель.

Генваря 26 дня 1797-го года в Иркутске.

8

**ПРЕДПИСАНИЕ ИРКУТСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
А. Т. НАГЕЛЯ КИРЕНСКОМУ НИЖНЕМУ ЗЕМСКОМУ СУДУ
ОБ ОТПРАВКЕ А. Н. РАДИЩЕВА ИЗ ИЛИМСКА**

16 января 1797 г.

Получено генваря 27 числа 1797 года. Записан доложить.

Предложение

Киренскому Нижнему земскому суду

Находящейся в Илимске Александр Радищев чрез посланного от меня нарочного совсем вызывается в Иркутск, которому в выезде не делать ни малейшего удержания, а в случае требований показать ему в спокойном сюда проезде вспоможение.

Людвиг Негель.

9

**РАПОРТ КИРЕНСКОГО ЗЕМСКОГО ИСПРАВНИКА М. И. КОРСАКОВА
А. Т. НАГЕЛЮ ОБ ОТПРАВКЕ А. Н. РАДИЩЕВА ИЗ ИЛИМСКА**

21 февраля 1797 г.

Его превосходительству господину генерал-майору Иркутского наместничества правителю и разных орденов кавалеру Лариону Тимофеевичу.

Киренского Земского справника губернского секретаря Корсакова

Рапорт

Во исполнения предложения вашего превосходительства, присланного в Киренской Нижней земской суд от 16 генваря сего года под № 81, находящийся в Илимске Александр Радищев со всем его семейством в предлежащей ему путь сего февраля 20-го числа надлежащим образом мною отправлен, коего и препроводил до первого, по Ангарскому волоку,

зимовья благополучно — о чем вашему превосходительству честь имею сим покорнейше донести.

21 февраля 1797 года.

Илимск.

10

СООБЩЕНИЕ ЗЕМСКОГО ИСПРАВНИКА В КИРЕНСКИЙ НИЖНИЙ ЗЕМСКИЙ СУД ОБ ОТПРАВКЕ А. Н. РАДИЩЕВА ИЗ ИЛИМСКА

10 марта 1797 г.

Подано марта 11-го числа 1797 года. Записан доложить. 13.

Предложение

Киренскому Нижнему земскому суду

По силе присланного во оной суд от его превосходительства господина генерал-майора Иркутского наместничества правителя и разных орденов кавалера Лариона Тимофеевича от 16-го генваря сего года под № 81-м предложения, находящейся в Илимске Александр Радищев из оногo в подлежащей ему путь февраля 20-го числа надлежащим образом мною отправлен, о чем и его превосходительству от меня рапортом донесено; для чего оное предложение и с черным с рапорта отпуском для приобщения к протчим при сем во оной суд препровождаю.

Земской исправник Михайла Корсаков.

Марта 10-го дня
1797 года.

11

А. Б. КУРАКИН КАЛУЖСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ В. П. МИТУСОВУ О НАБЛЮДЕНИИ ЗА ПРЕБЫВАЮЩИМ В НЕМЦОВО А. Н. РАДИЩЕВЕ

16 марта 1797 г.

Милостивый государь мой, Василий Петрович!

л. 96

Находившейся в Сибири Александр Радищев ныне по высочайшему его императорского величества указу оттуда освобожден, и дозволено ему жить в деревнях его, начальнику же губернии предписать, чтобы наблюдаемо было за его поведением и перепискою, а как он при объявлении ему сей высочайшей милости назначил себе жительство Калужской губернии Малоярославской округи в сельце Немцово, куда,

как иркутский губернатор уведомляет меня, отправлен он быть имеет за препровождением, то для дальнейшего исполнения высочайшей его императорского величества воли ваше высокородие извещаю с тем, дабы по приезде в губернию губернатора и его о том уведомили.

В прочем с истинным почтением пребываю, милостивый государь мой, вашего высокородия покорный слуга.

Князь Алексей Куракин.

№ 236. В Москве 16 марта 1797 года.

Его высокородию Митусову.

12

ДОКЛАД А. Б. КУРАКИНА ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА А. Н. РАДИЩЕВЫМ

17 марта 1797 г.

л. 97

О Радищеве, что он освобожден

Иркутской губернатор действительный статский советник Нагель от 26 прошлого генваря уведомляет меня, что Александру Радищеву, сосланному в Сибирь за сочинение книги „Путешествие от Петербурга в Москву“, высочайшая вашего императорского величества милость о дозволении жить ему в своих деревнях объявлена, и он назначил пребывание свое Калужской губернии Малоарсланцевской округи в сельце Немцове, куда по выдаче ему прогонных денег и отправиться имеет, о чем от меня калужскому начальству дано знать, с тем, чтобы на основании высочайшего вашего величества указа наблюдаемо было за его поведением и перепискою.

Его императорскому величеству докладывано марта 17 дня 1797 года.

К[нязь] А. Куракин.

13

В. П. МИТУСОВ А. Б. КУРАКИНУ О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО ТАЙНОМУ НАДЗОРУ ЗА А. Н. РАДИЩЕВЫМ

24 марта 1797 г.

л. 98

Сиятельнейший князь, милостивый государь!

Предписание вашего сиятельства от 16-го с изображенным высочайшего его императорского величества указа

о наблюдении мне за поведением и перепискою пришлощуе-гося из Сибири Александра Радищева для житья в мало-ярославецких его деревнях, 23-го числа текущего месяца получить я честь имел; в повиновение которого ныне же вызываю сюда тамошнего земского исправника для объяснения ему высочайшей воли, дабы он, храня глубокую тайну сию, когда придется помянутой Радищев в его деревни, почасту тайным образом наведывался о поведении его и обращении по общежитию, строжайше наблюдая и замечая, с кем он по большей части будет иметь обращение, и не замечательно ли [!] будет чего-либо подозрительного, доносил бы ко мне; относительно же наблюдения за его перепискою, то так же вызываю управляющего почтовою частию малоярославского городского магистрата бургомистра, которому строжайше подтвердя о соблюдении сего в тайне, прикажу все, какие будут отдаваемы от Радищева для пересылки на почту письма, доставлять ко мне для просмотра их содержания; подобно сему и здешнему губернскому почмейстеру, на случаи иногда прямой от него пересылки писем, подтвердить не оставил; и в случае усмотрения мною каких либо противных закону и подозрительных переписок, не оставляю доносить вашему сиятельству. Но между тем, покуда прислан будет помянутой Радищев, осмеливаюсь испрашивать милостивого вашего сиятельства мне предписания: благоугодно ли будет сие мое распоряжение, и позволено ли, при поручении помянутым чиновникам к исполнению высочайшей воли, изъявлять оную, хотя и с строгим внушением о сохранении ее в тайне, а паче входить в просмотр писем, каковой есть одно и ближайшее средство узнать справедливо о его переписках. Во ожидании на сие благоволительного вашего сиятельства наставления с совершеннейшим высокопочитанием и преданностию пребыть честь имею, милостивый государь, вашего сиятельства всеподданнейший слуга

Василий Митусов.

№ 605. Марта 24 дня 1797 года. Калуга.

Рукой Куракина: Г-ну Макарову.

На поле сбоку рукой Куракина: Рассуждению утвердить, относительно распечатания переписки доложить его величеству. Секретно. 27 марта 1797 г.

14

**ЗАПИСЬ А. Б. КУРАКИНА О ПОВЕЛЕНИИ ИМПЕРАТОРА
ПАВЛА НАБЛЮДАТЬ ЗА ПЕРЕПИСКОЙ А. Н. РАДИЩЕВА**

28 марта 1797 г.

л. 99

О Радищеве

Калужской губернатор Митусов на предписание мое с объявлением высочайшего вашего императорского величества повеления о наблюдении за поведением и перепискою освобожденного из Сибири Александра Радищева, которой объявил желание жить в Малоярославецких его деревнях, уведомляет меня, что он между прочими о том распоряжениями приказал все отдаваемые на почту от Радищева письма доставлять к нему, Митусову, для просмотра их содержания, на что, однако же, испрашивает повеления.

Рукою Куракина: Государь император высочайше повелеть соизволил предписать губернатору Митусову, чтоб он письма Радищева не распечатывал, но, собирая их, препровождал в конверте на имя московского почт-директора Пестеля, которому дать знать, чтоб он все те письма открывал и доставлял по надписям. Копии с них присылал ко мне; в случае же что в числе оных найдутся подозрительные, тогда самые оригиналы ко мне доставлял.

Марта 28 дня 1797 года.

15

**А. Б. КУРАКИН В. П. МИТУСОВУ О ПЕРЕСЫЛКЕ ПИСЕМ
А. Н. РАДИЩЕВА МОСКОВСКОМУ ПОЧТ-ДИРЕКТОРУ
И. Б. ПЕСТЕЛЮ**

29 марта 1797 г.

Секретно.

л. 100

Милостивый государь мой, Василий Петрович!

Представленное в письме вашего высокородия от 24 сего марта распоряжение в рассуждении надзираия за поведением Александра Радищева его и. в. утверждая о распечатании писем его, высочайше повелеть соизволил предписать вам, чтобы вы писем Радищева не распечатывали, но, собирая их, препровождали их в куверте к московскому почт-директору г-ну Пестелю, которому как с ними поступать — от меня знать дано. Вследствие чего благоволите, милостивый госу-

дарь мой, чинить в оном непрременное исполнение. В прочем пребываю с истинным почтением, милостивый государь мой, вашего высокородия покорным слугою.

№ 289.

В Москве 29 марта
1797 г.

Его высокородию Митусову.

16

**А. Б. КУРАКИН И. Б. ПЕСТЕЛЮ О ВСКРЫТИИ ПИСЕМ
А. Н. РАДИЩЕВА**

29 марта 1797 г.

Секретно. л. 100

Милостивый государь мой, Иван Борисович!

По высочайшему его императорского величества соизволению отправляющий в Калуге должность гражданского губернатора г-н статский советник Митусов будет доставлять вашему высокородию письма Александра Радищева, через почту от него пересылаемые, которые вследствие высочайшего его величества соизволения благоволите приказать открывать и доставлять по надписям, присылая ко мне с них копии; если ж бы в числе оных нашлись подозрительные, то и самые оригинальные отправлять ко мне же. Пребываю с истинным почтением, милостивый г. мой, вашего высокородия покорный слуга.

№ 290. В Москве 29 марта 1797 года.

Его высокородию Пестелю.

17

И. Б. ПЕСТЕЛЬ А. Б. КУРАКИНУ

31 марта 1797 г.

Секретно. № 486. [Получено] 1 апреля 1797 г. л. 102

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

На почтеннейшее отношение вашего сиятельства от 29 сего марта, последовавшее по высочайшему его императорского величества соизволению, касательно открывания и доставления к вам копий, а в случае подозрения и самых оригиналь-

ных писем Александра Радищева, имеющих впредь доставляться ко мне по почте от исправляющего в Калуге должность гражданского губернатора г-на статского советника Митусова, сим имею честь довести вашему сиятельству, что означенное высочайшее соизволение будет всегда в точности исполняемо мною. Имею честь быть с особливим почтением и совершенною преданностью, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Ив. Пестель.

В Москве 31-го марта 1797 года.

18

В. П. МИТУСОВ А. Б. КУРАКИНУ

2 апреля 1797 г.

л. 103 № 510. Секретно.

[Получено] 8 апреля 1797 г.

Сиятельнейший князь, милостивый государь!

Предписание вашего сиятельства от 29-го марта с изображением высочайшего его императорского величества повеления о представлении писем Александра Радищева, буде от него будут куда посланы, к московскому почт-директору Пестелю, 1-го числа апреля получить честь имел, по которому в точности и исполнить в точности не премину. В прочем с совершеннейшим высокопочитанием и преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Василий Митусов.

Апреля 2 дня
1797 года.
Калуга.

Рукою Куракина: Г-ну Макарову.

19

СПРАВКА О ПОРЯДКЕ ПРОСМОТРА ПИСЕМ РАДИЩЕВА

л. 115 По представлению Калужского губернатора Митусова, что Радищев желание объявил жить Калужской губернии в Малоярославецких деревнях и что он, Митусов, между прочим о наблюдении за ним и перепискою его приказал все отдаваемые на почту от него письма доставлять к нему, Митусову, для просмотра, высочайшая резолюция воспосле-

довала: губернатору писем Радищева не распечатывать, но собирая их, препровождать к московскому почт-директору Пестелю, а ему, открывая, доставлять по надписям и копии с них присылать к генералу-прокурору; в случае же если найдутся подозрительные, тогда и оригиналы. О чем к ним и писано 29 марта.

20

В. П. МИТУСОВ А. Б. КУРАКИНУ О ПЕРЕПИСКЕ А. Н. РАДИЩЕВА

19 августа 1797 г.

[Получено] 29 августа 1797 г. л. 107

Секретно. № 1110.

Сиятельнейший князь, милостивый государь!

Во исполнение высочайшего его императорского величества повеления, изъявленного мне в предписании вашего сиятельства от 29-го марта, об отсылке писем Александра Радищева московскому почт-директору г-ну Пестелю, долгом себе поставляю почтеннейше донести вашему сиятельству, что в течение донныне времени получено мною через здешний почтамт пять писем, одно из Нижнего Нова города, на имя сего Радищева, а четыре им писанные — 1-ое отцу его Николаю Афанасьеву, 2-ое к брату Моисею Николаеву Радищевым, 3-ье графу Александру Романовичу Воронцову и 4-ое Александру Ушакову, которые и препровождены от меня к г-ну И. Б. Пестелю. О чем донеся, с совершеннейшим высокопочитанием и преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга

Василий Митусов.

Августа 19 дня 1797 г. Калуга.

21

А. Б. КУРАКИН А. А. БЕЗБОРОДКЕ

29 сентября 1797 г.

Секретно. л. 114

Милостивый государь, князь Александр Андреевич!

Его императорское величество высочайше повелеть изволил, дабы за перепискою живущего в деревнях Малоярославских Калужской губернии Радищева употреблено было найточнейшее надзирание. Вследствие чего покорнейше прошу вашу светлость приказать кому следует сделать по тому надлежащее распоряжение и меня об оном уведомить. Имею

честь пребывать с совершенным почтением, милостивый государь, вашей светлости.

№ 726. Сентября 29 дня 1797 г.

Его светлости князю Безбородко.

22

Д. П. ТРОЩИНСКИЙ ⁴ А. Б. КУРАКИНУ О РАЗРЕШЕНИИ А. Н. РАДИЩЕВУ СВИДАНИЯ С РОДИТЕЛЯМИ

28 декабря 1797 г.

л. 128 № 1680.

[Получено] 29 декабря 1797 г.

[Доложено] 30 декабря

Милостивый государь князь Алексей Борисович!

По содержанию препровождаемого при сем прошения известного Вам Радищева о позволении ему ездить для свидания к родителям его, в Саратовской губернии живущим, его императорское величество высочайше повелеть изволил дать ему позволение один только раз.

О чем сообщаю вашему сиятельству, имею честь в прочем быть с совершенным почтением и истинной преданностью вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Д. Трощинский.

В. С.-П-бурге. Декабря 28-го 1797 года.

Рукою Куракина: Написать о сем к Радищеву и к губернатору. Алекс. Семен. Макарову.

23

А. Б. КУРАКИН А. Н. РАДИЩЕВУ О РАЗРЕШЕНИИ ЕМУ СВИДАНИЯ С РОДИТЕЛЯМИ

30 декабря 1797 г.

л. 133

Государь мой Александр Николаевич!

Его и. в., снисходя на всеподданнейшее ваше прошение, всемилостивейше дозволил вам для свидания с родителями съездить в Саратовскую губернию один только раз, о чем вас и извещаю.

№ 967-й.

Покорный слуга.

30 декабря 1797 г.

Г-ну Радищеву.

24

А. Б. КУРАКИН В. П. МИТУСОВУ

30 декабря 1797 г.

Милостивый государь мой Василий Петрович!

л. 133

Его и. в. всемилостивейше дозволил повелеть соизволил Александру Радищеву для свидания с родителями его съездить в Саратовскую губернию один только раз, о чем от меня к нему с сею же почтою писано, а ваше прев. о том уведомляя, пребываю с истинным почтением, милостивой государь мой вашего прев. покорный слуга.

№ 968-й.

30 декабря 1797 г.

Его превосходительству Митусову.

25

В. П. МИТУСОВ А. Б. КУРАКИНУ

12 января 1798 г.

Секретно. № 138.

[Получено] 26 генваря 1798 г. л. 134

Сиятельнейший князь, милостивой государь!

Предписание вашего сиятельства от 30-го числа прошедшего декабря месяца, писанное с изображением высочайшего его императорского величества повеления о дозволении Александру Радищеву для свидания с родственниками его съездить в Саратовскую губернию один раз, 10-го числа сего генваря получить честь имел, во исполнение которого и не оставил я того ж числа о позволении ему, Радищеву, отлучиться дать кому следует предписание. Имею честь быть с совершеннейшим высокопочтением и преданностью.

Милостивый государь вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Василий Митусов.

№ 148.

Генваря 12 дня 1798 года.

Калуга.

26

**П. И. КУТАЙСОВ⁵ П. Х. ОБОЛЪЯНИНОВУ⁶ — ЗАПРОС О ПРАВЕ
ВЪЕЗДА А. Н. РАДИЩЕВА В СТОЛИЦУ**

29 декабря 1800 г.

л. 137 № 1878.

29 декабря 1800 года.

Милостивый государь Петр Хрисанфович!

По поводу прилагаемого у сего прошения Радищева государь император высочайше указать мне изволил справиться, запрещено ли просителю въезжать в столицу. Всепокорнейше прося ваше превосходительство уведомить меня о сем в непродолжительном времени для доклада его императорскому величеству, честь имею быть с совершенным высокопочитанием, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

граф Пав. Кутайсов.

С. Петербург.

Декабря 29 дня 1800-го года.

Его высокопревосходительству
Оболяянинову

Рукой А. Б. Куракина написано на поле: Учинить немедленно исправку. Что окажется — уведомить статс-секретаря графа Кутайсова. Декабря 29 дня 1800 года. СП.-бург.

27

**СПРАВКА В СВЯЗИ С ЗАПРЕЩЕНИЕМ А. Н. РАДИЩЕВУ
ВЫЕЗЖАТЬ В СТОЛИЦУ**

л. 138 Радищев, бывшей коллежской советник, за сочинение книги, наполненной вредными умствованиями, под названием „Путешествие из Петербурга в Москву“ в 1790-м году лишен чинов и дворянства и послан был на 10-летнее безисходное пребывание Иркутской губернии в Илимской острог; где и состоял по 23-е ноября 1796 года, а того числа всемилоостивейше освобожден и велено жить в его деревнях с наблюдением за перепискою. Почему и находится он ныне Калужской губернии в Малоярославецком уезде в сельце Немцове.

28

П. Х. ОБОЛЪЯНИНОВ П. И. КУТАЙСОВУ

29 декабря 1800 г.

М. г. мой граф, Павел Иванович!

л. 139

На письмо вашего с-ва с приложением прошения от Александра Радищева имею честь уведомить, что сей Радищев в 1790 году лишен чинов и дворянства и послан был на 10-тилетнее безисходное пребывание в Иркутской губернии в Илимской острог, а в 1796 году в ноябре месяце всемилоштивейше освобожден, и велено ему жить в его деревнях с наблюдением за перепискою его. Пребываю...

№ 1067-й. 29 декабря 1800 г.

Графу Кутайсову.

VII. ИЗ ОТКЛИКОВ СОВРЕМЕННОКОВ НА СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС А. Н. РАДИЩЕВА

1

А. В. ХРАПОВИЦКИЙ¹

Записи в дневнике

[26 июня 1790 г.]

Говорено о книге „Путеш[ествие] от Петер[бурга] до Москвы“. Тут рассевание заразы французской: отвращение от начальства; автор мартин ст; я прочла 30 стр[аниц]. Посылка за Рылеевым. Открывается подозрение на Радищева.

[2 июля 1790 г.]

Продолжают писать примечания на книгу Радищева, а он, сказывают, препоручен Шшквскм и сдт в крпст [Шешковскому и сидит в крепости].

[7 июля 1790 г.]

Примечания на книгу Рдщв [Радищева] посланы к Шшквскм [Шешковскому]. Ск[азывать] из[волила], что он бунтовщик хуже Пугачева, показав мне, что в конце хвалит он Франклина как начинщика и себя таким же представляет. Говорено с жрм и чвствгльнст [жаром и чувствительностью].

[11 августа 1790 г.]

Доклад о Рдщв [Радищеве]; с приметною чувствительностию приказано рассмотреть в Совете, чтоб не быть пристрастною и объявить, дабы не уважали до меня касающееся, понеже я презираю.

2

ИЗ ПИСЬМА А. А. БЕЗБОРОДКИ² В. С. ПОПОВУ³

16 июля 1790 г.

Здесь по Уголовной палате производится ныне примечания достойный суд. Радищев, советник таможенный, несмотря, что у него и так было дела много, которое он, правду сказать, и правил изрядно и бескорыстно,⁴ вздумал лишние часы посвятить на мудрования; заразившись, как видно, Франциею, выдал книгу „Путешествие из Петербурга в Москву“, наполненную защитой крестьян, зарезавших помещиков, проповедию равенства и почти бунта против помещиков, неуважения к начальникам, внес много язвительного и, наконец, неистовым образом впутал оду, где озлился на царей и хвалил Кромвеля. Всего смешнее, что шалун Никита Рылеев цензуровал сию книгу, не читав, а удовольствовавшись титулом, надписал свое благословение. Книга сия начала входить в моду у многой шали; но, по счастью, скоро ее узнали. Сочинитель взят под стражу, признался, извиняясь, что намерен только показать публике, что и он автор. Теперь его судят, и, конечно, выправиться ему нечем. С свободою типографий да с глупостию полиции и не усмотришь, как нашьалат.

3

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. Р. ВОРОНЦОВА О А. Н. РАДИЩЕВЕ

1

А. Р. Воронцов М. Н. Радищеву⁵

30 августа 1790 г.

Государь мой Моисей Николаевич!

Два письма ваши от 17 числа минувшего августа месяца я получил. Относительно несчастной участи брата вашего, который сам причиною своего бедствия, скажу вам, что я конечно о нем не менее сожалею, как и родственники его, и крайне желаю, чтобы судьба его облегчена была. Пребываю с совершенным доброжелательством вам, государь мой.

С.-Петербург.

30 августа 1790 года.

Г. Радищеву, таможенных дел
советнику в Архангельске.

**А. Р. Воронцов тверскому губернатору
Г. М. Осипову⁶**

12 сентября 1790 г.

Милостивой государь мой, Григорий Михайлович!

Бывший здешним таможенным советником Александр Николаевич Радищев, впавший в несчастье изданием книги, которая не могла не возбудить внимания правительства, сужден был за внесенные в нее многия смелыя и соблазнительныя выражения Санктпетербургскою Палатою уголовного суда и Правительствующим Сенатом, а наконец именным указом, по лишении чинов и дворянства, сослан в Сибирь на десятилетнее там житье, который и отправлен уже отсюда в назначенное место чрез Новгород и Тверь. А как поминаемый Радищев до несчастья своего издавна мне не токмо был знаком, но и любил я его, так как прежнее его поведение оное и заслуживало, так что никогда и уповать не можно было, чтоб он впал в толь неожиданное преступление, никак не соответствующее прежнему его поведению: то, не извиняя конечно нимало содеяннаго им, но единственно по человечеству и из сожаления желая, сколько можно, облегчить судьбу его, покорно прошу вас, милостиваго государя моего, в то время, когда он в Тверь привезен будет (в разсуждении, что, сведав уже после отправления его, что не имеет он, так сказать, нужнаго одеяния, обуви, белья и всего потребнаго для толь дальней дороги) снабдить его пристойным и покрытым тулупом, шубою, несколько пар сапогов и башмаков, чулками и прочим бельем и платьем, и пристойным, и нужным для толь дальняго пути, также и на пищу его в дорогу. На каковой конец и посылаю при сем двести рублей ассигнациями, в надежде, что ваше превосходительство, снисходя несчастному состоянию означеннаго Радищева, снабдите его всем нужным в пути, употребя на то прилагаемые при сем деньги. Таковое благодеяние, ему оказанное, приму я от вас за личное себе одолжение.

Вы усугубите еще ваше одолжение, которое я конечно с признательностию приму, когда при отправлении его из Твери препоручите тому, на кого возложено будет из Твери его отвезть, чтоб он с ним поступал человеколюбиво; а не менее еще признателен я буду вашему пр-ву, когда меня

уведомите, в каком он состоянии в Тверь привезен, и когда оттуда и каким образом отправлен.

Впрочем имею честь быть с искренним почтением и проч.

Спбург.

Граф А. Воронцов.

Сент. 12, 1790.

Р. С. Полагая, что сей несчастной, по объявлении ему сентенции в С.-Петербургском губернском правлении, отправлен будет из того самого места, где он содержался, я, по человечеству желая доставить ему нужное для пути, отдал триста рублей, дабы ему все искуплено было, — все, что надо для толь дальней дороги. Но как он отправлен из Губернского правления, о чем я сведал только на другой день, равно как и о том, что для него ничего для дороги не купили, а знаю только, что сии триста рублей ему при отъезде вручены, — и так, посылаемые ныне двести рублей могут послужить в прибавок на разныя его снабжения для сего дальнаго его пути.

Я прошу ваше пр-во мне сделать одолжение сему несчастному приказать сказать, что о судьбине его я крайне сожалею, в которую однакож он не может не сознаться, что сам себя свергнул, — чтоб он всегда считал на мое о нем сострадание, а всего б больше полагался на известное милосердие ея величества, так как уже и мог он видеть новой опыт милосердия ея в-ва; ибо, сколь скоро до сведения ея в-ва дошло, что С.-Петербургское губернское правление неведомо почему при отправлении его велело сковать и, как сказывают, гнусную нагольную шубу на него надели, взяв оную тут же у сторожа или солдата, о чем мы все сведали только на другой день его отправления, то всемилостивейшая государыня приказать изволила графу Якову Александровичу Брюсу отправить вслед за ним куриера с повелением его оковы снять и для пути нужное доставить; и что сей образ его отправления тем паче ея величеством не апробуется, что означенной Радищев посылается в назначенную ссылку в Сибирь не в работу, а на житье.

Я прошу ваше пр-во, ежели сие мое письмо к вам застанет еще означеннаго Радищева в Твери, именем моим его обнадежить, что и в тамошнем его пребывании я не оставлю, конечно, возможную помощь делать, дабы он без нужды там жизнь препроводить мог, желая только, чтоб он здоров туда доехал, ибо мне известно вообще, сколь он некрепкаго сложения. А Впрочем полагался бы на бога и на известное всему свету государынино милосердие, и чтоб тихим и скром-

ным своим поведением в жилище ему назначенном сделался бы достойным воззрения и милосердия ея в-ва.

Я всегда считал на дружбу вашу, а потому и надеюсь, что ваше пр-во не сочтете себе в тягость таковое мое отношение к вам. Я же все оное вменю личным себе одолжением и, конечно, вам признателен буду.

Еслиб, паче чаяния, сие письмо к вам пришло уже позже отправления из Твери Александра Николаевича Радищева, то надеюсь, что вы не откажетесь, и по человечеству и чтоб мне сделать одолжение, принять меры, чтоб таковая моя помощь до него дошла и чтоб деньги употреблены были на покупку нужного для пути его.

Зная, сколь сей несчастной привязан к детям своим, прошу также его уверить, что сверх того, что они отданы в опеку их деда, а его отца, я конечно их ни в какое время не оставлю; и так, чтоб он об них не беспокоился.

3

Г. М. Осипов А. Р. Воронцову⁷

2 октября 1790 г.

Сиятельнейший граф, милостивый государь!

Как первое от 12-го, так и второе от 19-го числ сентября отправленные от вашего сиятельства милостивого государя ко мне письма и при первом двести рублей денег ассигнациями в настоящее время получить я честь имел и по первому о исполнении по приказанию вашего сиятельства доносил от 20-го числа сентября с здешним купцом Васильем Волковым отправленным письмом, которое уповаю уже и получить изволили, а теперь только то дополню, что посланный от меня в Москву возвратился и господина Радищева довел в Московское губернское правление весьма в слабом здоровье, так что уповаю до выздоровления пути он продолжать не может. Из-за сего, поруча себя в продолжение милостивого вашего ко мне благоволения, с наиглубочайшим и совершеннейшим почтанием ласкаюсь иметь честь навсегда непоколебимо пребыть,

сиятельнейший граф, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший и обязанный слуга

Октября 2-го дня
1790-го года.
[Тверь].

Григорий Осипов.

4

Ф. С. Радищева А. Р. Воронцову⁸

5 ноября 1790 г.

Ваше графское сиятельство, милостивый государь мой,
Александр Романович!

Письмо вашего сиятельства я с удовольствием имела честь получить, за которое приношу вашему сиятельству мою все-
низжайшую благодарность. В коем вы изволите писать о раз-
деле имения сына моего с его своячинами, также и отпра-
влении Лизаветы Васильевны в Иркутск к сыну моему. То я об
оном вашему сиятельству теперь ничего не могу доложить,
потому што Николая Афанасьевича уже нет неделю, как
уехал в Казань для свиданья с Александром, а по возвра-
щении оттуда он сам, не мешкав, к вашему сиятельству
будет с удовольствием обо всем отвечать. И за все вашего
сиятельства милости к сыну моему и за неоставление детей
его приношу мою всепокорнейшую благодарность. Впрочем
пребываю навсегда к вашему сиятельству с глубочайшим
моим почитанием и преданностию

вам милостивый государь мой, покорная ко услугам

Ноября 5-го дня

Фекла Радищева.

1790-го года.

[Преображенское].

5

Н. А. РАДИЦЕВ А. Р. ВОРОНЦОВУ⁹

21 ноября 1790 г.

Сиятельнейший граф, милостивый государь,
Александр Романович!

Письмо вашего сиятельства, присланное ко мне, имел
честь получить, в котором изволите изъяснять о нещастии
моего сына и принимать участие в сожалении ево.

Милостивый государь, ваше сиятельство, нещастие оное
нас всех поразило до крайности и в старости лет наших
едва ли можем оное перенести. Не описывая более горест-

ного нашего и несчастного состояния, но прино[шу] нашу наичувствительную и всепокорнейшую благодарность за все вашего сиятельства оказанные к нам милости.

Касательно же до моих несчастных внучат, которые отданы мне на попечение, на оное вашему сиятельству имею честь донести: все то сделано будет, как ваше сиятельство изволите приказать и без вашего повеления и совету ничего не предприму. Как Елизавету Васильевну, так и малолетних детей к сыну доставлю, о чем он меня просил в Казани, и ожидая теперь пути, как скоро возможно будет, поеду в Питербург, о чем и к Елизавете Васильевне уже писал давно и при сем еще прилагаю письмо.

Предавая же себя навсегда вашему сиятельству в милость и покровительство с глубочайшим моим почтением и преданностью пребуду

вашему сиятельству, милостивому государю
всепокорнейший слуга

21 ноября
1790 года.

Николай Радищев.

Преображенское.

6

Н. А. РАДИЩЕВ А. Р. ВОРОНЦОВУ¹⁰

9 марта 1791 г.

Сиятельнейший граф, милостивый государь!

Вашего сиятельства оказанные милости подвергают быть навсегда под покровительством вашим. Не сомневаюсь никогда лишиться онаго в моем несчастии и, приказание вашего сиятельства исполняя, детей маленьких отпустил с Елизаветою Васильевною, куда и сына с ними послал проводить; а больших отпустил к городу Архангельскому с сыном. Подателя сего письма, сына моего Степана, всепокорнейше прошу вашего сиятельства принять в вашу милость и покровительство и не оставить его в нуждах и защищении. Я, пробыв в Москве за моими необходимыми нуждами, сей день отправлюсь в низовыя деревни.

Не могу вашему сиятельству не донести, многие советоваи мне подать письмо его светлости князь Григорью Александровичу [Потемкину] о несчастном моем сыне. Но я без вашего сиятельства оное делать не согласился, не открывая

онаго никому, а единственно, якобы сам собою, а более полагая мою надежду на милость и обещание вашего сиятельства, и иметь во всем терпение до времени, — как богу оное угодно будет, ведая, что забыть онаго никогда не изволите и в несчастьи нашем и в такой печали не оставите. Сим предаю себя и пр.

Николай Радищев.

От 9 марта
1791 году.
Москва.

**VIII. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕРВЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ
А. Н. РАДИЩЕВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
КОНЦА XVIII в.**

С. А. ТУЧКОВ¹

РОНДО

О времена! о нравы!
Златый скончался век!
Лишь собственной забавы
Здесь ищет человек;
Астрея удалилась,
Неправда водворилась,
Всяк чтит ее уставы. —
О времена! о нравы!

О времена! о нравы!
Испорченных людей;
Для пользы лишь и славы
Трудится всяк своей;
Попранна справедливость;
Неправда и кичливость
Здесь зрят свои забавы. —
О времена! о нравы!

О времена! о нравы!
Нет силы зло сносить!
Всяк Честности уставы
Стремится преступить;
Отечество любезно!
Иройство неизвестно
Для сил твоих и славы. —
О времена! о нравы!

О времена! о нравы!
Вельможа горделив,

Своей лишь жаждет славы,
Стечество забыв;
Хоть общество страдает,
Но он лишь помышляет
Иметь свои забавы. —
О времена! о нравы!

О времена! о нравы!
Невинность гонит всяк,
На сильного ж управы
Сыскать нельзя никак.
Несчастный, ты крутись;
Счастливый! веселись,
Счисляй свои забавы. —
О времена! о нравы!

О времена! о нравы!
Уж нет ироев тех,
Для общества что славы
Старались паче всех.
Воскресните! проснитесь!
Воззрите, ополчитесь!
Сдержите блеск державы! —
О времена! о нравы!

О времена! о нравы!
Всяк золото богом чтит,
И собственны забавы
В уме своем твердит.
Прошли счастливы веки,
Вспомните, о греки!
Вы честности уставы. —
О времена! о нравы!

О времена! о нравы!
И где тот век девался,
Как для народной славы
Алкид вооружался;
Но ныне уж забыты
Ирои знамениты,
Хоть зрят их истуканы. —
О времена! о нравы!

О времена! о нравы!
Несчастливая страна!

Честь, Истины уставы
 Суть праздны имена;
 Хоть всем они здесь лестны,
 Но малым, ах! известны,
 Как блеск прямая славы. —
 О времена! о нравы!

НЕИЗВЕСТНЫЙ ²

ОДА НА ВОЙНУ

Что зрю природу сокрушенну?
 Что ужас всюду впечатлен?
 Встречаю фурию разженну,
 Всем смерть дающую иль плен.
 Земля от мертвых трупов стонет;
 Очервленели сонмы рек;
 В крови своей иль чуждой тонет,
 Дыша свирепством, человек.

Постой, неистовством горящий
 Самомечтательный герой!
 Меч на кого ты взнес блестящий
 Убийства алчущей рукой?
 Кого ты чтешь за сопостата,
 Гремя губительным свинцом?
 Кого?.. Себя, другого брата
 Одним созданного творцом.

Когда корысть, вражда иль мщенье:
 Острым злодейственным кинжал
 Свершить сокрыто убиенье,
 То вняв, ты б сам вострепетал.
 Убийцу извергом считаешь;
 Но вьяв идя кровь проливать,
 Ты тьмы людей побить желаешь,
 И славу мыслишь тем снискать.

Повеждь мне ярости причину,
 Столь сильно движущей тобой,
 Каких ты видел бед пучину
 От тех, с кем ты вступаешь в бой?

Вещаешь: „Брани что виною,
Отнюдь не ведаю того,
То знает царь, кой правит мною,
Или вельможа лишь его“.

Так ты орудие слепое
Чудовищ злейших, нежель сам,
И человечество святое
Причем, им следуя, к местам.
Коль хочешь ими быть владеем,
Задуй душевные огни,
И почитай того злодеем,
Кого велят тебе они.

О! вы, сидящие на тронах,
Подпора коим страх и смерть!
Вам в тех предписано ль законах,
Не смеет совесть коих стерть,
Чтоб, жизнь под вашей сущих властью
Презрев, на жертву приносить
Войне, воздвигнутой лишь страстью
Страны чужия покорить?

Иль ложной обольщены славой,
Представить бога мните вы,
Пуская ток реки кровавой,
Копая жертвам смерти рвы?
Ему в том будто б подражая,
Как дальний он колеблет свет,
С небес огни с дождем бросая,
И громом к смертным вопиет?

Но нет; отриньте чувства злобны,
Внимайте страждущих вы стон.
Хотите ль богу быть подобны,
То будьте кротки так, как он,
Когда мятеж стихий смиряет,
Лице природы веселит,
Во хляби бури запирает,
Всю тварь покоит и живит.

Как огонь, себе обретший пищу,
От искры лишь одной родясь,
Расстелет пламя по жилищу,
И вихрем в воздухе вьясь,
Ужасны трески производит,
Воздут Эола сыном злым,
Ни в чем препятства не находит,
Снедая все, не насытим.

Так брань во действиях чрезвычайна.
Мечей со звуком и оков,
Изторгшись из чертога тайна
Царей иль вождей их умов,
Летит лютейша Евменида
Власы змеистыми трясет;
Ей мраки адские — хламида;
Оружий блеск — в пути ей свет.

Ея перуны держат персты,
В запасе тысяща смертей,
И жадны челюсти отверсты
Горят напитися кровей;
Спешит отчаянье предтечей,
Неистовство и ужас с ним
Грозят своею страшной встречей,
Что гибель вслед стремится им.

Где только лишь распространена
Свирепствующая война,
То в сердце люто уязвлена
Вся та является страна.
Огни пылают всюду бранны,
Все губят, жгут или мертвят,
Пловут тела, в крови попоранны,
Иль в выспь взорванные летят.

В полях, в середине грозных боев,
В сраженьи страшном войск двоих,
Я зрю ярящихся героев,
Не видя человек в них.
Металл, орудие Цереры,
В орудье Марса обращен;
Пьют ослепленны изуверы
Яд, друг от друга сообщен.

Из тяжких махин ядры скоры
Летят со свистом в твердость стен;
На оных крутость чрез упоры
Взлезает воин воспален.
Град взят, в нем чудищ сонм рассеян,
Как гладны львы, користи рвут;
Всем смерти страшный час содеян;
Ни пол, ни лета не спасут.

Что зрю еще?.. Бунтует море...
Смущаемое ль естеством,
Оно в стихийном яром споре
Залить небес стремится гром?..
Нет... люди бурю воздвизают,
Шлют дымны тучи в оризонт,
В волнах громовый огонь рождают,
Кровянят зыблющийся понт.

Вещай, монарх победоносный!
Велик ли плод твоих побед?
Бич человечеству несносный,
Своим нанес и чуждым вред.
В оковах пленники страдают;
Твои же, с смертью в борьбе,
Час лютей оны проклинаят,
В который вслед пошли тебе.

Что отческу страну умножил
Частицей ты земли чужой,
То стоит ли, чтоб ты тревожил
Народов счастье и покой?
Извне их власть ты расширяешь,
Внутри их бедствия грызут.
Хоть торжествами их венчаешь,
Их рок равно сраженным лют!

Они за все те буйства платят,
Ты славен с коими мечем;
Полезного сочлена тратят
Во каждом воине твоём;
Земля скупее становится,
Коль мене рук ей посвятят,
Торгов обильных ток сушится
От приключенных им преград.

В душе всевышним посаженный
Тобой доволен ли судья?
Всегда ли спишь ты не смущенный?
Всегда ль спокойна мысль твоя?
Украшен светлостью короны
В тебе всегда ли равен дух?
Тобою бедствующих стоны
Не проникают ли твой слух?

Иной гласит, отдай мне друга;
О сыне слезы мать льет;
Рыдая, нежная супруга
За мужню смерть тебя клянет;
Всё гласом отчество гневливым
Гремит, как некий бог с небес:
„Отдай мне чад, что ты бурливым
На жертву склонностям принес“.

Да гибнет всяк, к войне пристрастный,
Всяк изверг из земных царей!
Чей меч тогда лишь спит ужасный,
Когда не зрит удобных дней;
Чей лавр со кипарисом смешен,
И слава подданных с бедой;
Кому мир самый безутешен
И полон горести покой!

Да гибнет низкий тот вельможа,
Коль льстя владыке своему
И злая склонности в нем множа,
Не кажет тех вредов ему,
Что вводит брань в его державы!
Да гибнет лютый тот злодей,
Кой для корысти иль для славы
Блажит войну в душе своей!

Велик монарх в своей судьбине,
Кой мир превыше чет всего;
Подобен кой Екатерине,
Что с болью сердца своего
Разит отнюдь не для трофеев,
Но чтоб наченших брань смирить,
На юге, севере пигмеев,
Гигантами хотящих быть.

Велик народ миролюбивый;
Блаженство в нем, как крин, цветет;
Он, зря лишь рог врагов кичливый,
Подобно россам восстает,
Чтоб, злобу вспять прогнав в геенну,
Златые тверже дни вкушать;
Обращет славу он нетленну;
Сам бог с ним будет побеждать.

В. В. ПАССЕК ³

1

[ЕКАТЕРИНА II]

- Е — сли разум нам природа
К благу общему дала,
То почто одна порода
Над другою верх взяла?
Нудит быть своей рабою,
Делать слепо, что велит,
Дыша гнусной злобою,
Смерть невинности сулит!
- К — ровью ближних насытившись,
На престол злобы взшла.
Прав и природы отщегившись,
Варварства во след пошла.
Благом общим почитает
Прихоть выполнить свою.
Чем же ее насыщает?
Гибелью людей. Пою.
- А — х, я с толку чуть не сбился,
Голосом не тем запел.
В мыслях сильно углубился,
Высоко было задел.
Что мне нужды до породы
Сильной, барской, мужика.
Се последки, сумасброды,
А тех власть есть велика.
- Т — ощи силы, перо тупо
Мочь их свету показать;

Но хоть слабо, грубо, глупо,
Нужно нечто мне сказать.
Первая глава престола
Силы власти и злобы
Вздумала, поднявшись с дола,
Собирать со всех плоды.

Е — ресь всюду распростерла,
Будто бог ее послал,
Чтоб тому главу сотерла,
Кто против ея восстал.
Люди, слепо чтя уставы,
Ложь приняли за закон
И, опившись сей отравы,
Червь им кажется дракон.

Р — азум, воля и свобода
Стонут в узах, вопия:
Долго ль чтить нам сумасброда,
Кровь сосуща, как змия?
Правды солнце озарило
Ныне нашу слепоту,
Лжи завесу нам открыло,
Видим ясно пустоту.

И — го, бремя и оковы
Рабства тщитесь вы сложить,
Будте вольны и готовы
К благу общему служить.
Горды стены истребите
Самовластия царя,
Песнь небесну вострубите,
Сердцем к вышнему паря.

Н — еба всех и вся создатель,
Тайны ведущий сердец,
Щедрый благостей податель
Ты наш царь, вождь и отец.
Се приносим мы на жертву
Чувства чисты и любовь.
В честь твою и нам безсмертну
Льется в жилах наших кровь. . .

А — рушителя покоя,
Изверга природных прав

Правда, став в лице героя,
 Свергла власть его, поправ.
 Кто ж он был? Чтоб было гласно
 Имя варвара сего,
 Первы буквы сложив, ясно
 Будешь видеть ты его.¹

II.

2

[ВОЛЬНОСТЬ]

- В — ольность, вольность дорогая,
 Многие про то твердят.
 В чем же часть ея благая,
 Глаз на то не обратят.
- А — стронома мозг крутится,
 Следуя природы мрак.
 Много стоит утвердиться
 Правда то или призрак.
- Р — ушит власти все пределы,
 Дать природе вольной ход,
 Тотчас станут умы зрелы,
 Плавая, не пойдут вброд.
- В — сплыв на берег, пойдут смело
 Злобы цепи разорвать,
 Кои душу их и тело
 Тщились в рабстве содержать.
- А — да власти потресутся,
 Видя правду в торжестве,
 Полубоги все смятутся,
 Зря себя в ничтожестве.
- Р — ай, рай, правду возвещая,
 Ныне отверзаю вам.
 Будьте тверды, не дерзая
 Мнить подобным быть богам.
- А — лчность, жажду утоляйте
 Тем, природу что крепит.
 Долгом себе поставляйте
 Ближнего покой хранить.

3

[ЛИКУЙ, О, ВОЛЬНОСТЬ!]

Ликуй, о вольность, дщерь природы!
 Народ, разрушив власть царя,
 Воздвиг нетленной храм свободы
 На месте злобы алтаря.
 В нем жертва лести не воскурится,
 Не будет в нем боготвориться
 Обманом славый бог земли.
 Священна правда там правитель,
 Невинных мощной покровитель.
 Вот что изрек народ. Внемли.

(Спешите, дети, мной избранны,
 Казнить мучителей своих,
 Достойны быть они попранны).

Се путь лежит ваш пред глазами,
 Ведущий прямо раю в сад.
 Оставьте грусть и плач с слезами
 Тому, мешал кто в пищу яд.
 Спешите по нем, шаги удвойте,
 Кричите ура и песнь воспойте.

4

[ЛИКУЙ, О, ВОЛЬНОСТЬ!]

[Вторая редакция]

Ликуй, о вольность, дщерь природы!
 Народ безсмертну власть принял!
 На гибель царския породы
 Курильник правды осиял.
 Народы храм твой восстанавлиют,
 Чистость сердц в жертвы приготов[ляют].
 Низвергли народы истуканы.

Шествуй, царей покоритель,
 Пред курильник в премудрый храм.
 Спеши, славны[й] лжи победитель,

Изстреблять зло мздоимства там.
Сумазбродам и святым сотри веры,
Возьми с французов ты в сем примеры.

Распрости по всель успехи,
Совершенный славы предмет твой.
Преврати тьмы завес в утехи,
Возобнови связь дружбы, покой.
Завистным зрит Европа оком
На плывущи[х] к [сте]зе добра потоком.

О, вольность жнив покров, коссов,
Французов ты предводитель;
Защитник будь народа россов,
Святых прав его учредитель,
Утверди храм[ы] посвященны
И там царей нарушенны.

Твоим взором преисполненны
Горы, поля, моря, реки
И степи ораменны.
Под знаменем твоим веки.
Блажен народ торжествует;
Право естества существует.

Довольствуешь труды ученым,
Пастухов и землешцов,
На суше и море торговым.
Изгнатель ты туниядцов,
Каратель распрь, ухищренья
Смертию без пощады, прощенья.

Цари, с вольным вы народом
Дерзнете весть брань кроваву
С униженным рабов збродом.
Готовтесе пить отраву.
О вольность, бог справедливой,
Просвети род сей кичливой.
Изтреби род сей кичливой.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все документы судебного дела печатаются по подлинникам (за исключением немногих, подлинники которых отыскать не удалось), с соблюдением всех их стилистических и орфографических особенностей. От подлинников допущены только следующие отступления: ъ опущен в конце слов, буквы *ѣ, і, ѳ* соответственно заменены буквами *е, и, ф*. Пунктуация современная.

Цифры на полях текста документов обозначают листы дела по архивной пагинации. Отсутствие цифр на полях некоторых документов означает, что данный документ воспроизводится не по рукописи, а по печатному источнику.

Заголовки документов, напечатанные жирным шрифтом, принадлежат нам.

I. МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

¹ Записка печатается по автографу Екатерины II, написанному на клочке бумаги (Центральный Государственный архив древних актов, фонд Государственного Архива, разр. VII, 1750—1797 гг., оп. № 4, д. № 2760, ч. 1, л. 2).*

Записка не датирована; написана она, надо полагать, около 20 июня 1790 г., до начала следствия, которое, как свидетельствуют печатаемые здесь документы (справка пристава И. Бухарева и др.), началось 20 июня. Адресат на записке не указан. Я. Л. Барсков предполагает, что записка была послана А. А. Безбородке (Опись Дела о Радциве и Зотове. Материалы к изучению „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева, т. II, М.—Л., 1935, стр. 517).

Впервые напечатано: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889, стр. 576.

² Челищев — Челищев Петр Иванович (1745—1811), товарищ Радищева по лейпцигскому университету; писатель, историк и этнограф Севера России, автор книги „Путешествие по Северу России в 1791 году“. Более подробные сведения о П. И. Челищеве см.: Н. А. Челищев. Сборник материалов для истории рода Челищевых. СПб., 1893, стр. 241—246.

Екатерина II, как это видно из публикуемых в „Приложениях“ документов, несколько раз упоминает Челищева в связи с изданием „Путешествия из Петербурга в Москву“. Приводим здесь два стихотворения Челищева, из которых видно, что он был арестован как единомышленник Радищева.

Стихотворение „Стон несчастного дворянина“ печатается впервые, по тексту рукописного сборника „Разные сочинения“, хранящегося в руко-

* В дальнейшем название архива и номер фонда пишутся сокращенно: ЦГАДА, VII, № 2760/1.

писном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Ф. XVII, № 80, стр. 241—245). Список писан на бумаге, имеющей водяной знак 1790 г.

Стихотворение „Благотворный мой избавитель“ печатается по тексту экземпляра, изданного самим автором, хранящегося также в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в бумагах Г. Р. Державина (т. 23, л. 102). Имеется список этого стихотворения в указанном сборнике „Разные сочинения“ (стр. 146), где содержится и стихотворение „Слон несчастного дворянина“.

I

СТОН НЕЩАСТНОГО ДВОРЯНИНА

Царица стран, тобой щастливых!
Ты жалобный мой стон всеми,
Не чти его в числе роптливых —
И бога молят на земли!
А ты ему на ней подобна,
Щедротю и властью сходна,
Как он и ты склонна простить!
Судьбами ты повелеваешь,
Мужей достойных возвышаешь,
Пороки ищешь истребить.

Полвека моего страдаю
И тщетно я до днесь прошу,
Предстася где взять не знаю,
Тебе напомнить, что дышу. —
О, нужда! мать изобретенья,
Когда выводил из терпенья,
Сверх сил заставишь предпрять!
Питом быть ты мне внушила,
Пусть скажут, что ума лишила. . .
К чему мне ум употреблять?

Царица! Ты правду почитаешь
И милость для нея творишь.
Злодея по делам карашь
И тут его еще щадил!
Твоих ног к праху повергаюсь,
В чем виновен, в том тебе я каюсь.
Будь воля надо мной твоя:
Разсудка моего незрелость
И погубна маадых лет смелость,
Вот истинна вина моя.

Невинен я, сие возможно
Злодею про себя сказать,
Но что невинен он, то должно
Не словом, делом доказать. —
Черты неложны представляю,
Защиту в них обрести я чаю,
Дабы мне извергом не слыть:
Сии черты тебе вестимы.
Дерзая, подкрепляем ими,
Вещать, как начал в свете жить.

Воспитан был я во Гельветах
И правду там спознал от них,
Полезен мог я быть в советах
Или в воинствах твоих. . .
Судьба моя то воспретила,
Свои все силы устремила
Мою чтоб твердость испытать! —
Из стран иных как возвратился,
Льстедом я быть не научился,
Раввратным стади почитать.

В Сарматы ровно в наказание
Хоть сослан бы, не унывал;
Привел там в действие ратно званье,
Врата я града разомаа.
С той вестию, что град мы взяли,
К твоим стопам меня посади,
Иа уст твоих возвышен был!
Чрез то я целью стал завистных
И тучи стрел их ненавистных
Темля, но ветр их уносил.

В то же время змай внук Магомета
Противу нас бунчук вднял свой,
Тебе подвластная победа
Пред нами шаа, где ни был бой. —
Я болен был, но ополчался
И в бранях быть во всех старался,
Сним чтился долгу дань воздать:
За то дано мне награжденьем,
Чтобы твоим я лицеарьем
Мою мог душу наслаждать.

Объят восторгом, вспоминаю
Мне тот щастливый в жизни час;
Мне мнится, что еще внимаю
Божественный ко мне твой глас!
Сие в чертогах твоих было,
Когда на всех взирая мило,
Ко мне ты в славе подошла,
Довольна мною, ты сказала,
Усердье вновь во мне зажгла.

Бывал я богоотступник?
Рожден ли я от предков змай?
Чтоб с умыслом мог быть преступник,
Всю цену зная слов таких?
Но зависть только их прогнала,
Где мне погибель соплела!
Саксонца там уговорила
И им меча меня лишила,
Потом до ссылки довела.

Сверх сроку десять лет терпимы
Различныя беды моя.
С преданностию мной носимы
Того достойны, чтоб твои
Спустились на меня днесь взоры —
Хотя бы умер без укоры
И то блаженством бы почел! —
Так бытие мое поносно
И духу моему не сносно,
Что я в отчаянье пришел!

Казни, великая царица!
Умышленно коль виня я,
Но прежде, чтоб моя зеница
Сподобилась узреть тебя!
Прими мос ты оправданье
И естли младости незнаенье
Ты мне виною ис сочтешь,
Попрешь моеи судьбины злобу,
Простишь меня и, дав свободу,
Еще пред лик свой призовешь.

Всю кровь пролить я не жалею,
Когда б тебе мог угодить!
Пред светом всем сказать я смею:
Тебя любя, рожден служить!
Все сверстники мои ползаны,
Тебе, Отечеству любезны,
А я какую жизнь влечу?
Сей час слезами обливаясь,
Похвальной завистью терзаясь
Отрадой смерть почесть хочу.

Осталось малое мне время
Тебе слугою паки быть,
Моих напастей тяжко бремя
Уж стало огнь во мне гасить;
Но в сердце жар доколь пребудет,
Ясак твоё мне имя будет.
Избрав честь спутником себе,
Я буду ею провождаем,
От всех по ней до смерти знаем
Хоть в цдасти, хотя в беде.

О боже! Творче всемогущий,
Помощник в горе сиротам,
Дозволь, чтоб глас мой вопиющий
Достигнул неба ко вратам!
К тебе, владыко, прибегая,
Молю тя слезно и рыдая:
Продай царицы дни драгой!
Ты дай все то, что ей угодно,
С ея что мыслей будет сходно,
То нам восставит гек златой.

2

БЛАГОТВОРНЫЙ МОЙ ИЗБАВИТЕЛЬ

Душою сострадаю,
Мою зря горьку часть
И в черную напасть
Терзающую вникаю,
Реченье и стины направил
И кротку божеству представил
Изъять меня из хляби алчна вещества.

Прими ж души моей благодаренье,
Разженных чувств и сердца равенье,
О дар избраннейший для благ!
Когда торжествовал мой враг,
Остри свой взор, скрипя клыкками,
Фатальный ков обрывши рвами,
Из их когтей чтоб исхитить,
Единой было льва орлице,
Великой той душе Фелице,
Извлечь и жребий тяжкий облегчить,
Чертог тогда не ты ль отверз мне божества?

Ты стал! и алчность устыдилась,
Рок хряснул вдруг и буря укротилась.
О, смертных друг! будь в век благословен!
Щастлив тобой, но я не удивлен:
Извлечь из зуб, то пусть таки понятно,
Но вот алтынним что душонкам необъятно!
Стенящей вопль тебя мой огорчил,
Когда в отчаяньи я рвался и ругался.
Изящный муж! Одним ты мною занимался
И благостью кощунство ты казнил.

³ Печатается по автографу пристава И. Бухарева (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 71).

Впервые напечатано: Я. Л. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия“, т. II, стр. 531.

⁴ Объяснение типографа И. Шнора и прилагаемая к нему записка Радищева печатаются по подлинникам (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 61, 62, 63).

Впервые напечатаны в сокращенном виде: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи..., т. I, стр. 586; затем также не полностью были напечатаны: Я. Л. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия“, т. II, стр. 532. Перевод с немецкого записки Радищева и приписки к ней Шнора, сделанный в канцелярии петербургского обер-полицеймейстера Рыльева, печатается здесь впервые.

Шнор Иоганн — владелец крупной типографии в Петербурге и книжного магазина.

⁵ Рылеев Никита Иванович (род. в конце 1740-х годов, ум. в 1808 г.) — с января 1784 по сентябрь 1793 г. служил петербургским обер-полицеймейстером. По отзывам современников, Рылеев являлся весьма ограниченным служакой. А. В. Храповицкий в известном своем Дневнике под 27 сентября 1790 г. записал о нем следующие слова Екатерины II: „Ежели [полковые офицеры] малый рассудок имеют, от практики делаются способными быть обер-полицеймейстерами“. Однако такое мнение не помешало Екатерине назначить Рылеева в сентябре 1793 г. петербургским губернатором вместо П. П. Коновницына. За разрешение книги Радищева к печати Рылеев не получил никакого наказания. П. А. Радищев в своих воспоминаниях об отце пишет по этому поводу следующее: „Рылеев, по известному всем совершенному своему невежеству, допустил ее к продаже и в книге было выставлено: «С дозволения управы благочиния». Это нарушение правил было поставлено в вину Радищеву при его осуждении. Рылеев, узнав свою ошибку и сделанный им промах, явился к императрице и, бросаясь на колени, просил прощения. Ему простили, и действительно он был не виноват, что попал в обер-полицеймейстеры, несмотря на свою глупость“ (Русский вестник, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 408).

⁶ 4. Показания Г. К. Зотова печатаются по подлинникам (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 72—75). Писаны они писарской рукою; подписи к ним сделаны собственноручно Зотовым.

Показания Зотова от 28 и 29 июня впервые были напечатаны с некоторыми пропусками в тексте: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи. . . , т. I, стр. 579—581. Подписка Зотова о сохранении тайны допроса от 29 июня впервые была напечатана: Я. Л. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия“, т. II, стр. 533.

⁷ Сидельников Петр Михайлович — лицо вымышленное, как выяснилось из дальнейших показаний Зотова. Зотов назвал его для того, чтобы не выдать Радищева и запутать полицию в деле разыскания экземпляров „Путешествия“.

⁸ Записка Екатерины II печатается по тексту: Сборник имп. Исторического общества, т. 42, стр. 84. Адресат и дата в записке не указаны. Первые издатели слово „к нему“ относили к Радищеву. В издании „Полного собрания сочинений“ А. Н. Радищева под редакцией А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева (т. II, стр. 298) высказано более верное предположение о том, что записка адресована А. А. Безбородке, который писал по поручению Екатерины II два письма гр. А. Р. Воронцову относительно книги Радищева. Поэтому слово „к нему“ должно относиться не к Радищеву, а к А. Р. Воронцову. Поскольку названные письма Безбородки к Воронцову были писаны 27 июня 1790 г., то и данную записку Екатерины следует отнести к этому же числу.

⁹ Письма А. А. Безбородки А. Р. Воронцову печатаются по тексту: Архив кн. Воронцова, т. XIII, М., 1879, стр. 199—201.

¹⁰ Замечания Екатерины II на книгу Радищева печатаются по копии, находившейся в распоряжении С. И. Шешковского (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 20—26).

Даты написания на рукописи не имеется. Согласно записи в дневнике секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого замечания писаны с 26 июня по 7 июля 1790 г.

Впервые напечатано: „Чтения в Обществе истории и древностей российских“, 1865, июль—сентябрь, кн. III, отдел „Смесь“, стр. 67—77.

Аналогичный список замечаний Екатерины, отличающийся лишь тем, что в нем отсутствует № 6, хранится в Ленингр. отдел. Института истории Академии Наук СССР в собрании Воронцова, № 864, лл. 56—69 (напечатан: Архив кн. Воронцова, кн. V, стр. 407—422). Ссылки на страницы в примечаниях Екатерины сделаны по изданию „Путешествия из Петербурга в Москву“ 1790 г.

¹¹ Он же едва ли не мартинист — имеется в виду существовавшее в XVIII в. в России и за границей масонское общество последователей мистической философии Сен-Мартена. Наиболее верную характеристику их деятельности дал А. С. Пушкин в статье „Александр Радищев“. „В то время существовали в России люди, — пишет он, — известные под именем мартинистов. Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философского вольнодумства, бескорыстная любовь просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали. Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды. Императрица, долго смотревшая на усилия французских философов как на игры искусных бойцов и сама их ободрявшая своим царским рукоплеканием, с беспокойством видела их торжество, и с подозрением обратила внимание на русских мартинистов, которых считала проповедниками безначалия и адептами энциклопедистов. Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невниманными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франмасонских ужинах“ (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в десяти томах, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 353—354). Радищев не принадлежал к обществу мартинистов. В ответах на „вопросные пункты“ Шешковского он заявил: „Мартинистом он не токмо никогда не был, но и мнение их оуждает, что-де и в самой книжке сей значится на страницах 93 и 315-й“.

¹² Чячагов Василий Яковлевич (1726—1809) — адмирал, командовавший во время шведско-русской войны 1788—1790 г. русским флотом в Балтийском море.

¹³ Рейналя книга — имеется в виду книга французского публициста Рейналя (1713—1796) „История обеих Индий“, написанная им совместно с Дядро и другими просветителями (Первое издание вышло в 1770 г.). Второе издание этой книги, по решению парижского парламента, было сожжено в 1781 г.

¹⁴ Кромвелев пример — Кромвель Оливер (1599—1658), вождь английской буржуазной революции; правительство, возглавляемое им, казнило в 1649 г. английского короля Карла I.

¹⁵ Мирабоа — Мирабо (1749—1791), один из крупных деятелей в начале Французской буржуазной революции 1789 г.

¹⁶ „Письмо к другу, жительствующему в Тобольске“ — небольшое произведение Радищева, напечатанное анонимно в домашней типографии его в начале 1790 г. Экземпляр этой книжечки хранится в следственном деле Тайной Экспедиции о Радищеве (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 13—19).

II. ДЕЛО ТАЙНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

¹ Ордер на заключение Радищева в Петропавловскую крепость печатается по подлиннику, хранящемуся в Центральном Государ-

ственном историческом архиве в Ленинграде (ф. 1280, оп. 2, ед. хр. 43, л. 116).

² Чернышев Андрей Гаврилович (1720—1797) — генерал-майор; с 1773 г. до конца своей жизни служил обер-комендантом С.-Петербургской (Петропавловской) крепости.

³ Рапорт подполковника Д. Горемыкина печатается по подлиннику (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 65).

Впервые напечатан: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи. . . , т. I, стр. 577—678. Я. А. Барсков, перепечатавая этот рапорт в книге „Материалы к изучению «Путешествия»“ (т. II, стр. 520, 533) по непонятной причине исключил из его текста дату написания. В подлиннике дата имеется.

⁴ Записка Я. А. Брюса С. И. Шешковскому печатается по подлиннику (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 64). На обороте записки имеется надпись: „Его превосходительству милостивому государю моему Степану Ивановичу Шешковскому“.

Впервые напечатана: Я. А. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия“, т. II, стр. 533.

Упомянутое в записке письмо Е. В. Рубановской к Радищеву в деле не сохранилось и не известно, было ли оно вообще передано Шешковским Радищеву.

⁵ Рубановская Елизавета Васильевна (1764—1797) — сестра первой жены А. Н. Радищева Анны Васильевны Рубановской. Е. В. Рубановская после смерти в 1783 г. своей сестры принимала близкое участие в воспитании детей Радищева. Радищев в своем „Завещании“, написанном в Петропавловской крепости, писал детям: „Помните, что мать ваша, умирая, поставила над вами, вместо себя, сестру свою и друга, тетку вашу Елизавету Васильевну, которую, доколе живы будете, матерью именуите“. Родилась Елизавета Васильевна, как свидетельствует об этом запись в исповедной книге по г. Петербургу за 1788 г., в 1764 г. Исключительно энергичным и преданным другом показала она себя по отношению к Радищеву. Она писала ему, как свидетельствует данная записка Брюса, ободряющие письма в Петропавловскую крепость. Она много, хотя и напрасно, передала подарков „кнутобойцу“ Шешковскому, чтобы он не мучил Радищева. П. А. Радищев в своих воспоминаниях об отце пишет: „Неизвестно, как происходили допросы, но верно то, что каждый день из дому Радищева посылали верный служитель, его камердианер, Петр Иванович Козлов, с гостинцами к грозному Шешковскому от имени старшей свояченицы, Елизаветы Васильевны, за которые она получала всегда ответ успокоительный: „Степан Иванович [Шешковский] приказал кланяться; все, слава богу, благополучно, не извольте беспокоиться“ (Русский вестник, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 408). Елизавета Васильевна сопровождала Радищева в Сибирь, взяв с собой двух его маленьких детей. Она догнала его в марте 1791 г. в Тобольске и до 1797 г. жила с ним вместе в Илимске. Там стала она его женой. В Илимске у нее родились дети: Анна (1792), Фекла (1795) и Афанасий (1796). В 1797 г. на обратном пути в Россию Елизавета Васильевна тяжело заболела и не смогла перенести сурового сибирского климата. Она скончалась 7 апреля 1797 г. в Тобольске. Для Радищева это был новый тяжкий удар. В своем „Дневнике путешествия из Сибири“ он записал: „О! koliko первое мое в Тобольске пребывание было приятнее. В горести свидеться с теми, кого всех больше на свете любишь, или расстаться с ним навеки. . . Сей город навеки будет иметь для меня притягательность“ (А. Н. Радищев, Избранные сочинения,

М.—Л., 1949, стр. 736). В поэме „Бова“ Радищев с исключительной теплотой вспоминает Елизавету Васильевну. Он пишет:

В ту страну ужасну, хладну,
В ту страну, где я средь бедствий,
Но на лоне жаркой дружбы
Была блажен и где оставил
Души нежной половину.

⁶ Показания Радищева. Ответы на вопросы С. И. Шешковского „Пожалуйста, объясните. . .“ писаны собственноручно Радищевым (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 6, 7). Печатаются по автографу. К ним приложена следующая справка об исполнении Радищевым и его семьей церковных обрядов:

„По книгам владимирского прихода ни Рубановского, ни Радищева не найдено.

А в списках, поданных от церкви Входа во Иерусалим, что у Лигованала, за 1784 год, 1787, 1788, 1789 написано:

Бригадира Василья Кирилова Рубановского жена Акилина Павлова 57 лет.

Портовой таможенной полковник Александр Николаев Радищев 41 года. Дети его: Василий — 12, Николай — 10 [лет].

Вышеозначенной бригадирши дети девицы: Елизавет — 23, Дарья — 22 [лет].

У исповеди и святого причастия все была“ (л. 8).

Дата дачи ответов в подлиннике не указана. По содержанию их видно, что они были написаны Радищевым в первый день допроса его Шешковским, т. е. ночью с 30 июня на 1 июля, тотчас же по заключении Радищева в Петропавловскую крепость.

Первые напечатано: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи. . ., стр. 578—579.

⁷ Показания от 1 июля „Принося повинную. . .“ печатаются по автографу Радищева (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 141—144). Писаны на листах большого формата, на каждой странице сделана сверху нумерация: „Первая, вторая, третья, четвертая“; вторые половины листов не заполнены. С этого автографа сделана писарем копия, которая была заверена Радищевым следующей подписью: „К сей повинной Александр Николаев сын Радищев руку приложил“. Заверенная Радищевым копия была передана на просмотр Екатерине II; после смерти Екатерины она вместе с другими показаниями Радищева была взята А. Р. Воронцовым и ныне хранится в его бумагах (Ленингр. отд. Института истории Академии Наук СССР, собрание Воронцова, № 864, лл. 85—88; напечатана: Архив кн. Воронцова, кн. V, стр. 423—427).

Емeste с автографом данного показания в этом же деле (лл. 43—46) имеется вторая писарская копия, не заверенная Радищевым.

Дата показания в автографе не проставлена; однако она имеется в заверенной Радищевым копии, где в конце 88 листа написано: „июля 1 дня 1790 года“.

Первые напечатано слитно с другими показаниями Радищева: Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1865, кн. 3, отдел „Смесь“, стр. 92—96.

⁸ Путешествие Иорика — имеется в виду книга Стерна „Сентиментальное путешествие“.

⁹ Козодавлев Осип Петрович (1754—1819) — товарищ Радищева по лейпцигскому университету, писатель, переводчик; позднее, при Александре I, Козодавлев был министром внутренних дел и министром народного просвещения.

¹⁰ Дараган Козьма Иванович (род. между 1767—1770 гг. — ум. в 1825 г.) — прапорщик, служивший под начальством А. Н. Радищева учеником при петербургской таможене; занимался в 1790-х годах литературной деятельностью, писал стихи и делал переводы.

¹¹ Вицман Август — педагог, находившийся одно время при русских студентах в Лейпциге и поддерживавший их борьбу против злоупотреблявшего властью майора Е. Ф. Бокума. Радищев прекрасно отзывался о нем в своей повести „Житие Федора Васильевича Ушакова“. „Великодушный муж! — плчет он, — никто из нас не мог тебе за то вздать достойно, но ты живешь и пребудешь всегда в сердцах наших“ (см. о Вицмане свод данных в статье П. Н. Беркова „Материалы для биографии А. Н. Радищева“: Радищев, сборник, изд. Лен. Гос. унив. им. А. А. Жданова, 1950, стр. 222—228).

¹² Олсуфьев Сергей Адамович (1755—1818) — товарищ Радищева по лейпцигскому университету, ротмистр Конногвардейского полка.

¹³ Показание от 6 июля „Проходя сочинение...“ печатается по автографу Радищева (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 163—164). С этого автографа сделана писарем копия, которая была заверена Радищевым: „К сему раскаянию Александр Николаев сын Радищев руку приложил“. Заверенная копия была передана на просмотр Екатерине II, а после ее смерти вместе с другими документами по делу Радищева была взята А. Р. Воронцовым (ныне хранится: Ленингр. отдел. Института истории Академии Наук СССР, собрание Воронцова, № 854, лл. 92—93). Вместе с автографом показания в деле (л. 42) имеется вторая писарская копия, не заверенная Радищевым.

Дата показания в автографе не поставлена; она имеется в заверенной Радищевым копии: „1790 года июля 6 дня“.

Впервые напечатано слитно с другими показаниями Радищева: Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1865, кн. 3, стр. 91—92.

¹⁴ Показание от 7 июля „Для удостоверения...“ печатается по автографу Радищева (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 145—146). Вместе с автографом в деле (лл. 40—41) писарская копия.

Дата показания в автографе не указана. В копии на листе 40 сверху написано: „Июля 7-го тож рукою его Р[адищева] писано“; на л. 41 — „Подлинное писано рукою самого Радищева июля 7-го дня“.

Впервые напечатано слитно с другими показаниями Радищева: Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1865, кн. 3, стр. 90—91.

¹⁵ „Вопросные пункты“ печатаются по писарской копии, подписанной в конце собственноручно Радищевым: „К сему показанию Александр Николаев сын Радищев руку приложил“ (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 27—39); копия „Вопросных пунктов“ имеется в собрании Воронцова, № 864, лл. 70—82 (напечатана: Архив кн. Воронцова, кн. V, стр. 430—444).

Автограф не дошедшей до нас рукописи ответов Радищева на „Вопросные пункты“ надо полагать отличался от авторизованной копии. Радищев свои первоначальные ответы изменял илч, как он сам говорит, „очищал“ их. Рукопись, хранящаяся в ЦГАДА, не датирована; копия в собрании Воронцова имеет дату: „Июля 8, 9 и 10 числа 1790 года“.

¹⁶ Дополнение к 3-му пункту „Вопросных пунктов“ печатается по автографу Радищева (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 158); копия дополнения имеется в собрании Воронцова (№ 864, л. 89).

Впервые „Вопросные пункты“ напечатаны: Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1865, кн. 3, стр. 77—89.

17 Показание от 11 июля „От роду ему 40 лет...“ печатается по писарской копии, подписанной в конце собственноручно Радищевым. (Ленингр. отдел. Института истории Академии Наук СССР, собрание Воронцова, № 864, лл. 90—91).

Впервые напечатано: Архив кн. Воронцова, кн. V, стр. 443—444.

18а Показание от 13 июля „Радищев по поводу показания Зотова...“ печатается по писарской копии, подписанной собственноручно Радищевым (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 60).

Впервые напечатано: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи... т. I, стр. 586.

18б Вальц Иван Иванович — секретарь Государственной Коллегии иностранных дел; в 1791 г. был выслан из Петербурга в г. Пензу за шпионаж в пользу Франции. А. В. Храповицкий в своем „Дневнике“ под 28 июля 1791 г. пишет: „Дан секретный указ Шешковскому и мне, чтоб, взяв кол[легии] ин[остранных] дел секретаря над[ворного] сов[етника] Вальца, допросить в сношениях его с иностранными министрами, и не знает ли он того же за другими? Ибо от Самолина получена из Паряжа выписка о расходах по иностранному департаменту, в коей показано на него в 1787 г. 60 т. ливров, да в трех последующих годах, по 6-ти т. в каждый“ (Дневник А. В. Храповицкого. СПб., 1874, стр. 368, 369, 372, 458—460).

Экземпляр „Путешествия“ Вальц получил от Радищева, как он сам показал 17 июля на следствии, через своего шурина капитана Девиленева, служившего при таможене учеником.

19 Показание от 15 июля „Не в оправдание...“ печатается по автографу Радищева (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 161—162). Кроме автографа, в деле имеется писарская копия этого показания.

Дата в автографе отсутствует; однако она указана в копии: „Писано рукою самого Радищева июля 15 дня“. Данное показание было написано Радищевым ночью в присутствии приставленного к нему в крепости офицера. Об этом свидетельствует письмо Шешковского к Я. А. Брюсу от 16 июля 1790 г., копия которого также хранится в следственном деле вместе с копией показания Радищева, л. 3.

Впервые напечатано слитно с другими показаниями Радищева: Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1865, кн. 3, стр. 104—106.

20 Читал и книг церковных, следуя совету Ломоносова. — Сведений о личном знакомстве Радищева с М. В. Ломоносовым не сохранилось. В данном случае Радищев имеет в виду советы Ломоносова, содержащиеся в его известной статье „О пользе книг церковных в российском языке“.

21 Даль Герман Юрьевич (род. около 1722 г. — ум. 21 июля 1789 г.) — советник Петербургской таможи. С 1780 г. Радищев служил в Петербургской таможене помощником Даля; после смерти последнего был назначен на должность советника. Официальное утверждение Радищева в этой должности было проведено Сенатом 5 апреля 1790 г. В делах Палаты гражданского суда хранится следующий документ:

„Из Санктпетербургского губернского правления в Палату гражданского суда.

Губернское правление, слушав указ Правительствующего Сената, что сего года апреля 5 дня Правительствующий Сенат определил на имеющейся Санктпетербургской губернии в Казанской палате советника таможенных дел вакансии быть советником состоящему в той экспедиции помощником советнику коллежскому советнику Александру Радищеву о п р е д е л а о: списав со оного указа, копию для надлежащего испол-

нения в Казенную палату препроводить и препровождена при сообщении; а к сведению палатам, Приказу общественного призрения и Советному суду сообщить.

Маия 15 дня 1790 года [Подпись нрзб]

Секретарь Харитон Гришевский.

Слушано маия 15, № 068. Канцелярист Алексей Герасимов". (Государственный Исторический архив Ленинградской области, ф. № 757, д. № 10, связка № 4, оп. 1, л. 4. Аналогичный указ Сената был напечатан в статье В. П.: А. Н. Радищев — управляющий СПб. таможней. Труды Саратовской архивной комиссии, Саратов, 1912, вып. 29, стр. 30).

²² Читая Гердера. — Радищев имеет в виду сочинение Гердера „О влиянии правительства на науки и наук на правительство“, 1780.

²³ Показание от 17 июля „К Кутузову в чужие края...“ печатается по писарской копии, подписанной в конце собственноручно Радищевым (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 53).

Впервые напечатано: Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1865, кн. 3, стр. 101.

²⁴ Завещание Радищева детям печатается по автографу (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 147 и 150).

Впервые напечатано: Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1865, кн. 3, стр. 97—98.

Дата завещания в подлиннике не проставлена, однако она легко определяется следующими данными. Завещание, начинающееся трагическим восклицанием „Свершилось!“, было написано под глубоким впечатлением смертного приговора Палаты уголовного суда. Смертный приговор Радищеву Палата вынесла вечером 24 июля 1790 г. На следующий день он был подписан всеми членами Палаты и объявлен Радищеву. Следовательно, данное завещание могло быть написано 25 июля. На третий день после написания завещания Радищев написал к нему дополнение. На копии, сделанной с этого дополнения, рукою писаря проставлена дата: „Писано его рукою июля 27-го дня“. В деле на листах 48—50 имеется копия также и этого завещания.

В середину листа завещания вложено письмо Радищева к С. И. Шешковскому, в котором он просит последнего передать завещание своим детям. Однако Шешковский не выполнил его просьбы. Завещание было оставлено в следственном деле и детям Радищева осталось неизвестным.

²⁵ Сотрудницы. Радищев называет сотрудницами своих своячениц Елизавету и Дарью Рубановских, которые жили вместе с ним в одном доме в Петербурге, доставшемся им всем по наследству от В. К. Рубановского.

²⁶ Дополнение к завещанию печатается по автографу, находящемуся вместе с завещанием на л. 151.

²⁷ Письмо С. И. Шешковскому от 25 июля 1790 г. печатается по автографу (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 148—149). Письмо вложено в середину завещания Радищева детям (см. примечание к предыдущему письму). Дата в подлиннике не проставлена; она определяется временем написания завещания, т. е. 25 июля 1790 г. Я. Л. Барсков датировал это письмо ошибочно, указав, что оно написано было 15 июля 1790 г. — Материалы к изучению „Путешествия“ т. II, стр. 524.

²⁸ Письмо С. И. Шешковскому, конец июля — начало августа 1790 г. Печатается по автографу (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 159—160). Даты в подлиннике не имеются. Письмо это, как видно из его содержания,

является вторым дополнением к завещанию Радищева. Оно, надо полагать, было написано вскоре после первого дополнения к завещанию, т. е. после 27 июля.

В конце письма Радищев благодарит Шешковского за „священные книги“. Имеются в виду прежде всего „Минеи-четии“, в которых содержатся описания житий святых. Одно из этих описаний — житие Филарета — Радищев использовал для начатой им в Петропавловской крепости повести о Филарете, которую он наполнил автобиографическим материалом.

²⁹ Письмо С. И. Шешковскому, без даты, июль—август 1790 г. Печатается по автографу (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 157). Впервые опубликовано в сокращенном виде: Я. Л. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия“, т. II, стр. 153. К письму приложена рукопись начала повести о Филарете, написанная Радищевым в период пребывания его в крепости (А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., 1938, т. I, стр. 399—410, 496—501).

³⁰ Указ и рескрипт петербургскому главнокомандующему печатается по тексту, опубликованному в „Сочинениях“ имп. Екатерины II (т. III, изд. Смирдина, СПб., 1850, стр. 393). Автограф нам не удалось разыскать.

³¹ Записка А. А. Безбородки Я. А. Брюсу печатается по тексту, опубликованному в „Сочинениях“ имп. Екатерины II (т. III, изд. Смирдина, СПб., 1850, стр. 393—394). Автограф нами не обнаружен. Время написания записки определяется указом Екатерины II от 13 июля 1790 г. о передаче дела Радищева Палате уголовного суда.

³² Ордер на доставку Радищева из Петропавловской крепости в Палату уголовного суда печатается впервые, по подлиннику (Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 1280, оп. 2, ед. хр. 43, л. 106).

³³ Записка С. И. Шешковского Я. А. Брюсу печатается по копии (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 3).

Впервые напечатана: Я. Л. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия“, т. II, стр. 535.

³⁴ Показания Г. К. Зотова от 6, 8, 13 и 31 июля 1790 г. печатаются по писарским записям, подписанным собственноручно Зотовым (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 76—82). На листе 81 содержится собственноручное показание Радищева, сделанное 13 июля 1790 г. на очной ставке с Зотовым.

Показания от 6, 8 и 13 июля впервые напечатаны: М. И. Сухомлинов, Исследования и статьи... т. I, стр. 581—586; показание от 31 июля впервые напечатано: Я. Л. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия“, т. II, стр. 536—537.

³⁵ Показание А. Михайлова печатается по писарской записи (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 83; здесь же на л. 9 имеется весьма неисправная копия этого показания). Запись не датирована. Время ее составления определяется показанием Зотова от 31 июля 1790 г.

Впервые напечатано по неисправной копии: Я. Л. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия“, т. II, стр. 534.

³⁶ Записка А. А. Безбородки С. И. Шешковскому печатается по автографу (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 58).

Впервые напечатана: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи... т. I, стр. 587).

³⁷ Показание И. Вальда печатается по писарской записи, подписанной собственноручно Вальдем (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 54). Запись не датирована. Время ее составления устанавливается на основании записки А. А. Безбородки С. И. Шешковскому от 16 июля 1790 г.

Впервые напечатано П. А. Ефремовым при издании сочинений Радищева, 1872 г. (запрещенном цензурой), а затем в статье В. Е. Якушкина „Суд над русским писателем в XVIII веке“ (Русская старина, т. XXXV, 1882, стр. 528).

³⁸ Показание Н. П. Осипова печатается по автографу (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 59); здесь же на лл. 10—11 имеется писарская копия этого показания.

Впервые напечатано: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи... , т. I, стр. 588—589.

³⁹ Биографическая справка о Зотове печатается впервые, по подлиннику (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 84). Справка не датирована. Время ее составления определяется на основании записки А. А. Безбородки С. И. Шешковскому от 16 июля 1790 г.

⁴⁰ Записка Я. А. Брюса А. А. Безбородке печатается по подлиннику (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 166).

Впервые напечатана: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи... , т. I, стр. 592.

⁴¹ Записка А. А. Безбородки С. И. Шешковскому печатается по подлиннику (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 85).

Впервые напечатана: Я. Л. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия“, т. II, стр. 537.

⁴² Объявление Г. К. Зотова печатается по подлиннику (ЦГАДА, VII, № 2760/1, л. 86—87).

Впервые напечатано с пропуском в конце текста: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи... , т. I, стр. 590.

⁴³ Письмо П. Коновнидина С. И. Шешковскому печатается по подлиннику (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 66—67).

Впервые напечатано: Я. Л. Барсков. Материалы к изучению „Путешествия“, т. II, стр. 538—540.

III. ДЕЛО ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПАЛАТЫ УГОЛОВНОГО СУДА

¹ Дело Палаты уголовного суда печатается впервые в полном его составе (ЦГАДА, фонд Петербургской палаты уголовного суда, 1790 г., д. № 22, лл. 1—53). В конце XIX в. это дело кратко описал и частично использовал В. Е. Якушкин в своей статье „Суд над русским писателем в XVIII веке“ (Русская старина, т. XXXV, 1882, стр. 457—532). В. Е. Якушкиным были напечатаны из этого дела следующие документы: 1) Предложение гр. Я. А. Брюса Палате уголовного суда. 2) Выписка из протокола Палаты уголовного суда от 15 июля 1790 г. 3) Вопросные пункты Радищеву. 4) Выписка из протокола Палаты от 17 июля 1790 г. 5) Священническое увещание. 6) Показание Радищева о корректуре своей книги. 7) Заключительная часть приговора Палаты Радищеву. 8) После делу, производимому в Палате о Радищеве.

После Якушкина никто из исследователей делом Палаты уголовного суда не пользовался. Оно считалось уничтоженным. В начале XX в. редакторы „Полного собрания сочинений“ А. Н. Радищева, изд. Акинфиева, перепечатав материалы процесса Радищева, писали по этому поводу: „Производство Палаты уголовного суда в настоящее время, повидимому, не существует, но его в 1882 году использовал В. Е. Якушкин. Из его статьи извлечены нами все тексты“ (стр. 298). Однако в полном составе дело Палаты уголовного суда не было известно и Якушкину. Ему не известны были подлинные бумаги этого дела, обнаруженные нами в Государственном Историческом архиве Ленинградской

области. В Историческом архиве Ленинградской области имеются следующие документы этого дела:

1. Протокол от 15 июля 1790 г. О порядке допросов Радищева и прочтения в Палате уголовного суда „Путешествия из Петербурга в Москву“ (ф. 1724, д. № 77, связка № 36, оп. 1, 1790 г. Протоколы Петербургской палаты уголовного суда, л. 33).

2. Протокол от 17 июля 1790 г. Постановление о священническом увещании Радищева, допросе дворового человека Радищева Давыда Фролова, об отобрании у разных лиц экземпляров „Путешествия“ и затребовании копии послужного списка Радищева (там же, л. 37).

3. Протокол от 23 июля 1790 г. Постановление о вызове на допрос Александра Царевского по поводу найденного у него корректурного экземпляра „Путешествия“ (там же, л. 52).

4. Смертный приговор Радищеву, вынесенный 24 июля 1790 г. (там же, лл. 60—66).

5. Протокол от 9 сентября 1790 г. Постановление об отсылке в Петербургское губернское правление экземпляров „Путешествия“ для истребления (там же, лл. 162—164).

6. Сообщение Петербургского губернского правления от 8 сентября 1790 г. об исполнении указа от 4 сентября 1790 г. о ссылке Радищева в Сибирь (ф. 1724, д. 78, св. 35, 1790 г. Сообщения Петербургского губернского правления, л. 77).

IV. ДЕЛО СЕНАТА

¹ Дело Сената печатается впервые в полном его составе (ЦГАДА, ф. Сената, д. № 5189, лл. 115а—155). Из этого дела была напечатана В. Е. Якушкиным лишь одна выписка из протокола Сената от 8 августа (Русская старина, т. XXXV, 1882, стр. 53С—53Д).

Рапорт из Иркутского наместнического правления Сенату о прибытии Радищева в Иркутск печатается по тексту, опубликованному в журнале „Русская старина“, 1872, т. VI, стр. 436—438.

² Перечисленные в списке бумаги, за исключением предложения гр. Я. А. Брюса и смертного приговора, в деле Сената отсутствуют. Подлинники всех этих бумаг сохранились в вышеприведенном деле Палаты уголовного суда.

V. РЕШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО (НЕПРЕМЕННОГО) СОВЕТА

¹ Записка А. А. Безбородки печатается впервые, по автографу Безбородки (Государственный Центральный исторический архив в Ленинграде. Протоколы Непременного совета, ч. II, 1790 г., № 1146, оп. 1, ед. хр. II, л. 70).

² Доклад Сената Екатерине II по делу Радищева печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в ЦГАДА, ф. Гос. Архива, р. XVI (1722—1796 гг.), д. № 168, ч. 32, лл. 149—162.

³ Решение Государственного Совета печатается по подлиннику (Государственный Центральный исторический архив в Ленинграде. Протоколы Непременного совета, ч. II, 1790 г., № 1146, оп. 1, ед. хр. II, лл. 67—69).

Впервые напечатано: Архив Государственного Совета, т. I, ч. 2, СПб., 1869, стр. 737.

VI. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ПЕРЕВОДЕ А. Н. РАДИЩЕВА ИЗ ИЛИМСКА В НЕМЦОВО

¹ Документы о переводе Радищева из Илимска в с. Немцово Калужской губернии печатаются по материалам, находящимся в следственном деле о Радищеве Тайной экспедиции (ЦГАДА, VII, № 2760/1, лл. 88—139). Описание этих документов напечатано: Я. Л. Барсков. Материалы по изучению „Путешествия“, т. II, стр. 521—524.

Предписание иркутского генерал-губернатора А. Т. Нагеля Киренскому нижнему земскому суду об отправке Радищева из Илимска, рапорт киренского земского исправника М. И. Корсакова А. Т. Нагелю об отправке Радищева из Илимска и сообщение Корсакова об этом же в Киренский нижний земский суд печатаются по тексту, впервые опубликованному И. Д. Смоляновым в сборнике: Радищев. Статьи и материалы, изд. Ленинградского Государственного университета им. А. А. Жданова, 1950, стр. 246—250.

² Самойлов Александр Николаевич, граф (1744—1814) — генерал-прокурор Сената.

³ Куракин Алексей Борисович, князь (1759—1829) — генерал-прокурор.

⁴ Трошинский Дмитрий Прокофьевич (1749—1829) — правитель канцелярии гр. А. А. Безбородки.

⁵ Кутайсов Павел Иванович, граф (1759—1834) — статс-секретарь, один из павловских фаворитов, по национальности турок.

⁶ Обольянинов Петр Хрисанфович, был в 1800 г. генерал-прокурором.

VII. ИЗ ОТКЛИКОВ СОВРЕМЕННОКОВ НА СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС А. Н. РАДИЩЕВА

¹ А. В. Храповицкий. Записи в дневнике. Печатается по тексту книги: Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793. По подлинной его рукописи с биографической статьей и объяснительным указателем Николая Барсукова. СПб., 1874, стр. 338—340, 344.

Храповицкий Александр Васильевич (1749—1801) — третьестепенный писатель, личный секретарь Екатерины II, состоявший с 1782 по 1793 г. „при собственных ея делах и у принятия подаваемых ея величеству челобитен“.

В литературе имеется указание о том, что в молодые годы Храповицкий был наставником в русском языке А. Н. Радищева. Сын Радищева, Николай, в записке о жизни и сочинениях своего отца говорит, что под руководством Храповицкого Радищев перевел из Монтеские рассуждение о величии и упадке римлян и что этот перевод был напечатан Новиковым (Русская старина, 1872, ноябрь, стр. 576). Но такое показание ничем не подтверждается. Перевод указанного сочинения Монтеские принадлежит не Радищеву, а законоведу А. Я. Поленову. Кроме того, легенда о том, что А. Н. Радищев плохо знал в молодости русский язык, опровергается дошедшим до нас его переводом статьи греческого патриота Антона Гижи „Желания греков“, сделанным в 1771 г., за несколько месяцев до возвращения Радищева в Россию из Лейпцигского университета. (Перевод этот впервые мною опубликован: А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, М.—Л., 1941, стр. 225—228).

² Из письма А. А. Безбородки В. С. Попову, печатается по тексту, впервые опубликованному по подлиннику Шегуровым в „Русском архиве“ (1872, стр. 952).

³ Попов Василий Степанович — генерал-майор, управлял всеми делами кн. Г. А. Потемкина.

⁴ правил [дела] изрядно и бескорыстно. — А. А. Безбородке была хорошо известна служебная деятельность Радищева в Петербургской таможне, так как через него неоднократно оформлялись награды Радищеву за его труды в „приращении“ таможенных доходов. В „Журнале исходящим письмам горфмейстера графа Безбородко, которыми сообщаются высочайшие его императорского величества повеления разным особам и по разным делам“ несколько раз встречается фамилия Радищева. Поскольку эти журнальные записи еще никогда не были опубликованы, а они представляют определенный интерес, приведу их здесь.

Журнал писем 1783 года

№	Число	Генварь
4	3	<p>Сиятельнейший князь, милостивый государь!</p> <p>Ея императорское величество, во изъявление своего высочайшего благоволения, за добропорядочное и радетельное наблюдение над здешним таможенным сбором, всемилостивейше пожаловав г-ну статскому советнику Далою три тысячи рублей, а надворному советнику Радищеву тысячу рублей, указала мне сообщить вашему сиятельству об отпуске их сих денег из таможенных доходов. Есмь впрочем с совершенным высокопочитанием вашего сиятельства всепокорнейший слуга</p> <p style="text-align: right;">Александр Б[езбородко].</p>
№	Число	Декабрь
600	15	<p>Сиятельнейший князь, милостивый государь!</p> <p>Ея императорское величество высочайше указать соизволила сообщить вашему сиятельству о произвождении присутствующему в здешней казенной палате в помощь советнику таможенных дел г-ну коллежскому советнику Радищеву жалованья по его чину против прочих советников палат по семи сот по пятидесяти рублей. Пребываю впрочем с совершенным высокопочитанием вашего сиятельства всепокорнейшим слугою</p> <p style="text-align: right;">А[лександр] Б[езбородко].</p> <p>В С. п. бург.</p>

(ЦГАДА, Фонд Дворцового отделения, № 64989, 1783 г., лл. 2 и 208).

1784 года

№	Число	Сентябрь
734	22	<p>На 4-ю степень ордена князя Владимира коллежскому советнику Радищеву.</p> <p>Усердная ваша служба, особое в делах радение и искусство, и точное исполнение должностей с успехом и пользою государственною обращают на себя наше внимание и милость. Мы, желая изъявить оныя пред светом, всемилоостивейше пожаловали вас кавалером ордена нашего святого равноапостольного князя Владимира большого креста четвертой степени, которого знаки мы сами на вас возложи, повелеваем носить установленным порядком. Удостоверены мы совершенно, что вы, получа сие со стороны нашей ободрение, потщитесь продолжением службы вашей вяще удостоиться монаршего нашего благоволения. В Санкт-Петербурге сентября 22-го 1784-го года.</p>

(ЦГАДА, Фонд Дворцового отделения, № 64991а, 1784 г., лл. 444 б. — 445. Текст типовой для всех награжденных за указанный год).

1787 года

№	Число	Месяц январь
1	2	<p>Господину действительному тайному советнику и генералу-прокурору князю Вяземскому.</p> <p>Милостивый государь мой князь Александр Алексеевич</p> <p>Ея императорское величество высочайше указать изволила сообщить вашему сиятельству о выдаче всемилоостивейше пожалованных г-ну действительному статскому советнику Далю трех тысяч рублей и коллежскому советнику Радищеву тысячи рублей из таможенных доходов, в награждение за труды их и в приращении тех доходов. Пребываю впрочем с совершенным почтением вашего сиятельства всепокорным слугою.</p>

(ЦГАДА, Фонд Дворцового отделения, № 64994а, 1787 г., л. 1).

1788 года

№	Число	Месяц январь
1	3	<p>Господину действительному тайному советнику и генерал-прокурору князю Вяземскому.</p> <p>Милостивый государь мой, князь Александр Алексеевич.</p> <p>Ея императорское величество высочайше указать изволила сообщить вашему сиятельству о выдаче всемилостивейше пожалованных господину действительному статскому советнику Далу трех тысяч рублей и коллежскому советнику Радищеву тысячи рублей из таможенных доходов в награждение за труды их в приращении тех доходов. Пребываю впрочем с совершенным почтением вашего сиятельства всепокорным слугою.</p>

(ЦГАДА, Фонд Дворцового отделения, № 64996, 1788 г., л. 1).

1789 года

№	Число	Генварь
2	9	<p>Господину действительному тайному советнику и генерал-прокурору князю Вяземскому.</p> <p>Милостивый государь мой, князь Александр Алексеевич.</p> <p>Ея императорское величество всемилостивейше пожаловав господину действительному статскому советнику Далу три тысячи рублей и коллежскому советнику Радищеву тысячу рублей в награждение трудов их в приращении таможенных доходов, высочайше указать изволила выдать оныя им из тех же доходов. О чем вашему сиятельству сообщаю, пребываю впрочем с совершенным почтением вашего сиятельства покорным слугою.</p>

(ЦГАДА, Фонд Дворцового отделения, № 64998, 1789 г., л. 2).

5 Письмо М. Н. Радищеву от 30 августа 1790 г. печатается впервые по черновому отпуску письма Воронцова (Ленингр. отдел. Института истории Академии Наук СССР, собрание Воронцова, № 862, л. 13). После слов „скажу вам, что“ первоначально было написано и зачеркнуто: „как скоро откроется удобной случай, не оставлю я об нем приложить ходатайства об облегчении им заслуженного наказания. Я об нем по его нещастию сожалею не менее, как и его родственника“.

Из первой редакции письма видно, что А. Р. Воронцов намерен был активно хлопотать о смягчении наказания Радищеву. В какой форме им это было сделано — остается неизвестным. Известно только, что благодаря ходатайству А. Р. Воронцова с Радищевым, уже по дороге его в Сибирь, были сняты кандалы.

⁶ Письмо Г. М. Осипову от 12 сентября 1790 г. печатается по отпуску письма Воронцова (Ленингр. отдел. Института истории Академии Наук СССР, собрание Воронцова, № 862, лл. 20—26).

Впервые напечатано: Архив кн. Воронцова, кн. V, стр. 397—400.

⁷ Письмо Г. М. Осипова А. Р. Воронцову от 2 октября 1790 г. печатается впервые, по подлиннику (собрание Воронцова, № 862, л. 29).

⁸ Письмо матери А. Н. Радищева, Ф. С. Радищевой, от 5 ноября 1790 г. печатается впервые, по подлиннику (собрание Воронцова, № 862, л. 32).

⁹ Письмо отца А. Н. Радищева Н. А. Радищева от 21 ноября 1790 г. печатается впервые, по подлиннику (собрание Воронцова, № 862, л. 33).

¹⁰ Письмо отца А. Н. Радищева от 9 марта 1791 г. печатается по тексту, впервые опубликованному в „Архиве князя Воронцова“, кн. V, стр. 401.

VIII. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕРВЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ А. Н. РАДИЩЕВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVIII ВЕКА

¹ С. А. Тучков. Рондо. Печатается по тексту журнала „Беседующий гражданин“, 1789, ч. III, стр. 305—308.

² Неизвестный. Ода на войну. Печатается впервые по тексту рукописного сборника 1792 г. „Когда что попалося“ (лл. 30—35), хранящегося в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР.

³ В. В. Пасек. Стихотворения „Екатерина II“, „Вольность“, „Ликуй, о, вольность!“ и „Ликуй, о, вольности!“ (вторая редакция) печатаются в полном виде впервые, по подлинникам, хранящимся в ЦГАДА (Гос. Архив, разряд VII, № 2846, 1794 г. Дело о майоре Василии Пассеке или Пассове, лл. 46 об., 47, 49, 51).

Стихотворение „Екатерина II“ переписано Павлом Петровичем Симоновичем. Написано оно на полном листе кремового цвета бумаги. Последняя строфа внизу листа была отрезана для отсылки екатеринославскому губернатору для отыскания по почерку автора стихотворения. Об этом свидетельствует следующая надпись, сделанная на полях листа рукою генерал-прокурора Сената А. Н. Самойлова: „Конец сего сочинения, состоящего в осмы строках и начинающегося с литеры А II послан по высочайшему повелению к Каховскому, губернатору екатеринославскому, для отыскания писавшего“. Эта подпись свидетельствует также и о том, что Екатерина II сама читала данное стихотворение, поскольку дала „высочайшее повеление“ отыскать его автора. П. П. Симонович на допросе показал, что он только переписывал это стихотворение (см. л. 184 „Дела о Пассеке“). Пассек, после некоторого запирательства, признал себя автором этого стихотворения (см. л. 135 „Дела о Пассеке“).

Акростих „Вольность“ и стихотворение „Ликуй, о, вольность!“ переписаны рукою П. П. Симоновича. Вторая редакция стихотворения „Ликуй, о, вольность!“ писана рукою Пассека; рукопись содержит много авторских поправок и пометок.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
А. Н. Радищев. Портрет маслом работы К. Гуна. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР Фронтиспис	
Первое издание книги „Путешествие из Петербурга в Москву“, напечатанной в собственной типографии А. Н. Радищева. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	16—17
Москва. Вид Московской заставы. Акварель Ф. Кампорези, 1789 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	24—25
Москва. Вид Кремля. Акварель Ф. Кампорези, 1789 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	24—25
Дом А. Н. Радищева в Петербурге (ныне на улице Марата, № 14). Фотография 1952 г.	32—33
Распространенный тип печатного станка в России в XVIII в.	32—33
Вид Гостиного двора 90-х годов XVIII в. в Петербурге. Гравюра конца XVIII в.	48—49
Ордер на заключение А. Н. Радищева в Петропавловскую крепость от 30 июня 1790 г. Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде	48—49
Вид Петербурга с Петропавловской крепостью, в которой был заключен А. Н. Радищев. Картина маслом худ. Ф. Алексеева, 1790 г. Государственный Русский музей. Ленинград	56—57
Пытка заключенного плетью в Тайной экспедиции. С акварели Гейслера	56—57
Смертный приговор А. Н. Радищеву, вынесенный Петербургской Палатой уголовного суда 25 июля 1790 г. за издание книги „Путешествие из Петербурга в Москву“. Государственный Исторический архив Ленинградской области	64—65
Петербург конца XVIII в. Вид старого Гостиного двора и таможи. Гравюра конца XVIII в.	72—73
А. Р. Воронцов. Портрет маслом неизвестного художника конца XVIII в.	72—73
А. Н. Радищев перед отправкой в ссылку в Сибирь. Скульптура М. А. Владимирской, 1951 г.	80—81
С. А. Тучков. Портрет работы О. Кипренского	88—89

	Стр.
Вид Илимска. Гравюра XVIII в.	96—97
А. Н. Радищев по возвращении из Сибири. Портрет маслом, писанный в 1797 г. неизвестным художником	112—113
Образцы рукописных списков конца XVIII — начала XIX в. книги А. Н. Радищева „Путешествие из Петербурга в Москву“. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	144—145

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Введение	3
Источники судебного дела	17
К истории издания „Путешествия из Петербурга в Москву“ и ареста А. Н. Радищева	27
А. Н. Радищев в Петропавловской крепости. Следствие и суд	39
О друзьях и единомышленниках А. Н. Радищева, подозревавшихся в помощи изданию „Путешествия“	60
А. Н. Радищев в ссылке. Освобождение и смерть Радищева	101
Первые последователи А. Н. Радищева в русской литературе конца XVIII в.	122

Приложения

I. Материалы предварительного следствия	151
II. Дело Тайной экспедиции	165
III. Дело Петербургской Палаты уголовного суда	210
IV. Дело Сената	257
V. Решение Государственного (Непременного) Совета	291
VI. Официальные документы о переводе А. Н. Радищева из Илимска в Немцово	302
VII. Из откликов современников на судебный процесс А. Н. Радищева	318
VIII. Произведения первых последователей А. Н. Радищева в русской литературе конца XVIII в.	326
Примечания	338
Список иллюстраций	357

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *М. В. Медведев*
Художник *М. И. Разулович*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Н. А. Малевич* и
Э. Г. Сегаль

*

РИСО АН СССР № 5223.

Пл. № 4—71В. Подписано к печати 8/X 1952 г. М-47159. Бумага 60×92¹/₁₆. Бум. л. 11¹/₄. Печ. л. 22¹/₂. Уч.-изд. л. 21.3+18 вкл. (0.83 уч.-изд. л.). Тираж 5000. Зак. № 426. Номинал по прейскуранту 1952 г. 15 р. 70 к.

1-я тип. Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9-я лин., д. 12.